

Владимирский государственный университет

О. В. ЗАХАРОВА Е. В. ГОЛОВЕШКИНА

**НОВАЯ ИСТОРИЯ СТРАН ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ:
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ
ФРАНЦУЗСКОГО ОБЩЕСТВА ВО ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА**

Учебное пособие

Владимир 2025

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

О. В. ЗАХАРОВА Е. В. ГОЛОВЕШКИНА

НОВАЯ ИСТОРИЯ СТРАН ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ:
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ
ФРАНЦУЗСКОГО ОБЩЕСТВА
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

Учебное пособие

Электронное издание

Владимир 2025

ISBN 978-5-9984-2070-2

© Захарова О. В.,
Головешкина Е. В., 2025

УДК 94(4+7)(075.8)
ББК 63.3(О)51л73

Рецензенты:

Кандидат исторических наук
доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений
Института истории, философии и политических наук
Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина
Ю. В. Савосина

Кандидат исторических наук
доцент кафедры истории России
Владимирского государственного университета
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
И. А. Николаева

Захарова, О. В. Новая история стран Европы и Америки: общественно-политическое развитие французского общества во второй половине XVIII века [Электронный ресурс] : учеб. пособие / О. В. Захарова, Е. В. Головешкина ; Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. – Владимир : Изд-во ВлГУ, 2025. – 400 с. – ISBN 978-5-9984-2070-2. – Электрон. дан. (3,06 Мб). – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). – Систем. требования: Intel от 1,3 ГГц ; Windows XP/7/8/10 ; Adobe Reader ; дисковод DVD-ROM. – Загл. с титул. экрана.

Состоит из трех разделов. В первом разделе представлены особенности развития Франции во второй половине XVIII века; во втором проанализировано положение женщины во Франции накануне революции, а также роль Олимпии де Гуж в развитии движения за гражданские права. Третий раздел содержит тексты исторических источников, которые способствуют более детальному и глубокому анализу просветительских и политических идей Олимпии де Гуж.

Составлено в соответствии с федеральным государственным образовательным стандартом и учебным планом. Предназначено для научно-теоретической и практической подготовки студентов, обучающихся по направлению подготовки 44.03.05 – Педагогическое образование (профили «История. Иностранный язык (Английский язык)», «История. Обществознание»). Может быть полезно преподавателям и студентам, желающим усовершенствовать подготовку в области истории зарубежных стран Нового времени.

Рекомендовано для формирования профессиональных компетенций в соответствии с ФГОС ВО.

Табл. 2. Библиогр.: 65 назв.

ISBN 978-5-9984-2070-2

© Захарова О. В.,
Головешкина Е. В., 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
ВВЕДЕНИЕ	8
Раздел 1. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ФРАНЦУЗСКОГО ОБЩЕСТВА В 40 – 90-е ГОДЫ XVIII ВЕКА	11
1.1. Политическое развитие Франции в 40 – 90-е годы XVIII века: общая характеристика	11
1.2. Социально-экономическая сфера французского общества накануне революции	15
1.3. Трансформация внешнего вида и быта французских граждан во второй половине XVIII века....	27
<i>Выводы по разделу 1</i>	36
<i>Вопросы для самоконтроля</i>	37
<i>Задания для самостоятельной работы</i>	37
Раздел 2. РОЛЬ ОЛИМПИИ ДЕ ГУЖ В РАЗВИТИИ ДВИЖЕНИЯ ЗА ПРАВА ЖЕНЩИНЫ И ГРАЖДАНКИ	59
2.1. Положение женщины во Франции накануне революции: общая характеристика	59
2.2. Особенности формирования мировоззрения Олимпии де Гуж	61
2.3. Политические представления Олимпии де Гуж	65
2.4. Образ женщины в представлении Олимпии де Гуж	68
<i>Выводы по разделу 2</i>	71
<i>Вопросы для самоконтроля</i>	72
<i>Задания для самостоятельной работы</i>	72
Раздел 3. ТЕКСТЫ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ	104
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	384
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	386
ПРИЛОЖЕНИЯ	394

ПРЕДИСЛОВИЕ

В учебном плане направления подготовки 44.03.05 – Педагогическое образование (профили «История. Иностранный язык (Английский язык)», «История. Обществознание») предусмотрена дисциплина «Новая история стран Европы и Америки (1640 – 1870 гг.)». В рамках дисциплины рассматривается множество вопросов, связанных с изучением истории Великой французской революции.

Издание содержит три раздела. В первом разделе «Общественно-политическое развитие французского общества в 40 – 90-е годы XVIII века» проанализированы состояние Франции в период, предшествующий событиям Великой французской революции. Политическая сфера во Франции накануне революции была нестабильна, вспыхивали конфликты по поводу привилегий тех или иных сословий, накопилась масса социальных противоречий между высшими сословиями и низшими. Шла борьба между правительством и парламентами; при этом падал международный престиж Франции из-за неудачной внешней политики. Франция к началу революционных событий оставалась преимущественно аграрной страной, но при этом зарождается и развивается промышленность. Представленный в разделе теоретический материал, вопросы для самоконтроля и задания для самостоятельной работы способствуют более детальному погружению в исследование особенностей социально-политической истории Франции в предреволюционный период.

Во втором разделе «Роль Олимпии де Гуж в развитии движения за права женщины и гражданки» проанализировано участие одной из самых ярких представительниц своей эпохи в Великой французской революции, а также её идеи. Особый акцент сделан на её идеях относительно политического развития Франции; рассматривается место, роль и возможность участия женщин в социальной, политической и культурной жизни французского общества. Раздел также включает вопросы для самоконтроля и задания для самостоятельной работы, которые могут быть использованы преподавателями для проработки отдельных аспектов темы «Великая французская революция» в рам-

ках практических занятий, а также учителями при изучении соответствующей темы в школьном курсе всеобщей истории.

Третий раздел содержит тексты исторических источников, которые способствуют более детальному и глубокому анализу просветительских и политических идей Олимпии де Гуж. Тексты приведены на английском языке, что позволит студентам, изучающим английский язык, углубить свои знания. Каждый текст имеет авторский перевод для лучшего понимания и анализа студентами неязыковых групп. Для каждого текста разработаны вопросы и предложена тематика курсовых и проектных работ.

Согласно рабочей программе дисциплины «Новая история стран Европы и Америки (1640 –1870 гг.)» у студентов должны быть сформированы следующие компетенции:

1) способность воспринимать межкультурное разнообразие общества в социально-историческом, этическом и философском контекстах, в рамках которой студент должен:

- знать основные категории философии, законы исторического развития, основы межкультурной коммуникации;
- владеть навыками анализа философских и исторических фактов, оценки явлений культуры;

2) способность формировать развивающую образовательную среду для достижения личностных, предметных и метапредметных результатов обучения средствами преподаваемых учебных предметов, в рамках которой студент должен уметь:

- формулировать личностные, предметные и метапредметные результаты обучения по своему учебному предмету;
- применять современные методы формирования развивающей образовательной среды;
- создавать педагогические условия для формирования развивающей образовательной среды.¹

Учебное пособие поможет сформировать у студентов вышеуказанные компетенции, поскольку в нём предлагаются практико-ориентированные задания, связанные с содержанием школьного курса

¹Рабочая программа дисциплины «История стран Европы и Америки» [Электронный ресурс] URL: <file:///C:/Users/smery/Downloads/file.pdf> (дата обращения 11.04.2025).

всеобщей истории. Особое внимание акцентируется на работе с историческими источниками.

В различных учебных и научных изданиях встречаются рекомендации по работе с источниками, научными статьями и историческими исследованиями. Проблематика различных подходов к анализу исторических источников раскрыта в статье В.А. Антонцевой «Работа с историческими источниками в школе и вузе».² На основе предложенных в статье вариантов анализа исторических источников в пособии представлен еще один вариант, ориентированный на студентов-историков, получающих педагогическое образование.

В пособии предложен обобщённый вариант плана-конспекта научных статей, который рекомендуется использовать при изучении отдельных тем в рамках курса истории Нового времени стран Европы и Америки, а также по дисциплине «История политической мысли Нового и Новейшего времени» и при подготовке заданий по самостоятельной работе и к экзаменам.

Важно отметить, что проблема развития французского общества накануне революции изучается в школьном курсе в рамках программы 8-го класса. В учебнике В.Р. Мединского³ Великой французской революции посвящена 5-я глава. В 17-м параграфе раскрывается тема «Монархия и общество накануне великих потрясений». В рамках анализа состояния различных сфер французского общества в 40 – 90-е годы XVIII века в учебнике отмечаются следующие факты:

- Частично раскрыты экономические проблемы французского общества: налоговое бремя третьего сословия, развитие рассеянных мануфактур.
- Не полностью раскрыта проблема противостояния парламентов и центральной власти.
- Не упомянуты народные восстания, происходившие накануне основных революционных событий.
- Мало внимания акцентировано на внешнеполитической ситуации.

² В.А. Антонцева «Работа с историческими источниками в школе и вузе» // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. № 7. С. 36 – 40.

³ Мединский, В. Р., Чубарьян, А. О. История. Всеобщая история. История Нового времени. XVIII — начало XIX в. 8 класс. –М. – Просвещение. - 2025. – 240 с.

- Упомянуты экономические реформы Анны Робера Жака Тюрго и его преемника Жака Неккера.

В заданиях к параграфу учащимся предлагают подготовить отдельные доклады о Тюрго, Мирабо, Неккере. В конце главы приведены отрывки из некоторых исторических источников. Приводится фрагмент из Конституции 1791 г., к которой предлагаются следующие вопросы:

- Сформулируйте кратко набор прав, которые гарантировала Конституция.

- Какие изменения произошли по сравнению с предыдущим периодом?

В конце главы в учебнике приведены темы проектов, среди которых присутствует тема «Женщины французской революции» и «Повседневная жизнь Франции накануне революции». Следовательно, раздел 2 предлагаемого учебного пособия, посвященный женскому участию и женскому взгляду на революцию во Франции, не противоречит тематике школьного курса истории, а напротив, позволяет углубить знания студентов по данному вопросу.

Таким образом, используя материалы пособия студенты не только смогут расширить свои знания по истории Великой французской революции, но и подготовиться к преподаванию данной темы в школьном курсе истории. Они смогут разработать свои темы для осуществления проектной деятельности в школе.

ВВЕДЕНИЕ

Французская революция – одно из важнейших событий конца XVIII века, которое оказало влияние на дальнейшее развитие не только французской, но и мировой истории. Этому явлению посвящено огромное количество работ. Но в современной историографии мало крупных трудов о социально-политическом положении женщины во французском обществе накануне революции: большинство работ о женщинах того времени были изданы в России еще до революции 1917 года. Но с 90-х годов XX века интерес к гендерным исследованиям возродился. Отрицать роль женщины в революции нельзя – стоит вспомнить поход женщин на Версаль или убийство Марата Шарлоттой Корде. Накануне революции во французском обществе сложились определенные условия, толкнувшие женщин к борьбе за свои права и за достойное место в обществе. Одной из первых представительниц феминизма во Франции стала Олимпия де Гуж. Большинство её трудов, за исключением известной «Декларации прав женщины и гражданки», недостаточно изучены в российской историографии. Научный интерес представляют идеи Олимпии де Гуж относительно политического курса Франции после революционных событий, некоторых экономических вопросов, например, налогообложения, а также социальных проблем французского общества в целом и, в частности, положения в нем женщины.

Пособие может быть использовано в качестве дополнительного при изучении общественно-политических проблем французского общества накануне Великой французской революции (ВФР), а также при создании отечественными исследователями обобщающих трудов по зарубежной истории Франции периода 40 –90-х годов XVIII века.

Основные задачи пособия:

- рассмотреть развитие французского общества накануне революции, то есть в 40 – 90-е годы XVIII века в политическом, социальном и экономическом аспектах, а также определить место женщины в этом обществе;

- изучить биографию Олимпии де Гуж, формирование её мировоззрения, а также её взгляды на политическую ситуацию во французском обществе 40 – 90-х годов XVIII века и положение женщины в нем;

- разработать задания для подготовки студентов к практическим занятиям, экзаменам, а также самостоятельной работы.

Хронологические и географические рамки пособия: Франция в 40 – 90-е годы XVIII века.

Одной из ранних работ в российской историографии, посвященной рассматриваемым в пособии проблемам, является работа Н.И. Кареева «История Западной Европы в Новое время. Развитие культурных и социальных отношений. Восемнадцатый век и Французская революция» [51]. Цикл «История Западной Европы» издавался до революции с 1892 года. В томе, посвященном французской революции, рассмотрена не только сама революция, но и её предпосылки, в том числе культурные.

Среди советских крупных работ, посвященных Великой французской революции, можно отметить монографии А.З. Манфреда «Великая французская революция» (1983) [55] и профессора В.Г. Ревуенкова, представителя ленинградской школы «Очерки по истории Великой французской революции» (1989) [58]. Между авторами велась дискуссия о классовом содержании якобинской диктатуры. Но оба они являлись представителями марксистской оценки событий ВФР.

Стоит отметить, что в 80-е годы XX века возник интерес к истории ВФР в связи с приближающимся ее 200-летним юбилеем. В этот период появляется много работ, посвященных частным проблемам французской революции.

У историка И.Б. Берго работы посвящены проблеме парламентов и парламентской оппозиции [44]. С.Н. Искюль, Е.И. Лебедева, Л.А. Пименова работали над проблемами социальных изменений в дворянской среде [50], [54], [57]. Л.А. Пименова посвятила одну из своих статей королю Людовику XVI и затронула в ней проблемы его личности и королевской власти во Франции [55]. З.А. Чеканцева изучала историю народных движений, а также социально-политические взгляды низших слоев населения Франции накануне революции [59]. Она приводит в своей статье богатую статистику народных волнений

с 1720 по 1786 год. В данном исследовании сделана попытка выделить основные причины крестьянских выступлений. Таким образом, все вышеуказанные авторы в целом рассматривали социально-экономические проблемы французского общества XVIII века.

Что касается интересующей нас темы положения женщины во французском обществе, то первые исследования, посвященные этому, появились в начале XX века. Андриан Лассер в 1907 году написал книгу о коллективном участии женщин в революции [53]. Интересен также труд французского ученого Марка де Вилье, посвященный развитию феминизма во Франции в целом [45]. Он рассматривает различные женские общества, появившиеся во Франции еще накануне революции, а также упоминает в своей монографии Олимпию де Гуж и её декларацию.

В 2006 году появилась статья Егорова, где он, изучая мемуары французских женщин, их воспоминания, представляет женский взгляд на революцию во Франции [47].

Во французской историографии вопрос о взглядах Олимпии де Гуж, а также её биография рассмотрены гораздо подробнее. Одной из первых французских работ, где впервые упоминается имя Олимпии де Гуж, является книга «Trois femmes de la Révolution: Olympe de Gouges, Théroigne de Méricourt, Rose Lacombe» французского писателя Леопольда Лакора [40]. Она была издана в 1900 году, но на русский язык не переведена.

Помимо этого, существует масса современных работ, например, Оливье Бланка, посвященных биографии и взглядам Олимпии де Гуж: «Marie-Olympe de Gouges. Une humaniste à la fin du XVIIIe siècle, Paris, René Viénet, 2003», Софи Муссе «Olympe de Gouges et les droits de la femme, Paris, Pocket, 2006». Все эти работы не переведены на русский язык.

В целом можно отметить, что вопрос о ВФР в российской историографии изучен хорошо. Что же касается темы учебного пособия, то в российской историографии нет обобщающих работ, посвященных идеям и взглядам Олимпии де Гуж. Она упоминается лишь в отдельных изданиях.

Раздел 1. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ФРАНЦУЗСКОГО ОБЩЕСТВА В 40 – 90-е ГОДЫ XVIII ВЕКА

1.1. Политическое развитие Франции в 40 – 90-е годы XVIII века: общая характеристика

Чтобы представить себе политическую картину Франции рассматриваемого периода, необходимо остановиться на трех моментах: личность Людовика XVI, внутренняя и внешняя политика.

Людовик XVI родился в 1754, и начал править в 1774 году. Но момент его восшествия на престол в обществе распространялись идеи Просвещения, в обществе проявлялись обновленческие тенденции, шла Парламентская реформа Мопу. Образ монарха был представлен у современников двумя полярными позициями: традиционный представления и скептическое отношение к королевской власти. Тема обновления, религиозного и нравственного, мира связанная с приходом нового монарха стала звучать чаще. В 1781 году аббат Мори говорил в своей проповеди: «Государство состарилось в течение столь долгого царствования; Вы, Сир, омолодили Францию» [56]. В то же время, скептики, говорили о «спектакле коронации», которая была призвана убедить народ в божественном происхождении королевской власти. Складывается два положительных образа короля: Людовик Суровый и Людовик Благодетель. Пименова отмечает такие качества монарха, как: застенчивость, угловатость, грубоватость поведения, неловкость в общении с людьми, неумение расположить их к себе; нелюбовь к дворцовому этикету. [56] Такой интересный политический портрет французского монарха сочетался с непростой ситуацией внутри страны. По словам, И.Б. Берго: во второй половине XVIII столетия стали нарастать сдвиги во всех сферах жизни французского общества. Ускорение темпов экономического развития и появление в экономике все более зрелых форм капиталистического уклада, изменения в социальной области, существенная трансформация идеологических структур — все эти факторы во многом способствовали и ощутимой внутренней переориентации абсолютистского режима, пытавшегося

приспособиться к новым условиям социальной действительности. [43]

Рассматривая деятельность парламентской оппозиции, автор начинает с раскрытия сути термина «парламент». По ее словам, во Франции XIII—XVIII вв. это понятие имело совершенно иное содержание. Парламентами назывались верховные судебные палаты французского королевства, обладавшие также рядом административных функций. К середине XVIII в. во Франции насчитывалось двенадцать парламентов: в Париже, Тулузе, Гренобле, Дижоне, Бордо, Руане, Эксе, Ренне, По, Меце, Дуэ и Безансоне, а также три высших совета в Кольмаре, Аррасе и Перпиньяне, представлявшие собой парламенты в миниатюре, Парижский парламент, выделившийся еще в середине XIII в. из Королевской курии в качестве особой судебной палаты, самый древний и многочисленный, тесно связанный с центральным государственным аппаратом, обладавший наиболее сложной, разветвленной организационной структурой и носивший статус "палаты пэров", являлся, по сути дела, неофициальным лидером всей французской магистратуры. Территория, на которую распространялась его юрисдикция, занимала в XVI-XVIII вв. около трети всей территории страны. Провинциальные же парламенты создавались королевской властью в разные сроки, часто по мере окончательного присоединения к королевскому домену окраинных провинций.

По своему социальному составу, большинство парламентов составляли люди из второго сословия, то есть - дворяне. Так, в 1715 г, 81,5% лиц, вступивших в Парижский парламент, являлись выходцами из второго сословия, а к 1771 г. количество последних выросло до 89,9%²⁷. Причем даже в столице, где продвижение по социальной лестнице шло намного быстрее, чем в провинции, после 1716 г. каждый второй магистрат, входивший в парламент, имел не менее четырех поколений дворянских предков. Некоторые же аристократические по составу провинциальные парламенты, протестуя против роста социального статуса аннулированных, «закрывались» даже для недостаточно родовитых претендентов на пост магистрата. В 1732 г. Реннский парламент принял постановление, в котором кандидатам на пост

магистрата ставилось неперенным условием наличие не менее четырех поколений дворянских предков по прямой мужской линии. Чуть позже аналогичные постановления были одобрены и другими парламентами: в 1762 г. — Гренобля, в 1769 г. - Экса, в 1777 г. — Руана, в 1780 г. — парламентами Нанси, Тулузы, Бордо [44].

К 70 гг. XVIII века годам возникает проблема конфронтации между абсолютистским правительством и парламентской оппозицией. Следовательно, можно отследить попытки правительства подавить оппозицию, поэтому в 1770-1774 гг. канцлер Мопу проводит судебную или парламентскую реформу. Суть ее можно свести к следующим аспектам:

1. Парламентам запрещалось использовать термины «единство», «неделимость», «класс» для обозначения своей общности, поддерживать контакты между собой, обсуждать на заседаниях ремонстрации других палат.

2. Запрещалось магистратам прерывать судопроизводство и коллективно уходить в отставку

3. Подтверждалось право ремонстраций парламентов, но с оговоркой, что после регистрации любого правительственного акта им не разрешается препятствовать их исполнению.

4. Создавались Высшие советы (Аррас, Блуа, Шалоне, Клермон Ферране, Лион, Пуатье), которые подчинялись юрисдикции столичного парламента. При этом Парижский парламент реорганизовывался, а его территориальное ведение сильно урезалось.

5. Отменена система продажи должностей и взятки. Судопроизводство становилось бесплатным.

6. Назначение на парламентские посты проводилось правительством [29].

Таким образом, парламенты фактически ставились под контроль государства. Реформа вызвала волну недовольства. В литературе это явление принято называть «памфлетная война», так как парламентская оппозиция откликнулась на данный факт абсолютистского произвола рядом политических памфлетов. «Где мы теперь возьмем национальный орган, способный защитит нас от министерских зло-

употреблений и почтительно указать королю, что он правит гражданами, а не рабами?» - гласил один из них. [43] Больше всего памфлетов было написано в 1770-1772 году (250); к 1772 году относится 29, а к 1773 всего 3. [43] В 1774 году закон Мопу был отменен.

Другой проблемой абсолютистского режима стали прения по поводу попыток реформ Тюрго. Приверженец физиократических взглядов, он занимал пост генерального контролера финансов с августа 1774 по 12 мая 1776 года. Одной из важных его реформ была отмена фиксированных цен на хлеб и объявлении о свободе хлебной торговли внутри страны в 1774 году. Но к 1775 году реформа негативно сказалась на экономике: разразилась «мучная война», основным требованием которой было введение пониженных цен на хлеб. Движение было подавлено, но авторитет Тюрго резко упал.

В 1776 году он обнародовал ряд эдиктов, против одного из которого яростно выступал парламент. Из «Представлений парижского парламента против эдикта о дорожной повинности»: «Личная служба духовенства состоит в исполнении всех функций, связанных с просвещением, отправлением богослужения и облегчения участи, обездоленных посредством милостыни. Дворянин своею кровью защищает государство и помогает государю своим советом. Низший класс нации, который не может оказывать государству столь же отличных услуг, выплачивает ему свой долг в форме податей, промышленной деятельности и физического труда». [28] В данном документе активно защищается сословная деление общества, а также речь идет о том, что отмена дорожной повинности может повлечь за собой разрушение всех традиционных устоев. Если рассматривать внешнеполитическое положение Франции в рассматриваемый период, то следует обратиться к такому документу, как Парижский мир от 10 февраля 1763 года [31].

Он явился итогом неудачной для Франции Семилетней войны 1756-1763 года. В войне участвовали с одной стороны Пруссия во главе с Фридрихом II (поддержка Англии), а с другой коалиция европейских держав в составе Австрии, Франции, Швеции, Саксонии (поддерживала Россия). Пруссия была почти разгромлена, но в 1761

году умирает Елизавета Петровна, а власть в России переходит в руки Петра III, который предлагает прусскому королю «доброе согласие и мир». Таким образом, война заканчивается не в пользу Франции.

Статья IV Парижского мира гласит, что французский король отказывается от притязаний на Новую Шотландию или Акадию и «гарантирует ее» королю Великобритании. Также Франция, согласно данной статье, передает в собственность английской короны – Канаду. При этом за населением Канады оставляется свобода католического вероисповедания [31].

Согласно VII статье, Великобритания также получила все земли к востоку от реки Миссисипи, на которые претендовала Франция, города Нового Орлеана и острова, на котором он расположен. Плавание по реке Миссисипи было свободно для подданных, как Великобритании, так и Франции [31].

По VI статье Франция получила острова Сен-Пьер и Микелон (Вест Индия), но при этом французский король не мог строить на них военные укрепления. На данных островах могли строиться лишь рыбацкие постройки и содержаться стража из 50 человек [31]. Таким образом, можно говорить о нестабильности политической сферы французского общества.

1.2. Социально-экономическая сфера французского общества накануне революции

Экономика Франции накануне революции представляет собой сложную и интересную картину. Главный интендант торговли - Голозан в 1789 году в своих мемуарах [27] попытался подсчитать национальный доход Франции. Из нижеприведенной таблицы (см. Таблицу 1.) можно понять, какие продукты тот момент имели наибольший и наименьший вес в производстве:

Сельское хозяйство:	Доход (в ливрах):
Зерновые продукты	700 000 000
Убойный скот	400 000 000
Вино и водка	350 000 000
Кормовые травы	60 000 000
Оливковое масло	60 000 000
Лес	146 000 000
Шерсть	35 000 000
Шелк (сырец)	25 000 000
Лен и конопля	50 100 000
Итого	1 826 000 000
Обрабатывающая промышленность	
Полотняные и бумажные материи	161 250 000
Шерстяные материи	92 500 000
Шелковые материи	41 000 000
Моды (предметы роскоши)	5 000 000
Ковровые изделия	800 000
Мелкий железный и медный товар, мелкие мануфактурные изделия	75 000 000
Выделка кож и кожевенных изделий	6 000 000
Бумага	7 200 000
Ювелирное дело, часы	2 500 000
Металлические изделия	38 200 000
Мыло	5 000 000
Рафинированный сахар	4 800 000
Соль	2 700 000
Табак	1 200 000
Крахмал	1 200 000
Рыбные ловли	20 000 000
Ремесла	60 000 000
Итого	524 950 000

Из таблицы видно, что наибольшую долю в сельском хозяйстве занимает производство зерна, также видную роль играет скотоводство и лесозаготовка. А если сравнить цифры итогов, то видно, что сельское хозяйство преобладает над промышленным сектором почти в три раза. Самые крупные цифры в сельскохозяйственном секторе преобладают над самими крупными в промышленном: зерновые продукты (700 000 000 ливров) и производство полотняных и бумажных материй (161 250 000 ливров). Из этого можно заключить, что к 1789 году Франция оставалась преимущественно аграрной страной.

О внешней торговле Франции оставил много информации Неккер, французский министр финансов, в своей книге «Об управлении финансами Франции» [65], которая была издана в 1784 г. По его подсчетам экспорт Франции накануне войны 1778 года Франции и Англии, превышал импорт, в среднем, приблизительно на 70 миллионов. Экспорт в 1784 году, согласно его данным, составлял 300 миллионов, а импорт 230 миллионов. Далее министр распределяет доходы по отраслям. В данной работе представлена попытка систематизировать экспорт и импорт, согласно данному источнику.

Таблица 1

Экспорт		Импорт	
Данные (млн. ливров)	Товары	Данные (млн. ливров)	Товары
150	Мануфактурные изделия (сукна, полотна, ткани, материи; серж, кампот, этамин, галуны, вышивки, кружева, батисты, чулки, шляпы, перчатки, веера, моды, украшения, обои, часы, скульптурная посуда, бумага, книги, картины, мыло, свечи, зеркала и т.д.)	75	Сырье, необходимое для мануфактур (хлопок, шерсть, шелк, конопля, льняная пряжа и семя, сода, бобровые и другие шкуры, кожа, воск, драгоценное дерево, слоновая кость и черепаха, необходимые для окрашивания вещества). Из 70 млн. – 20 млн.: бриллианты, драгоценные камни, золото и серебро, служащие как для изготовления вещей, вывозимых за границу, так и для нужд национальной роскоши.

70-75	Колониальные товары с американских островов (сахар, кофе, индиго и т.д.)	40	Мануфактурные товары (различные сорта полотна из Фландрии, Голландии, Швейцарии; тонкие муслины (Ост-индская компания), кисея из Цюриха, часы из Женевы; галантерея, мелкие товары из железа и меди из Голландии, Германии, Англии; итальянский газ, флорентийская тафта, бархат из Генуи, бумага, книги, картины и т.д.). Многие из этих товаров – получали путем контрабанды.
35-40	Вина, водка и другие напитки	40	Продукты: хлеб, зерновые продукты, рис. Итальянские масла, рыба, скот, солонина, швейцарский сыр, какао, ликеры, контрабандная соль, апельсины, сушеные фрукты, бакалейные товары
18	Чай, китайские ткани, шелковые материи, кофе, с Бурбонского острова и Мокка, перца с Малабарского побережья, полотна с побережья Коромандель, тонкой бенгальской кисеи, левантийских продуктов и т.д.	25	Мачты, доски, строевой лес, смола, деготь, железо, каменный уголь, олово, свинец, ртуть, медь.
16	Хлеб (в годы среднего урожая), масла, сыры, соль, шафран, мед, лимоны, овощи, сушеные фрукты, прованское масло, некоторые продукты рыболовства.	14	Товары из Китая, Индии и с Бурбонского острова.
6	Кожа, дерево, лес для топлива (контрабанда из Англии), а также предметы, которые не могут быть точно классифицированы.	10-12	Лошади, меха, шкуры, перья, духи, аптекарские товары, т.е. предметы, не входящие в общий разряд.
		10	Табак (в том числе и контрабандный).

В феврале 1776 вышел эдикт об упразднении цехов. «Бог, давая человеку потребности и сделав для него труд необходимым, создал из права на труд (*droit de travailler*) собственность всякого человека, и эта собственность есть первая, самая священная и самая неотъемлемая из всех». Он разрешал всем, вне зависимости от чина и положения, а также иностранцам заниматься по всей стране каким угодно видом торговли или/и ремесла. Эдикт уничтожал все корпорации и ассоциации торговцев и ремесленников, цехи, а также привилегии, статуты и регламенты данных корпораций и ассоциаций. [30]

«Устав подмастерьев-корзинщиков 16 января 1765 года в Орлеане» — это документ, являющий собой, образец борьбы товариществ/компоньюнажей рабочих со своими хозяевами [33]. Такие организации имели место еще в средние века, но с середины VIII века всё чаще заявляют о себе, так как во Франции в этот период разрушается цеховой строй. Согласно данному документу:

- члены компаньюнажа, проживающие в Орлеане, обязаны принимать своих товарищей, приходящих в город, за свой счет и ставить их на работу, согласно своему желанию;

- товарищи, поставленные на работу, обязаны вносить 3 ливра вступительного взноса через 8 дней (или 15- самое позднее); если члену товарищества необходимо было "переменить заведение из-за размолвки с хозяевами", то ему необходимо было обратиться к секретарю (*rouleur, rôleur*). Процедура стоила 30 су, 6 су из которых шли в общую кассу товарищества;

- все члены товарищества в Орлеане вносили по 1 су еженедельно секретарю; ежемесячно секретарь представлял отчет и переизбирался;

- нельзя было помещать товарищей в заведения, находящиеся под бойкотом товарищества;

- за ссоры на ежемесячных собраниях устанавливался штраф в 5 су; [33]

Административное распоряжение по городу Орлеану запрещало подмастерьям собираться в количестве больше трех, под каким-либо предлогом, под страхом тюремного заключения и уплаты штрафа в 50

ливров для подмастерья и 100 ливров для содержателей кабачков, которые их принимают у себя. По нему также предписывалось комиссарам полиции осматривать кабачки и доводить дело до суда, арестовывая нарушивших данное распоряжение подмастерьев [25].

Постановление Тулузского суда 3 ноября 1779 г. По делу Мишеля Деснара, именующегося Парижанином (прозвище, данное ему компаньоном) - является образцом приговора за незаконный сбор. Мишелю Деспару, согласно постановлению, надевали спереди и сзади доску с надписью "член товарищества (компаньона) Гаво "буян"", затем отводили на площадь Сен-Жорж, где на два часа привязывали к позорному столбу во время рынка. То же самое с ним проделывали "в ближайшую среду" на площади де - ла Пьерр. Затем подмастерье изгоняли из города, пригорода и пределов сенешальства Нимского на 5 лет. Суд запретил подмастерьям, называемым Гаво, собираться под любым предлогом по страхом телесного наказания [32].

«Внутреннее управление на мануфактуре Сен-Мор» — это документ, определяющий порядок управления на мануфактуре. Он позволяет взглянуть изнутри на устройство предприятия Франции конца XVIII века. Согласно VI статье, работа не велась в утренние сумерки, но рабочие должны приходить на рассвете, чтобы приступить к работе, когда станет достаточно светло. А уборщики приходят раньше мастеров на четверть часа, чтобы подготовить все нужные вещи для работы. За опоздание предусматривался штраф в 5 су. Статьи IX и X предусматривали время завтрака для работников, кроме завтрака еды на предприятии быть не должно было, чтобы не испортить работу. Также эти статьи запрещали разговоры, отвлекающие от работы. Статьи XI-XIII запрещали ругательство на мануфактуре - за них предусматривались штрафы в 3 ливра. Также запрещалось поносить имя Бога - штраф в 6 ливров. [65]

Если говорить о развитии сельского хозяйства в изучаемый период, то стоит отметить мемуарное произведение английского путешественника Артура Юнга. [65] В своем воспоминаниях «Путешествия по Франции он выделяет 5 форм земельных держаний и классифицирует их по территориальному признаку. Нижеприведенная таблица показывает районы распространения земельных форм по Юнгу и территориальных местностей Франции.

Таблица 2

Форма собственности	Распространена в:
Мелкая крестьянская собственность	Лангедоке области около Пиренеев Беарне Гаскони Гиене Эльзасе Фландрии Лотарингии Нижней Бретани частично Шампани
Денежная аренда	Пикардии Артруа Фландрии Нормандии (за исключением Ко) Иль-де-Франс Бос Частично Беарне окрестности города Наварры
Феодальное держание	Лимузэни Берри Марши Бретани окрестности Вьерзона, Ватаны
Крупная монопольная аренда с субарендой земли крестьянами	Марши Берри Пуату Ангумуа.
Исполовничество, то есть держание за половину или треть продукта	Солони Берри Лимузэни Анжу Бургундии Борбозуа Ниверне, Оверни Бретань Мэне Провансе Шампани Нормандия Нанси

В 1786 году Франция заключила союз с Великобританией о свободе торговли, но Франция от этого понесла убытки, так как дешевые товары попали на французский рынок. 1788 год выдался неурожайным и возникли продовольственные трудности.

К 1789 году Франция оставалась преимущественно аграрной страной, но при этом зарождается и развивается промышленность, по большей части, легкая и мануфактурного типа: производство полотна, шерсти, шелка. Что касается сельского хозяйства, то тут преобладает выращивание зерновых культур и скотоводство.

Французское общество накануне революции представляет собой три сословия: первые два это - духовенство дворянство, а «третье» сословие, куда входила подавляющая часть населения, в которую входили остальные французы. Первые два сословия представляли собой привилегированные страты. В научной литературе часто рассматривается проблема неоднородности первого сословия накануне революции.

К концу XVIII в., процессы в социально-экономической сфере, затронувшие основные категории классовой структуры, существенно изменили положение как дворянства в целом, так и отдельных его групп. В последние десятилетия века очевидным было размывание родовитого дворянства (аристократии) и его слияние с дворянством служилым - судебским и чиновничьим, так что непосредственно перед революцией «дворянство шпаги» и «дворянство мантии» по ряду существенных признаков становились понятиями относительными. Это размежевание сословных групп дворянства характеризовалось известным обуржуазиваем некоторой части аристократии и провинциального дворянства, которой оказались близки не только материальные выгоды предпринимательства, но и определенный либерализм общественно- политической мысли (характерный для обеспеченных групп «третьего сословия»), такой, каким его можно себе представить к концу XVIII в.

По словам историка Пименовой значительная часть французского дворянства оставалась землевладельцами феодального типа. Но под влиянием капитализма в ряде районов традиционные феодальные

платежи стали вытесняться фермерской рентой. В некоторых районах формируется «деловое дворянство», занимающееся промышленностью. Например, Дитрихи и де Вандели – основатели династий промышленников в металлургии и горном деле в Эльзасе и Лотарингии. Всего насчитывалось около 1019 семей дворян-предпринимателей [57].

В дворянских наказах 1789 года можно проследить тенденцию к изменениям ценностных установок дворян. Выдвигались такие предложения как: допуск к офицерскому званию всех дворян, а не только родовитых, предложения давать торговцам дворянские титулы. Как считает Пименова, на смену престижа военных ценностей приходят ценности буржуазные [57].

О тенденции к размежеванию сословий говорит и другая исследовательница – Лебедева. Говоря о проблеме фискальной политики «старого порядка», она рассматривает попытку введения генеральным контролером финансов, Ш. А. де Калонном бессословного, территориального земельного налога, а также расширения гербового сбора на получение дворянских грамот, покупку должностей, всех видов коммерческих сделок и актов гражданского состояния [54]. Обсуждение этих двух проектов летом 1787 года вызвало разногласия и продемонстрировало нежелание дворян расставаться со своими привилегиями.

Что касается, низших слоев населения, то современники описывают крайне низкий уровень жизни крестьян. Маркиз д' Аржансон в своих мемуарах [26] описывает их нищенский образ жизни, бремя налогов: «Сейчас я в деревне. Я вижу нищету, ни о чем другом я не слышу; всегда говорили о том же, но никогда не имели для этого стольких оснований». «Государственная барщина на починке больших дорог является самой жестокой повинностью, которую когда-либо несли; используют труд и существование подёнщиков свыше их сил; они стараются уйти и найти себе убежище в маленьких городах».

Многие, чтобы выжить, продавать либо закладывать свое последнее имущество. По улицам бродили тысячи нищих, которые ис-

кали еду в мусоре, чтобы не умереть с голоду. В данный период отмечается большое число самоубийств.

Подавляющее большинство крестьян жило в это время в крайней бедности. Описывая жизнь в деревне Диккенс писал: «Деревушка была убогая, в одну улицу, на которой ютились убогая пивоварня, убогая сыромятня, убогий трактир и при нем конный двор для почтовых лошадей, убогий колодец с водоемом словом, все, без чего нельзя обойтись и в самом убогом деревенском обиходе. И ютился здесь такой же убогий люд. Все в деревне были бедняки; многие из них сейчас сидели на порогах хижин и крошили себе на ужин луковицы или какие-нибудь коренья, другие толклись у водоема, мыли всякую съедобную зелень, которую породила земля. О причинах этой бедности нечего было спрашивать, о них красноречиво свидетельствовали развешенные по деревне указы с длинным перечнем налогов и податей - государственных, церковных, господских, местных, окружных, и за что только не взимали с этой маленькой деревушки, - право, можно было удивляться, как она до сих пор сама-то уцелела и ее еще не съели все эти поборы...» [48]

Земля обрабатывалась самым примитивным способом и плохо удобрялась. Следствием этого были плохие урожаи и голодовки, которые приводили к большому количеству смертей. В голодные годы разгорались хлебные бунты, в которых участвовали и крестьяне, и городская беднота. Отмечались также многочисленные беспорядки, волнения и восстания против налогов и феодальных поборов. Восставшие прогоняли сборщиков налогов, громили дома и конторы откупщиков, уничтожали феодальные документы, вели бои с полицейской стражей.

Оплата труда рабочих зависела от профессии и местности. Крестьянам, которые брали работу на дом, платили гораздо меньше, чем рабочим в городе. Но в городах цены на продукты были выше. Женщинам платили примерно в два раза меньше, чем мужчинам, а детям еще меньше. Лишь самый опытный и умелый рабочий мог заработать до 2 ливров (т. е. до 40 су) в день. В среднем же рабочие-мужчины в городах получали 20-25 су в день. Для женщин в городах хорошей

оплатой считались 10 су в день, для ребенка - 5 су. Между тем фунт хлеба стоил в хорошие годы не менее 2 су, в голодные - гораздо больше. Это означало, что не менее 50% дохода рабочая семья тратила только на хлеб. Мясо рабочие ели только по большим праздникам.

Диккенс неоднократно отмечал голод и нужду среди населения. «Голод лезет из этих невообразимых домов, из убогого тряпья, развешенного на заборах и веревках; Голод прячется в подвалах, затыкая щели и окна соломой, опилками, стружками, клочками бумаги; Голод заявляет о себе каждой щепкой, отлетевшей от распиленного полена; Голод глазееет из печных труб, из которых давно уже не поднимается дым, смердит из слежавшегося мусора, в котором тщетно было бы пытаться найти какие-нибудь отбросы. «Голод» – написано на полках булочника, на каждом жалком ломте его скудных запасов мякинного хлеба, и на прилавках колбасных, торгующих изделиями из стервятницы, из мяса дохлых собак. Голод щелкает своими иссохшими костями в жаровнях, где жарят каштаны; Голод скрипит на дне каждой оловянной посуды с крошечком из картофельных очистков, сдобренных несколькими каплями прогорклого оливкового масла. На мясной и колбасной красуются не мясные туши, а какие-то остовы, на пекарне – жалкие ломти серого хлеба. Фигуры пьющих, намалеванные на вывесках питейных, сидят, нагнувшись над крохотными стопками с остатками мутного вина или над кружками с пивом, и вид у них грозный, точно у заговорщиков. И ни в одной лавке не выставлено ничего хоть сколько-нибудь добротного, кроме ремесленных орудий да оружия. Да! Ножи и топоры у ножовщика отточены и сверкают; и молотки у кузнечных дел мастера – увесистые, а у оружейника большой выбор смертоносного оружия»[49]. «Революция поставила вне закона многих членов бывших привилегированных сословий французского королевства — дворянства и духовенства. Каждый эмигрант «умирал гражданской смертью», а его состояние «делалось собственностью Республики»[50].

Вплоть до середины XIX в. рождаемость в Париже была меньше, чем смертность. В 80 - е гг. XVIII в. ежегодно умирало в среднем 20 тыс. человек, из которых 4 тыс. заканчивали свои дни в больницах.

А в больницах 1200 кроватей приходилось на 5 или 6 тыс. больных. Больных, которые только поступили, часто укладывали рядом с умирающим или уже умершим. Покойников как попало зарывали в общем ряду, который засыпали негашеной известью. В Париже к началу XIX в. примерно на 30 тыс. новорожденных насчитывалось 7 или 8 тыс. брошенных детей.

Артур Юнг, агроном и экономист, автор многих трудов, среди которых - «Путешествие по Франции», два тома которого вышли в 1792–1794 годах, писал: «Разве может процветать страна, главной заботой которой является стремление экономить на употреблении готовых товаров и изделий мануфактур? Женщины, собирающие в лесах в передники траву для своих коров, - вот признак нищеты»[51].

Наказы, составленные в 1789 году при выборах в Генеральные Штаты, говорили о чрезмерности налогообложения, высокие цены на продовольствие. Статья 18. Гласила «Налоги на вино, пиво и водку совершенно непомерны. Духовенство и дворянство не платит ничего, а между тем они больше всего их потребляют» [65].

Чеканцева, рассматривая проблему народных движений, приводит в своей статье подробную статистику народных бунтов [60]. Из данного исследования можно заключить, что хлебные восстания были закономерным явлением в 60-80 годы:

1. 14 июня 1764 – в Кане
2. 11-15 июля 1770 – в Реймсе
3. 14 февраля 1771 - Дорман (Шампань)
4. Весна-лето 1773 – Гюйеннь
5. 1775 – «мучная война»
6. Май-июнь 1784 – область. Ко

При этом исследовательница отмечает, что наибольший размах открытые народные возмущения приобрели в 1775 году, а также, что большинство выступлений относятся к выступлениям продовольственного типа [82]. Выделяется ее и неоднородность «третьего сословия», поскольку народ чаще выступал не против дворян, а против имущих граждан в целом.

Противоречия между привилегиями высших сословий и налоговым гнѐтом низших к 1789 году достигли своего пика и уже не могли оставаться без внимания общественности.

1.3. Трансформация внешнего вида и быта французских граждан во второй половине XVIII века

Все противоречия, которые были во французском обществе в конце XVIII века более всего проявлялись в Париже.

Во второй половине XVIII в. город перестраивался и расширялся, росли новые кварталы. Дома строились из известняка и крыли их черепицей. Зимой население страдало от холода, т.к. помещения плохо обогревались. Это касалось даже жителей королевского Версальского дворца. Придворным приходилось использовать меховую одежду.

Деревянная хижина служила крестьянину домом, некоторые даже использовали полуземлянку без окон и труб, с глиняным полом как жилище, а за перегородкой размещались скот и птица. Люди с маленьким достатком жили в полуподвалах или на последних этажах зданий. Считалось, что чем выше этаж - тем беднее квартирант. На седьмом и восьмом этажах, в мансардах и на чердаках обитала нищета. Рабочие мануфактур часто жили на самих предприятиях.

Еда в данный период была скудной, однообразной. Мясо можно было попробовать только в большой праздник. Лучшие части мяса продавцы доставляли в дома знати. Иногда беднякам приходилось договариваться, чтобы их допустили к остаткам господской еды. В Версале существовал рынок объедков, там продавались остатки с королевского стола, и часть жителей города ими кормилась.

Главными орудиями труда крестьянина были деревянная соха и мотыга. Среди населения большое количество было безлошадных. Свою одежду крестьянин шил из грубого, домотканного полотна и из такого же сукна, которое не изнашивалось и могло служить одеждой для нескольких поколений. К рынку крестьянин прибегал редко: что-

бы что-нибудь продать, когда нужно было платить налоги и повинности, или чтобы прикупить хлеба, когда его не хватало.

В период с 1789 по 1792 год во Франции не было резкой смены общих форм костюма. Одежда французов в это время отражала оттенки политической борьбы. На форму костюма в данный период влияли не только революционно-патриотические идеи, но и изменившаяся роль армии в жизни республики, состояние экономики, а также возникший интерес к античным идеалам.

Трехцветная кокарда - деталь, которая отличала революционный костюм у мужчин (см. Приложение 1). Кокарда была символом, который был необходим для объединения революционно настроенных людей. Журналист Камилл Демулен выступил на митинге со словами: «Нам осталось только одно средство - отправиться в армию и принять кокарду, чтобы нас по ней узнавали. Какой цвет хотите вы? Зеленый, цвет надежды, или синий, «цинцинатус», под которым защищалась революция в Америке?» Комитет избирателей постановил носить кокарду цветов герба Парижа - красного и синего. После взятия Бастилии Лафайет предложил прибавить к этим цветам еще и белый цвет, как знак примирения с королем. Так красный, синий и белый цвета стали цветами национального знамени новой Франции. Кокарда распространилось по всей Франции, но вскоре значение белого цвета было забыто.

Сабатини в своем романе также упоминает о принятии трехцветной кокарды в годы революции: «Они также дали всем красно-синие кокарды - это были цвета Парижа. Поскольку ливреи герцога Орлеанского были такого же цвета, добавили белый - цвет старинного знамени Франции. Так родился трехцветный флаг Франции» [53].

Диккенс в своей книге «Повесть о двух городах», неоднократно отмечал ношение кокарды. К примеру: «конвой состоял из двух патриотов в красных колпаках с трехцветными кокардами, вооруженных мушкетами и саблями»[54] или «за столом восседали судьи в шляпах с перьями, а кругом было море голов в красных колпаках стрехцветными кокардами»[55].

До революции только привилегированные лица присваивали себе родовые цвета, которые переходили из поколения в поколение. Теперь впервые утвердилось определенное сочетание цветов как символ революционной Франции и французской нации.

Французы вводят национальные цвета в быт. Символика цвета была отличительной особенностью костюма эпохи Великой французской революции.

После того как значительная часть богатых аристократов эмигрировала в 1789 году, уменьшилось производство дорогих костюмов и украшений, люди стали одевать проще. Но старые типично дворянские виды одежды встречались иногда и в Париже до 1792г.

Появляется подражание военному костюму - синие аби. Это была приталенная одежда с полами до колен, отрезной спинкой с группой складок от талии по бокам сзади, сквозной застежкой на пуговицах спереди и воротником-стойкой, носившаяся нараспашку. Ее носили с гетрами и трехцветной кокардой на шляпе. Данный костюм носило население, которое поддерживало революционеров. Основная часть городского населения должна была носить обычную одежду.

Уже в 1790 году появились большие различия между костюмами революционеров и их противников. Революционеры носили специальный костюм, который состоял из суконного фрака с узким «хвостом» и лацканами, открывавшими жилет, цветного галстука с большим бантом и кружевами, кюлотов «наездника» из кашемира или другой шерстяной ткани, сапог с отворотами и туфель без каблуков и высокой круглой шляпы «бурдалу», украшенной шнуром и кокардой. Кюлотами называли короткие штаны, которые застегивались под коленом поверх чулок, украшены они были продольными полосами (чаще всего национальных цветов). Перчатки также были полосатыми. В руках носили толстую трость.

Контрреволюционеры носили черную одежду в знак крушения неограниченной королевской власти. Однако нарастание революционных настроений вынудило их отстраниться от слишком демонстративного черного цвета.

К 1792 году у революционеров возникает потребность в героическом образе революционера - патриота, героя - символа, костюм которого соединил бы в себе разные элементы народной одежды. Костюм состоял из «карманьолки» (короткой куртки), длинных матросских панталон, красного фригийского колпака с национальной кокардой, рубашки без жабо, свободно повязанного галстука-шарфа. Люди, предпочитавшие длинные панталоны получили кличку «санкюлоты» (см. Приложение 2).

Исходя из одежды санкюлотов возник ряд официальных или полуофициальных форм костюма должностных и общественных лиц. Даже полувоенный костюм тюремного надзирателя стал похож на одежду санкюлота. Появились бретели-подтяжки вместо пояса.

В холодное зимнее время революционеры носили верхнюю одежду, которая напоминала упелянд, из толстого коричневого или серого сукна с воротником и отворотами из красного плюща.

Патриотические настроения среди населения создавали кратковременную моду. Отмена многих сословных обычаев, введение права на развод, простота в обращении находят отражение в быту, сближают и объединяют людей. Каждый мог вести себя свободно и проявлять свой вкус.

Беспорядок, царивший во вкусах людей, вызывает тревогу у Конвента. Который в свою очередь предлагает художнику Жаку Луи Давиду сделать проекты национального костюма, «удобного в работе и гибкого по линиям». Его проекты были приняты Конвентом, но эти костюмы никто, кроме учеников художника, не носил.

В период террора и диктатуры якобинцев мужской костюм был многообразным. В этот период, помимо новых видов костюма, сохраняются и старые виды.

Отличительной особенностью этого времени было увлечение военными деталями. Одной из наиболее популярных одежд был редингот (см. Приложение 3). Молодежь тратила много времени на создание своего «стиля» жизни, своей особой манеры одеваться и своего жаргона. Их манера одеваться вызывала насмешки. Сначала их

прозвали «щеголи», а затем за ними утвердилось название «анкруаябль»- «невероятные» (см. Приложение 4).

К ним примкнула и эмигрантская молодежь, которая с помощью костюма подчеркивала свою неприязнь к революционным традициям и неприязнь простоты в одежде.

Во время правления Конвента воротники в одежде стали такие высокие, что закрывали половину головы. Волосы зачесывали наперед, закручивали в космы, заплетали с боков по тонкой косичке, которые подкалывали на затылке, - эта прическа называлась «собачьи уши». Жилет доходил только до середины груди. Все пропорции костюма искажались, делали фигуру безобразной, полосатые ткани использовались в поперечном направлении. В ушах многие носили серьги - крупные золотые кольца, а также были увлечены драгоценностями в античном стиле.

Сабатини в своем романе помогает нам наглядно представить, как одевались молодые люди в данный период: «...вошел стройный молодой человек в широкополой шляпе с трехцветной кокардой. Оливковый редингот был перехвачен в талии трехцветным шарфом...», «...молодого человека в темно-оливковом рединготе, доходившем ему до икр. На нем были панталоны из оленьей кожи и сапоги, на боку - шпага. Он был опоясан трехцветным шарфом, на шляпе красовалась трехцветная кокарда...»[56].

Таким образом, Сабатини не раз упоминает ношение редингота, трехцветный шарф и кокарду - символов революции.

Рабочие костюмы, которые носили каждый день на протяжении революционного периода и Директории мало изменялись из-за бедности большинства населения Франции.

В эпоху Директории появляются дорогие, шитые золотом костюмы для должностных и выборных лиц. Высшие судебные власти сохраняют длинную одежду, наверх которой надевают плащ, драпировавший фигуру складками.

Контрреволюционеры носили разнообразные костюмы, которые имели местные особенности и специальные эмблемы. Знаком борьбы было сердце с красным крестом на белом овале.

Неоднократно Жорж Ленотр упоминает ношение красного колпака - символа народной нищеты и равенства. Описывая жизнь населения, он перечисляет одежду, которую носили в период революции: «черный суконный фрак; бархатный фрак с черным узором; ...атласная куртка; ... куртка из «Ра де Сен-Мор»; брюки черного бархата; брюки черного сукна; брюки из саржи...шесть рубашек, шесть воротников, шесть носовых платков; три пары шелковых чулок;.. две пары башмаков...маленькая шляпа; ... адвокатский костюм; коробка с шелком, нитками, шерстью, иглками..»[57]

Так как муки в стране не хватало пудренные парики были отклонены. Отсутствие пудры на волосах считалось проявлением патриотизма. Многие французы стали носить прически из своих собственных волос, а пудренные парики сохранились только в армии.

Описывая облик маркиза Сабатини дает следующее описание: «...На нем был богатый камзол алого бархата, отделанный золотым кружевом, бархатный жилет золотисто-абрикосового цвета, черные шелковые панталоны, черные чулки и лакированные туфли на красных каблуках с бриллиантовыми пряжками. Его пудренные волосы были перевязаны муаровой лентой. Под мышкой у него была зажата небольшая треугольная шляпа, у левого бока висела изящная шпага с золотым эфесом»[58].

В 1795 году возникла мода на прическу с бритым затылком «а ля виктим» среди «невероятных». Также сменились и светлые парики. Все это было в память жертв Конвента и протестом против короткой стрижки революционного времени[59].

Лозунг «Свобода, равенство и братство» воспринимался французскими женщинами как призыв к борьбе за их собственные права, а вера в осуществление этого плана поддерживала настрой большинства женщин третьего сословия.

Разный материальный статус и культура привели к разнообразию женских костюмов в данный период. В целом, костюм остался такой же, какой был в 1789 году, но в него было внесено множество изменений. Например, окончательно отказались от подкладок «фокю». Юбка стала ниспадать прямыми складками, сзади их было

больше, и они увеличивали объем. Лиф платья спереди уже не имел вычурной изогнутой линии. Сверху лифа платья с узкими длинными рукавами надевали фишу, свободно покрывающее плечи. В пределах этого силуэта было большое многообразие фасонов.

В этот период женщины также подражали мужскому костюму. Костюм «национальный редингот» синего цвета с красным кантом становится одной из самых модных одежд. В отделке костюмов также стали использоваться национальные цвета. Ими украшали края фишу, отделявали низ платья трехцветной каймой, делали полосатые ткани трех цветов и т.д.

Часть женщин, которая воспринимала революцию как борьбу за народные права не могла ограничиться кокетливым костюмом «а ля Конституция» или «неглиже», «а ля патриот», ни даже «национальным рединготом». Активное участие в революционных событиях исключало возможность носить такой костюм.

Женщины предместий («вязальщицы») были одеты довольно просто. В основе костюма была укороченная юбка, куртка или казакин. «Вязальщицы» носили полосатые трехцветные юбки, трехцветные кокарды и во всем отдавали предпочтение ткани национальных цветов, что показывало их принадлежность к революционному движению.

Из-за экономической блокады европейских государств было прекращено производство предметов роскоши, в том числе и шелка. В связи с этим сократилось количество и ассортимент тканей. Любимыми тканями для шитья одежды стали «полотна Жуи», которые были красивые и в то же время дешевые. Рисунки, которые создавались квалифицированными художниками, правильно сочетали национальные цвета и революционные эмблемы. Одноцветные ткани были также популярны.

В период Директории законодателями мод становятся молодые женщины, которые были приближены к определённым политическим деятелям. Они стремятся подчеркнуть свое отличие от облика патриотки-революционерки», утрируя модный силуэт и детали костюма. Эти женщины вошли в историю как «мервейёз» (щеголихи).

Они ввели в моду прозрачные платья без чехла, которые надевались на голое тело или поверх бледно-розового шелкового трико.

Большую роль в создании нового женского облика сыграл художник Луи Давид и его школа. Их рисунки пропагандировали античные идеалы. Мода менялась каждые две недели. В стране в это время шел бурный процесс становления стиля классицизма, который охватил все стороны быта и все виды искусства. Пропорции костюма были схожи с архитектурой того времени.

Изначально женский костюм нового силуэта был достоянием лишь небольшого круга модниц, которые гуляли в садах или на публичных зимних балах. Новая мода быстро распространялась. Простой покрой делал эту моду доступной для большинства городских девушек. Глубокое декольте, форма короткого лифа и прямой силуэт юбки были рассчитаны на юную тонкую фигуру.

Но также новая мода была рассчитана и на женщин зрелого возраста. Линия талии в костюме была высокой, но лиф делали немного длиннее, юбку - не такой узкой. Широкое распространение получили шали. Для женщин среднего возраста платья делали из более плотных тканей. В моду вошли рединготы, обшитые мехом с короткими рукавами. Следует заметить, что верхняя одежда конца 90-х годов недостаточно защищала от холода. Легкие наряды приводили к простуде, многие люди даже умирали.

Платья не предусматривали карманов, поэтому в моду вошли дамские сумочки для туалетных мелочей. Сначала их делали по образцу полевой офицерской сумки «сабреташ» и подвешивали сбоку на специальной перевязи, затем - в виде корзиночки или мешочка. Они получили название «ретикюль» (в переводе с латинского - плетенная сетка). В насмешку надо модницами они получили прозвище «ридикюль» (смешной).

В 90-х годах французские женщины заимствуют из Англии маленькую короткую курточку – «спенсер».

Расширился также ассортимент текстиля. Вместе с шелком, бархатом, атласом, парчой, тонкими шелковыми и шерстяными тканями и сукнами, множеством хлопчатобумажных тканей появились экзоти-

ческие виды текстиля. Например, шелк из паутины пауков-крестовиков. В начале века из него делали перчатки и чулки. Морской шелк биссус в смеси с хлопком также использовался для изготовления перчаток. Эффектно дополняли друг друга блестящий атлас и матовые кружева. Модны были и пастельные тона.

В мужском костюме стали модны шелк и полуселк, а в женском - тафта и атлас. Очень популярен был набивной рисунок [60].

Прически были большими до 1796 года. Чаще всего они состояли из пышно взбитых волос и свободно падающих крупных завитков. Мадам Талье была создательницей причесок «а ля Титус» (см. Приложение 5) и «а ля Каракалла». Это были первые короткие стрижки. Она же ввела в моду белый парик. Чтобы сделать шею длиннее делали высокие прически с греческим узлом. Но в этот же период была мода и на короткую стрижку.

Среди головных домашних уборов было множество повязок похожих на античные. Но в конце века они превращаются в более милые и красивые чепчики. Нарядные, бальные головные уборы были многообразны. Их делали из золота и драгоценных камней в виде обручей, диадем и тд. Молодые девушки украшали голову лентой или бархоткой, которая поддерживала мелкие завитки. Головные уборы для улицы менялись часто.

После взятия Бастилии появляется мода на украшения из камней разрушенной крепости. Их вставляли во все украшения. Например, в кольца, браслеты и булавки для одежды.

После уничтожения якобинской диктатуры и победы буржуазии начинает возвращаться производство предметов роскоши, растет интерес к античному искусству. Появляются новые представления об эстетическом идеале, в основе которого лежит возврат к античности. В быт вводятся античные декоративные элементы. В конце 90-х годов можно говорить о наличии идейно-художественного и стилевого единства, которое легло в основу формирования нового стиля Империи (ампир).

Увлечение античностью сделало особенно модными камеи на твердых камнях (агат, сердолик) и на раковинах. Создавалось множе-

ство подделок под античные камеи, которые носили как мужчины, так и женщины. Камеи вставляли в кольца, украшали ими ожерелья, носили их как медальоны. В конце 90-х годов стали появляться украшения с драгоценными камнями.

Кардинально меняются эстетические вкусы людей конца XVIII века. Естественные формы тела становятся предметом поклонения. Француженки хотят быть похожи на античные статуи, воспроизводят в своем костюме ритмы драпировок античных одежд (см. Приложение 6).

В период Директории стиль женского костюма требовал обуви на низком каблуке. Была мода на котурны, которые надевались на голые ноги и только для пеших прогулок. Обувью для балла служили открытые плоские вышитые туфли светлых тонов, имеющие шнуровку из лент, оплетающих ногу крест-накрест до середины икры. Повседневной обувью были такие же туфли, но без вышивки. Чулки носили белые с вшитыми стрелками. Некоторые из французских модниц выбирали чулки телесного цвета, сделанные из шелка.

В последние годы XVIII века в городах новый костюм почти полностью вытеснил старый. Каждая социальная группа пыталась вносить в костюм новые черты, которые были присущи специфике их бытового уклада. Это заключалось в другом качестве тканей, более практичной их расцветке. Девушки носили более короткие платья, часто закрывали шею и декольте фишю. Замужние женщины покрывали голову чепчиком. Корсаж платья был несколько длиннее женщин старше тридцати лет. В домашней обстановке, в будни они всегда носили фартук.

Следует отметить, что в это время городской французский костюм не был единым по стилю. Начало нового века стало началом нового этапа в истории европейского костюма [61].

Выводы по разделу 1

В политическом отношении, можно говорить о нестабильности этой сферы французского общества. По поводу сохранения или отмены тех или иных сословных привилегий то и дело вспыхивали кон-

фликты. Особое место занимала борьба между правительством и парламентами. Все это происходило при падении международного престижа Франции из-за неудачной внешней политики. К 1789 году Франция оставалась преимущественно аграрной страной, но при этом зарождается и развивается промышленность. К моменту начала революции в обществе накопилась масса социальных противоречий между высшими сословиями и низшими. Привилегии дворянства на фоне налогового гнета беднейшей части французского общества создавали мрачную картину структуры французского общества.

Вопросы для самоконтроля

1. Охарактеризуйте личность короля Людовика XVI. Как его личность влияла на правящую элиту Франции?
2. Раскройте понятие «парламент». Какой смысл в это слово вкладывали в веке? В чем суть разногласий между правительством и парламентами?
3. Какие отрасли французского промышленного производства преобладали во Франции накануне революционных событий? Охарактеризуйте развитие сельского хозяйства во Франции накануне революции.
4. Охарактеризуйте влияние внешнеполитического положения Франции на обстановку внутри страны накануне Великой французской революции.

Задания для самостоятельной работы

1. Работа с историческими источниками.

А) Ознакомьтесь с отрывком и выполните задания.

Из докладной записки Тюрго о муниципалитетах.

...Приходский муниципалитет будет заниматься: 1) распределением налогов; 2) делать постановление относительно общественных работ и проселочных дорог, специально необходимых для деревни; 3) наблюдать за благочинием бедных и за помощью им; 4) знать, каковы отношения к соседним деревням и большим общественным работам в

округе, и извещать о мнении деревни по этому поводу высшую масть, которая может решить данный вопрос. Этот муниципалитет будет состоять из всех собственников прихода. Каждый гражданин, имеющий ежегодный доход в 600 франков, будет иметь право на один голос в собрании. Каждый гражданин, имеющий ежегодный доход выше 600 франков, будет пользоваться столькими голосами, во сколько раз его доход больше 600 франков. Граждане, доход которых меньше 600 франков, будут иметь право только на пропорциональную их доходу часть голоса: они будут соединяться для избрания депутатов, которые одни будут иметь право входа в собрание. В приходе из 100 семейств можно рассчитывать, что собрание будет состоять приблизительно из 5-6 лиц.

Городской муниципалитет будет для городов тем же, чем для деревень является приходский муниципалитет. Он будет походить на последний, с той разницей, что каждый городской собственник, чтобы иметь право на один голос, должен будет доказать пользование 15.000 франками дохода. В небольших городах городское собрание может непосредственно управлять местными делами. В больших городах оно будет назначать муниципальных служащих, уполномоченных управлять от своего имени; в очень больших городах избиратели представляют несколько лиц, между которыми выбор сделает король.

Окружной муниципалитет будет состоять из депутатов городов и приходов следующим образом: по одному депутату от города или обыкновенного прихода; два депутата от главного города провинции; Париж один будет иметь четырех депутатов. Ранг каждого депутата будет определяться числом голосов, от имени которых он будет говорить. Муниципалитет округа будет заниматься налогами, общественными работами и благотворительностью, касающимися округа.

Провинциальный муниципалитет будет состоять из депутатов от окружных муниципалитетов. Можно считать, что число их будет около 30. Он будет иметь ту же компетенцию по отношению к делам провинции, какую имеет окружное собрание по отношению к делам округа.

Наконец национальный муниципалитет будет состоять из депутатов от провинциальных собраний. Он будет заниматься обществен-

ными работами и благотворительностью, имеющими общий интерес, и распределением налогов между провинциями.

Перевод Н. И. Никифорова (Хрестом. П. Ардашева). Старый порядок во Франции. М. 1925 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/France/XVIII/1760-1780/Turgot/doklad_zap_municipal.htm (дата обращения: 11.03.2025)
(дата обращения: 11.03.2025)

Б) Дайте внешнюю и внутреннюю характеристику источника по плану:

Внешняя характеристика	Внутренняя характеристика
• Тип источника• Вид источника• Характер (официальный или неофициальный)• Авторство• Время и место создания• Исторические условия (обстоятельства), цели создания• Точность и достоверность	• Особенности языка документа• Информативность исторического источника
• Возможности использования источника в школьном курсе всеобщей истории.	

В) Ответьте на вопросы:

1) Составьте на основе источника интеллект-карту «Проект муниципальной реформы Тюрго».⁴

2) Почему реформа не была принята? Приведите не менее трёх аргументов.

2. Работа с историческими источниками.

А) Ознакомьтесь с отрывком и выполните задания.

⁴ Методика использования технологии интеллект-карт в рамках уроков истории описана в статье Н. В. Ключниковой, С. Ю. Юрьевой «Технология использования интеллект-карт на уроках истории в школе» // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2022. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologiya-ispolzovaniya-intellekt-kart-na-urokah-istorii-v-shkole> (дата обращения: 11.04.2025)

Чарльз Диккенс «Повесть о двух городах»

Глава XV

ШАГИ УМОЛКАЮТ НАВЕКИ

(Извлечение)

Глухо гремят по улицам Парижа телеги, наполненные осужденными на смерть. На шести колесницах везут красное вино — ежедневное пропитание гильотины. С тех пор как человеческое воображение стало придумывать ненасытных чудовищ, пожирающих людей, не было выдуманно ни одного более совершенного, чем гильотина. И как ни разнообразна почва Франции, как ни благодатен ее климат, нет в ней ни одного листочка, ни одной травки, ветки, ни единого зерна, которое бы взросло и созрело при условиях более благоприятных, чем это самое чудовище. Попробуйте еще раз изувечить человечество ударами таких же молотков и увидите, что его изуродованное тело примет такую же форму. Посейте те же семена хищного произвола и притеснения, и они дадут такие же плоды.

Шесть телег тяжело катятся по улицам. Преврати их снова в то, чем они прежде были, о могущественный волшебник Время, и мы увидим вместо них колесницы самодержавных владык, кареты феодальных дворян, пышные наряды, достойные древней Иезавели, храмы, которые «не дом Отца Моего, но притоны разбойников» и жалкие лачуги миллионов крестьян, истощенных голодом! Но нет, великий волшебник, величаво исполняющий законы, установленные Создателем, никогда не восстанавливает в прежнем виде то, что подверг превращению. «Если ты принял этот вид по воле Божией, — говорят прорицатели оборотням в мудрых арабских сказаниях, — то оставайся так! Если же ты превратился в такую форму через простое заклинание колдунов, то прими свой первоначальный вид!» Неизменно, безнадежно телеги грохочут по улицам.

По мере того как мрачные колеса шести телег вертятся по мостовой, они как бы проводят глубокую извилистую борозду среди черни, густо заполняющей улицы. Плуги безостановочно идут вперед, взрывая направо и налево сплошные окраины из человеческих лиц. Постоянные обитатели окрестных домов до того привыкли

к этому зрелищу, что во многих окнах совсем нет зрителей; в других видны люди, на несколько секунд обернувшись взглянуть на проезжих, не отрываясь от своего обычного дела. Изредка заметно, что хозяин квартиры угощает этим зрелищем своих гостей: он указывает пальцем то на ту телегу, то на другую, с самодовольством официального экспонента объясняя, кто там сидел вчера и кого провозили третьего дня.

Некоторые из сидящих в телегах видят все это, бесстрастно глядя по сторонам, другие еще с некоторым интересом следят за жизнью и нравами людей. Одни понурили голову в безмолвном отчаянии, другие, продолжая заботиться о своей внешности и репутации, бросают на толпу такие взоры, какие видели на картинах или на театральных сценах. Несколько человек едут с закрытыми глазами, задумавшись или стараясь собраться с мыслями. Только один несчастный, полупомешанный, так опьянел от ужаса, что поет и даже пытается приплясывать. Ни один из них ни взглядом, ни единым движением не вызывает к жалости народа.

Рядом с телегами едет разнокалиберная конная стража, и к некоторым из всадников часто обращаются из толпы с вопросами. Как видно, все задают один и тот же вопрос, потому что после каждого ответа толпа теснится к третьей телеге. Едущие рядом с этой телегой солдаты часто указывают концом обнаженной шпаги на одного из находящихся тут. Всеобщее любопытство направлено сегодня на этого человека: он стоит у задка телеги и, наклонившись, все время разговаривает с молоденькой девушкой, которая сидит на боковой скамейке и держит его за руку. Он не интересуется тем, что происходит кругом, и занят только этой девушкой. Пока проезжают по длинной улице Сент-Оноре, там и сям из толпы вырываются ругательства по его адресу, но он не обращает на них внимания; лишь изредка по лицу его скользнет спокойная улыбка, и он качает головой, чтобы волосы спустились ниже и отчасти закрыли его лицо. Поправить их он не может, потому что у него локти связаны.

Б) Дайте внешнюю и внутреннюю характеристику источника по плану:

Внешняя характеристика	Внутренняя характеристика
• Тип источника • Вид источника • Характер (официальный или неофициальный) • Авторство • Время и место создания • Исторические условия (обстоятельства), цели создания • Точность и достоверность	• Особенности языка документа • Информативность исторического источника
• Возможности использования источника в школьном курсе всеобщей истории.	

В) Ответьте на вопросы:

1. О каком событии говорится в тексте?
2. Найдите в тексте отрывок как осужденные на смерть и зеваки воспринимают происходящее?

3. Темы для проектных работ и презентаций.

1. Внешняя политика по Франции в 40-90 гг. XVIII века.
2. Налоговые привилегии дворянства накануне Великой французской революции.
3. Аграрный вопрос во Франции в 40-90 гг. XVIII века.
4. Культурная жизнь французского общества накануне революции.
5. Повседневная жизнь французского общества накануне революции.

6.

4. Список рекомендованных источников и литературы:

1. Адо А.В. Крестьяне и Великая французская революция. Крестьянское движение в 1789-1794 гг. [Электронный ресурс] URL:

https://istmat.org/files/uploads/28154/agrar_fr_a-v-ado_1987.pdf (дата обращения: 11.03.2025)

2. Берго, И. Б. Парламентская оппозиция абсолютизму и попытки реформ в 1749-1776 годах / Г. С. Кучеренко // Французская революция XVII в.: экономика, политика, идеология сборник научных статей; Наука. - М., 1988-230 с.

3. Калитина Н.Н. Великая французская революции и развитие изобразительного искусства в конце XVIII века [Электронный ресурс] URL: https://istmat.org/files/uploads/29289/1988_ancien-regime_revolution_kalitina.pdf (дата обращения: 11.04.2025)

4. Лебедева, Е. И. Дворянство и налоговые привилегии накануне революции / Г. С. Кучеренко // Французская революция XVII в.: экономика, политика, идеология сборник научных статей; Наука. - М., 1988 г. -230 с.

5. Кучеренко // Французская революция XVII в.: экономика, политика, идеология сборник научных статей; Наука. - М., 1988 г. - 230 с.

6. Ревуенков, В. Г. Очерки по истории Великой французской революции. 1789-1799. – Л., 1989, - 536 с.

7. Чеканцева З.А. Политические представления французских простолюдинов на исходе Старого порядка. [Электронный ресурс] URL:https://istmat.org/files/uploads/30217/2000_z-a-chekantseva.pdf (дата обращения: 11.04.2025)

8. Чеканцева З.А. Праздник и бунт во Франции между Фрондой и Революцией. [Электронный ресурс] URL: https://istmat.org/files/uploads/30215/2005_z-a-chekantseva.pdf (дата обращения: 11.04.2025)

9. Французское Просвещение и революция. – М. Наука. – 1989 г.

5. Картотека понятий

- Парламенты
- Старый порядок
- Талья

6. Карготека персоналий

- Анн Робер Тюрго
- Людовик XVI
- Неккер
- Оноре Мирабо

7. Темы для эссе:

- «Попытки экономических реформ накануне Великой французской революции: был ли шанс на успех?»
 - «Был ли шанс избежать революции, если бы королем был не Людовик XVI».

8. Возможности использования темы в школьном курсе истории:

Используя материалы пособия и школьный учебник для 8 класса⁵ разработайте не менее 5 заданий для учащихся:

- Проверочные задания в тестовом формате (не менее 10 вопросов);
- Самостоятельную работу в формате вопросов, требующий развернутого ответа (не менее 10 вопросов);
- Вопросы в формате ОГЭ и ЕГЭ по истории (не менее 5 вопросов каждого из форматов);
- Составьте кроссворд для учащихся 8 класса.

9. Законспектируйте следующие статьи:

Берго, И. Б. Парламенты и политическая борьба во Франции накануне Великой французской революции // Новая и новейшая история. 1988, № 6. - С. 39-55.

(Извлечение)

Во второй половине XVIII столетия стали нарастать сдвиги во всех сферах жизни французского общества. Ускорение темпов экономического развития и появление в экономике все более зрелых форм капиталистического уклада, изменения в социальной области, суще-

⁵ Предлагается составить задания к учебнику В.Р. Мединского. Всеобщая история. История Нового времени. XVIII век. – М. – Просвещение. – 2021 г.

ственная трансформация идеологических структур — все эти факторы во многом способствовали и ощутимой внутренней переориентации абсолютистского режима, пытавшегося приспособиться к новым условиям социальной действительности.

Признаки упадка абсолютизма, скрытые за его внешне благополучным фасадом, проявлялись прежде всего в хроническом финансовом кризисе, который, несмотря на неоднократные усилия королевской администрации, так и не удалось ликвидировать. На рубеже 50-х годов XVIII в. произошло и оформление политической оппозиции абсолютизму, в которой главную роль вплоть до самого кануна революции играли парламенты — высшие судебные палаты французского королевства.

Проблема парламентской оппозиции, различные аспекты которой рассматриваются в целом ряде опубликованных за последнюю четверть века статей и монографий, привлекает внимание зарубежных исследователей главным образом в контексте изучения истории общества Старого порядка¹. Однако несмотря на то, что в современной зарубежной историографии этот сюжет широко рассматривался, проблема социальной направленности, идейно-политической сущности, исторического содержания парламентской оппозиции по сей день остается в значительной степени не изученной.

Правда, в выявлении политической роли этого института к настоящему времени достигнуты определенные успехи. Так, практически можно считать доказанным, что начиная со второй половины XVIII в. именно парламенты стали центром общедворянской оппозиции абсолютизму и превратились в главный фактор политической нестабильности абсолютистского режима. Данные выводы отнюдь не закрывают весь перечень существующих в литературе оценок парламентской оппозиции, а требуют дальнейшей детализации. В частности, если характер политических взаимоотношений парламентских магистратов с остальным дворянством изучен, хотя и не до конца, но все же относительно подробно, то имеющиеся в литературе оценки политической роли парламентов в контексте социальных запросов и политического поведения более широких слоев французского обще-

ства, особенно различных прослоек буржуазии и третьего сословия в целом, фрагментарны, не имеют под собой должной исследовательской базы и, в силу этих обстоятельств, далеко не бесспорны. Дискуссионными являются также имеющиеся отдельные истолкования характера политических взаимоотношений абсолютизма и парламентов, роли последних в развитии кризиса всей французской феодально-абсолютистской системы. Наконец, плохо разработан вопрос о социально-политической программе французских парламентов, о наличии или отсутствии у парламентской оппозиции реальной исторической альтернативы государственно-политической системе Старого порядка, т.е. абсолютистскому режиму, свергнутому Великой французской революцией.

Существенной особенностью упомянутых работ зарубежных историков является ограниченный, сугубо конкретный характер предлагаемых ими обобщений и выводов. В то же время концептуальное обобщение уже имеющейся в литературе информации по проблемам парламентской оппозиции, политических взаимоотношений парламентов с абсолютизмом осуществляют главным образом историки так называемого "ревизионистского направления". Особенность их подхода к изучению Старого порядка в целом заключается в том, что осмысление новых данных по истории Франции XVIII столетия в первую очередь служит для них основой "реинтерпретации" разработанных прогрессивной и марксистской историографией концепций Великой французской революции². По вопросу о роли и месте парламентской оппозиции в развитии политического процесса во Франции последних десятилетий Старого порядка в рамках "ревизионистского направления" встречаются различные, а порой прямо противоположные друг другу суждения и оценки

Термином "парламент" в современной политической терминологии обозначается, как правило, выборный орган в системе представительного правления буржуазных государств, ведущий свою родословную от средневековых органов сословного представительства. Однако во Франции XIII—XVIII вв. это понятие имело совершенно иное содержание. Парламентами назывались верховные судебные па-

латы французского королевства, обладавшие также рядом административных функций. К середине XVIII в. во Франции насчитывалось двенадцать парламентов: в Париже, Тулузе, Гренобле, Дижоне, Бордо, Руане, Эксе, Ренне, По, Меце, Дуэ и Безансоне, а также три высших совета в Кольмаре, Аррасе и Перпиньяне, представлявшие собой парламенты в миниатюре, Парижский парламент, выделившийся еще в середине XIII в. из Королевской курии в качестве особой судебной палаты, самый древний и многочисленный, тесно связанный с центральным государственным аппаратом, обладавший наиболее сложной, разветвленной организационной структурой и носивший статус "палаты пэров", являлся, по сути дела, неофициальным лидером всей французской магистратуры. Территория, на которую распространялась его юрисдикция, занимала в XVI-XVIII вв. около трети всей территории страны. Провинциальные же парламенты создавались королевской властью в разные сроки, часто по мере окончательного присоединения к королевскому домену окраинных провинций.

Несмотря на то, что парламенты возникли как судебные учреждения и продолжали выполнять судебно-юридические функции до 1789 г., на протяжении всего своего существования они являлись важным фактором политической борьбы, стержнем которой было противостояние вначале центростремительной и центробежной, затем — абсолютистской и антиабсолютистской тенденциям. Парламенты как олицетворение королевского правосудия сыграли большую роль в территориальном объединении страны.

При Людовике XI (1461—1483) им было даровано право критиковать королевские указы, если те, по мнению магистратов, противоречили ранее изданным эдиктам или обычаям страны (так называемое право ремонстраций). Значительную роль для укрепления положения парламентов в государственной системе сыграла позиция, занятая ими в период гражданских войн второй половины XVI столетия, в ходе которых они неизменно выступали на стороне правительства. В 1577 г. Генеральные штаты в Блуа провозгласили обязательным правилом поступление всех эдиктов на проверку и контроль в палаты парламента, когда штаты не собирались. Право парламентов на об-

суждение королевских законодательных актов и их критику путем подачи ремонстраций получило официальное подтверждение в королевской декларации 1563 г., в ордонансах 1565 и 1579 гг.

Существенно расширились и тесно связанные с судебными административные функции парламентов. В их ведение перешли вопросы строительства и содержания дорог, церквей, тюрем, больниц, благотворительных учреждений. Они ведали цензурой, контролировали организацию и проведение любого рода публичных собраний. Парламенты держали под контролем деятельность городских муниципалитетов, сельских коммун, ремесленных цехов и торговых гильдий¹⁵. Помимо всего этого королевская власть возложила на парламенты обязанность сохранять "порядок" или "покой", "удерживать подданных в совершенном и законном повиновении"¹⁶. Парижский парламент обладал также особыми полномочиями в отношении церкви, имел право регистрировать папские буллы.

Таким образом, к концу XVI — началу XVII в. парламенты стали обладателями весьма обширного комплекса функций. Они органично вписались в государственную машину абсолютизма, превратились в одно из ее важнейших составных звеньев. Вместе с тем именно в это время нарушились традиционные взаимоотношения парламентов и королевской власти. Если в XIII—XVI вв. их доминирующей формой был союз, основанный на единстве политических интересов и целей, то в начале XVII в. в основном сложились предпосылки конфликта между этими силами. По мнению В.Н.Малова, парламенты олицетворяли собой "исторически выверенный, постепенный путь укрепления абсолютизма в рамках традиционной законности, через судейские корпорации", при котором королевское законодательство непременно должно было согласовываться с богатой правовой традицией, а сам монарх — считаться с традиционными учреждениями¹⁷. Вплоть до верных десятилетий XVII в. этот "традиционный", "компромиссный" путь развития абсолютной монархии в целом был преобладающим. Однако в тяжелой обстановке Тридцатилетней войны вопрос о путях развития французского абсолютизма встал с доселе небывалой остротой. В этих условиях на первый план выходит вто-

рой, более быстрый и эффективный, воплотившийся в политике Ришелье, а позднее — Мазарини вариант развития абсолютизма, сводившийся к созданию принципиально новых административных институтов, подчиненных непосредственно центральной власти и не связанных регламентирующей юридической традицией. Конфликт парламентов с правительством в период Фронды по сути дела представлял собой внешнее проявление столкновения двух тенденций эволюции абсолютной монархии, борьбу, в ходе которой решался вопрос о том, какой путь развития абсолютизма будет впоследствии преобладающим. Политика Людовика XIV отражала пересечение двух указанных путей, причем приоритет в осуществлении государственно-политических прерогатив был явно на стороне новой бюрократии. Парламенты же, хотя и не прекратили своего существования, в основном выполняли во второй половине XVII — начале XVIII в. лишь функции пассивного инструмента абсолютистской внутренней политики, практически утратив самостоятельный политический голос.

Пименова, Л. А. Людовик XVI – французский король века Просвещения / Человек эпохи Просвещения. М.: Наука. 1999. С. 3-14.

(Извлечение)

Интеллектуальная атмосфера к моменту восшествия на престол Людовика XVI в 1774 г. характеризовалась рядом факторов:

- распространялись идеи Просвещения, утверждались новые представления о природе власти, подвергались сомнению традиционный образ монарха и идеология абсолютной монархии;

- существенным признаком новой мыслительной парадигмы являлось противопоставление старого и нового, общество было одержимо жаждой обновления;

- парламентская реформа Мопу 1771-1774 гг. (ропуск старых парламентов, замена их новыми с ограниченной компетенцией и отмена наследственных прав собственности на судейские должности) вызвала в стране идейный кризис. До того общественное мнение при-

знавало, что французский король соблюдает законы. Именно в этом, согласно авторитетному определению Монтескье, состояло принципиальное отличие монархии от деспотизма: монарх правит по закону, а деспот - сообразно собственным капризам. Реформа Мопу продемонстрировала, что во Франции нет политических институтов, которые помешали бы королю нарушить закон. Французскую монархию стали обвинять в деспотизме и требовать ответственности министров короля перед подданными.

Таким образом, Людовик XVI стал королем в тот момент, когда традиционный образ монарха подвергался критическому переосмыслению. Еще в годы реформы Мопу появилась масса политико-юридической литературы о королевской власти и монархии. Часть этой литературы была впоследствии переиздана в 1775 г. в связи с коронацией Людовика XVI.

В своих представлениях о короле и монархии современники были далеки от единодушия. Одни сохранили верность традиционному образу короля милостью Божией, наделенного безраздельной суверенной властью и свободного от ответственности перед подданными, хотя и обязанного соблюдать основополагающие законы страны. Приверженцем традиционных представлений был сам молодой король и ряд его приближенных, в частности из среды духовенства.

Прямую противоположность этим взглядам являло собой скептически-рационалистическое отношение к идее божественности королевской власти. Основополагающая в рамках традиционных представлений церемония помазания на царство объявлялась дорогостоящим спектаклем, смысл которого заключался в том, чтобы произвести впечатление на народ и убедить его в якобы божественном происхождении власти короля. Подобные критические взгляды пропагандировались не только вечно всем недовольными публицистами и юристами-маргиналами. Один из критиков оказался в числе влиятельнейших лиц в королевстве: речь идет о генеральном контролере финансов Тюрго.

Предпринимались также попытки осмыслить традицию в категориях политической мысли XVIII в. Помазание на царство трактова-

лось как заключение общественного договора между королем и его подданными. Авторы выдержанных в таком духе сочинений обращали особое внимание на клятвы, которые, согласно традиции, король давал во время коронации. Подобные взгляды были хорошо известны Людовику XVI. Вечером накануне коронации он прослушал проповедь архиепископа Эксского Буажелена, “просвещенного” прелата и друга Тюрго. Проповедь содержала не слишком явную, но понятную слушателям критику реформы Мопу и рассуждения об обязанности короля править только сообразно законам.

Правление Людовика XVI ознаменовалось попытками создать новый образ монарха, отличный как от классического образа Людовика Великого (Louis le Grand), так и от ставшего негативным образа Людовика Возлюбленного (Louis le Bien-aimé).

У Людовика XVI были два положительных образа: Людовик Суровый (Louis le Sévère) и Людовик Благодетель (Louis le Bienfaisant). Создание и того и другого имело причины как индивидуально-психологического, так и идеологического характера. Образ Людовика Сурового отвечал глубокой религиозности короля, его стремлению изменить нравы; он явно контрастировал с образом легкомысленного предшественника. На создание образа Людовика Сурового повлияли и личные качества монарха: его природная застенчивость, угловатость, грубоватость поведения, неловкость в общении с людьми, неумение расположить их к себе. Но этот образ не прижился; видимо, он требовал большей силы характера, чем та, которой обладал монарх. О Людовике Суровом говорили лишь в первые месяцы нового царствования, и после 1774 г. упоминания о нем исчезают.

Образ Людовика Благодетеля, в котором так же, как и в предыдущем, скрыта антитеза образу Людовика XV (“Louis le Bienfaisant” — “Louis le Bien-aimé”), существовал на всем протяжении царствования Людовика XVI, вплоть до начала революции (пропагандировавшийся тогда образ “Людовика — восстановителя французской свободы” представлял собой не что иное, как модификацию образа Людовика Благодетеля). Правда, и эта маска так и не приросла окончательно к лицу короля. В сознании современников и потомков все затмил

негативный образ несостоятельного мужа бесстыжей Антуанетты. Кроме того, перипетии революции вообще заставили забыть многие из распространенных прежде представлений. Но в конце старого порядка образ доброго короля, отца и друга своего народа пропагандировался постоянно и в самых разных формах: в официальных газетах, лубочных картинках, рассказах, передававшихся из уст в уста. Еще про дофина, а затем про короля Людовика ходили анекдоты о том, как он будто бы без свиты, переодевшись, гуляет по окрестностям Версаля и помогает бедным людям. Вот одна из таких историй, рассказанная современником. Однажды король вышел из Версальского дворца без свиты, но один из гвардейцев все-таки решил проследить за ним и увидел, как король зашел в какой-то дом. Гвардеец узнал от соседей, что в этом доме живет очень бедная семья. Когда король выходил из дома, его дожидалось у дверей множество гвардейцев и приближенных, и король, смеясь, воскликнул: «Черт побери, господа, от вас невозможно уйти искать приключений».

Бовыкин Д. Ю. Эволюция республиканского политического проекта во Франции (1793–1795) // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2019 Т. 21 № 1 (184). С. 196–212.

(Извлечение)

...

21 сентября 1792 г. Национальный Конвент торжественно провозгласил упразднение королевской власти во Франции. Теперь ему предстояло выработать новый основной закон страны. Конституционный комитет был избран неделю спустя, однако до восстания 31 мая — 2 июня 1793 г., оставившего монтаньяров без политической оппозиции, он так и не смог разработать проект, который устроил бы депутатов. Напротив, после переворота текст Конституции был предложен для обсуждения практически мгновенно: уже 10 июня с докладом на эту тему выступил М.-Ж. Эро де Сешель. ... 10 августа Конвент торжественно объявил об одобрении конституции французским народом, однако вскоре принял решение не вводить ее в действие до

заклучения всеобщего мира, выстроив вместо этого систему временного революционного порядка управления.

После переворота 9 термидора разговоры о необходимости ввести Конституцию 1793 г. в действие начались практически сразу: члены Конвента прекрасно понимали, что так и не выполнили свой долг перед избирателями. Но к осени 1794 — весне 1795 г., когда вопрос стал переходить в практическую плоскость, депутатам стало казаться, что это слишком опасно: она создавалась людьми, от которых Конвент давно уже отрекся, ...да и в принципе текст был слишком уж «якобинским». Поначалу ее хотели лишь модифицировать при помощи специальных конституционных законов, но в конце концов 18 апреля 1795 г. Конвент создал так называемую Комиссию одиннадцати, которая занялась выработкой принципиально нового текста. На сей раз комиссия работала два с лишним месяца, ее труд был представлен вниманию депутатов лишь 23 июня в докладе Ф.-А. Буасси д'Англа. Спустя еще два месяца, 22 августа, Конвент утвердил предложенный проект, внося в него немало изменений, затем он также был вынесен на референдум и наконец 23 сентября торжественно объявлен принятым. Вскоре Конституция III года Республики (1795) вступила в силу, а Конвент завершил свою работу.

При этом обращают на себя внимание два момента. Во-первых, пересмотру подверглась конституция, одобренная народом, хорошо известная населению, уподобляемая в официальной пропаганде скрижалям Завета [см., например: *La Constitution républicaine*]. Во-вторых, оба текста, абсолютно разных, принимал с разницей в два года один и тот же орган, Национальный Конвент, причем примерно в одном и том же составе: некоторые из так называемых «жирондистов» были изгнаны до конца июня 1793 г., но выжили и успели вернуться до лета 1795 г.; несомненно, что в 1795 г. не голосовали монтаньяры, погибшие после термидорианского переворота или исключенные впоследствии, однако в сумме это едва ли пятая часть от всех депутатов и их заместителей, участвовавших в работе Конвента.

Радикальное изменение текста конституции было следствием и конкретных политических пертурбаций, и накопленного депутатами

опыта управления страной, но прежде всего за этим стояло изменение базового идеологического проекта. Конституция и предшествовавшая ей Декларация прав человека и гражданина были не просто модифицированы, Декларация прав не просто превратилась в Декларацию прав и обязанностей — изменилось само видение депутатами политической ситуации в стране и будущего государственного устройства.

...

Мари Жан Эро де Сешель — потомственный дворянин, придворный, назначенный с подачи Марии-Антуанетты адвокатом Парижского парламента. Красавец, бонвиван, ценитель и любимец женщин. Участник взятия Бастилии. Депутат Законодательного собрания, во время работы которого перешел с правого фланга на левый и порвал с двором. Член Якобинского клуба, успевший побывать у Фейянов и вернуться обратно. Депутат Конвента, письменно голосовавший за обвинение короля, но не указавший, за какой вид наказания он высказывается. Член Комитета общественного спасения, где после участия в составлении Конституции занимался в основном вопросами внешней политики. Несколько раз избирался председателем Конвента. Блестящий оратор, произнесший в один день, 10 августа 1793 г., шесть речей. Присоединившийся к Революции скорее по практическим соображениям, нежели по идеологическим. Во многом человек Старого порядка - умный, образованный, либеральный, хотя и без твердых убеждений. Эволюционировавший «справа» «налево», причем по столь причудливой траектории, что историки до сих пор затрудняются связать его с какой-либо политической группировкой. Иными словами, не ультралевый, не санкюлот, не монтаньяр. Поддерживавший политику монтаньяров, но абсолютно свой для Равнины.

Франсуа-Антуан Буасси д'Англа — протестант, адвокат Парижского парламента, затем гофмейстер брата Людовика XVI графа Прованского. До Революции был известным публицистом, членом сразу нескольких провинциальных академий и Парижской академии надписей и изящной словесности. Депутат от третьего сословия в Генеральных штатах. Депутат Конвента, высказавшийся против смертной

казни монарха. Сидел на скамьях Равнины, в годы диктатуры монтаньяров льстил Робеспьеру. Будучи избран после Термидора в Комитет общественного спасения, отвечал за снабжение продовольствием и получил прозвище «Буасси-голод». Примерно в это же время за ним постепенно закрепляется репутация роялиста. Член Института.

После прихода Наполеона к власти член Трибуната и Сената, граф Империи, Великий Командор Ордена Почетного Легиона, пэр во время Ста дней и после Реставрации. Иными словами, опять же либерал, сформированный при Старом порядке. Человек Равнины, сумевший пригодиться всем политическим режимам. Эволюционировал, как и многие другие термидорианцы, сначала «справа налево», а затем «слева направо».

Совпадение ли то, что оба конституционных проекта составляли и представляли люди, которых можно назвать, в зависимости от того, как к ним относиться, «реалистами» или «конформистами»? Едва ли. Ни у монтаньяров, ни у организаторов термидорианского переворота никогда не было большинства в Конвенте, оратор не должен был вызывать чувство протеста у большинства депутатов. Для нас тем больше оснований надеяться, что их речи лишены «революционного фанатизма», как тогда говорили, и корректно отражают консенсус, который существовал на тот момент в Конвенте по идеологическим и конституционным вопросам.

...

Значение новой конституции мыслится Эро де Сешелем не столько во французском, сколько в куда более глобальном масштабе. День, когда она появится, «станет днем возрождения для Франции, днем революции для всей Европы». Оратор говорит не о правах человека, но о «правах человечества». В рамках космополитических и мессианских тенденций, характерных для Французской революции, всё это не удивительно. Любопытен лишь разворот, который обретает эта идея в выступлении Эро де Сешеля. Мыслилось, что французы не просто покажут пример другим народам, не просто принесут им свободу. Достаточно одного «правильного» текста, одного образца, чтобы народы сами осознали всю разницу между их деспотическими ре-

жими и французской свободой и сами, даже без помощи французских войск, поднялись на борьбу с «тиранами»...

Таким образом, республиканский политический проект, сформулированный в речи Эро де Сешеля (и, соответственно, в Конституции 1793 г.) был весьма лаконичен: Республика как естественное желание всех французов, республиканская конституция как текст, способный создать всемирную республику и прекратить войны на всей земле.

Речь, произнесенная в том же самом Национальном Конвенте спустя два года Буасси д'Англа, выстроена совсем в иной тональности....

Конституция по-прежнему видится способом закончить Революцию, однако теперь речь идет не столько о победах, сколько об отдыхе после долгих лет смуты. Революция у Буасси не праздник, не победное шествие по миру истинной Свободы. «Окиньте взглядом бескрайнее поле нашей Революции, уже покрытое столькими развалинами, которые почти повсюду несут на себе следы тех разрушений, которые приносит время; это поле славы и скорби, где смерть собрала свою жатву и где свобода одержала столько побед».

Это совершенно не значит, что Буасси принижает Революцию: она подается как итог развития идей Просвещения, ее принципы запечатлены в сердце каждого. Но в этих условиях Конвент должен не просто написать конституцию; он обязан создать текст, который положит конец этим бедам, а для этого требуется проанализировать всю Французскую революцию и понять, в чем были ее причины и почему ни одной политической группировке так и не удалось ее окончить.

...

Конституция 1793 г. не просто не подходит Франции в 1795 г.: следуя логике доклада, она и не может служить никому, кроме своих творцов, поскольку «ее слабость, даже ее абсурдность была задумана так, чтобы закон никогда не стал сильным». Хотя Комиссия одиннадцати и пыталась почерпнуть из нее что-то полезное, это оказалось невозможным. К тому же после прериальских событий опасность введения этой конституции в действие стала очевидной: Буасси имеет

в виду не только то, что восставшие этого требовали, но и то, что текст 1793 г. постулировал право на восстание. Иными словами, плоха не просто сама конституция монтаньяров, плохи ее принципы.

...

Так в третий раз за шесть лет была переписана Декларация прав; на сей раз ее дополнили Декларацией обязанностей (эта идея высказывалась еще в 1789 г.). Суть новой редакции Декларации Буасси сформулировал следующим образом: мы «заменили ясными определениями расплывчатые, туманные и вводящие в заблуждения выражения, которые могут лишь сбивать с толку». В первую очередь это касалось права на восстание и естественных прав человека, которые к 1795 г. стали казаться пустыми философскими абстракциями.

...

Таким образом, к 1795 г. республиканский политический проект претерпел значительные изменения. Речь Эро де Сешеля - это речь человека, который словно не верит (или всерьез не планирует), что Конституция 1793 г. сможет положить конец революции. Лозунг построения всемирной республики выдвигается им в то время, когда Франция ведет войны с державами первой антифранцузской коалиции. Разрабатывая механизмы одобрения законов первичными собраниями, депутаты будто забывают о том, что в стране идут мятежи; к концу июня 60 департаментов поднимутся против Конвента.

Пройдет два года, и, заплатив за это немалую цену, депутаты Национального Конвента избавятся от многих иллюзий. В основе проекта 1795 г. лежат рациональность, гармония, компромисс. Это проект не для революции, которая продолжается, а для революции, которая должна быть завершена. Его цель не в том, чтобы создать всемирную республику, а в том, чтобы подарить Франции долгожданные покой и стабильность. Конституция пишется на долгие годы, ее пересмотр возможен, но чрезвычайно затруднен и не может произойти быстро.

...

План конспекта статьи

Название статьи, автор/ авторы, год публикации, название и номер журнала, страницы.		
Главная проблема:		
*Второстепенные проблемы:	1. 2. ...	
Тезисы автора:	Аргументация:	Примеры:
1. 2. ...	1. 2. ...	1. 2. ...
Выводы: 1. 2...		

Раздел 2. РОЛЬ ОЛИМПИИ ДЕ ГУЖ В РАЗВИТИИ ДВИЖЕНИЯ ЗА ПРАВА ЖЕНЩИНЫ И ГРАЖДАНКИ

2.1. Положение женщины во Франции накануне революции: общая характеристика

Как писал в своей монографии, Адриан Лассер, женщины никогда, ни в одной стране, не оставались безразличными и пассивными зрительницами во время переворотов и глубоких государственных потрясений, решавших судьбы стран и народов, в особенности в периоды борьбы за установление социального порядка, гарантирующего большую справедливость и свободу. Они выступали добровольными деятелями во все такие великие моменты [53]. Женщина во время Великой Французской революции сыграла не последнюю роль. К концу XIII века она играет все большую роль в политической жизни общества.

Впервые женщины стали заявлять о своих правах еще в 70 годы XVIII столетия. В 1775 году в Ажане был образован клуб, названный «Увеселительным обществом». Статья XI его устава гласила, что если в обществе данного Клуба появятся дамы, то его члены должны будут «проявить к ним подобающую любезность» [45]. В это же время проявляется негативное отношение женского населения к чисто мужским клубам. Из «Протеста французских женщин против заседания мнимого Генеральных Штатов»:

«Мужчины зарываются в эти несчастные клубы, где беспокойное состояние людей, обделенных природою, ропот обманутых честолюбцев, желчный характер меланхоликов разгорячают воображение, легко поддаются воспламенению. Они возвращаются с этих тайных собраний с мрачным взором и озабоченным видом...» [45].

В 1788 году был разработан проект Академии Мод, которая должна была состоять из 25 мужчин и из 25 женщин. В 1781 году было создано Бретонское патриотическое общество, который допускал женщин в свой состав. В их число входила женщина-выходец из ари-

стократических кругов: графиня Нантуа, которую называли бретонской музой.

О предоставлении женщине активных и пассивных избирательных прав в 1788 заговорил видный деятель французской революции – Кондорсе, в своих

«Письмах буржуа из Нью-Гавена». «Я боюсь поспорить с ними, если они прочтут когда-нибудь эту статью, ибо я говорю об их правах на равенство, а не об их господстве» - писал он. Позже в 1790 году – он представил свои идеи Конвенту – но к ним не прислушались [45].

В 1789 году появляются первые петиции женщин, где они требуют гражданских прав. Из запроса женщин о приёме их в Генеральные Штаты:

«Мужчина рождается эгоистом; это, к сожалению, признанный принцип... Напрасно природа одарила нас духом интриги и обольстительностью, необходимой для преуспевания, он стремится извести нас до заведывания своим хозяйством, изредка удостоивая нас, когда ему этого хочется своих ласк». Но не все женщины разделяли это мнение. Тереза Кабаррюс говорила, что «Подруги мужчины не должны быть его соперницами» [46].

Сочувствия и поддержку женскому полу выражала и корреспонденция того времени. «Набат», «Права человека», «Месячная хроника», «Народный Оратор» - все эти издания поддерживали борьбу женщин за предоставление им политических прав.

Накануне и во время французской революции распространяется женская мемуарная литература, среди аристократических кругов. А. А. Егоров в своей статье [46] анализирует три таких произведения. Это записки Александрины дез Ешероль, записки герцогини Лауры д'Абрантес и «мемуары» камеристки Марии-Антуанетты, мадам Кампан.

Аристократка Александрина дез Ешероль во время революции была вынуждена бежать вместе с семьёй, поэтому в своих мемуарах она пыталась понять причины эмиграции сторонников роялистских сил. Главной она видит: «чувство чести» (дворянской солидарности),

которое, по её словам, вскоре обратилось в «принудительную моду». Затем на примере вождя лионских якобинцев – Шалье - высказывает свое крайне негативное отношение к ним. Также она выражает некоторое восхищение, говоря о «Марсельезе».

Герцогиня Лаура д' Абрантес в своих мемуарах старалась быть как можно более объективной. В частности, она не дает негативных оценок Мирабо, говоря, что это был «удивительный человек» [46]. В своих мемуарах она очень подробно описывает революционные события, террор, но особенно красочно работу Генеральных Штатов мая-июня 1789. Но её сочинение нельзя понимать как целиком объективный источник, так как он не имеет систему, содержит много отступлений, и раскрыт через призму дворянского сознания.

И наконец, воспоминания камеристки французской королевы, представляют собой один из самых интересных источников, поскольку его автор напрямую имела отношение ко двору и к королевской семье. Кампан подробно описала не только события революции («катастрофической драмы»), но и 70-80 годы, то есть время накануне революции. События революции описаны под влиянием на автора Марии-Антуанетты. Личностям революции даны характеристики («бесчестный Робеспьер»).

Сам факт описания в мемуарах женщин событий Революции, говорит об их не безучастности, об их интересе к политической жизни в обществе. Литературный талант, грамотность женщин из высшего света, говорит о том, что в 70-80 гг. XVIII века шел процесс приобщения женщины к социально- политической жизни, а к 1789 году – женщины по правовому сознанию ничуть не уступали мужчинам.

2.2. Особенности формирования мировоззрения Олимпии де Гуж

Прежде всего, необходимо рассмотреть биографию Олимпии де Гуж, поскольку, чтобы понять её мировоззрение, её роль в истории Франции, а также значение, которое она оказала на складывание идей феминизма и суфражизма, нужно понять, кем она была, из каких социальных слоев происходила и, как это отразилось на её биографии.

Мария Гуз, которая позже взяла себе псевдоним - Олимпия де Гуж, родилась 7 мая 1748 года в Монтобане. По одним данным она считалась дочерью мясника Пьера Гуза и Анны Олимпии Муиссе. Но большинство историков считает, что её отцом был маркиз Лефранк де Помпиньян, «бесталанного писателя, никогда не знавшего успеха» [49]. Отец так и не признал свою дочь. Позже этот факт отразился на политических воззрениях Олимпии де Гуж: проблема незаконнорожденных детей, не имевших права на наследование имущества, всегда волновала писательницу. Мать её по словам немецкой исследовательницы Эммы Адлер была «или модисткой или торговкой старыми платьями». [49]

Олимпия де Гуж не получила систематического образования. Э. Адлер считает, что читать и писать она так и не научилась [41], но история не подтверждает данный факт. В 1764 году она вышла замуж за Луи Ива Обри. У них был единственный сын – Пьер. Несмотря на факт рождения ребенка, женщина так и не полюбила своего мужа. Она мечтала стать писательницей, но это было невозможно из-за существовавших в обществе, где она жила, социальных ограничений для женщин. Сам факт её замужества и рождение ребенка также отразился на её мировоззрении, поскольку из источников мы узнаем, что она не являлась яркой противницей брака.

В 1770 году муж Олимпии умирает, после чего она переезжает в Париж. Разумеется, сама женщина не могла самостоятельно зарабатывать себе на жизнь, несмотря на оставленный ей мужем крупный капитал в 60.000 франков, она не могла бы существовать самостоятельно [41]. Так в её жизни появился богатый и влиятельный покровитель, военный интендант Жак Биетрикс де Розьер. Он предлагал Олимпии де Гуж замужество, но она отвергла его предложение, несмотря на то что тем самым обрекла себя место куртизанки в глазах простых обывателей [100].

Но именно благодаря своему покровителю она вошла в круги высшего французского общества, начала вести образ жизни светской женщины. В этот период своей жизни она завела знакомство с лидерами жирондистов, которым впоследствии всегда симпатизировала.

Она была знакома с Софией Кондорсе и даже входила в её «Социальный кружок», была знакома с её мужем, который, один из немногих деятелей революции выступал активным борцом за равноправие женщин. Здесь, в Париже, она начинает заниматься писательской деятельностью и берёт псевдоним – Олимпия де Гуж. [49]

В 1785 году Олимпия написала пьесу аболиционистского характера «Замара и Мирза». «L' esclavage des noirs ou L'heureux naufrage : drame en trois actes» – так звучит оригинально название работы на французском языке. На русский язык дословно это переводится как «Рабство черных или счастливое кораблекрушение: драма в 3 актах». Это литературное произведение потрясло общественность и одновременно принесло литературную славу Олимпии де Гуж. В нем она показала себя противницей рабства. Так она писала: «изображение жестокостей, проделываемых этими бессердечными работоторговцами, возбудило мое сострадание; вызвать сострадание общества, расположить его благопристойным образом в пользу этой жертвы корыстолюбия – вот обязанность, которую я на себя возложила». После этого произведения писательницу стали называть «синим чулком», а большинство произведений встречали насмешками [48].

В 1788 г. после согласия короля на созыв Генеральных Штатов Олимпия впервые начала писать не литературные произведения, а политические памфлеты, в надежде, что общество её услышит. Горячая любовь к Родине, обеспокоенность судьбой Франции подтолкнули её к написанию «Письма к народу» и «Патриотических записок», где она изложила свои мысли по поводу решения проблем экономического характера, накопившихся во французском обществе.

Начало революции она встретила с воодушевлением: открылись новые горизонты для реализации политических амбиций женщины. В этот период появилось множество политических клубов, кружков и обществ, в том числе во многие клуб уже входили женщины. Но Олимпия хотела, принимать участие в политической жизни стран наравне с мужчинами. Она активно выступала на трибуне в Национальном собрании и, её пламенные речи потрясали современников:

многие считали её великолепным оратором. Свою основную борьбу она вела за права женщины: жены, матери, сестры, «гражданки».

Её «Декларация прав женщины и гражданки», увековечившая имя автора в истории Франции и в истории феминизма хоть и потрясла современников своей дерзостью и прогрессивностью идей, но все же не оказала особого влияния на сам ход французской революции. За что же тогда казнили Олимпию де Гуж?

Как уже сказано выше она еще до революции разделяла взгляды жирондистов, в особенности симпатизировала Верньо. При этом она осуждала Марата и Робеспьера. Она оплакивала погибших на Массовом поле, осудила кровавые события в июне 1792 года. 5 ноября 1792 года она развесила обвинительные листки в адрес Робеспьера, где обвинила его в том, что он через трупы жирондистов прокладывает себе путь к власти. «Невежественный и подлый заговорщик! Его скипетр будет лилия страха перед пыткой, а трон его – эшафот! Назначь здесь день, час и место для дуэли; я приду туда!» [48]. Таким образом, женщина уже тогда подписала себе смертный приговор. А уже, будучи в тюрьме и находясь под судом, она говорила о Робеспьере следующее: «Робеспьер всегда мне казался бездарным и бездушным честолюбцем. Я всегда считала его способным пожертвовать всей нацией, чтобы добиться диктатуры».

Её подвергли арестам не только по причине любви к группировке жирондистов, но и за то, что она пыталась предложить себя в качестве адвоката Людовика XVI. У нее в течение нескольких лет революции поменялись взгляды на королевскую власть, это отслеживается по различным документам ниже.

Летом 1793 года выходит один из самых важных её политических памфлетов «Les trois urnes ou le salut de la Patrie»[49], памфлет, за который её арестовали. Более трех месяцев она провела в тюрьме. Её перевели из военной тюрьмы Аббатства в военную тюрьму «Petit Force». 2 ноября 1793 года был объявлен смертный приговор. Адвокат, который должен был прийти, чтобы защищать её в суде не пришел. Женщина защищала себя сама. Моральное её состояние подкосил тот факт, что перед самой смертью от нее отвернулся её един-

ственный сын. 3 ноября 1793 года Олимпия де Гуж была гильотирована.

2.3. Политические представления Олимпии де Гуж

Многие авторы отечественной историографии касаются частично взглядов Олимпии де Гуж относительно прав женщин и вопросов истории феминизма. Но, если смотреть глубже, то можно проследить во множестве её памфлетов её взгляды на политику и французское общество в целом. Большинство из памфлетов в современной историографии не анализировались до сих пор.

Но прежде всего, стоит отметить один из важных фактов, упомянутых нами в биографии женщины. Олимпия де Гуж предлагала себя в качестве адвоката короля. Её отношение к королевской власти не было таким уж одинаковым на протяжении жизни женщины.

Адлер приводит такие её слова о короле: «Ему внушают освобождаться от своих же обязанностей, делать все, что ему угодно, нищета же его возрастает вместе с его праздностью» [41]. Из этого высказывания Олимпии становится, очевидно, что она осуждает короля за то, что он довел страну своей праздностью и беспечностью до критического состояния, до нищеты. Сначала она осудила арест короля, таким образом, впервые вставая на его сторону, затем снова негативно отнеслась к королю, после его бегства из-под домашнего ареста. Но, когда она узнает, что короля намерены казнить, то предлагает себя в качестве адвоката короля из сострадания.

Из памфлета «Письмо к народу» следует, что о короле де Гуж отзывается, как о «добродетельном монархе», при этом она не возлагает на него вины за ту обстановку, что сложилась во Франции. В источнике она ясно дает понять, что такая экономическая и политическая обстановка образовалась еще при предшественниках Людовика XVI. «Людовик XVI был не в силах сдержать катастрофу, которая проявлялась в самом страшном насилии. Его предшественники создали проблему, некоторые из-за невежества, другие намеренно, должен

ли он, более несчастный король, чем его предки, нести ответственность за их ошибки?» [6].

Стоит обратить внимание на то, когда был написан данный документ: в 1788 году. То есть можно утверждать тот факт, что отношение к королевской власти было у Олимпии если не полностью положительным, то, по крайней мере, сочувствующим еще накануне революции. Но важно заметить, что де Гуж считала Людовика XVI виновным лишь до тех пор, пока он оставался королем. Король не должен, по её мнению, нести ответственность за своих предшественников, он виноват лишь в одном, в том, что он своей беспечностью по отношению к государственным делам усугубил ситуацию в стране. Но поскольку он уже лишился королевского титула, то перестал быть наказуемым. Таким образом, можно сказать, что она сочувствовала королю лишь как человеку, но отнюдь не как политику, проявляла к нему после лишения титула человеческое милосердие и сострадание, считая, что он не заслуживает смерти и гильотины.

Помимо этого, в памфлете «Письмо к народу» [6] мы можем проследить отношение де Гуж к реалиям её общества, к своей стране в целом. Олимпия де Гуж горячо любила свою страну, являлась отчаянной французской патриоткой.

«Гражданская война. Есть ли больший страх для человечества, чем эта катастрофа?» пишет она; де Гуж не желает, чтобы её сограждане воевали друг против друга. «Французы, знайте, моя душа болит за вас! Не амбиции заставили меня написать это письмо, но любовь к Родине и уважение к королю».

Для того чтобы решить финансовую проблему во Франции Олимпия де Гуж выдвигает свои предложения по её решению. Она считает, что необходимо ввести «прогрессивный налог», который по-другому называет «Отечественный налог».

«Все те, кто называют себя французами, будут сотрудничать, чтобы спасти государство. Кошелек подходит для получения этих добровольных сумм, предложенным Королём, будут считаться священными; эти средства будут определены законом на погашение государственного долга, ни монеты не может быть взято от этой суммы

ни под каким предлогом или в любой форме спекуляций. В целях обеспечения правильного управления этой системой каждый администратор провинции занимается местными государственными расходами, администратор в Парижском муниципалитете должен быть ответственный за расходами столицы. Все граждане вносят сумму в этот кошелек, в зависимости от своих возможностей, их имена будут записаны в реестр, ниже той суммы, которую они переведут на указанный счёт. Эта мера предосторожности защитит нас от коррупции и даст каждому участнику шанс признать другого; все граждане будут видеть себя как в зеркале, и этот портрет определит дух всей нации». В этой идее прослеживаются идеи общественного договора или налогового договора между гражданами и государством, основанного на добровольном начале. Одна идея того, что люди платят налог, согласно получаемым доходам, заслуживает внимания современных исследователей, поскольку крайне прогрессивна наравне с идеей женского равноправия, о которой будет сказано ниже, для своего времени.

Летом 1793 года выходит один из самых важных её политических памфлетов «Les trois urnes ou le salut de la Patrie» [21]. «Три корзины (урны) или да здравствует Родина», памфлет, где она ясно дала понять: французскому народу необходимо предоставить выбор между тремя избирательными корзинами, в каждой из которых своя Франция, а точнее своя форма французского государственного устройства; конституционная монархия, республиканское правительство, одно и неделимое (якобинцы) или федеральное правительство (жирондисты) [21]. Идея французского всенародного голосования, которая в современном мире назвалась бы словом «референдум», идея свободного выбора гражданами той формы государства, в которой им было бы удобно жить, характерна для идей эпохи Просвещения и крайне показательна для взглядов людей эпохи французской революции. Можно сказать, что интересы французской нации Олимпия де Гуж считает первичными, по её мнению, именно они должны определять дальнейшую судьбу Франции, а отнюдь не политические амбиции отдельных личностей.

Можно в целом отметить, что политические взгляды Олимпии де Гуж опередили свою эпоху: идеи прогрессивного налога и общенародного голосования были новы и не поняты в ее время. Стоит добавить и то, что де Гуж оказалась довольно дальновидным политическим деятелем. Задолго до падения диктатуры якобинцев она смогла разглядеть истинные лица Марата и Робеспьера, и их политические стремления.

2.4. Образ женщины в представлении Олимпии де Гуж

Чаще всего имя Олимпии де Гуж можно встретить, при работе с историей феминизма и суфражизма. В.И. Успенская дает разбор в своей статье истории появления слова феминизм. Впервые его ввел французский теоретик социализма Шарль Фурье в начале XIX века. Сегодня, по мнению Успенской, российское общество в конце XIX - начале XX вв. называло "феминизмом" стремление женщин из образованных (чаще всего, буржуазных) слоев общества самостоятельно и организованно добиваться признания своих прав в обществе. Термином «Феминизм» историк называет «разные формы сопротивления вековым традициям унижения женщин как социальной группы, в том числе теоретические аргументы в защиту равноправия полов». Её определение наиболее широкое, позволяет связать слово «феминизм» с произведениями того времени, когда слова «феминизм» не было, зато появлялись об изменении подчиненного положения женщины мужчине в обществе [49].

Под словом «суфражизм» у В.И. Успенской понимается «движение женщин за предоставление равных с мужчинами избирательных прав». Зачастую, понятия «феминизм» и «суфражизм» понимаются как синонимы, но это неверно, поскольку термин «феминизм» шире. В данном исследовании под словом суфражизм будет подразумеваться движение женщин за получение избирательных прав [49].

В 1789 году во Франции появилась «Декларация прав человека и гражданина». Во французском языке слово «l' homme» имеет два значения: «человек» и «мужчина». В 1793 году Олимпия издаёт

«Déclaration des droits de la femme et de la citoyenne» - «Декларацию прав женщины и гражданки», декларация, которая принесла ей славу [1].

Первая статья декларации де Гуж гласит, что «Женщина рождена свободной и равной в правах мужчине». Во второй статье она говорит о естественных правах мужчин и женщин, к ним, по её мнению, относятся: «свобода, собственность, безопасность и сопротивление насилию (подавлению).

В статье 4 она говорит о том, что «единственным ограничением для реализации естественных прав женщин является постоянная тирания со стороны мужчин. Это ограничение должно быть упразднено, как того требуют законы природы и человеческого разума».

В 11 статье она провозглашает очень прогрессивную для своего времени идею: право женщины излагать свои мысли и мнения, а также право женщины на своего ребенка. Статья 12 утверждает, что права женщин должны гарантироваться государством. В статье 13 Олимпия пишет, что «если женщина на равных выполняет тяжелую работу, то она должна принимать участие в распределении должностей, постов и всех других благ». Эта статья декларации является одним из первых прецедентов в истории, когда женщина потребовала для себя политических прав. В 17 статье Олимпия де Гуж заявляет о правах женщин на собственность: «Никого нельзя лишить собственности, поскольку таков истинный закон природы. Единственно возможным случаем будет законное требование общества, и то только на условиях предварительной и справедливой компенсации» [1].

Помимо статей в «Декларации» содержится еще одна немаловажная часть - «форма общественного договора между мужчиной и женщиной». Назвать его аналогом современного брачного контракта нельзя, так как он, по мнению самой де Гуж призван гарантировать не только тот факт, что имущество после развода или после смерти одного из супругов в первую очередь должно доставаться детям, но и тот факт, что данный документ призван защищать женщин от «мужского обмана». Женщина должна занимать достойное место в обществе, она способна заниматься мужскими делами.

Мысли о равноправии женщин и мужчин можно отследить не только в «Декларации прав женщины и гражданки» Олимпии де Гуж. В своей работе «Le Portrait des Femmes» [15] Олимпия де Гуж пишет: «Мужчины настаивают на том, что мы предназначены лишь для ведения хозяйства: проникательные и стремящиеся заняться литературой женщины являются существами, которых общество не может терпеть: так, за неимением предназначения, они внушают лишь скуку. Я принимаю тот факт, что есть определенные основания для этих принципов, но я также верю, что женщины в состоянии объединять достоинства разума с домашними обязанностями, даже с добродетелями душевности и качествами любви: соедините воедино красоту и приятный нрав и тогда, я уверена, вы станете редким, уникальным образцом» [15].

В этой фразе она подразумевает то, что женщина должна не только заниматься домом и детьми, но и развивать «свой разум», то есть получать образование, при этом сохраняя прекрасные душевные качества.

О морали и нравственности женщин она упоминает и в «Письме к народу» [6]. Она пишет: «Сегодня женщины погрязли в роскоши: покупать 10 шляп – бессмысленно. Можно купить две с хороших вкусом, а оставшиеся деньги отправить на погашение государственного долга. Королева также может показать свою добродетельную сущность, демонстрируя умеренность и экономию». Имеется в виду то, что женщина должна быть умеренной в своих желаниях, экономной и сдержанной, тогда общество не станет воспринимать женщин, как ветреное и легкомысленное существо.

«Брак – могила доверия и любви. Замужняя женщина может бесстыдно рожать незаконных детей своему мужу и оставлять им наследство, которое им не принадлежит. Незамужняя женщина может лишь одно: древние бесчеловечные законы не позволяют ей дать своему ребенку имя и богатство его отца. Никаких новых законов, регулирующих этот вопрос, принято не было. Если вы посчитаете парадоксальной и бессмысленной мою попытку дать моему полу право на постоянство, то я предоставлю мужчинам пожинать плоды моего

начинания. Но пока мы ждем, можно начать подготовку с внедрения всеобщего образования, с возвращения к нравственным истокам и к уважению института брака» [118].

Из этой фразы следует то, что Олимпия де Гуж не выступала противницей брака, несмотря на фразу «брак — это могила любви и доверия», на тот факт, что сама она не была счастлива в первом браке, а за своего покровителя так и не вышла замуж. Она лишь говорит о том, что брак утратил моральные основы, потому что закон признает любых детей, рожденных в законном браке – детьми мужа, даже если это не так. Эти дети имеют право на наследство. При этом закон никак не защищает детей родных, но, рожденных вне брака, как и их, матерей. Она затрагивает в данном случае проблему незаконнорожденных детей. Как уже упоминалось выше, на такое мнение де Гуж о браке, о детях и о праве на наследование имущества незаконнорожденными детьми, оказала влияние её собственная ситуация в семье.

Выводы по разделу 2

В 70-80 гг. XVIII века шел процесс приобщения женщины к социально- политической жизни, а к 1789 году – женщины по правовому сознанию ничуть не уступали мужчинам. В результате они принимали активное участие в революционных событиях наравне с мужчинами. Выдающейся представительницей эпохи Просвещения, впитавшей в себя нормы и ценности своей эпохи является Олимпия де Гуж. Её политические взгляды довольно устойчиво сформировались к началу Великой французской революции. Горячая патриотка, она в своих памфлетах предлагала себя в роли адвоката короля, выдвигала свои идеи, касательно финансового благополучия Родины. Несмотря на тот факт, что её брак оказался «могилой любви и доверия», она, оставаясь до конца жизни глубоко религиозным человеком, защищала институт семьи, призывая и мужчин, и женщин к сохранению высокоморальных отношений. Такие идеи в её произведениях не противоречат идеям женского равноправия, в том числе политическому равноправию.

Вопросы для самоконтроля

1. Охарактеризуйте положение женщин во Франции накануне революции.

2. Дайте характеристику личности Олимпии де Гуж. Как вы считаете, есть ли связь между её судьбой и её мировоззрением? Обоснуйте свой ответ.

3. Перечислите основные произведения Олимпии де Гуж. Какие социально значимые для французского общества идеи в них содержатся.

4. В каких произведениях Олимпия де Гуж отстаивает свои политические взгляды? Имели ли её политические проекты шансы на дальнейшую реализацию. Обоснуйте свой ответ.

Задания для самостоятельной работы

1. Работа с историческими источниками.

А) Ознакомьтесь с документом и выполните задания.

Déclaration des Droits de la Femme et de la Citoyenne. Septembre 1791.

Préambule

Les mères, les filles, les soeurs, représentantes de la Nation, demandent à être constituées en Assemblée nationale. Considérant que l'ignorance, l'oubli ou le mépris des droits de la femme sont les seules causes des malheurs publics et de la corruption des gouvernements, ont résolu d'exposer, dans une déclaration solennelle, les droits naturels, inaltérables et sacrés de la femme, afin que cette déclaration constamment présente à tous les membres du corps social leur rappelle sans cesse leurs droits et leurs devoirs, afin que les actes du pouvoir des femmes et ceux du pouvoir des hommes, pouvant être à chaque instant comparés avec le but de toute institution politique en soient plus respectés, afin que les réclamations des citoyennes, fondées désormais sur des principes simples et incontestables, tournent toujours au maintien de la Constitution, des bonnes mœurs et au bonheur de tous. En conséquence, le sexe supérieur en beauté comme en courage dans les souffrances maternelles reconnaît et déclare, en présence

et sous les auspices de l'Être suprême, les droits suivants de la femme et de la citoyenne:

Article 1 La femme naît libre et demeure égale à l'homme en droits. Les distinctions sociales ne peuvent être fondées que sur l'utilité commune.

Article 2 Le but de toute association politique est la conservation des droits naturels et imprescriptibles de la femme et de l'homme. Ces droits sont : la liberté, la prospérité, la sûreté et surtout la résistance à l'oppression.

Article 3 Le principe de toute souveraineté réside essentiellement dans la Nation, qui n'est que la réunion de la femme et de l'homme ; nul individu ne peut exercer d'autorité qui n'en émane expressément.

Article 4 La liberté et la justice consistent à rendre tout ce qui appartient à autrui; ainsi l'exercice des droits naturels de la femme n'a de bornes que la tyrannie perpétuelle que l'homme lui oppose; ces bornes doivent être réformées par les lois de la nature et de la raison.

Article 5 Les lois de la nature et de la raison défendent toutes actions nuisibles à la société; tout ce qui n'est pas défendu par ces lois sages et divines ne peut être empêché, et nul ne peut être contraint à faire ce qu'elles n'ordonnent pas.

Article 6 La loi doit être l'expression de la volonté générale : toutes les citoyennes et citoyens doivent concourir personnellement ou par leurs représentants à sa formation ; elle doit être la même pour tous ; toutes les citoyennes et citoyens étant égaux à ses yeux doivent être également admissibles à toutes dignités, places et emplois publics, selon leurs capacités, et sans autres distinctions que celles de leurs vertus et de leurs talents.

Article 7 Nulle femme n'est exceptée; elle est accusée, arrêtée, et détenue dans les cas déterminés par la loi : les femmes obéissent comme les hommes à cette loi rigoureuse.

Article 8 La loi ne doit établir que des peines strictement et évidemment nécessaires, et nulle ne peut être punie qu'en vertu d'une loi établie et promulguée antérieurement au délit, et légalement appliquée aux femmes.

Article 9 Toute femme étant déclarée coupable, toute rigueur est exercée par la loi.

Article 10 Nul ne doit être inquiété pour ses opinions même fondamentales ; la femme a le droit de monter sur l'échafaud, elle doit également avoir celui de monter à la tribune, pourvu que ses manifestations ne troublent pas l'ordre public établi par la loi.

Article 11 La libre communication des pensées et des opinions est un des droits les plus précieux de la femme, puisque cette liberté assure la légitimité des pères envers leurs enfants. Toute citoyenne peut donc dire librement : je suis mère d'un enfant qui vous appartient, sans qu'un préjugé barbare la force à dissimuler la vérité ; sauf à répondre de l'abus de cette liberté dans des cas déterminés par la loi.

Article 12 La garantie des droits de la femme et de la citoyenne nécessite une utilité majeure ; cette garantie doit être instituée pour l'avantage de tous, et non pour l'utilité particulière de celles à qui elle est conférée.

Article 13 Pour l'entretien de la force publique, et pour les dépenses d'administration, les contributions des femmes et des hommes sont égales ; elle a part à toutes les corvées, à toutes les tâches pénibles, elle doit donc avoir de même part à la distribution des places, des emplois, des charges, des dignités et de l'industrie.

Article 14 Les citoyennes et citoyens ont le droit de constater par eux-mêmes ou par leurs représentants la nécessité de la contribution publique. Les citoyennes ne peuvent y adhérer que par l'admission d'un partage égal, non seulement dans la fortune, mais encore dans l'Administration publique et de déterminer la quotité, l'assiette, le recouvrement et la durée de l'impôt.

Article 15 La masse des femmes, coalisée pour la contribution à celle des hommes, a le droit de demander compte à tout agent public de son administration.

Article 16 Toute société dans laquelle la garantie des droits n'est pas assurée, ni la séparation des pouvoirs déterminée, n'a point de constitution. La constitution est nulle si la majorité des individus qui composent la Nation n'a pas coopéré à sa rédaction.

Article 17 Les propriétés sont à tous les sexes réunis ou séparés : elles sont pour chacun un droit inviolable et sacré ; nul ne peut être privé

comme vrai patrimoine de la nature, si ce n'est lorsque la nécessité publique, légalement constatée, l'exige évidemment et sous la condition d'une juste et préalable indemnité.

Postambule

Femme, réveille-toi; le tocsin de la raison se fait entendre dans tout l'univers; reconnais tes droits. Le puissant empire de la nature n'est plus environné de préjugés, de fanatisme, de superstition et de mensonges. Le flambeau de la vérité a dissipé tous les nuages de la sottise et de l'usurpation. L'homme esclave a multiplié ses forces, a eu besoin de recourir aux tiennes pour briser ses fers. Devenu libre, il est devenu injuste envers sa compagne. Ô femmes! Femmes, quand cesserez-vous d'être aveugles ? Quels sont les avantages que vous recueillis dans la révolution ? Un mépris plus marqué, un dédain plus signalé. Dans les siècles de corruption vous n'avez régné que sur la faiblesse des hommes. Votre empire est détruit; que vous reste t-il donc ? La conviction des injustices de l'homme. La réclamation de votre patrimoine, fondée sur les sages décrets de la nature; qu'auriez-vous à redouter pour une si belle entreprise ? Le bon mot du Législateur des noces de Cana? Craignez-vous que nos Législateurs français, correcteurs de cette morale, longtemps accrochée aux branches de la politique, mais qui n'est plus de saison, ne vous répètent : femmes, qu'y a-t-il de commun entre vous et nous ? Tout, auriez vous à répondre. S'ils s'obstinent, dans leur faiblesse, à mettre cette inconséquence en contradiction avec leurs principes; opposez courageusement la force de la raison aux vaines prétentions de supériorité; réunissez-vous sous les étendards de la philosophie; déployez toute l'énergie de votre caractère, et vous verrez bientôt ces orgueilleux, non serviles adorateurs rampants à vos pieds, mais fiers de partager avec vous les trésors de l'Etre Suprême. Quelles que soient les barrières que l'on vous oppose, il est en votre pouvoir de les franchir; vous n'avez qu'à le vouloir. Passons maintenant à l'effroyable tableau de ce que vous avez été dans la société; et puisqu'il est question, en ce moment, d'une éducation nationale, voyons si nos sages Législateurs penseront sainement sur l'éducation des femmes.

Les femmes ont fait plus de mal que de bien. La contrainte et la dissimulation ont été leur partage. Ce que la force leur avait ravi, la ruse leur a

rendu; elles ont eu recours à toutes les ressources de leurs charmes, et le plus irréprochable ne leur résistait pas. Le poison, le fer, tout leur était soumis; elles commandaient au crime comme à la vertu. Le gouvernement français, surtout, a dépendu, pendant des siècles, de l'administration nocturne des femmes; le cabinet n'avait point de secret pour leur indiscretion; ambassade, commandement, ministère, présidence, pontificat, cardinalat; enfin tout ce qui caractérise la sottise des hommes, profane et sacré, tout a été soumis à la cupidité et à l'ambition de ce sexe autrefois méprisable et respecté, et depuis la révolution, respectable et méprisé.

Перевод с французского:

Декларация прав женщины и гражданки (1791)

Мужчины, можете ли вы быть справедливыми? Этот вопрос задает вам женщина. Вы не можете приказать ей молчать. Скажите мне, кто дал вам право унижать мой пол? Ваша сила? Ваши таланты? Взгляните на нашего Мудрого Творца, на величие природы, к гармонии с которой вы стремитесь, и, если сможете, найдите еще хоть один пример такого же деспотизма. Изучите мир животных, наблюдайте стихии, исследуйте растения и, наконец, все возможные органические формы существования и признайте свое поражение перед лицом тех доказательств, которые я вам предлагаю. Попробуйте, если, конечно, у вас получится, описать еще хоть один случай подчинения одного пола другому. Такое есть только в нашем обществе, потому что вся остальная природа устроена гармонично. Она образец вечного сотрудничества полов.

Только мужчины сделали из естественного разделения принцип. Нелепый, слепой, псевдонаучный и деградировавший - в эпоху просвещения и мудрости! – до полного невежества, мужчина хочет повелевать, поскольку только он наделен умственными способностями. Он делает вид, что поддерживает Революцию, хочет равноправия и на этом останавливается.

Матери, дочери, сестры и гражданки требуют права быть представленными в Национальном собрании. Полагая, что неосведомленность и пренебрежение правами женщин – корень всех проблем

нашего общества, мы решили выдвинуть торжественную декларацию естественных, неотъемлемых и священных прав женщин.

Декларация призвана служить постоянным напоминанием всем членам общества об их правах и обязанностях, обеспечивать законность любых действий мужчин и женщин и обеспечивать поддержание нравственности в обществе. Итак, пол, чья красота и смелость, подтверждаемая муками материнства, признает и заявляет в присутствии и под покровительством Господа Бога следующие Права Женщины и Гражданки:

Статья 1. Женщина рождена свободной и равной в правах мужчине. Социальные различия объясняются только соображениями целесообразности.

Статья 2. Целью любого политического объединения является утверждение естественных и неотъемлемых прав женщин и мужчин. К таковым относятся свобода, собственность, безопасность и сопротивление насилию (подавлению)

Статья 3. Принцип суверенитета изначально заложен в идее нации, которая представляет собой союз женщин и мужчин. Никто и ничто не может реализовывать власть, не данную ему государством.

Статья 4. Свобода и справедливость заключаются в возвращении всего, что принадлежит другим. Поэтому единственным ограничением для реализации естественных прав женщин является постоянная тирания со стороны мужчин. Это ограничение должно быть упразднено, как того требуют законы природы и человеческого разума.

Статья 5. Законы природы и человеческий разум осуждают все действия, наносящие вред обществу. Все, что разрешают эти мудрые и священные законы, не может быть запрещено, и никого нельзя заставить делать то, что не предписано этими законами.

Статья 6. Законы должны выражать всеобщую волю, все граждане, как женщины, так и мужчины, должны лично или через своих представителей содействовать законотворчеству. И мужчины, и женщины должны быть равны перед законом, иметь одинаковый доступ к государственным постам, почестям, общественной деятельности

согласно их способностям и на основании их талантов и добродетелей.

Статья 7. Ни одна женщина не является исключением. Ее могут обвинить, арестовать и содержать под стражей в случаях, оговоренных в законе. Женщины наравне с мужчинами подчиняются закону.

Статья 8. Закон должен устанавливать только такие наказания, необходимость которых очевидна. Наказание может осуществляться только так, как предписывает закон, принятый до совершения того или иного преступления.

Статья 9. Если женщина признана виновной, то она должна понести наказание, определенное законом.

Статья 10. Никто не должен быть наказан за собственные взгляды. Женщина может взойти на эшафот, следовательно, она может взойти и на трибуну, при условии, что в ее выступлении не содержится призыв к свержению законного режима.

Статья 11. Самым драгоценным для женщины является право на свободное изложение своих мыслей и мнений. Свобода подразумевает признание детей их отцами, поэтому любая женщина, не обращая внимания на варварские предрассудки, может открыто заявить: «Я мать твоего ребенка». Исключение может быть сделано, чтобы противостоять ограничению свободы в случаях, предусмотренных законом.

Статья 12. Гарантия прав женщин и гражданок принесет пользу всем; эта гарантия должна быть претворена в жизнь ради всеобщего блага, а не ради тех, кому доверено следить за исполнением декларации.

Статья 13. Вклад женщин и мужчин в общественную деятельность, а также их участие в управлении должны быть одинаковыми. Если женщина на равных выполняет тяжелую работу, то она должна принимать участие в распределении должностей, постов и всех других благ.

Статья 14. Мужчины и женщины имеют право проверять, лично или через своих представителей, необходимость пожертвований со стороны общества. Этот пункт распространяется на женщин, только в

том случае, если им гарантируется равная степень участия в процессе распределения материальных благ и управления обществом, в том числе в определении размера, основания, процесса и продолжительности сбора налогов.

Статья 15. Женщины, объединенные с мужчинами для упрощения процедуры налогообложения, имеют право потребовать отчет о распределении налогов у любого представителя властей.

Статья 16. Ни в одном обществе невозможна конституция, в которой не гарантировались бы естественные права, и не утверждалось бы разделение властей. Конституция является лишь фикцией, если в ее разработке не принимали участие большинство граждан страны.

Статья 17. Собственность принадлежит обоим полам. И для мужчин, и для женщин, обладание собственностью – священное и нерушимое право. Никого нельзя лишить собственности, поскольку таков истинный закон природы. Единственным возможным случаем будет законное требование общества, и то только на условиях предварительной и справедливой компенсации.

Постскриптум

Женщина, очнись. Набат разума раздаётся по всему миру. Осознай свои права. Огромное царство природы больше не окружено предрассудками, фанатизмом, суевериями и ложью. Пламя истины разогнало тучи глупости и узурпаторства. Силы раба умножились, и он сбросил свои оковы. Но, освободившись, он стал несправедлив к своим ближним. О, женщины! Когда же вы прозреете? Что вы получили от Революции? Усилившееся презрение, более им очевидное пренебрежение.

На протяжении столетий у вас была власть только над мужскими слабостями. Почему вы боитесь потребовать того, что причитается вам по мудрым законам природы? Или вы боитесь, что наши французские законодатели, эти блюстители нравов, живущие по меркам давно минувших дней, снова спросят: «Женщины, а что же у вас общего с нами?» «Все», - ответите им вы. Если они будут упорствовать, не бойтесь использовать силу разума для борьбы с необоснованными претензиями на господство, объединяйтесь под знаменем философии,

употребите всю свою энергию и вскоре вы увидите, как высокомерные мужчины, которые ранее были лишь услужливыми обожателями, станут делить с вами дары божественной мудрости. Какие бы преграды не стояли на вашем пути, в вашей власти освободить самих себя. Вам стоит только захотеть. Измените свой статус в обществе. И поскольку в данный момент обсуждается вопрос о всеобщем образовании, давайте проследим за тем, чтобы законодатели не обошли вниманием вопрос женского образования.

Женщины нанесли больше вреда, чем сделали добра. Их уделом были ограничения и притворство. Та власть, которая была отнята у них, нашла воплощение в арсенале женских хитростей. Они стали прибегать ко всем возможным видам обольщения, и даже самый целомудренный не смог перед ними устоять. Им подчинялись и меч, и яд. Они повелевали преступлениями. Руководство Францией, например, веками зависело от тех, с кем сильные мира сего проводили ночи; ни одна государственная проблема не оставалась тайной для женщины: назначения в посольствах, в армии, министерствах, церкви. Наконец, все мужчины, в мундире или сутане, пали жертвой алчности и амбициозности женщин, которых презирали и перед которыми преклонялись.

Что можно сказать в этой противоречивой ситуации? У меня есть только мгновение, чтобы изложить свои взгляды, но именно к этому мгновению будет приковано внимание наших потомков. При старом режиме все было порочно, все неправильно. Но взять хотя бы отношение к греху - что изменилось сейчас? Женщине нужно было быть всего лишь красивой и приятной. Если она обладала этими качествами, то она могла наслаждаться многими прелестями жизни. И если она ими не воспользовалась, то это считалось странностью или проявлением некой нелепой философии, которая заставляла женщину презирать богатство. Тогда в глазах общества она становилась сумасшедшей. Самые недостойные добивались уважения богатством, женская коммерция стала чем-то вроде особой отрасли в высших слоях общества, которая отныне прекратит свое существование. Если же она останется, то революция потерпит поражение. В новых условиях

мы никогда не будем чисты. Однако всегда можно заставить других поверить, что женщине закрыт путь к радостям жизни, если мужчина покупает ее, как раба на африканском побережье. Разница известна всем: раб подчиняется хозяину, но если хозяин дарует ей свободу, прибавив к ней материального вознаграждения, то что станет с женщиной в том возрасте, когда красота уже уходит? Она ощутит всю силу общественного порицания, и для нее будут закрыты даже двери благотворительных организаций. Про нее скажут: «Несчастливая старушка, почему же она не обеспечила себя?». Разум подсказывает другие, более пронзительные примеры. Молодая неопытная женщина, соблазненная любимым мужчиной, оставляет отчий дом, чтобы следовать за ним. Неблагодарный бросит ее через несколько лет, а чем старше она становится, тем чаще его измены. Он уйдет от нее, даже если у них есть дети. Если он богат, то он не посчитает нужным обеспечить своих детей. Он будет чувствовать себя совершенно безнаказанным, поскольку его оправдает любой суд. Если он женат, то любые другие обязательства будут признаны незаконными. Как же противостоять греху? С помощью закона о равном разделении собственности между мужчиной и женщиной и об их равном участии в управлении обществом. Совершенно очевидно, что выходцы из богатых семей только выиграют от такого закона. А что же ожидает тех, кто живет честно и достойно, но в нужде? Бедность и позор. Если девушка не обладает выдающимися талантами в музыке или рисовании, ей закрыт доступ к любому участию в общественной жизни, какими бы способностями она не обладала. Сейчас я ограничусь лишь набросками, через несколько дней я подробно изложу свою политическую платформу, снабдив свое сочинение необходимыми комментариями.

Я снова возвращаюсь к вопросу морали. Брак – могила доверия и любви. Замужняя женщина может бесстыдно рожать незаконных детей своему мужу и оставлять им наследство, которое им не принадлежит. Незамужняя женщина может лишь одно: древние бесчеловечные законы не позволяют ей дать своему ребенку имя и богатство его отца. Никаких новых законов, регулирующих этот вопрос, принято не

было. Если вы посчитаете парадоксальной и бессмысленной мою попытку дать моему полу право на постоянство, то я предоставлю мужчинам пожинать плоды моего начинания. Но пока мы ждем, можно начать подготовку с внедрения всеобщего образования, с возвращения к нравственным истокам и к уважению института брака.

*(Перевод Е.Лучининой и В.Успенской
Редакция В.Успенской)*

Б) Дайте внешнюю и внутреннюю характеристику источника по плану:

Внешняя характеристика	Внутренняя характеристика
• Тип источника • Вид источника • Характер (официальный или неофициальный) • Авторство • Время и место создания • Исторические условия (обстоятельства), цели создания • Точность и достоверность	• Особенности языка документа • Информативность исторического источника
• Возможности использования источника в школьном курсе всеобщей истории.	

В) Ответьте на вопросы:

1) Сравните «Декларацию прав человека и гражданина» 1789 г. и «Декларацию прав женщины и гражданки». Олимпии де Гуж. Какие права, заложенные в первой, дублируются в работе Олимпии де Гуж. Какие новаторские идеи содержит «Декларация прав женщины и гражданки».

2) Какими обязанностями наделяет женщин Олимпия де Гуж в своей Декларации. Считаете ли вы их целесообразными. Обоснуйте свой ответ.

3) Сравните и оцените положения «Декларации прав женщины и гражданки» Олимпии де Гуж и главу 1 Конституции РФ. Ответ оформите в виде таблицы, определив параметры для сравнения самостоятельно. Сформулируйте выводы.

4) Выскажите предположение о том, содержатся ли в «Декларации прав женщины и гражданки» основы традиционных ценностей российского общества.

2. Темы для проектных работ и презентаций:

- Женские салоны и кружки накануне Великой французской революции.

- Участие женщин в Великой французской революции.
- Знаменитые женщины Великой французской революции.
- Великая французская революция в воспоминаниях современниц.

3. Список рекомендованных источников и литературы:

1) Адлер, Э. Знаменитые женщины французской революции 1789-1795 гг. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://istmat.info/files/uploads/37743/e-adler_o-gouzhe.pdf Дата обращения: 14.05.17.

2) Вилье, М. де. Женские клубы и легионы амазонок: из истории феминизма во Франции/ Перевод на русский язык предисл. Ю. М, Стеклова. – М. , 2011. – 448 с.

3) Егоров, А. А. Женский взгляд на Великую Французскую революцию конца XVIII века / П. А. Кротов, С. А. Козлов // Великая французская революция, империя Наполеона и Европа. Издательство Санкт-Петербургского ун-та. – СПб., 2006. – 321 с. – С. 67-72.

4) Записки Александрины дез-Эшероль [Электронный ресурс] URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/France/XVIII/1780-1800/A_Echerolle/pred.htm (дата обращения: 11.04.2025)

5) Лассер, А. Коллективное участие женщин в Великой Французской революции [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://istmat.info/node/37749> . Дата обращения: 03. 06. 15.

6) Серебрякова, Г.И. Женщины эпохи Французской революции. - М. - 1958. - 160 с.

7) Успенская, В.И. Женские салоны в Европе XVII–XVIII веков / Женщины. История. Общество. - Вып. 2, - Тверь, - 2002.

4. Составьте синквейн по теме «Участие женщин в событиях Великой французской революции».

Пояснение: Синквейн – это педагогический прием, который представляет собой стихотворение из пяти строк, написанное по определенным правилам. Это способ подвести итог занятия, резюмировать новые знания, совершенствовать образную речь. План составления синквейна:

- *1 строка* – существительное (тема, выраженная существительным)
- *2 строка* – два прилагательных (раскрывают тему)
- *3 строка* – три глагола (относящиеся к теме)
- *4 строка* – фраза, афоризм, цитата (выражает отношение к теме)
- *5 строка* – итог (1 слово, резюмирующее все стихотворение)

5. Используя дополнительные ресурсы создайте инфографику «Личность Олимпии де Гуж в истории. Особые приметы». (См. пример 1).

Пояснение: инфографика — это краткий схематичный способ передачи информации в виде визуализированного контента: изображений, графики, текста, цифр и других элементов.

6. Возможности использования темы в школьном курсе истории:

- Составьте картотеку женщин-участниц Великой французской революции. На основе картотеки сформулируйте: темы для проектов в 8 классе.⁶
- Составьте проверочные задания в тестовом формате (не менее 10 вопросов) для учащихся 8 класса.
- Составьте самостоятельную работу в формате вопросов, требующий развернутого ответа (не менее 10 вопросов);
- Составьте вопросы в формате ОГЭ и ЕГЭ по истории (не менее 5 вопросов каждого из форматов);
- Составьте не менее 5 заданий повышенного (олимпиадного) уровня для учащихся 8 класса, используя материалы 2 главы пособия.
- Составьте не менее трех творческих заданий для учащихся 8 класса, используя материалы 2 главы пособия.

7. Законспектируйте следующие статьи:

Е. В. Головешкина, О. В. Захарова Положение женщин во Франции накануне Великой французской революции/ https://op.vlsu.ru/fileadmin/Programmy/Bacalavr_academ/44.03.05/Istoriy_In_lang-Angl/Metod_doc/Vestnik_VIGU_2015_4.pdf (дата обращения: 11.04.2025)

Великой французской революции как в зарубежной, так и в отечественной историографии посвящено немало трудов. Но одной из актуальных на сегодняшний день тем остаётся вопрос о роли женщин в тех событиях. Отрицать их роль невозможно: активное участие в

⁶ В статье Хоруженко Е.Г. «Проектная деятельность на уроках истории» автор приводит следующие 5 типов проектов: исследовательские (подчинены логике исследования и имеют структуру научного исследования); творческие (нацелены на результат в жанрах художественного творчества); приключенческие (игровые) (имитируют социальные или деловые отношения); информационные (направлены на изучение какого-либо явления, его свойств, функций, анализ и обобщение информации); практико-ориентированные (предполагают подготовку общественно значимых результатов проекта: закона, письма к администрации города, района, словаря, анкеты для социологического опроса и т. д.). По возможности при выполнении данного задания студенты должны сформулировать темы для разных форм проектной деятельности (научная статья, сообщение, словарь и т.д.).

общественно-политической жизни французского общества, организация клубов, поход женщин на Версаль, убийство Марата Шарлоттой Корде. Уже в конце XVIII века женщины во Франции стали заявлять о своих политических правах, но после 1793 года все женские клубы были закрыты, а к вопросу о женском равноправии во Франции вернулись лишь в конце XIX века. Напомним, что равными в правах мужчинам француженки стали лишь в 1945 году, однако предпосылки к развитию политического сознания женщин складываются ещё в конце XVIII века.

Прежде чем дать оценку положению женщин стоит разобраться, что же представляло собой общество накануне революции. Политическое положение Франции накануне революции было нестабильным как во внешней, так и во внутренней политике. К 70-м годам XVIII века возникает проблема конфронтации между абсолютистским правительством и парламентской оппозицией. Можно отследить попытки правительства подавить оппозицию, поэтому в 1770 – 1774 годах канцлер Мопу проводит судебную, или парламентскую, реформу. Парламентам запрещалось использовать термины «единство», «неделимость», «класс» для обозначения своей общности, поддерживать контакты между собой, обсуждать на заседаниях ремонстрации других палат. Магистратам запрещалось прерывать судопроизводство и коллективно уходить в отставку. Подтверждалось право ремонстраций парламентов, но с оговоркой, что после регистрации любого правительственного акта им не разрешается препятствовать их исполнению. Создавались Высшие советы (Аррас, Блуа, Шалоне, Клермон-Ферране, Лион, Пуатье), которые подчинялись юрисдикции столичного парламента. При этом Парижский парламент реорганизовывался, а его территориальное ведение сильно урезалось. Была отменена система продажи должностей и взятки; судопроизводство становилось бесплатным, а назначение на парламентские посты проводилось правительством. Данная реформа вызвала волну недовольства, так как парламенты фактически ставились под контроль государства («памфлетная война») [3; 4].

Внешнеполитическое положение Франции также являлось крайне неудачным, особенно после Семилетней войны 1756 – 1763 годов. По Парижскому миру от 10 февраля 1763 года Франция передавала в собственность английской короны Канаду и отказывалась от притязаний на земли к востоку от реки Миссисипи (отошли Англии). Таким образом, Франция утрачивает не только колонию, но и свой международный престиж [16].

К 1789 году Франция оставалась преимущественно аграрной страной, но при этом зарождается и развивается промышленность, по большей части легкая и мануфактурного типа: производство полотна, шерсти, шелка. Что касается сельского хозяйства, то тут преобладает выращивание зерновых культур и скотоводство. Об этом можно судить из мемуаров Толозана (1789 г.) [10, с. 110 – 111], из работы Неккера «Об управлении финансами Франции». В этих документах содержатся статистические данные о французской экономике [15]. Кроме того, в 1786 году Франция заключила союз с Великобританией о свободе торговли, но понесла убытки, так как дешевые товары попали на французский рынок. 1788 год выдался неурожайным и возникли продовольственные трудности.

В социальном аспекте французское общество в изучаемый период являлось неоднородным, особенно дворянство. По словам Пименовой, значительная часть французского дворянства оставалась землевладельцами феодального типа. Но под влиянием капитализма в ряде районов традиционные феодальные платежи стали вытесняться фермерской рентой. В некоторых районах формируется «деловое дворянство», занимающееся промышленностью [17, с. 67]. Но при этом, по мнению другой исследовательницы Лебедевой, дворяне не желали расставаться со своими привилегиями: это продемонстрировало, по её мнению, обсуждение проекта бессловного, территориального земельного налога в 1787 году [14, с. 80 – 81].

Многие современники отмечали нищенский образ жизни крестьян. Маркиз д'Аржансон в своих мемуарах [7, с. 115 – 117] описывает их трудную жизнь, бремя налогов: «Сейчас я в деревне. Я вижу нищету, ни о чем другом я не слышу; всегда говорили о том же, но

никогда не имели для этого стольких оснований». Русский писатель и путешественник Д. И. Фонвизин писал о французских крестьянах Лангедока, Прованса, Дофинса, Лиона и Бургони: «Сравнивая наших крестьян в лучших местах с тамошними, нахожу, беспристрастно судя, состояние наших несравненно счастливейшим». В одном месте его карета была окружена нищими, которые просили хлеба, что, по его словам, является доказательством нищеты [6, с. 112]. На 60 – 80-е годы, согласно исследованиям Чеканцовой, [19, с. 22 – 23] приходится множество хлебных бунтов, свидетельствующих о том, как жили крестьяне. Всё более значительную роль в обществе начинают играть рабочие, при этом власти старались подавлять зачатки рабочих профессиональных союзов [18, 123 – 124].

Таким образом, французское общество являлось накануне французской революции крайне противоречивым: неудачи во внешней политике, неграмотная внутренняя политика, социальное противостояние, экономическая отсталость. И в таких непростых условиях зарождались идеи о политическом равноправии женщин [20].

Как писал в своей монографии Адриан Лассер, женщины никогда, ни в одной стране не оставались безразличными и пассивными зрительницами во время переворотов и глубоких государственных потрясений, решавших судьбы стран и народов, в особенности в периоды борьбы за установление социального порядка, гарантирующего большую справедливость и свободу. Они выступали добровольными деятелями во все такие великие моменты [13].

Впервые женщины стали заявлять о своих правах еще в 70-е годы XVIII столетия. В 1775 году в Ажане был образован клуб, названный «Увеселительным обществом». Статья XI его устава гласила, что если в обществе данного клуба появятся дамы, то его члены должны будут «проявить к ним подобающую любезность» [4; 5]. В это же время проявляется негативное отношение женского населения к чисто мужским клубам. Из «Протеста французских женщин против заседания Генеральных Штатов»: «Мужчины зарываются в эти несчастные клубы, где беспокойное состояние людей, обделенных природою, ропот обманутых честолюбцев, желчный характер меланхоликов разго-

рячают воображение, легко поддаются воспламенению. Они возвращаются с этих тайных собраний с мрачным взором и озабоченным видом...» [5, с. 3 – 4].

В 1781 году было создано Бретонское патриотическое общество, которое допускало женщин в свой состав. В их число входила женщина – выходец из аристократических кругов: графиня Нантуа, которую называли бретонской музой [4, 5]

В 1788 году был разработан проект Академии Мод, которая должна была состоять из 25 мужчин и из 25 женщин.

О предоставлении женщине активных и пассивных избирательных прав в 1788 году заговорил видный деятель французской революции Кондорсе в своих «Письмах буржуа из Нью-Гавена»: «Я боюсь поспорить с ними, если они прочтут когда-нибудь эту статью, ибо я говорю об их правах на равенство, а не об их господстве», – писал он. Позже в 1790 году он представил свои идеи Конвенту, но к ним не прислушались [5, с. 5].

В 1789 году появляются первые петиции женщин, где они требуют гражданских прав. Из запроса женщин о приёме их в Генеральные Штаты: «Мужчина рождается эгоистом; это, к сожалению, признанный принцип... Напрасно природа одарила нас духом интриги и обольстительностью, необходимой для преуспевания, он стремится извести нас до заведывания своим хозяйством, изредка достаивая нас, когда ему этого хочется, своих ласк». Но не все женщины разделяли это мнение. Тереза Кабаррюс говорила, что «подруги мужчины не должны быть его соперницами» [5; 9].

Сочувствие и поддержку женскому полу выражала и пресса того времени. «Набат», «Права человека», «Месячная хроника», «Народный Оратор» – все эти издания поддерживали борьбу женщин за предоставление им политических прав.

Накануне и во время французской революции распространяется женская мемуарная литература среди аристократических кругов. А. А. Егоров в статье анализирует три таких произведения. Это записки Александрины дез Ешероль, герцогини Лауры д'Абрантес и мемуары камеристки Марии-Антуанетты мадам Кампан.

Аристократка Александрина дез Ешероль во время революции была вынуждена бежать вместе с семьёй, поэтому в своих записках она пыталась понять причины эмиграции сторонников роялистских сил. Главной она называет «чувство чести» (дворянской солидарности), которое, по её словам, вскоре обратилось в «принудительную моду». Затем на примере вождя лионских якобинцев Шалье высказывает свое крайне негативное отношение к ним. Также она выражает некоторое восхищение, говоря о «Марсельезе» [11, с. 70]

Герцогиня Лаура д'Абрантес старалась быть как можно более объективной. В частности, она не дает негативных оценок Мирабо, говоря, что это был «удивительный человек» [11, с. 70]. В своих записках она очень подробно описывает революционные события, террор, но особенно красочно – работу Генеральных Штатов в мае – июне 1789 года. Но её сочинение нельзя понимать как целиком объективный источник, так как оно не имеет системы, содержит много отступлений и раскрыто через призму дворянского сознания.

И, наконец, воспоминания камеристки французской королевы представляют собой один из самых интересных источников, поскольку его автор напрямую имела отношение ко двору и королевской семье. Мадам Кампан подробно описала не только события революции («катастрофической драмы»), но и 70 – 80-е годы, то есть время накануне революции. События революции описаны под влиянием Марии-Антуанетты. Личностям, участвующим в революции, даны характеристики («бесчестный Робеспьер») [11, с. 70].

Одной из самых интересных женщин французской революции является Мария Гуз (псевдоним – Олимпия де Гуж). Родилась она 7 мая 1748 года в Монтобане. По одним данным она считалась дочерью мясника Пьера Гуза и Анны Олимпии Муиссе. Но большинство историков считает, что её отцом был маркиз Лефранк де Помпиньян, который так и не признал дочь. Олимпия де Гуж не получила систематического образования. В 1764 году она вышла замуж за Луи Ива Обри. У них был единственный сын Пьер. В 1770 году муж Олимпии умирает, после чего она переезжает в Париж, где начинает заниматься писательской деятельностью и берёт псевдоним Олимпия де Гуж. У

неё появляется богатый и влиятельный покровитель Жак Биетрикс де Розьер. В 1785 году Олимпия написала пьесу аболиционистского характера «Замара и Мирза», а в 1788 году политические памфлеты «Письма к народу» и «Патриотические записки». В данных источниках излагаются идеи налогов для богатых. Но главным её достижением считается «Декларация прав женщины и гражданки» [12, с. 12 – 13].

В 1789 году во Франции появилась «Декларация прав человека и гражданина» [9; 2]. Во французском языке слово «l'homme» имеет два значения: «человек» и «мужчина». В 1793 году Олимпия издаёт «Déclaration des droits de la femme et de la citoyenne» [1] – «Декларацию прав женщины и гражданки» [8]. Первая её статья гласит, что «женщина рождена свободной и равной в правах мужчине». Во 2-й статье она говорит о естественных правах мужчин и женщин, к ним, по её мнению, относятся «свобода, собственность, безопасность и сопротивление насилию (подавлению)». В 4-й статье она говорит о том, что «единственным ограничением для реализации естественных прав женщин является постоянная тирания со стороны мужчин. Это ограничение должно быть упразднено, как того требуют законы природы и человеческого разума».

В 11-й статье она провозглашает очень прогрессивную для своего времени идею: право женщины излагать свои мысли и мнения, а также право женщины на своего ребенка. Статья 12 утверждает, что права женщин должны гарантироваться государством. В статье 13 Олимпия пишет, что «если женщина на равных выполняет тяжелую работу, то она должна принимать участие в распределении должностей, постов и всех других благ». Эта статья декларации считается одним из первых прецедентов в истории, когда женщина потребовала для себя политических прав. В 17-й статье Олимпия де Гуж заявляет о правах женщин на собственность: «Никого нельзя лишить собственности, поскольку таков истинный закон природы. Единственно возможным случаем будет законное требование общества, и то только на условиях предварительной и справедливой компенсации» [8].

Таким образом, можно сказать, что предпосылки к зарождению феминизма и суфражизма появились еще накануне Великой французской революции. Несмотря на то что в 1793 году была казнена Олимпия де Гуж из-за своих симпатий к жирондистам, а все женские клубы после 1793 года были распущены, идея женского равноправия смогла развиваться, так как предпосылки были заложены.

Захарова О.В., Головешкина Е.В. Политические воззрения Олимпии де Гуж и ее вклад в развитие идей раннего феминизма // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. 2018. № 2(59). С. 57-63.

(Извлечение)

Идеи де Гуж, изложенные в «Декларации прав женщины и гражданки», освещены достаточно подробно. Гораздо меньше внимания уделяется другим ее произведениям, таким как «Предисловие для дам, или Портрет женщины» и «Письмо к народу, или Проект патриотического союза граждан».

Работа «Предисловие для дам, или Портрет женщины» написана Олимпией де Гуж в период 1788–1789 годов, то есть накануне и в первый год революции.

Здесь изложены взгляды Олимпии де Гуж на то, к каким нравственным устоям необходимо стремиться женщине ее времени, а также о положении, которое должна занимать женщина в обществе. Источник ранее не использовался отечественными историографами.

Политический памфлет «Письмо к народу, или Проект патриотического союза граждан» обращен ко всей французской нации с призывом задуматься о своем нравственном облике, а также о будущей Франции. На первый взгляд документ не представляет собой ничего ценного для исторической науки, но это не так. Памфлет был написан незадолго до революции, в 1788 году. В нем содержится мнение Олимпии де Гуж на основные проблемы, существовавшие в обществе накануне революции. Это женский взгляд на накопившиеся в обще-

стве проблемы, нравственные устои французского общества, королевскую власть. Но де Гуж на этом не останавливается, а выдвигает собственные предложения по решению проблем, сложившихся в финансовой сфере, которые также содержит данный источник, не рассматриваемый ранее в российской историографии.

На формирование взглядов Олимпии де Гуж оказали влияние следующие факты ее биографии. Родилась она 7 мая 1748 года в Монтобане, и, по одним данным, считалась дочерью мясника Пьера Гуза и Анны Олимпии Муиссе. Однако большинство историков считает, что ее отцом был маркиз Лефранк де Помпиньян, который так и не признал дочь. Позже это сказалось на взглядах девушки: незаконнорожденные дети, их бесправие по отношению к наследству отца всегда волновали писательницу.

Олимпия де Гуж не получила систематического образования. В 1764 году она вышла замуж за Луи Ива Обри 12. Мужа она не любила, но родила ему сына Пьера. В 1770 году муж Олимпии умер, после чего она переехала в Париж, начала заниматься писательской деятельностью и взяла псевдоним – Олимпия де Гуж. У нее появился богатый и влиятельный покровитель – Жак Биетрикс де Розьер. Многие обыватели из-за этой связи считали де Гуж простой куртизанкой. Де Розьер предлагал Олимпии выйти замуж, но она отказалась. Тем не менее, именно их связь позволила женщине вращаться в светских кругах. В этот период она познакомилась с будущими лидерами жироидистов, а также вошла в кружок Софии Кондорсе, а это в свою очередь оказало дальнейшее влияние на ее судьбу.

В 1785 году Олимпия написала пьесу аболиционистского характера «Замор и Мирза», а в 1788 году – политические памфлеты «Письмо к народу...» и «Патриотические записки». В данных источниках излагаются идеи налогов для богатых.

Главным достижением писательницы считается «Декларация прав женщины и гражданки» (1791). Но мысли о равноправии женщин и мужчин можно отследить не только в этом документе. В работе «Предисловие для дам, или Портрет женщины» Олимпия де Гуж пишет: «Мужчины настаивают на том, что мы предназначены лишь для

ведения хозяйства: проникательные и стремящиеся заняться литературой женщины являются существами, которых общество не может терпеть: так, за неимением предназначения, они внушают лишь скуку. Я принимаю тот факт, что есть определенные основания для этих принципов, но я также верю, что женщины в состоянии объединять достоинства разума с домашними обязанностями, даже с добродетелями душевности и качествами любви: соедините воедино красоту и приятный нрав и тогда, я уверена, вы станете редким, уникальным образцом».

В этой фразе она подразумевает то, что женщина должна не только заниматься домом и детьми, но и развивать «свой разум», то есть получать образование, при этом сохраняя прекрасные душевные качества. Внимание стоит уделить тому, что в этой фразе не звучит призыв к женщинам расстаться совсем со своими традиционными обязанностями, то есть посвящением себя семье, детям и дому. Напротив, она говорит, что женщина может совмещать свои домашние дела с саморазвитием: женщина может делать то, что ей по душе.

Из факта отказа де Гуж от второго брака и ее фразы «Брак – могила доверия и любви» 16 может показаться, что она была яркой противницей брачных отношений. Это не так. В «Декларации прав женщины и гражданки» писательница предлагает форму общественного договора между мужчиной и женщиной, позволяющую защитить интересы обеих сторон.

Что касается продолжения фразы о том, что «брак – это могила доверия и любви», то далее де Гуж рассуждает так: «Замужняя женщина может бесстыдно рожать незаконных детей своему мужу и оставлять им наследство, которое им не принадлежит. Незамужняя женщина может лишь одно: древние бесчеловечные законы не позволяют ей дать своему ребенку имя и богатство его отца» 17. На ее взгляд, брак как социальный и духовный союз мужчины и женщины утратил моральные основы, потому что закон признает любых детей, рожденных в законном браке, детьми мужа, даже если это не так. Эти дети имеют право на наследство. Дети же, рожденные вне брака, даже если они являются родными отцу, отцами, законом и церковью не

признаются родными. Такие дети не имеют права на наследство и на достойное место в обществе. По мнению де Гуж, это несправедливо.

При этом законов, регламентирующих данную социальную проблему, не существует: «Никаких новых законов, регулирующих этот вопрос, принято не было. Если вы посчитаете парадоксальной и бессмысленной мою попытку дать моему полу право на постоянство, то я предоставлю мужчинам пожинать плоды моего начинания. Но пока мы ждем, можно начать подготовку с внедрения всеобщего образования, с возвращения к нравственным истокам и к уважению института брака».

О морали и нравственности женщин де Гуж упоминает и в «Письме к народу...». Она пишет: «Сегодня женщины погрязли в роскоши: покупать 10 шляп – бессмысленно. Можно купить две с хорошим вкусом, а оставшиеся деньги отправить на погашение государственного долга. Королева также может показать свою добродетельную сущность, демонстрируя умеренность и экономию» 19. Имеется в виду то, что женщина должна быть умеренной в своих желаниях, экономной и сдержанной, тогда общество не станет воспринимать женщин как ветреное и легкомысленное существо. Но здесь звучит и обеспокоенность де Гуж состоянием французского общества накануне революции. Именно неумеренные траты населения, по ее мнению, привели к тому, что экономика страны пришла в упадок.

Для того чтобы решить финансовую проблему во Франции, Олимпия де Гуж выдвигает свои предложения по ее решению. Она считает, что необходимо ввести «прогрессивный налог», который по-другому называет «отечественным налогом».

«Все те, кто называют себя французами, будут сотрудничать, чтобы спасти государство. Кошелек подходит для получения этих добровольных сумм, предложенных королем, которые будут считаться священными; эти средства будут определены законом на погашение государственного долга, ни монеты не может быть взято от этой суммы ни под каким предлогом или в любой форме спекуляций. В целях обеспечения правильного управления этой системой каждый администратор провинции занимается местными государственными

расходами, администратор в парижском муниципалитете должен быть ответственным за расходами столицы. Все граждане вносят сумму в этот кошелек в зависимости от своих возможностей, их имена будут записаны в реестр ниже той суммы, которую они переведут на указанный счет. Эта мера предосторожности защитит нас от коррупции и даст каждому участнику шанс признать другого; все граждане будут видеть себя как в зеркале, и этот портрет определит дух всей нации».

Здесь прослеживаются идеи общественного договора (или налогового договора) между гражданами и государством, основанного на добровольном начале. Одно предложение того, что люди платят налог согласно получаемым доходам, заслуживает внимания современных исследователей, поскольку крайне прогрессивно наравне с идеей женского равноправия для своего времени.

Интересным моментом в мировоззрении де Гуж является ее отношение к королевской власти. Известен тот факт, что писательница предлагала себя в качестве адвоката короля. Несмотря на это, на протяжении жизни женщины ее взгляды на политику и монарха несколько раз менялись.

Э. Адлер приводит такие слова де Гуж о короле: «Ему внушают освобождаться от своих же обязанностей, делать все, что ему угодно, нищета же его возрастает вместе с его праздностью». Из этого высказывания Олимпии становится очевидно, что она осуждает короля за то, что он довел страну своей праздностью и беспечностью до критического состояния, до нищеты. Сначала она осудила арест правителя, таким образом впервые вставая на его сторону, затем снова негативно отнеслась к королю после его бегства из-под домашнего ареста. Но когда она узнала, что самодержца намерены казнить, то предложила себя в качестве адвоката короля из сострадания.

Из памфлета «Письмо к народу...» следует, что о короле де Гуж отзывается, как о «добродетельном монархе», при этом она не возлагает на него вины за ту обстановку, что сложилась во Франции. В источнике писательница ясно дает понять, что такая экономическая и политическая обстановка образовалась еще при предшественниках

Людовика XVI. «Людовик XVI был не в силах сдержать катастрофу, которая проявлялась в самом страшном насилии. Его предшественники создали проблему, некоторые из-за невежества, другие намеренно, должен ли он, более несчастный король, чем его предки, нести ответственность за их ошибки?».

Стоит обратить внимание на то, когда был написан данный документ: в 1788 году. То есть можно утверждать, что отношение к королевской власти у Олимпии было если не полностью положительным, то, по крайней мере, сочувствующим еще накануне революции. Но важно заметить, что де Гуж считала Людовика XVI виновным лишь до тех пор, пока он оставался королем. Монарх не должен, по ее мнению, нести ответственность за своих предшественников, он виноват лишь в том, что своей беспечностью по отношению к государственным делам усугубил ситуацию в стране. Но поскольку правитель уже лишился королевского титула, то перестал быть наказуемым. Таким образом, можно сказать, что Олимпия сочувствовала королю лишь как человеку, но отнюдь не как политику, проявляла к нему после лишения титула человеческое милосердие и сострадание, считая, что он не заслуживает смерти и гильотины.

Помимо этого, в памфлете «Письмо к народу...» мы можем проследить отношение де Гуж к реалиям ее общества, к государству в целом. Писательница горячо любила свою страну, являлась отчаянной французской патриоткой. «Гражданская война. Есть ли больший страх для человечества, чем эта катастрофа?» – писала она. Де Гуж не желала, чтобы ее сограждане воевали друг против друга: «Французы, знайте, моя душа болит за вас! Не амбиции заставили меня написать это письмо, но любовь к Родине и уважение к королю» 23. Из этого можно сделать вывод о том, что она не желала углубления революции в стране. Олимпия оплакивала погибших на Марсовом поле, выступала против кровавых событий в июне 1792 года. Осуждение любых форм насилия можно отследить и в ее поступках.

Именно по этой причине де Гуж негативно оценивала действия Марата и Робеспьера. 5 ноября 1792 года она развесила листки в адрес Робеспьера, где обвинила его в том, что он через трупы жиронди-

стов прокладывает себе путь к власти. «Невежественный и подлый заговорщик! Его скипетр будет лилия страха перед пыткой, а трон его – эшафот! Назначь здесь день, час и место для дуэли; я приду туда!» . Этот поступок послужил одной из причин казни женщины 3 ноября 1793 года.

Таким образом, взгляды Олимпии де Гуж являются прогрессивными и заслуживающими внимания. Перед нами патриот своей Родины, уважающий короля, верящий в то, что разрешить обстановку, сложившуюся во Франции, можно без применения насилия мирным путем, путем договора. Олимпия де Гуж не выступала как ярая феминистка, полностью отрицающая все традиционные формы отношений, существовавшие на тот момент в обществе. Она не была против брака, говорила о том, что в браке мужчина и женщина должны иметь равные права. В работе «Предисловие для дам, или Портрет женщины» писательница защищала как женщин, так и детей, а также право детей на фамилию и наследство отца даже в случае, если ребенок рожден вне брака.

Успенская В.И.: Женские салоны в Европе XVII-XVIII веков // Женщины. История. Общество, 2002 № 2. – С. 171-199.

(Извлечение)

Не последнюю роль в том, что вопрос о природе женщин, их роли и положении в обществе стал центральным для салонов, играл тот факт, что именно женщины возглавляли салоны, приглашали гостей и руководили беседой. «Характерной чертой салонов, отличающей их от других культурных институтов, таких, как мужские литературные кружки и клубы в кабаре и кофейных домах, было доминирование в них женщин». Салонная деятельность отождествлялась с общественной активностью женщин. Авторитет хозяек салонов противоречил традиционному подчинению женщин мужчинам в обществе - мире за пределами семьи. В связи с ростом влияния женских салонов на социальные процессы в XVIII в. во Франции и доминирования в них женщин женский вопрос из интеллектуального превращался в вопрос социальный.

В западном обществоведении салоны, их социальные функции и роль в социальных изменениях в Европе XVII-XVIII вв. достаточно изученная тема. Еще в конце XIX в. появилось немало публикаций популярного характера о салонах с рассказами об интригах, любовных приключениях, скандальных историях их хозяек. Но были также тексты с попыткой показать положительную роль женских салонов прежде всего в утверждении правил цивилизности и хороших манер - *politesse* (братья Гонкуры, например). Интерес к салонам как составной части “микроистории” (*la petite histoire*) продолжился в начале XX в., в то время появилось немало обстоятельных биографий хозяек французских салонов и женщин-интеллектуалок из английского общества “синий чулок”.

Новый этап интереса к салонам в Париже и других европейских столицах обозначился после публикации в 1962 г. работы Юргена Хабермаса “Структурная трансформация публичной сферы. Исследование категории буржуазного общества”. По Хабермасу, в возникновении, функционировании и эволюции «публичной сферы» в середине XVIII в. салоны играли роль центров свободных и критичных дискуссий, противостоящих двору и абсолютизму, а также выступали как пространства, в которых сглаживались социальные различия, вызванные происхождением и привилегиями. Теория Хабермаса, повышающая статус салонов как важной части «публичной сферы», стала привлекательной для ученых-феминистов, которые начали исследовать салоны с целью показа их центральной роли в распространении идей Просвещения в Европе, прокладывании пути для Французской революции и идей равенства, в практиковании женского лидерства и женской солидарности. Э.Маркс и И. де Куртиврон, авторы антологии французского феминизма, отмечают, что «сложная история французского феминистского протеста начинается с салонов XVI-XVII вв. «ученых женщин» и «движения жеманниц» (*préciosité*)». Некоторые исследователи, напротив, сосредоточились на показе ограниченных возможностей салонных женщин в продвижении идеи равенства полов (и вообще идей равенства), а также консерватизма салонов, выявления роли парижских салонов эпохи “старого режима” в сохранении

status quo . Так, И.Пекач указывает на роль парижских салонов в сохранении консервативных традиций перед революцией; она считает, что салоны были не столько пространством, «формируемым женщинами для удовлетворения своих интеллектуальных амбиций и освобождения от мужского опекуна», сколько нишей, в которой общество позволяло им действовать вне дома, играть общественную роль в постановке хороших манер.

Согласно теории цивилизационного процесса Норберта Элиаса, парижские салоны с их акцентом на прививке обществу хороших манер произошли из культуры двора и были расширением этой культуры. Действительно, прототипы салонов в виде литературных и философских кружков при дворах принцесс встречаются в истории средневековой Европы эпохи Возрождения. Достаточно упомянуть кружки XVI в. при дворе Маргариты Ангулемской и Маргариты Валуа во Франции; Лукреции Борджиа и Изабеллы Д'Эстэ в Италии. В начале XVI в. Маргарита Валуа привнесла в культуру своего двора в Наварре элементы того, что позже развилось в салон. Б.Шиферер в работе о роли женщин Вены в европейской культуре пишет, что «исток салонной культуры следует искать в итальянском Возрождении. В патрицианских домах Римини, Флоренции и Феррары сложился ее первоначальный вид. И уже тогда прекрасные, ослепительные, образованные и остроумные дамы становятся центральными фигурами в творческих и политических кругах, именно они будили и поощряли духовные искания и опоры» ...

XVII в. салоны были единственным смешанным пространством, т.е. таким пространством, в котором женщины и мужчины находились вместе и общались открыто, при этом общество не воспринимало такое общение как нарушение приличий или как общение с целью брака. Это - одна из основных черт (о других будем говорить чуть позже) салонов и одна из причин их существования. Это было то пространство, которое образованные женщины пред-Просвещения стали создавать для себя; пространство за пределами семьи, не выходя из дома. У мужчин тоже была потребность в таком пространстве вне семьи, но они имели легальные возможности – бани, кофейные дома,

пабы, парламенты. Салоны явились тем институтом, который уменьшал разрыв между раздельным существованием мужчин и женщин (высших слоев общества и нарождавшейся буржуазии) и создавал условия для обмена идеями.

Понятно, что салоны не могли существовать там, где действовали жесткие религиозные и общественные ограничения в отношении поведения женщин. Например, в Московском государстве допетровского времени женщинам нельзя было находиться вместе с мужчинами в одном помещении, выходить к гостям и т.д. (Бурное развитие салонной культуры и повышение роли салонных женщин Петербурга и Москвы в формировании общественного мнения началось в России в первой половине XIX в.)[23]. Не было традиции испанских салонов, хотя испанский этикет оказал воздействие на первые салоны в Париже. В Англии по сравнению с другими странами Европы практиковались более либеральные правила общения между полами, но леди должны были покинуть гостиную в конце обеда, оставляя мужчин одних для серьезных разговоров (в общем-то, поболтать и выпить). Роль салонов как интеллектуальных центров стали играть литературные кружки, появившиеся в Англии в XVIII в. и известные в истории под названием «синие чулки».

...

Открыть салон означало открыть свой дом для социального общения и означало также, что те, кто хотели частых и неформальных визитов друзей и гостей, должны были сделать свое желание известным без посылки специальных приглашений каждой персоне по каждому случаю. Таким образом, женские салоны в европейской культуре XVII-XVIII вв. становились регулярными собраниями общности, предоставляя возможность образованным и амбициозным женщинам участвовать в процессе цивилизации – процессе смягчения нравов.

План конспекта статьи

Название статьи, автор/ авторы, год публикации, название и номер журнала, страницы.		
Главная проблема:		
*Второстепенные проблемы:	1. 2. ...	
Тезисы автора:	Аргументация:	Примеры:
1. 2. ...	1. 2. ...	1. 2. ...
Выводы: 1. 2...		

Раздел 3. ТЕКСТЫ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Блок 1. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ФРАНЦУЗСКОГО ОБЩЕСТВА В 40 – 90-е ГОДЫ XVIII ВЕКА

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ДНЕВНИКА РЕНЕ ЛУИ Д'АРЖАНСОНА

1748 г.

19 декабря. Пари метят на то, чтобы управлять всем государством при помощи денег и управлять деньгами при помощи кредита, т. е. посредством разорения государства, изгоняя экономию и советуя делать расходы. Я это испытал сам в течение двух лет моего министерства, они все время порицали меня за то, что я слишком бережно относился к деньгам короля в своих дипломатических делах и советовали мне на этот счет быть возможно расточительнее, будучи всегда готовы вложить большие суммы за границу, потому что они ловко ведут свои дела; да и во всем остальном, если им уступить, — они сумеют не остаться в проигрыше.

Они ведут себя как управляющий разорившегося сеньора, который, как он говорит, все время ведет успешно дела, пока земли барина не окажутся в его руках. Так же приблизительно управлял Фуке²¹, когда его посадили в тюрьму и отдали под суд, он разбрасывал от четырех до пяти миллионов при дворе, чтобы поддержать там роскошь и свое влияние.

1749 г.

19 февраля. В доброй компании только о том и говорят, что в народе великое брожение, что недовольство подымается слишком высоко и что к этому присоединяется большое презрение к правительству. Лично короля не перестают любить, но все без исключения, что его окружает, является тем темным облаком, которое его скрывает. Налоги выводят народ из терпенья, жизнь дорога, доходы не поступают в казну, расходуют, не получая; ненавистное царство финансовых дельцов приводит в отчаяние общество и унижает правительство; все принимается в дурную сторону; даже последнее уменьшение

налогов показалось таким слабым, что скорее вызвало досаду, чем удовлетворение. Только и говорят, что о метрессе ²² короля, для которой делается столько построек, путешествий, расходов, подарков. Читают газеты и находят, что наша внешняя политика ведется очень плохо и что нам скоро предстоит испытать или унижение или войну; а не хотят ни того ни другого.

25 июля. На этих днях арестовали и засадили в Бастилию нескольких аббатов, ученых и остроумцев, как, напр., г. Дидро, нескольких профессоров Университета, докторов Сорбонны и т. д. Их обвиняют в том, что они сочиняли стихи против короля, декламировали, распространяли их, фрондировали против министерства, писали и печатали в защиту деизма и распространяли противообщественные идеи, чему хотели бы положить предел, так как распущенность стала очень велика.

13 сентября. Сейчас я в деревне. Здесь я вижу нищету, ни о чем другом я не слышу, всегда говорили о том же, но никогда не имели для этого стольких оснований.

4 октября. В данный момент я в Турени, в моих владениях. Я вижу лишь одну ужасающую нужду. Несчастливых жителей охватывает уже не печаль, а отчаяние нищеты, они хотят лишь смерти и избегают производить потомство; кто же положит предел всем этим несчастьям? Наши министры способны заставить короля подумать об этом; король добр, но у него такие плохие слуги!

5 октября. Каждый день приходят сведения о новых и страшных несправедливостях, чинимых в провинциях. Из того, что мне говорили мои соседи, явствует, что за шесть лет население убыло более чем на одну треть. Государственная барщина по починке больших дорог является самой жестокой повинностью, которую когда-либо несли; используют труд и существование поденщиков (journaliers) свыше их сил; они все стараются уйти и найти себе убежище в маленьких городах. Есть много деревень, откуда ушел весь народ. Во многих из моих приходов жители должны талью за три года, но что идет всегда своим путем, это — принудительные меры, при помощи которых приемщики тальи обогащаются и оказываются в состоянии

вносить авансы. Недоимщики должны приемщикам солидные суммы, и это нисколько не разоряет последних, но наоборот. С этими несчастными подданными поступают хуже, чем когда дело идет о контрибуции с неприятеля.

27 октября. Произвольность тальи — главное зло в государстве, вот одно обстоятельство, о котором я еще не говорил здесь. Приемщики тальи обогащаются с каждым днем все более; чем труднее, вследствие нищеты оказывается взимание тальи, тем больше им дают нажить, тем больше их предоставляется возможность брать с несчастных плательщиков, их расходы по оплате мер принуждения еще значительнее и даже превосходят размеры самой тальи, приемщики взимают их до уплаты самой тальи и плательщики не стараются вносить сполна, так как они уверены, что если бы они уплатили точно всю сумму, то в следующем году на них взвалили бы вдвое. Приемщики тальи делают еще и другое зло: желая внести хорошие суммы генеральному приемщику для получения за это премий, они занимают деньги у всех, кто их в провинции имеет, и дают за это хорошие проценты, подобно тому, как поступают в Париже финансовые дельцы; они снимают сливки с того небольшого количества наличных денег, которое находится в провинции и которое при других обстоятельствах было бы вложено в торговлю или в улучшение сельского хозяйства. Таким путем богатство и лохмотья, все [зараз] способствует этим несчастным операциям. В один прекрасный день все рухнет в государстве. В провинции уже незаметно больше денег.

19 ноября. Король в Шуази и королева в Версали; в четверг двор снова соберется в Версаль, но ненадолго. Так как остается еще десять дней до рождественского поста, то будет еще несколько путешествий. Вкус к поездкам растет у короля вместо того, чтобы уменьшаться; приближение зимы не оказывает влияния на это. Во время поста Его Величество будет точен в посещении воскресных проповедей; в ближайшую неделю он отправится в Креси для осмотра некоторых работ, которые там производятся; эта поездка продлится только один день; отсюда в Мюетт, затем в Шуази и т. д.

Королю хочется повсюду иметь маленькие замки; у него есть уже один между Фонтенебло и Буроном, куда он отправляется ужинать с маркизой и готовит сам на кухне. Однако снова распространяются слухи, что маркиза потеряла для него свое обаяние.

21 декабря. Финансовые откупщики генеральные приемщики налогов и все прочие финансовые дельцы повесили носы по случаю того, что с них требуют. Их барские замашки, прекрасные дома обратили на себя внимание самого короля, который по пути в Компьень пришел в удивление от пяти-шести новых дворцов, воздвигнутых этими господами. Г. де-Виллемон, только что умерший, оставил своим детям имущество в семь миллионов. В Париже большое ликование по случаю такого поражения финансовых дельцов, и генеральный контролер Машо всеми благословляем. Нужно знать, что финансовые круги и дворянство платя (la robe) уже с давних пор питают антипатию друг к другу; они, как две стаи гончих, не прочь поохотиться друг на друга. В большинстве случаев дворянство платя — выходцы из финансовых кругов в Париже, но оно много мнит о себе и не любит финансовых людей вследствие несправедливой гордости и неблагородного презрения к своему происхождению. Субаренда (государственных доходов) поставлена в такие условия, что субарендаторы не смогут ни при каких обстоятельствах зарабатывать более чем 15 %.

1750 г.

18 марта. Нельзя побывать ни в одном доме чтобы не услышать злословий по адресу короля и его правительства: двадцатина (налог в 5%) и способ взимания ее раздражают всех, и священники в этом отношении выступают постоянными проповедниками. Передается знаменитый ответ аббата Николаи, агента духовенства, г-ну Машо; последний сказал ему относительно записки духовенства: «Ведь это набатный колокол». Аббат ответил ему: да, но ведь вы распространяете огонь повсюду».

Я никогда не видел человека, в такой мере безразлично относящегося к общественным несчастьям и к народной нужде, как г. Машо, я заметил это в нескольких разговорах с ним, и ясно, что все его поведение есть лишь постоянное преклонение перед принципами финан-

сов, которые исключают и разрушают в коммунах всякую свободу демократического управления.

18 июня. Я только что читал представления Парижского парламента, чтение которых король слушал накануне своего отъезда в Компьень и сказал, что он даст знать о своем ответе по приезде из Компьеня. Эти представления написаны по случаю возобновления многих налогов, которые были установлены только на шесть лет, но, возобновляясь каждый раз по истечении срока, превратились в постоянные. Парламент полагал по этому случаю, что на нем лежит обязанность заявить публично об ужасающей нищете народа, который не может так жить дальше, об огромных суммах, которыми король сорит после заключения мира, об неэкономности двора, обогащении финансовых дельцов, о беспорядках, вызываемых ажиотажем и т. д., одним словом о вещах, направленных против министра финансов; но у этого последнего свои порядки, и он принужден брать большие налоги, когда у него требуют много денег.

19 июля. Никто более не работает; король отправляется на один час к мессе, на два часа в деревянный дом в Компьенском лесу, откуда он возвращается в Компьень на отдых. Таким образом все брошено и находится в пренебрежении; восемь дней не мог состояться совет; министры едва могут уделить полчаса в неделю своему ведомству; расходы ужасающие. Между тем внутри королевства все приходит в упадок; этот год обещает поистине большой урожай, но монополия (т. е. спекуляция скупщиков хлеба) внесет повсюду дороговизну и уничтожит действительные доходы; эти доходы будут для провинций тем же, что транспорт из Индий для Испании, где золото и серебро появляются только для того, чтобы перейти в руки иностранцев, являющихся их действительными собственниками. Мануфактуры, которыми мы так много занимаемся, повсюду приходят в упадок; лионские мануфактуры погибли; в Руане более двенадцати тысяч нищенствующих рабочих, то же в Туре и т. д. Насчитывают более двадцати тысяч таких рабочих, которые ушли из королевства три месяца тому назад, направляясь в чужеземные страны, в Испанию, Германию и др., где их принимают и где правительство экономно. В Париже все

нищие отпущены на свободу, после того как они были задержаны и преследуемы за мятежи, очевидцами которых мы были; улицы и большие дороги наводнены ими.

12 сентября. Финансовый чиновник (elu) явился в деревню, в которой находится мой дом, и сказал, что в этом году талья этого прихода должна быть сильно увеличена; что он заметил крестьянина более жирного, чем обыкновенно, видел у ворот куриные перья; что крестьяне хорошо едят и хорошо живут, что я им заплатил много денег за продовольствование моего дома и т. д. Вот что отнимает у крестьянина мужество, вот что причиняет несчастье королевству, вот по поводу чего плакал бы Генрих IV, если бы он был еще жив!

1751 г.

3 сентября. Из Англии веет к нам философским духом свободного и антимонархического управления. Все сословия разом недовольны. Военные, уволенные сейчас же после войны, испытывают суровое и несправедливое отношение; духовенство, как известно, унижено и осмеяно, парламенты, другие корпорации, провинции, области со штатами, простой народ обременены и истощены нуждой, финансовые дельцы торжествуют над всем и возрождают царство евреев.

Все это горячий материал; возмущение может перейти в мятеж, а мятеж — в настоящую революцию, когда изберут истинных народных трибунов, комиции, коммуну, и когда король и министры будут лишены их исключительной власти вредить. Лучший довод в пользу этого тот, что абсолютное монархическое правительство превосходно при хорошем короле; но кто поручится нам, что мы всегда будем иметь Генрихов IV? Опыт и природа, напротив, доказывают, что у нас будет десять дурных королей на одного хорошего.

11 сентября. В опасности находится не Франция, а именно правительство. Верно, что провинции приходят в упадок и будут приходить в упадок все более и более от того способа, каким управляют ими. Но у нас нет, как у римлян, ни вестготов, ни сарацин, которые могли бы завладеть нами. Правительству же, может быть, придется испытать *революцию*. Примем в расчет, что его более не ценят, не уважают, и, что еще хуже, оно делает все необходимое для того чтобы

погубить себя. Духовенство, военные, парламенты, высшие классы и простой народ,— все ропщут и отрекаются от правительства, и вполне основательно. Дела идут чем дальше, тем хуже. Мы уже были свидетелями нескольких пагубных возмущений; при первом удобном случае они могут сделаться более значительными. Казна без денег и без источников дохода, Парижский парламент в постоянном неповиновении, которое может быть еще усилено им; духовенство не платит ничего и не обращает внимания на угрозы.

21 ноября. Глубокомысленные политики полагают, что общая лига против нас может иметь своею целью воспользоваться дурным настроением нашего народа, очень утомленного произволом правительства, которое привело его к нищете, и, произведя во Франции революцию, ввести управление при помощи генеральных и провинциальных Штатов. Это, конечно, увеличило бы благосостояние королевства, но обеспечило бы в большей степени и мир нашим соседям, ибо деспотическое правительство Франции, вполне похожее в своем абсолютизме на правительство Турции, сильно увеличило военную предприимчивость последних царствований, обеспокоило наших соседей и разорило нас самих.

Ныне вопрос об этой предстоящей революции засел в уме народа; говорят лишь об этом; все насыщено этим вплоть до буржуазии. Мне рассказывали, что совсем недавно некий монах, сидя на скамейке в Люксембурге, услышал собеседников, которые говорили. «Да, это весьма кстати, что министр притесняет духовенство». Монах в ответ на это стал мягко защищать права своего сословия. Но собеседники, дав ему высказаться, сказали: «Отец, мы знаем ваши резоны, мы говорим об этом не в этом смысле, а в том, что насилия правительства по отношению к духовенству могут ускорить революцию»

1752 г.

26 января. Известия из Арля в Провансе говорят, что там было страшное восстание крестьян, которые вооруженными пришли требовать [59] хлеба к городской ратуше. Их число достигало 2 000 человек, и так как городские власти лишь пообещали им помощь, которой совсем не дали, то через несколько дней эти крестьяне, лучше воору-

женные и в большом количестве явились снова и угрожали разрушить мост на Роне, который отделяет Прованс от Лангедока. И действительно, они начали его разбивать, тогда против них направили отряд, который их отеснил. Мы, к несчастью, дошли вследствие голода до того, что бедные силою требуют хлеба у богатых, и власти принуждены пускать в ход войска для того, чтобы атаковать и наказывать несчастных, восставших из-за нужды.

27 января. В Ренне был мятеж из-за хлеба, другой мятеж был в одном из городов Лангедока Двор, по-видимому, не принимает мер для устранения этих нужд. В Гиени очень плохо, и есть угроза подобных же восстаний: тогда бедняки поднимутся и будут грабить богатых. Один из откупщиков рыночных пошлин в Пуасси сказал мне, что потребление мяса на этом рынке уменьшилось вдвое против прошлого года, потому что бедность в Париже так велика, что значительная часть мелкого люда не ест больше мяса, и в суп кладут только овощи.

13 февраля. Сегодня утром появилось непредвиденное постановление Королевского Совета; оно запрещает Энциклопедический словарь, клеймя его как мятеж против Бога и авторитета короля, как развращение нравов и как распространение всех этих идей в темных и неясных выражениях и т. д. Относительно этого говорят, что авторы этого словаря, которого появилось пока только два тома, должны быть немедленно преданы казни, и что все обязаны разыскивать их и доносить о них. От этого последует потеря большого числа литераторов, столь нужных для Франции; ими воспользуются наши соседи. Но произойдет и еще более важное: установление во Франции настоящей инквизиции, обязанности которой возьмут на себя с радостью иезуиты; они домогались ее давно и будут осуществлять ее с жестокостью.

2 марта. Высчитали, что с 1726 года, когда кардинал Флери вступил в министерство, и по сегодня было истрачено на королевские постройки 350 миллионов (ливров), и все это только для того, чтобы создавать гнезда для крыс, строить и снова ломать. Больше всего подвергся всевозможным перестройкам замок в Шуази, не проходит года, чтобы там не производилось разрушений и новых построек с тем, чтобы в следующем году перестройки не начинались снова.

1753 г.

28 сентября. Г-н Машо, чтобы снабдить короля деньгами, тайно и независимо от королевского казначейства занимается контрабандой за счет Его Величества, ввозя при помощи Индийской компании хлопчатобумажные материи и другие запрещенные товары.

16 октября. В ближайший месяц начинают расходовать и проедать доходы вперед за январь 1755 года. Вот уже восемь месяцев, как не выплачивается жалованье по морскому ведомству ни офицерам, ни солдатам, ни матросам. Отложили два миллиона, чтобы задать празднества во время поездки в Фонтенбло, которая должна продолжиться до 20 ноября, фейерверки, балеты, концерты и т. д. — все это под предлогом устроить развлечение для супруги дофина

1755 г.

20 сентября. Все время повторяют касательно финансов, что в Париже много денег что их никогда здесь не было так много, и не видят, что это происходит от причин дурного, а не хорошего свойства

1. Королевство, вообще говоря, беднеет, будучи далеко от того, чтобы обогатиться капиталом; деревни пустеют в свою очередь, сельское хозяйство приходит в упадок, роскошь увеличивается повсюду; торговля теряет свои сбережения, она обращается к роскоши; не хватает сырья, все стекается в столицу, вследствие чего здесь образуются залежи, тогда как на окраинах нет жизни. Не хватает товаров, составляющих существо торговли; мы можем торговать лишь безделушками вроде наших мод, мы лишь развращаем Европу пустою роскошью и в торговле являемся лишь продавцами туалетных вещей, хотя верно и то, что эта торговля имеет очень широкое распространение. Мы плохие продавцы хлеба, потому что нам часто его не достает для собственного пропитания и нам приходится покупать его по очень дорогой цене за границей. Вино отягчено налогами, соль — в руках ее откупщиков.

Все руководство торговлей и обращением денег передано в руки министров, т. е. придворных, которые недобросовестно заинтересованы в том, чтобы давать им ложное направление.

2. Все провинциальные капиталы, равно как и богатые люди, стеклись в Париж.

3. Те, у кого есть деньги, для того, чтобы их поместить (в какое-либо предприятие), стоят в затруднении перед выбором таких двух условий, или иметь дело с сеньорами, которых нельзя заставить платить (долги), или с королем и его денежными губками (финансовые дельцы), при чем король тоже плохо ведет свои дела; но его кредит поддерживается точностью платежей, чем опять-таки поддерживается иллюзия; стараются иметь денежные дела с королем, что увеличивает разорение, вследствие того, что последнему легко делать займы.

4. Таким образом сейчас нет богатых людей, кроме финансовых дельцов; нет ни одного коммерсанта, ни одного частного лица, который мог бы быть богатым, не вмешиваясь в финансовые дела короля, что является вестью более или менее близкого всеобщего краха.

(пер. Н. И. Никифорова) [Электронный ресурс] URL: https://vostlit.info/Texts/Dokumenty/France/XVIII/1740-1760/D_Argenson/text1.htm (дата обращения: 10.04.2023).

Вопросы для обсуждения:

1. Как автор оценивает отношение народа к французскому правительству. Каковы причины такого отношения? С опорой на текст источника раскройте проблему: как меняется ли настроение народа к середине XVIII века.

2. Охарактеризуйте, как автор оценивает состояние французской деревни?

3. Что автор называет «главным злом в государстве»? Ответьте с опорой на источник.

4. В чём автор источника обвиняет королевский двор. Свой ответ аргументируйте.

5. В чем автор источника видит причины возможных мятежей.

Возможности использования в школьном курсе истории:

1. Составьте не менее пяти заданий для учеников 8 класса, используя текст источника. Два из них составьте в формате ЕГЭ по истории.
2. Составьте презентацию к уроку истории «Франция накануне революции 1789 г.», включив в него материалы исторического источника.

Темы для проектных заданий:

1. История народных движений во Франции накануне Великой французской революции.
2. Повседневная жизнь Парижа накануне революции 1789 г.

Список рекомендованных источников и литературы:

1. Манфред А. З. Великая французская революция. М., 1983.
2. Токвиль А. Старый порядок и революция. СПб., 2008.
3. Хобсбаум Э. Век Революции. Европа 1789–1848. Ростов-на-Дону, 1999.
4. Чудинов А. В. Французская революция: история и мифы. М., 2007.

Интернет-ресурсы:

1. История французских революций. Основные события, случившиеся во Франции с 1789 по 1875 год: революции, реставрации, перевороты, восстания, войны и прочие потрясения [Электронный ресурс] URL: <https://arzamas.academy/materials/756> (дата обращения: 10.04.2023).
2. Повседневная жизнь Парижа [Электронный ресурс] URL: <https://arzamas.academy/courses/23> (дата обращения: 10.04.2023).

ПАРИЖСКИЙ МИР. 10 ФЕВРАЛЯ 1763 ГОДА

Ст. II. Договоры — Вестфальский, 1648 г., Мадридский, между коронами Великобритании и Испании, 1667 г., Нимвегенский, 1678–1679 г., Рисвикский, 1697 г., Утрехтский, 1713 г. — являются основа-

нием мира и в настоящем трактате; я для того все они возобновляются и подтверждаются в наилучшей форме, равно как и все вообще договоры, существовавшие до войны между договаривающимися высокими сторонами, как если бы они были помещены здесь слово в слово.

Ст. IV. Его Христианнейшее Величество отказывается от всех претензий, которые он имел некогда, или мог иметь, на Новую Шотландию или Акадию во всех ее частях, и гарантирует ее целиком со всеми от нее зависимостями королю Великобритании. Сверх того, Его Христианнейшее Величество уступает и гарантирует Его Величеству Британскому полную собственность на Канаду, со всем, что от нее зависит, как, например, остров Кап-Бретон и все прочие острова, и берега в заливе и реке св. Лаврентия. С своей стороны Его Британское Величество соглашается пожертвовать жителям Канады свободу католического исповедания.

Ст. VI. Король Великобритании уступает острова Сен-Пьер и Микелон в полную собственность Его Христианнейшему Величеству, чтобы они служили пристанищем французским рыбакам, а Его Христианнейшее Величество обязуется не укреплять названных островов, не устраивать на них никаких сооружений, кроме построек для удобства рыбной ловли, и содержать там стражу из 50 человек, для поддержания порядка.

Ст. VII. Чтобы установить мир на солидных и прочных основаниях и устранить навсегда всякий повод к спору о границах британской и французской территорий на Американском континенте, условлено, что на будущее время границы между владениями Его Величества Британского и Его Христианнейшего Величества в этой части света будут раз навсегда определены линией посреди реки Миссисипи от ее истоков до реки Ибервиль, а отсюда — линией, проведенной посреди этой реки и озер Морена и Пошнартрен, до моря; на этой границе Христианнейший король уступает в полную собственность и гарантирует Его Британскому Величеству реку и порт Ла-Мобиль и все, чем он владеет или должен владеть на левом берегу Миссисипи, за исключением города Нового Орлеана и острова, на котором он расположен. Прочно установлено, что плавание по Миссисипи будет оди-

наково свободно как для поданных Великобритании, так и для поданных Франции, на всей ее ширине и на всем протяжении от истоков до моря.

Ст. XVII. Его Британское Величество разрушит все укрепления, какие его подданные могли устроить в Гондурасе и прочих местах Испанской территории в этой части света, через 4 месяца после ратификации настоящего договора. Его Католическое Величество (испанский король) не допустит, чтобы подданные Его Британского Величества или же их рабочие в названных местах подвергались беспокойству или притеснениям под каким бы то ни было предлогом при рубке, нагрузке или перевозке красильного и кампешевого дерева. Для этого они могут беспрепятственно строить и занимать дома и магазины, необходимые для них, их семейств и имущества.

Ст. XIX. Король Великобритании возвратит Испании всю территорию, завоеванную им на острове Кубе, и Гаванну; это место, как и все другие места названного острова, будут возвращены в том же состоянии, в каком они были, когда были завоеваны армией Его Британского Величества.

Ст. XX. Вследствие возвращения земель, оговоренного в предыдущей статье, Его Католическое Величество уступает в полную собственность и гарантирует Его Британскому Величеству Флориду, а также все, чем Испания владеет на континенте Северной Америки на восток и юго-восток от реки Миссисипи. Его Британское Величество, со своей стороны, обязует пожаловать жителям уступленных территорий свободу католического исповедания

(пер. Н. И. Никифорова) [Электронный ресурс] URL: https://vostlit.info/Texts/Dokumenty/France/XVIII/1740-1760/D_Argenson/text1.htm (дата обращения: 10.04.2023).

Вопросы для обсуждения:

1. Раскройте условия Парижского мирного договора от 10 февраля 1763 года.
2. Оцените внешнеполитическое положение Франции в предреволюционный период.

Возможности использования в школьном курсе истории:

1. Разработайте план-конспект урока для 8 класса, включив в него материалы текста источника.
2. Составьте задания: проблемного характера к тексту источника для учеников 8 класса.

Темы для проектных заданий:

- Внешняя политика Франции в 40-90 гг. XVIII века.

Список рекомендованных источников и литературы:

1. Буковецкая М.А. Война революционной Франции против контрреволюционной интервенции (с илл.) // Исторический журнал. – 1939. - № 7. - С.42-54

УСТАВ ПОДМАСТЕРЬЕВ-КОРЗИНЩИКОВ 16 ЯНВАРЯ 1765 ГОДА В ОРЛЕАНЕ

Тысяча семьсот шестьдесят пятого года. Мы все, собравшиеся здесь товарищи (компаньоны), сочли нужным с общего согласия установить следующие нижепоименованные статьи и правила, а именно: члены компаньонажа, проживающие в Орлеане, обязаны принимать своих товарищей, приходящих в город, за свой счет и ставить их на работу, согласно своему желанию. Для этого вновь прибывшие товарищи должны быть побуждаемы, когда они приходят, приветствовать мастерские и товарищей, которые в них работают, и когда они это делают, то товарищи должны послать или отвести вновь прибывающих к товарищу-секретарю (*rouleur* — должностное лицо компаньонажа, ведающее списки, приходы и расходы товарищества), избираемому ими. И указанный товарищ секретарь поставит их на работу.

И мы отвечаем за расходы, которые они произведут у матери, ручаясь честностью и добрым именем товарищей.

Для этой цели, все товарищи, которые будут поставлены на работу товариществом, обязаны вносить три ливра вступительного взноса, восемь дней спустя после их приема на работу или, самое

позднее, пятнадцать дней, в зависимости от их выбора. И, вследствие этого, мы все, ныне находящиеся в Орлеане, собравшись вместе, за-прещаем кому бы то ни было из товарищей заниматься самим под страхом наказания, установленного нашими старшими товарищами Туранго и Дивертиссаном (клички), равно как и всеми прочими (далее идут семь имен присутствующих), а именно: изгнанием из города.

Мы обязываем этим актом мастеров-хозяев не принимать когolibо из товарищей, не привлекать в свои заведения никого из вновь пришедших без согласия товарищества, под страхом бойкота заведения (boutique — мастерская).

Товарищи, которые останутся после поименованных ниже, обязаны выполнять устав, здесь изложенный.

Равным образом, все товарищи, которым надо переменить заведение из-за размолвки с хозяевами, должны обратиться к вышеупомянутому секретарю (rouleur, roleur).

Это обойдется каждому 30 су за поднятие мешка (мешок с пожитками и инструментами подмастерья; процедура поднятия мешка — [... ..] — составляла часть торжественных проводов), 24 су разрешается проесть, а остальные 6 су согласно нашему уставу будут положены в общую кассу товарищества.

Кроме этого, мы постановляем, что каждый товарищ, находящийся с Орлеане, обязан вносить одно су еженедельно секретарю, находящемуся при исполнении своих обязанностей.

Этот секретарь обязан представить отчет к концу месяца и каждый месяц должен быть избираем новый.

Все это надо делать для того, чтобы выйти из затруднений, кои могут иметь место в нашей среде, напр. для того, чтобы оказать помощь больным, если таковые будут, или на случай, если при отсутствии работы вновь пришедший не будет в состоянии идти дальше. Мы, по крайней мере, сможем дать ему на дорогу, не истощая нашего кошелька.

Также никоим образом не дозволяется помещать товарищей в заведения, находящиеся под бойкотом товарищества.

Даем слово (*faisons tous profession*) не допускать никакой подлости, и, если кто-либо будет вызывать ссоры в наших ежемесячных собраниях, которые будут иметь место у матери для принятия денежного отчета, он будет осужден по приказу нашего старшего на уплату 5 су штрафа в пользу товарищества.

Также, если кто будет ругаться, заплатит ту же сумму.

Без всяких споров и проволочки должно принять отчет от секретаря и избрать другого; а когда все это будет сделано, каждый будет свободен.

А эти отчеты будут происходить у матери в 8 часов утра в воскресенье.

Вот, как мы постановили в настоящем уставе. Тех же, кто будет идти наперекор тому, что здесь постановлено, мы заставим силою ходить из города в город, не находя себе места (*battre aux champs*), равно как и тех, кто не захочет подчиниться нашему уставу и подписать этот акт, потому что мы все ему подчинились и подписали.

Находя этот устав подходящим, мы утвердили его своими подписями или крестами. Так как Туранго заявил, что он не умеет писать, равно как и Шартрэн и Блуа, Ланглуа и Пикар, я подписался. Паризьен Дивертиссан. Следует еще 13 подписей или крестов.

(пер. С. Д. Сказкина) [Электронный ресурс] URL: https://vostlit.info/Texts/Dokumenty/France/XVIII/1760-1780/Orlean/ustav_korz_podmast_16_01_1765.htm (дата обращения: 10.04.2023).

Вопросы для обсуждения:

1. Перечислите условия, на которых принимали в цех новых участников.
2. Оцените, с опорой на текст источника, влияние цехов на развитие французской экономики в 1760 – е гг.

Темы для проектных заданий:

- Аграрный вопрос накануне революционных событий.
- Церковь и Французская революция.

Список рекомендованных источников и литературы:

1. Документы истории Великой французской революции. Том 1. [Электронный ресурс] URL: https://istmat.org/files/uploads/27370/revolution-francaise_doc_1990_v1.pdf (дата обращения: 10.04.2023).
2. Домнич, М. Я. Великая французская буржуазная революция и католическая церковь. - М. - издательство Академии наук СССР. – 1960 – 98 с.
3. Домнич М.Я. К истории секуляризации церковных имущества во Франции // Французский ежегодник. - М. - издательство Академии наук СССР. - 1959. - С.127-152.
4. Захер Я.М. Французская революция в документах, 1789-1794 [Электронный ресурс] URL: https://istmat.org/files/uploads/31671/econ_anc-reg.pdf (дата обращения: 10.04.2023).
5. Олар А. Христианство и Французская революция. 1789-1802 [Электронный ресурс] URL: https://istmat.org/files/uploads/28904/fr_relig-1_a-f-aulard_1925.pdf (дата обращения: 10.04.2023).

ИВНОЕ РАСПОРЯЖЕНИЕ КАСАТЕЛЬНО ОРЛЕАНСКИХ ПОДМАСТЕРЬЕВ. ОРЛЕАН, 18 ИЮЛЯ 1767 ГОДА

... Подмастерья различных цеховых корпорации с давних пор образуют между собою ассоциации, которые много раз останавливали на себе внимание правосудия; эти ассоциации, которые, казалось, сначала не имели иной цели, кроме помощи товарищам, находящимся в нужде, и вспомоществования из общих сумм тем из них, кои не смогут найти работы по прибытии,— затем стали допускать злоупотребления, заставлявшие часто сожалеть об их хороших сторонах. Из этих ассоциаций, подчиняющихся правилам, различным даже в пределах одной коммуны, стал заметно вырастать дух вражды между членами различных ассоциаций, проявляющийся в актах насилия и самоуправства, которые одни применяют против других и которые

соединяют их для того, чтобы применять их против подмастерьев, не желающих войти ни в одну из ассоциаций; кроме того, подмастерья навязывают свои законы мастерам в каждой коммуне, находясь под защитой этих ассоциаций и объединений, существующих между ними; они бойкотируют заведения (boutique) тех, на кого они имеют основание жаловаться. Этот дурной обычай обусловлен, с одной стороны, отчасти легкостью, с какой подмастерья могут собираться у кабатчиков в количестве, запрещенном нашими распоряжениями, с другой стороны, тем, что ни в одной коммуне не существует бюро, куда подмастерья могли бы обратиться в поисках работы, в момент их прибытия; вследствие этого, члены различных ассоциаций выбирают из своей среды особых лиц, которые берут на себя обязательство указывать вновь прибывшим товарищам заведения с незанятыми местами, и, будучи постоянно заинтересованы в том, чтобы содействовать видам товариществ, они указывают вновь прибывшим заведения, находящиеся под бойкотом. Чтобы устранить это, нам кажется необходимым: возобновить распоряжения, запрещающие подмастерьям собираться в количестве больше трех, под каким бы то ни было предлогом, под страхом тюремного заключения и уплаты штрафа в 50 ливров для подмастерьев и 100 ливров для содержателей кабачков, которые их принимают у себя; предписать комиссарам полиции осматривать кабачки и доводить дело до нашего суда, арестовывая подмастерьев, кои нарушили бы распоряжение: предписать стрелкам ночной стражи арестовывать подмастерьев, кои будут нарушать постановление, и оставлять их заключенными, известив об этом нас; предписать также всем приходящим подмастерьям являться к старшему члену коммуны в день своего прихода, чтобы тот заносил их в список, заведенный для этой цели, и выдавал им билет, удостоверяющий вышеуказанную регистрацию, для помещения их на работу к мастерам. За это занесение в список и удостоверение будет уплачиваемо 5 су представителю коммуны с каждого подмастерья. Им запрещается переходить к другому мастеру без вышеуказанного удостоверения, а мастерам запрещается принимать тех, у коих не будет этих удостоверений, под страхом тюремного заключения для подмастерьев и упла-

ты 100 ливров штрафа для мастеров. Даровать должностным лицам коммуны право распоряжения об аресте подмастерьев, нарушающих постановление, на улицах и площадях и заключении их под стражу, получив от нас на это разрешение; подобным же образом запретить кому бы то ни было посредничать при определении подмастерьев па работу, под страхом уплаты 100 ливров штрафа; такой же штраф уплачивают и мастера коммуны, в случае, если они примут кого-либо из подмастерьев без удостоверения от мастера заведения, от которого он ушел. Распорядиться, кроме того, чтобы старейшее должностное лицо коммуны вело особую запись имен тех мастеров, которые будут нуждаться в подмастерьях, и указывало бы их подмастерьям, когда они приходят, и в случае отказа таковых подмастерьев идти на работу к этим мастерам, доводить до нашего сведения. За этот список они будут уполномочены брать с каждого мастера 3 су. Это распоряжение должно быть прочитано и опубликовано на всех улицах, площадях и перекрестках и объявление подписано старшим должностным лицом каждой коммуны, на которое будет возложена обязанность представить через месяц регистрационные списки, под страхом уплаты штрафа в 100 ливров в случае неисполнения.

(пер. С. Д. Сказкина) [Электронный ресурс]

URL:https://vostlit.info/Texts/Dokumenty/France/XVIII/1760-1780/Orlean/rasp_podmasterja_18_07_1767.htm (дата обращения: 10.04.2023).

Вопросы для обсуждения:

1. Какие ограничения накладывала французская администрация на цеха Орлеана.
2. Выскажите своё предположение, с чем связаны перечисленные ограничения. Обоснуйте свой ответ.

Темы для проектных заданий:

- «Повседневная жизнь французской провинции в 60-гг. XVIII века: по материалам книги Т.Д. Смоллетта».

Список рекомендованных источников и литературы:

1. Смоллетт, Т. Д. Путешествия по Франции и Италии. 1763 г. [Электронный ресурс] URL: https://vostlit.info/Texts/Dokumenty/France/XVIII/1760-1780/Smollett_T_G/frametext1.htm (дата обращения: 10.04.2023).

ИЗ ФЕВРАЛЬСКОГО ЭДИКТА 1771 ГОДА

С самым глубоким сожалением мы видели, что члены нашего Парижского парламента проявляют непослушание, одинаково осуждаемое законами, их присягой и общественным интересом, — что они возводят в принцип произвольное прекращение своих функций и, наконец, открыто присваивают право препятствовать исполнению нашей воли; чтобы прикрыть свои притязания благовидным предлогом, они пытались вызвать среди наших подданных тревогу за их положение, честь и собственность, и даже участь законов, устанавливающих наследование короны, как будто бы обыкновенное дисциплинарное распоряжение могло распространяться на эти священные предметы, на учреждения, которых, к счастью, мы не можем изменить, и постоянство которых будет всегда гарантировано нашим интересом, непрерывно связанным с интересом нашего народа. Мы долго откладывали проявление нашей власти, в надежде, что размышление заставит их возвратиться своим обязанностям, но наша доброта только послужила к поощрению их сопротивления и умножению беспорядочных действий, что поставило перед нами альтернативу — или наказать их, или же пожертвовать самыми существенными правами нашей короны. Будучи обязаны давать нашим подданным судей, мы сначала обратились к членам нашего Совета, способности, знания и служба которых всегда оправдывали наше доверие; но, позаботившись о потребностях момента, мы обратили наш взор дальше и удостоверились, что интерес нашего народа, благо правосудия и даже наша слава требовали при этих обстоятельствах искоренения злоупотреблений в отправлении правосудия. Мы признали, что продажность должностей, введенная благодаря несчастьям прошлого времени, являлась препятствием для выбора наших служащих и часто удаляла от

судейского звания тех, кто по своим общностям и заслугам был вполне достоин, мы признали, что должны предоставить нашим подданным скорое, истинное и бесплатное правосудие,— что самая легкая примесь выгоды может только оскорбить совесть магистратов, уполномоченных поддерживать неприкосновенные права чести и собственности, — что чрезмерная обширность округа нашего Парижского парламента была бесконечно вредна для подсудных ему лиц, которые были обязаны покидать свои семьи, чтобы искать медленного и дорогого правосудия,— что после того, как они уже были разорены расходами на путешествия и поездки, медленность и многочисленность судебных процедур завершали их разорение и часто принуждали их жертвовать самыми законными требованиями; наконец, мы приняли в соображение, что практика принуждающая сеньоров нести расходы по преследованию преступлений совершенных в округе их юстиции, являлась для них очень тяжелым бременем и иногда оказывалась мотивом, благоприятствовавшим безнаказанности. Вследствие этого мы определили учредить в различных провинциях верховные трибуналы, члены которых, назначаемые нами бесплатно, на основании знания их талантов, опытности и способности, не будут иметь другого вознаграждения, кроме жалованья, присвоенного их должностям. Сближая этим судей и подсудных, мы облегчим доступ к трибуналам; мы сделаем их еще более полезными и ценными для нашего народа, упростив формы и уменьшив издержки судебной процедуры. Наконец, мы обеспечим спокойствие наших подданных, сохранение общественного порядка и наказания за преступления, найдя для сеньоров высшей юстиции частную выгоду в наказании виновных и доставив им средства сложить с себя расходы, которые влекут за собой уголовные процедуры. Если для исполнения этих намерений мы были вынуждены ограничить административно судебную юрисдикцию нашего Парижского парламента, то мы сочли своим долгом сохранить за ним в других отношениях все его права и прерогативы. В качестве блюстителя законов, уполномоченного обнародовать их, приводить их в исполнение, осведомлять нас об их неудобствах и доводить до нашего сведения нужды нашего народа; наконец, в качестве судьи во

всех вопросах, которые касаются нашей короны и прав пэров, он так же будет пользоваться тем, более ценным уважением, какое дают доблесть, знания, усердие и бескорыстие. В силу этих причин мы повелеваем, и нам угодно нижеследующее:

I. Настоящим эдиктом мы установили и устанавливаем в городах Аррасе, Блуа, Шалоне, Клермон-Ферране, Лионе и Пуатье, в каждом один судебный трибунал под названием *высшего совета*, который будет высшей и последней инстанцией для всех гражданских и уголовных дел на всем пространстве баляжей, которые образуют его округ, согласно росписи приложенной ниже скрепительной печати настоящего эдикта, однако за исключением дел, касающихся пэров и пэрства, и прочих дел, в которых мы оставляем компетенцию за нашим Парижским парламентом

Названный выше совет будет состоять из первого президента, двух президентов, двадцати советников, одного адвоката, одного нашего прокурора, двух товарищей прокурора, одного секретаря для уголовных дел, двадцати четырех прокуроров и двенадцати приставов.

(пер. Н. И. Никифорова)

[Электронный ресурс] URL:

https://vostlit.info/Texts/Dokumenty/France/XVIII/1760-1780/Ludwig_XV/parlament_edikt_02_1771.htm (дата обращения: 10.04.2023).

Вопросы для обсуждения:

1. Перечислите с опорой на документ причины, по которым была проведена судебная реформа.
2. Раскройте суть реформы, указанных в документе. Отметьте её положительные и негативные стороны.

Темы для проектных заданий:

- Реформы канцлера Мопу

Список рекомендованных источников и литературы:

1. Белл, Д. А. Юристы в демагоги: канцлер Мопу и трансформация юридической практики во Франции 1771-1789 // Прошлое и настоящее. - 1991. - № 130. – С. 107–141.
2. Дойл, У. Парламенты Франции и крах старого режима 1771-1788 // Французские исторические исследования. – 1970. – С. 415-458
3. Куцева, Е. А. Реформа Мопу как попытка добиться абсолютной власти во Франции // Самарский научный вестник. – 2014. - №4. – С. 76-77.

ИЗ ЭДИКТА ОБ УПРАЗДНЕНИИ ЦЕХОВ. ФЕВРАЛЬ 1776 Г.

Людовик и т. д. ... Мы обязаны обеспечить всем нашим подданным полное безраздельное пользование их правами; это попечение мы должны иметь особенности по отношению к тому классу людей, которые, не имея никакой собственности, кроме своего труда и своего прилежания, имеют тем большую нужду и право пользоваться во всей широте этими единственными источниками своего существования.

Мы с прискорбием замечали многочисленные посягательства на это естественное и общее право со стороны учреждений, правда, очень древних, которых не могут узаконить ни время, ни предубеждения, ни, наконец, акты той власти, которая, кажется, их освятила.

Почти во всех городах нашего королевства разнообразные ремесла сосредоточились в руках небольшого количества мастеров, организованных в сообщества, коим одним принадлежит исключительное право выделывать и продавать предметы той отрасли ремесла, на которую они имеют исключительную привилегию; и таким образом те из наших подданных, кои по своим наклонностям или необходимости предназначают себя к ремеслу, могут заниматься им, лишь приобретя звание мастера цеха, куда они могут быть приняты лишь после испытаний, в такой же мере долгих и трудных, как и поверхностных, и после уплаты многочисленных налогов или поборов (в пользу цеха), вследствие коих непроизводительно теряется часть капитала, которая могла бы пойти на устройство их предприятия или мастерской.

Те же, имущество которых оказывается недостаточным для покрытия этих расходов, принуждены вести под главенством мастеров зависимое существование, пребывать в нужде, либо уносить с родины их искусство, которое могло бы быть полезным для государства.

Граждане всех классов лишены права выбирать рабочих по своему желанию и пользоваться выгодами, которые им могла бы дать свободная конкуренция в смысле понижения цены и повышения качества работы...

Бог, давая человеку потребности и сделав для него труд необходимым, создал из права на труд (*droit de travailler*) собственность всякого человека, и эта собственность есть первая, самая священная и самая неотъемлемая из всех.

Мы рассматриваем как одну из первых обязанностей нашей справедливости и как один из достойнейших актов нашей милости освободить наших подданных от всех посягательств, нанесенных этому неотчуждаемому праву человечества. Мы хотим, вследствие этого, отменить эти учреждения, созданные произволом, не позволяющие нуждающемуся жить своим трудом, не допускающие женский пол, которому слабость создает больше потребностей и меньше средств; учреждения, толкающие его на путь соблазна и разврата осуждая его на безвыходную нищету, учреждения, уничтожающие соревнование и трудолюбие, делающие бесполезными таланты тех, коим обстоятельства не позволяют войти в цеховую организацию. Эти учреждения лишают государство и искусства всех тех знаний, которые могли бы быть принесены со стороны, задерживают развитие всех искусств, благодаря многочисленным затруднениям, встречаемым изобретателями, у которых различные цехи оспаривают право осуществлять открытия, не ими (цехами) сделанные. Эти учреждения вследствие огромных издержек, которые обязаны платить ремесленники, для того, чтобы получить право работать, — вследствие всякого рода вымогательств, которым они подвергаются, — вследствие многочисленных конфискаций под предлогом нарушения правил, — вследствие многочисленных издержек и нескончаемых судебных процессов, возникающих между различными цеховыми корпорация-

ми из-за их взаимны притязаний на то, что каждая из них считает свою исключительной привилегией, — создают в своей совокупности огромный дополнительный налог на промышленность, обременительный для подданных и совершенно бесполезный для государства. Наконец, благодаря той легкости, которую эти учреждения дают членам цеховых корпораций для того, чтобы составлять между собою союзы и навязывать бедным закон богатых, — они становятся орудием монополии, благоприятствуя различным махинациям с целью поднятия цен выше их нормального уровня на предметы потребления, наиболее необходимые для народа...

Вследствие этих причин и т. д., и т. д.

Ст. I. Разрешается всем, независимо от чина и положения, даже иностранцам, еще не получившим патент на натурализацию, заниматься по всему нашему государству, а также в нашем славном городе Париже, какой угодно торговлей и ремеслом и даже сразу несколькими; вследствие чего мы отменили и уничтожили, отменяем и уничтожаем все корпорации и ассоциации торговцев и ремесленников равно как и цехи, отменяем всякие привилегии, статуты и регламенты, данные выше указанным корпорациями ассоциациям, в силу чего никто из наших подданных не будет впредь терпеть никакой помехи в осуществлении своей торговли или своей профессии по той или другой причине, под тем или другим предлогом.

(пер. С. Д. Сказкина) [Электронный ресурс] URL: https://vostlit.info/Texts/Dokumenty/France/XVIII/1760-1780/Ludwig_XVI/edikt_uprazd_cehov_02_1776.htm (дата обращения: 10.04.2023).

Вопросы для обсуждения

1. Перечислите причины, которые привели Францию к попытке упразднению цехов.
2. Согласны ли вы с авторской оценкой права на труд. Обоснуйте свой ответ.
3. Используя исторические факты, обоснуйте почему реформа провалилась.

Темы для проектных заданий:

- Анн Робер Жак Тюрго: философ, историк и реформатор.
- Экономические идеи А.Р. Ж. Тюрго.

Список рекомендованных источников и литературы:

1. Захер, Я. М. Тюрго. — М.: Госиздат, 1919. — 78 с.
2. Казарин, А. И. Тюрго как философ и историк // Французский ежегодник. — М. – Наука. - 1962. — С. 75—94.
3. Тюрго. Избранные экономические произведения [Электронный ресурс] URL: https://archive.org/details/izbrannye_ekonomicheskie_proizvedeniia (дата обращения: 10.04.2023).
4. Фор, Э. Опала Тюрго. - М. - Прогресс. - 1979. - 567 с.

ИЗ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ПАРИЖСКОГО ПАРЛАМЕНТА ПРОТИВ ЭДИКТА О ДОРОЖНОЙ ПОВИННОСТИ. 2 – 4 МАРТА 1776 ГОДА

Французская монархия по своему строю состоит из нескольких различных и совершенно отдельных сословий.

Личная служба *духовенства* состоит в исполнении всех функций, связанных с просвещением, отправлением богослужения и облегчением участи обездоленных посредством милостыни. *Дворянин* своею кровью защищает государство и помогает государю своим советом. *Низший класс* нации, который не может оказывать государству столь же отличных услуг, выплачивает ему свой долг в форме податей, промышленной деятельности и физического труда.

Освобождая от государственной барщины низший класс граждан, который до сих пор обязан был ее нести, эдикт перекладывает эту повинность на два сословия государства, которые никогда ранее не были ею обязаны. (Таким образом) нет более различия между Вашими подданными: дворянин, духовное лицо становятся повинными государственной барщине или, что то же самое, плательщиками налога, который должен заменить собою эту повинность. Дело идет, Госу-

дарь, не о борьбе богатых против бедных, как пытались Вас в том убедить.

Это — вопрос государственный, и притом — один из наиболее важных, так как дело идет о том, могут и должны ли быть смешаны в одну массу Ваши подданные, — следует ли перестать делать различия между разными состояниями, рангами, титулами и преимуществами. Подвергнуть дворян налогу для выкупа дорожной повинности, вопреки правилу, что никто не подлежит барщине, *кто не подлежит талле (nul n'est corveable s'il n'est taillable)*, — это равносильно превращению их в подлежащих барщине; а раз допущен такой принцип, что они могли бы быть приневолены к личному отбыванию барщины, как только бы она была восстановлена

Мы глубоко убеждены, Государь, что Вашему Величеству не осмелились представить подобные проекты во всей их широте. Ваша справедливость, Ваша мудрость никогда бы не допустили их осуществления.

Перевод проф. П. Н. Ардашева.

[Электронный ресурс] URL:

https://vostlit.info/Texts/Dokumenty/France/XVIII/1760-1780/Parlament/predst_protiv_edikt_dor_pov_02_04_03_1776.htm (дата обращения: 10.04.2023).

Вопросы для обсуждения

1. Как вы считаете, сохраняли ли свои обязанности перечисленные в документе сословия французского общества.
2. Против чего выступают авторы документа. Какие аргументы приводят в поддержку своей точки зрения. Объективно ли их мнение?

Темы для проектных заданий:

- Идеалы и настроения дворян накануне Великой французской революции.

Список рекомендованных источников и литературы:

1. Искюль, С. Н. Дворянские привилегии и дворянство в эпоху революции/ В. Г. Ревуненков // От Старого порядка к Революции: межвуз. Сборник; издательство Ленинградского государственно-

го университета. - Л., 1988. [Электронный ресурс] URL: https://istmat.org/files/uploads/29289/1988_ancien-regime_revolution_iskyul.pdf (дата обращения: 11.04.2025)

2. Пименова, Л.А. Дворянство накануне Великой французской [Электронный ресурс] URL: https://istmat.org/files/uploads/28155/fr_nobles_l-a-pimenova_1986.pdf (дата обращения: 11.04.2025)

3. Пименова, Л. А. Просвещение и «дворянский расизм» (особенности идеологии и культуры французского дворянства XVIII века) / Г. С.

Блок 2. РОЛЬ ОЛИМПИИ ДЕ ГУЖ В РАЗВИТИИ ДВИЖЕНИЯ ЗА ПРАВА ЖЕНЩИНЫ И ГРАЖДАНКИ

PREFACE FOR THE LADIES, OR THE PORTRAIT OF WOMEN. ОСЕНЬ 1793 Г. 1788 Г. [ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС] URL: [HTTPS://OLYMPEDEGOUGES.EU/DOCS/VA.PREFACE-POUR-LES-DAMES.PDF](https://olympedegouges.eu/docs/va.preface-pour-les-dames.pdf) (ДАТА ОБРАЩЕНИЯ: 11.03.2025)

MY DEAREST SISTERS, it is to you that I dedicate all the failings that teem within my works. May I flatter myself that you will have the generosity or the prudence to defend them, or should I fear from you more rigour, more severity, than from the most austere of our Savants, who wish to invade everything and only allow us the right to please. Men insist that we are fit only to manage a household: women who are perceptive and aspire to take up Literature are Beings that society cannot tolerate: having no function within it, they inspire only tedium. I accept there is some basis for these differing principles but my belief is that women can unite the benefit of wit with household duties, even with the virtues of soulfulness, and the qualities of love: join to this beauty and a sweet nature and there, I accept, you would have a rare example. But who can aspire to perfection? We have no Pygmalion, unlike the Greeks, so therefore no Galatea either. In consequence, my dearest Sisters, we must be more indulgent amongst ourselves regarding our failings, hide them mutually and aim to become more favourable towards our sex. Is it surprising that men oppress it, and is it not

our fault? Few women think like men, but there are a some; sadly, the greater number pitilessly join with the strongest party, without perceiving that they are themselves destroying the charms of their rule. How much we should regret the passing of that ancient Chivalry which our superficial men deem fantastical for it made women, at one and the same time, respectable and interesting! What pleasure delicate women must derive from the belief in the existence of this noble Chivalry, whilst now they are forced to blush at being born in a century when men seem to enjoy displaying towards women the opposite of these sentiments, so refined and respectful, that ennobled those happy days. Alas! who should one accuse: is it not always our imprudence, and indiscretions, my dearest Sisters? If I imitate you, on this occasion, by revealing our faults, it is only to try and correct them. We all have them, our vagaries and our qualities. Men are organised in more or less the same way but they are more reasoned: they do not share in this rivalry of looks, wit, character, deportment, dress, that divides us and provides their amusement, their education, concerning us. Women in general are all together too full of aspirations, those who are the most advantaged are usually the most insatiable. If one praises just one gift, just one quality, in another woman straightaway their ridiculous ambition makes them discover, in the woman in question, a hundred defects, and even vices if the defects are not powerful enough to destroy the said eulogy. Ah! my Sisters, my dearest Sisters, is this what we reciprocally owe to ourselves. Men certainly tarnish each other a little, but not nearly as much as we do, and that is what establishes their superiority, and maintains all our inanities. Is it impossible for us to please without deriding our equals? For I make no distinction between the wife of an Artisan who knows how to be respected and the wife of Quality who forgets herself, and who has no more consideration for her own reputation than anyone else's. In whatever circle of women, one finds oneself, I wonder if the erroneous ideas are not everywhere the same? The women at Court are the pattern for all the copies in the inferior classes: they are the ones who set the tone for airs, graces and fashions; even up to the Procurator's wife, they all want to imitate these particular airs; epigram and satire can be added to the mix, no doubt with less style and politics than among the women at

Court, but in one class or the other, they never spare each other the slightest defect. As for the women of the Theatre, ah! I dare not continue; this is where I falter; I would have too many details to develop if I took up the subject. They are universally inexorable towards their sex, that is to say in general, since there is no rule without an exception, but those who take advantage of fortune and reputation, rarely foreseeing appalling misfortune, are intractable from whatever point of view one approaches them: blind regarding their triumph they appoint themselves as Sovereigns and imagine that all other women are just made to be their slaves, to cringe at their feet. As for the Devout women, Oh Good God! I tremble to explain myself; I can feel my hair stand on end; at every moment of the day they profane, by their excess, our saintly laws which are imbued with harmony, goodness and clemency alone. Fanaticism renders womankind even more inhumane: if she could give free rein to her fury she would produce, according to her capability, all the horrors of that cruel day, remembered forever by the French Nation. Oh Women, Women, whatever type, state or rank you belong to, become simpler, more modest, and more generous one to the other. Already I can see you, in my mind, united around me like so many furies pursuing my unfortunate being and making me pay dearly for having the audacity to offer you advice. But I am affected by it so please believe that by giving you the guidance that I doubtlessly need myself, I am also taking my share. I do not endeavour to exercise my knowledge of the human race by exempting only myself: more imperfect than anyone, I know my faults and wage war against them and by obliging myself to destroy them I deliver them up to public judgement. I have no vices to hide, only faults to display. Eh! Where is the one, man or woman, who can withhold from me the compassion that such avowals deserve? All men do not see things in the same way; some approve what others reproach, but in general truth carries the day and the man who shows himself as he is, with no sign of disgrace or viciousness, is always seen in a favourable light. Perhaps one day, without preconception on my part, I will be considered with the esteem that is given to works that are created by the hand of Nature. I can claim to be one of these rare creations; all I have comes from her; I have had no other Preceptor and all my philosophical thoughts cannot root out the imperfections

established too strongly by her education. Also, I have often been reproached for not knowing how to compose myself in society; that the impulsiveness of my character shows me at a disadvantage; that otherwise I could be one of those adorable women, if I did not abandon myself so. I have often replied to this verbiage that I abandon myself no more than I compose myself; that I only know one kind of constraint, the weaknesses of Nature that humanity can only overcome through effort: and she who tames passion through self-esteem can justifiably call herself, the Forceful Woman.

Перевод с английского:

**ПРЕДИСЛОВИЕ К ДАМАМ, ИЛИ ЖЕНСКИЙ ПОРТРЕТ.
ОСЕНЬ 1793 Г. 1788 Г.**

МОИ ДОРОГИЕ СЕСТРЫ, именно вам я посвящаю все недостатки, которыми изобилуют мои работы. Могу ли я льстить себе, что у вас будет щедрость или благоразумие защищать их, или мне следует опасаться от вас большей строгости, большей суровости, чем от самых строгих из наших Ученых, которые хотят вторгнуться во все и только позволяют нам нравиться. Мужчины настаивают, что мы годимся только для ведения домашнего хозяйства: женщины, которые проникательны и стремятся заняться Литературой, — это Существа, которых общество не может терпеть: не имея в нем никакой функции, они внушают только скуку. Я признаю, что есть некоторая основа для этих различных принципов, но я верю, что женщины могут объединить пользу остроумия с домашними обязанностями, даже с добродетелями душевности и качествами любви: добавьте к этому красоту и нежную натуру, и тогда, я признаю, вы получите редкий пример. Но кто может стремиться к совершенству? У нас нет Пигмалиона, в отличие от греков, а значит, нет и Галатеи. Вследствие этого, мои дорогие сестры, мы должны быть более снисходительны друг к другу в отношении наших недостатков, скрывать их друг у друга и стремиться стать более благосклонными к своему полу. Удивительно ли, что мужчины его угнетают, и разве это не наша вина? Мало женщин думают, как мужчины, но есть некоторые; к сожалению, большинство безжалостно присоединяются к сильнейшей партии, не осознавая, что

сами разрушают прелести своего правления. Как же мы должны сожалеть об упадке того древнего рыцарства, которое наши поверхностные мужчины считают фантастическим, потому что оно делало женщин одновременно и респектабельными, и интересными! Какое удовольствие должны получать нежные женщины от веры в существование этого благородного рыцарства, в то время как теперь они вынуждены краснеть от того, что родились в столетии, когда мужчины, кажется, любят демонстрировать по отношению к женщинам чувства, противоположные этим чувствам, столь утонченным и почтительным, которые облагораживали те счастливые дни. Увы! Кого следует обвинять: разве это не всегда наша неосмотрительность и неблагоразумие, мои самые дорогие сестры? Если я подражаю вам в этом случае, раскрывая наши недостатки, то только для того, чтобы попытаться исправить их. Они есть у всех нас, наши капризы и наши качества. Мужчины устроены более или менее одинаково, но они более рассудительны: они не разделяют этого соперничества внешности, остроумия, характера, манер, одежды, которое разделяет нас и обеспечивает их развлечение, их образование, касающееся нас. Женщины в целом все вместе слишком полны стремлений, те, кто наиболее преуспевает, обычно самые ненасытные. Если кто-то хвалит только один дар, только одно качество, в другой женщине его нелепое честолюбие тут же заставляет его обнаружить в этой женщине сотню недостатков и даже пороков, если недостатки недостаточно сильны, чтобы разрушить упомянутую хвалебную речь. Ах! мои сестры, мои самые дорогие сестры, это то, чем мы взаимно обязаны себе. Мужчины, конечно, немного порочат друг друга, но далеко не так сильно, как мы, и именно это устанавливает их превосходство и поддерживает все наши глупости. Разве мы не можем угождать, не высмеивая себе равных? Ибо я не делаю различия между женой ремесленника, которая знает, как добиться уважения, и женой знати, которая забывает о себе и которая не больше заботится о своей репутации, чем о чьей-либо еще. В каком бы женском кругу мы ни находились, я думаю, не везде ли ошибочные идеи одинаковы? Женщины при дворе являются образцом для всех подражателей в низших классах: они задают тон манерам, изяществу и модам; даже до жены прокурора все хотят подражать этим особым манерам; эпиграмма и сатира могут быть добавлены к этой

смеси, несомненно, с меньшим стилем и политикой, чем у женщин при дворе, но в том или ином классе они никогда не щадят друг друга ни малейшего недостатка. Что касается женщин театра, ах! Я не смею продолжать, здесь я запинаясь; мне пришлось бы развивать слишком много подробностей, если бы я взялся за эту тему. Они повсеместно неумолимы по отношению к своему полу, то есть вообще, поскольку нет правила без исключения, но те, кто пользуется удачей и репутацией, редко предвидя ужасные несчастья, непреклонны с какой бы точки зрения к ним ни приблизились: слепые к своему торжеству, они назначают себя государями и воображают, что все остальные женщины просто созданы быть их рабами, чтобы раболепствовать у их ног. Что касается набожных женщин, о... Боже! Я дрожу, чтобы объяснить; я чувствую, как мои волосы встают дыбом; в каждое мгновение дня они оскверняют, своей чрезмерностью, наши святые законы, которые проникнуты только гармонией, добротой и милосердием. Фанатизм делает женскую нацию еще более бесчеловечной: если бы она могла дать волю своей ярости, она бы произвела, по мере своих возможностей, все ужасы того жестокого дня, навсегда запечатленного французской нацией. О, женщины, женщины, к какому бы типу, положению или званию вы ни принадлежали, станьте проще, скромнее и великодушнее друг к другу. Я уже вижу вас, мысленно, объединенными вокруг меня, как множество фурий, преследующих мое несчастное существо и заставляющих меня дорого платить за то, что у меня хватило наглости давать вам советы. Но я затронута этим, так что, пожалуйста, поверьте, что, давая вам руководство, в котором я, несомненно, нуждаюсь сама, я также принимаю свою долю. Я не пытаюсь упражнять свое знание человеческой расы, исключая только себя: более несовершенная, чем кто-либо, я знаю свои недостатки и веду с ними войну, и, обязываясь уничтожить их, я выношу их на суд общественности. Мне не нужно скрывать пороки, только недостатки, которые нужно выставлять напоказ. Эх! Где тот, мужчина или женщина, кто может отказать мне в сострадании, которого заслуживают такие признания? Все люди видят вещи по-разному; некоторые одобряют то, что другие порицают, но в целом истина побеждает, и человек, который показывает себя таким, какой он есть, без признаков позора или порочности, всегда представляется в выгодном свете. Воз-

можно, однажды, без предубеждений с моей стороны, я буду считаться с уважением, которое оказывают творениям, созданным рукой Природы. Я могу утверждать, что являюсь одним из этих редких творений; все, что у меня есть, исходит от нее; у меня не было другого Наставника, и все мои философские мысли не могут искоренить несовершенства, слишком сильно установленные ее воспитанием. Кроме того, меня часто упрекали в том, что я не умею держать себя в обществе; что импульсивность моего характера ставит меня в невыгодное положение; что в противном случае я могла бы быть одной из тех очаровательных женщин, если бы я не отдавалась так. Я часто отвечала на эти пустословия, что я отдаюсь себе не больше, чем отдаюсь себе; что я знаю только один вид ограничений — слабости Природы, которые человечество может преодолеть только посредством усилий: и та, которая укрощает страсть посредством самоуважения, может по праву называть себя Сильной Женщиной.

Вопросы для обсуждения

1. Выскажите предположение о цели создания автором данного документа.
2. Дайте оценку позиции автора относительно её взглядов на мораль и нравственность.
3. Дайте характеристику взглядам автора на положительные и отрицательные качества её современниц.
4. Как автор представляет женский идеал?

Возможности использования в школьном курсе истории:

1. Составьте картотеку знаменитых женщин эпохи Великой французской революции для реализации школьных проектов «Женщины французской революции». На основе картотеки составьте список предполагаемых тем.

Темы для проектных заданий:

- Женщины Великой французской революции: С. Кондорсе.
- Идеи женского равноправия в работах Н. Кондорсе

Список рекомендованных источников и литературы:

1. Nicolas De Condorcet. On Giving Women the Right of Citizenship (1790) // [Электронный ресурс] URL: <https://web.archive.org/web/20060616060257/http://www.pinn.net/~sunshine/book-sum/condorcet4.html> (дата обращения: 10.04.2023).
2. Адлер, Э. Знаменитые женщины Французской революции: 1789-1795 гг. - М. - 1907. - 303 с.

REFLECTIONS CONCERNING BLACK MEN. 1788 Г.

[ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС] URL:

[HTTPS://OLYMPEDEGOUGES.EU/DOCS/1REFLEXIONS.PDF](https://olympede gouges.eu/docs/1reflexions.pdf)

(ДАТА ОБРАЩЕНИЯ: 11.03.2025)

The deplorable fate of black mankind has always elicited my interest. My understanding was just beginning to develop, at an age when children are carefree, when the first sight of a Negress made me reflect and enquire about her colour.

Those that I could question at the time did not satisfy my curiosity or my reasoning. They treated such people as brutes, as beings that Heaven had damned but I, growing older, clearly observed that it was force and prejudice that had condemned them to this horrible slavery, that Nature had no part in it and that the unjust and powerful interest of the Whites was responsible for it all.

Imbued with this truth for a long while, and convinced of their appalling situation, I treated of their Story in the first dramatic work that came from my imagination. Several men took an interest in their fate, they worked to temper it; none thought to represent them on the Stage, complete with their costume and local colour, as I did, if the Comédie Française had not opposed it.

Mirza had conversed [in or conserved?] her natural tongue; nothing was more affectionate. I felt that it added to the value of this Drama, this was also the opinion of all Connoisseurs, apart from the Actors. Let us spend no more time on my Play as it was received. I present it to the Audience.

Let us return to the dreadful fate of the Negroes; when will work be undertaken to change it, or at least to temper it? I know nothing of Governments' Politics, but they are fair, and never has Natural Law been more in evidence. They cast a benevolent eye on all the worst abuses. Man, everywhere is equal. Fair-minded Kings do not want Slaves; they know that they have loyal Subjects; France will not abandon the unfortunates who suffer a thousand deaths for one, since personal interest and ambition settled the most uncharted Islands. Europeans, greedy for blood and that metal that cupidity has named gold, have changed Nature in these happy climes. The father disowns his child, the son sacrifices his father, brothers fight each other and the conquered have been sold like cattle at a market. What am I saying? It has become a Trade in the four corners of the world.

A trade in men! Almighty God! And Nature does not shudder! If they are animals, are we not likewise? How do Whites differ from this kind? It is in color.... Why does the pallid Blonde not want to cede to the Brunette who resembles a Mulatto? This impression is as striking as from the Negro to the Mulatto. The color of mankind is nuanced, like all the animals that Nature has produced, as well as the plants and minerals. Why does day not compete with night or the sun with the moon and the stars of the firmament? All is varied, that is the beauty of Nature. Why then destroy her Work?

Is man not her most beautiful work of art? The Ottoman uses Whites in the same way that we use Negroes: we do not treat him as a barbarian or an inhumane man and we exercise the same cruelty on men whose only resistance is their submission.

But once this submission has run its course what does the barbaric despotism of the planters of the Isles and Indies produce? All manner of revolt, a carnage that the power of troops only serves to augment, poisonings and all that man can achieve once he is rebelling. Is it not atrocious that Europeans, having acquired considerable plantations thanks to their industry, should rain blows from morn till night on these unfortunates who would nonetheless till their fertile fields if afforded more liberty and kindness?

Is their condition not the cruellest, their work painful enough, without them being subjected to the most horrible punishments for the slightest misdeed? Changing their condition is discussed, new means of tempering it are proposed, without fearing that this type of man might misuse such total or limited freedom.

I understand nothing of Politics. It is predicted that general freedom would render Negro men as essential as Whites; that once they had become masters of their own fate, they would be masters of their desires; their children would be able to stay with them. They would work with more exactitude and more ardor. The spirit of dissent would no longer torment them: the right to advance themselves like other men would render them wiser and more compassionate. Deadly plots would no longer threaten. They will be free Farmers in their own lands like the Labourers of Europe. They will not leave their fields to come to foreign Nations.

The freedom of the Negroes would create a few deserters but far fewer than among the inhabitants of the French countryside. Barely have young Villagers acquired maturity, strength and courage than they set off towards the Capital to take up the noble employment of Lackey or Porter. There are a hundred Servants for each position whereas our fields are short of Farmers.

This freedom multiplies an infinite number of unemployed, of wretches, in a word all sorts of undesirables. A wise and salutary limit should be placed on all People, that is the art of Sovereigns and of Republican States.

My innate knowledge could allow me to find a sure method, but I will guard against presenting it. I would have to be better educated and more enlightened with regard to the Politics of Governments. I have said it, I know nothing and I submit my observations at random, good or bad. The condition of these unfortunates must interest me more than anyone since it has been five years since I conceived of a drama based on their deplorable History.

I have only one bit of advice to give to the actors of the Comédie Française, and it is the only favour that I will ask of them in my life: they must adopt both the colour and the dress of the Negro. Never was there a

more favourable time and I hope that the Performance of this Drama will produce the effect that one can expect in favour of these victims of ambition.

The costume is responsible for at least half of the effect of this Play which will move both the pen and the heart of our best Authors. My aim will be fulfilled, my ambition satisfied, and the Comédie will elevate itself rather than denigrate itself through colour.

My happiness would no doubt be overwhelming if I were to see the Production of my Play, just as I imagine it. Posterity would require of this feeble sketch a touching tableau. Artists keen to use their brushes on its behalf could be considered the Founders of the wisest and most useful Humanity and I am certain, in advance, that their support of this feeble drama would favour the subject.

Ladies and Gentlemen [of the Comédie Française], do put on my Play, it has waited its turn quite a long time if, by rights, it should not already have been done several times. Here it is in print, you wished for it; all the Nations and I beg you for its production, I am sure they will not disagree with me. This sensibility that, in anyone else, would smack of self-esteem is merely the effect produced in my heart by all the public clamour in favour of Negroes. The Reader who has judged me correctly will be convinced of this truth.

But with you, Ladies and Gentlemen, I have to justify myself after you attributed some nonsense to me regarding Molière, and Mercier whom I cherish and admire in more ways than one given that he preceded me in being badly treated by you despite being a most honest gentleman. I am not surprised that you did not know how to appreciate him for he knows neither the adulations nor the petty jealousies of all the low Literati. Despite the many grievances that I have against you I have no doubt that you are capable of being fair, when it suits you, but you have to admit that it does not suit you very often. You appreciate artifice due to your character and your talent suits well-turned phrases. Dramatic expressions pass you by yet that is what you should do best. Well, forgive this last word of advice, they cost me dear and at that price I feel entitled to offer them to you. Farewell, Ladies and Gentlemen: following on from my observations act my Play as

you see fit; I shall not attend the rehearsals. I give all my rights to my son; may he make good use of them and may they save him from becoming an Author for the Comédie Française. If he believes me he will never scribble any Literature. Meanwhile I have not been able to prevent him from joining the general impetus. Noyon's daughter [or the girl from Noyon] has suddenly made an Author of him. His Lordship the duc d'Orléans's good deeds have excited his pen. I have to admit that I offered something by way of anecdotes, and were it not for the aim of this bagatelle, this piece would not be tolerable and I would have kept it anonymous. But believing that it was pitiful in its writing I have placed it at the end of my last Volume. There are Authors who always retain their mystery unless they succeed but I see no dishonour in a mediocre text; this one merits indulgence as much for its aim as for the times. He has reworked his idea for Noyon's daughter and with one of his friends he has created a Comic Opera that I think should meet with some success. I must make the Author known to the Public and accept that the worst elements are those in my style. I barely worked on it for an hour, without thought, and my son was no wiser; my mediocrity in this genre has only weakened his first attempt. I beg indulgence on his behalf and for myself the greatest severity; I make honourable amends in advance. And in order to be readily forgiven I beg my Reader to remember that Zamor and Mirza dates from the century of Great Men. It will soon be forgotten that as an unnatural mother I dipped into the subject of the Good Mother.

Перевод с английского:

ЭССЕ: РАЗМЫШЛЕНИЯ О РАБСТВЕ НЕГРОВ. 1788 Г.

Плачевная судьба черного человечества всегда вызывала у меня интерес. Мое понимание только начинало развиваться, в возрасте, когда дети беззаботны, когда первый взгляд на негритянку заставил меня задуматься и спросить о ее цвете кожи.

То, о чем я мог тогда спросить, не удовлетворяло моего любопытства или моих рассуждений. Они относились к таким людям как к скотам, как к существам, проклятым Небесами, но я, становясь старше, ясно видел, что именно сила и предрассудки обрекли их на это

ужасное рабство, что Природа не принимала в этом никакого участия и что несправедливый и могущественный интерес Белых был ответственным за все это.

Долгое время проникаясь этой истиной и убежденный в их ужасающем положении, я изложил их Историю в первом драматическом произведении, которое пришло мне в голову. Несколько человек заинтересовались их судьбой, они работали над тем, чтобы смягчить ее; никто не подумал представить их на сцене, в полном их костюме и местном колорите, как это сделал я, если бы Комеди Франсез не воспротивилась этому.

Мирза разговаривала [на или сохранила?] на своем естественном языке; ничего не было более ласкового. Я чувствовал, что это добавляет ценности этой Дrame, таково было мнение всех Знатоков, кроме Актеров. Давайте не будем больше тратить время на мою Пьесу, как она была принята. Я представляю ее Зрителям.

Давайте вернемся к ужасной судьбе негров; когда же будет предпринята работа, чтобы изменить ее или, по крайней мере, смягчить? Я ничего не знаю о Политике Правительств, но она справедлива, и никогда Естественный Закон не был более очевиден. Они бросают благосклонный взгляд на все худшие злоупотребления. Человек, везде все равно. Справедливые Короли не хотят Рабов; они знают, что у них есть верные Подданные; Франция не бросит несчастных, которые терпят тысячу смертей за одну, с тех пор как личные интересы и амбиции заселили самые неизведанные Острова. Европейцы, жадные до крови и того металла, который алчность назвала золотом, изменили Природу в этих счастливых краях. Отец отрекается от своего ребенка, сын приносит в жертву своего отца, братья дерутся друг с другом, а побежденных продают, как скот на рынке. Что я говорю? Это стало Торговлей во всех четырех концах света.

Торговля людьми!. Всемогущий Бог! И Природа не содрогается! Если они животные, разве мы не такие же? Чем Белые отличаются от этого вида? Это в цвете... Почему бледная Блондинка не хочет уступить Брюнетке, которая похожа на Мулатку? Это впечатление столь же поразительно, как от Негра к Мулату. Цвет человека нюансирован,

как и все животные, которых создала Природа, а также растения и минералы. Почему день не соревнуется с ночью или Солнце с Луной и звездами на небосводе? Все разнообразно, в этом красота Природы. Зачем же тогда разрушать ее Творение?

Разве человек не самое прекрасное произведение ее искусства? Османская империя использует белых так же, как мы используем негров: мы не относимся к нему как к варвару или бесчеловечному человеку, и мы проявляем ту же жестокость к людям, единственным сопротивлением которых является их подчинение.

Но как только это подчинение исчерпывается, что производит варварский деспотизм плантаторов островов и Индий? Всевозможные восстания, резня, которую сила войск только усиливает, отравления и все, чего может добиться человек, когда он восстает. Разве не ужасно, что европейцы, приобретя значительные плантации благодаря своему трудолюбию, должны с утра до ночи обрушивать удары на этих несчастных, которые тем не менее возделывали бы свои плодородные поля, если бы им предоставили больше свободы и доброты?

Разве их состояние не самое жестокое, их работа недостаточно мучительна, чтобы они не подвергались самым ужасным наказаниям за малейший проступок? Обсуждается изменение их состояния, предлагаются новые способы его смягчения, без опасения, что этот тип человека может злоупотребить такой полной или ограниченной свободой.

Я ничего не понимаю в политике. Предсказывается, что всеобщая свобода сделает негров такими же необходимыми, как и белых; что как только они станут хозяевами своей судьбы, они станут хозяевами своих желаний; их дети смогут оставаться с ними. Они будут работать с большей точностью и большим рвением. Дух инакомыслия больше не будет их мучить: право продвигаться вперед, как другие люди, сделает их мудрее и сострадательнее. Смертельные заговоры больше не будут угрожать. Они будут свободными фермерами на своих собственных землях, как рабочие Европы. Они не покинут свои поля, чтобы отправиться в чужие страны.

Свобода негров создаст несколько дезертиров, но гораздо меньше, чем среди жителей французской деревни. Едва молодые жители деревни обретут зрелость, силу и мужество, как они отправятся в столицу, чтобы занять благородную должность лакея или носильщика. На каждую должность приходится сотня Слуг, тогда как на наших полях не хватает Фермеров.

Эта свобода умножает бесконечное число безработных, негодяев, словом, всякого рода нежелательных. Мудрый и спасительный предел должен быть установлен для всех Людей, это искусство Суверенов и Республиканских Государств.

Мои врожденные знания могли бы позволить мне найти верный метод, но я воздержусь от его представления. Я должен был бы быть более образованным и более просвещенным в отношении политики правительств. Я сказал это, я ничего не знаю, и я представляю свои наблюдения наугад, хорошие или плохие. Состояние этих несчастных должно интересовать меня больше, чем кого-либо, поскольку прошло пять лет с тех пор, как я задумал драму, основанную на их плачевной истории.

У меня есть только один совет, который я могу дать актерам Комеди Франсез, и это единственная услуга, о которой я попрошу их в своей жизни: они должны принять и цвет, и платье негра. Никогда не было более благоприятного времени, и я надеюсь, что представление этой драмы произведет тот эффект, которого можно ожидать в пользу этих жертв амбиций.

Костюм ответственен по крайней мере за половину эффекта этой пьесы, которая тронет и перо, и сердце наших лучших авторов. Моя цель будет достигнута, мои амбиции удовлетворены, и Комеди возвысится, а не принизит себя посредством цвета.

Мое счастье, без сомнения, было бы непреодолимым, если бы я увидел постановку моей пьесы, именно такой, какой я ее себе представляю. Потомки потребовали бы от этого слабого наброска трогательной картины. Художники, стремящиеся использовать свои кисти для ее блага, могли бы считаться основателями мудрейшего и полез-

нейшего человечества, и я уверен заранее, что их поддержка этой слабой драмы будет способствовать этому предмету.

Дамы и господа [из Комеди Франсез], поставьте мою пьесу, она довольно долго ждала своей очереди, если бы, по справедливости, ее уже не следовало делать несколько раз. Вот она в печати, вы этого желали; все нации и я умоляю вас о ее постановке, я уверен, что они не согласятся со мной. Эта чувствительность, которая у кого-либо другого отдавала бы самоуважением, есть просто эффект, произведенный в моем сердце всем этим общественным шумом в пользу негров. Читатель, который правильно меня рассудил, убедится в этой истине.

Но с вами, дамы и господа, я должен оправдаться после того, как вы приписали мне какую-то чушь относительно Мольера и Мерсье, которого я ценю и которым восхищаюсь во многих отношениях, учитывая, что он был раньше меня в плохом обращении с вами несмотря на то, что он был самым честным джентльменом. Я не удивлен, что вы не знали, как оценить его, поскольку он не знает ни лести, ни мелкой зависти всех низких литераторов. Несмотря на многочисленные обиды, которые я имею против вас, я не сомневаюсь, что вы способны быть справедливым, когда это вам подходит, но вы должны признать, что это не очень часто вам подходит. Вы цените искусственность из-за вашего характера, и ваш талант подходит к хорошо отточенным фразам. Драматические выражения обходят вас стороной, но это то, что вы должны делать лучше всего. Ну, простите этот последний совет, они дорого мне обошлись, и за эту цену я считаю себя вправе предложить их вам. Прощайте, дамы и господа: следуя моим наблюдениям, играйте мою пьесу так, как вы считаете нужным; Я не буду присутствовать на репетициях. Я передаю все свои права моему сыну; пусть он воспользуется ими с пользой, и пусть они спасут его от того, чтобы стать Автором для Комеди Франсез. Если он мне поверит, он никогда не нацарапает никакой Литературы. Между тем я не смог помешать ему присоединиться к общему порыву. Дочь Нуайона [или девушка из Нуайона] внезапно сделала из него Автора. Добрые дела Его Светлости герцога Орлеанского взволновали его пе-

ро. Я должен признать, что я предложил кое-что в виде анекдотов, и если бы это не было целью этой безделушки, эта пьеса была бы невыносимой, и я сохранил бы ее анонимной. Но полагая, что она жалка по своему написанию, я поместил ее в конце моего последнего Тома. Есть Авторы, которые всегда сохраняют свою тайну, если только им это не удастся, но я не вижу бесчестия в посредственном тексте; этот заслуживает снисхождения как за свою цель, так и за свое время. Он переработал свою идею для дочери Нуайона и с одним из своих друзей создал комическую оперу, которая, как я думаю, должна иметь некоторый успех. Я должен сделать автора известным публике и признать, что худшие элементы - это те, что в моем стиле. Я едва ли работал над ней час, не думая, и мой сын не стал мудрее; моя посредственность в этом жанре только ослабила его первую попытку. Я прошу снисхождения от его имени и величайшей строгости от себя; я заранее приношу достойные извинения. И чтобы быть легко прощенным, я прошу моего Читателя помнить, что Замор и Мирза датируются веком Великих Людей. Скоро забудут, что как неестественная мать я погрузилась в тему Доброй Матери.

Вопросы для обсуждения:

1. Назовите аболиционистскую пьесу, написанную Олимпией де Гуж. Как вы считаете, почему при попытках постановки пьесы у автора то и дело возникали проблемы с актерами «Комеди Франсез»?
2. Какие рекомендации дает автор текста, касательно постановки своей аболиционистской пьесы.
3. Раскройте авторскую позицию относительно прав негров. Какие идеи предлагает Олимпия де Гуж в рамках социализации освобожденных негров во французском обществе.

Темы для проектных работ:

- «Общество друзей чернокожих»: деятельность и знаменитые участники.

Список рекомендованных источников и литературы

1. Society of the Friends of the Blacks [Электронный ресурс]
URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k417108> (дата обращения: 11.03.2025)
2. Гончарова, Т.Н. История французского колониализма: актуальные проблемы изучения. Часть III: История отмены рабства во французских колониях. - Санкт-Петербург. – 2021. – 211 с.

Интернет-ресурсы:

1. La Société des Amis des Noirs: quels regards sur les Africains? Manioc video, 2013 [Электронный ресурс] URL: (<https://www.manioc.org/fichiers/V13047> (дата обращения: 11.03.2025)

LETTER TO THE PEOPLE, OR PATRIOTIC PURSE PROJECT.

НОЯБРЬ 1788.

[ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС] URL:

[HTTPS://OLYMPEDEGOUGES.EU/DOCS/A.LETTRE-AU-PEUPLE.PDF](https://olympedegouges.eu/docs/a.lettre-au-PEUPLE.PDF) (ДАТА ОБРАЩЕНИЯ: 11.03.2025)

It is to you, the French, that I write; it is to you that I submit my observations. Your nationality is enough to encourage me and, you will serve it by endorsing me.³ If the natural judgement that enlightens you is allowed to guide your decisions, then you will never behave imprudently.

Man is without doubt the hardest creature to define. Superior to all other animals thanks to his intelligence, his reasoning and his capacity to extend his learning, he is nevertheless more irrational, and less humane than the beasts. It seems that nature, depriving animals of our advantages, has given them in exchange a peaceful life sheltered from all anxiety. These are the thoughts that came to me last night as a result of the unease I felt when the disturbing sounds I could hear all around eventually reached my own door, throwing me into a panic to make a lunatic laugh, but the truly wise tremble. Sadly for humanity, the latter are in short supply, and more unfortunately, the opinions of those who hold extremely seditious views sway the People more than the sage advice of prudent individuals or

good Citizens. I will not focus on public rumours; I do not listen to personal discussions to know if this or that powerful party is inciting these destructive delights that are the enemy of peace and quiet; but if a prompt remedy is not found, perhaps the harm will prove to be irreparable. It has been observed that the greatest troubles that befall States often stem from the tumultuous unbridled diversions of the People. If the King is unhappy, his Subjects cannot be content; but all can be resolved under such a good Monarch. The damage predates his enthronement. Either my instinctive understanding is misguided or I am a perceptive observer who believes, based on all I have seen and heard, that the deficit that is discrediting France took hold during the most luxurious and flourishing reign; it grew under Louis XV; Louis XVI was unable to hold back the catastrophe that manifested itself in the most frightful violence. His predecessors caused the problem, some in ignorance, others voluntarily; must he, a more unfortunate king than his ancestors, be held responsible for their mistakes? What is this injustice that now dominates the greatest number of minds who, without considering how to achieve the greater good, deliver the people up to unbridled impulsive behaviour through seditious discourse and writings that only increase trouble and do nothing to offer a remedy for our ills. Would it not be preferable to work towards a prompt and salutary solution, rather than seeking to prolong the general misery? A deep despair exists in Paris: the Worker lacks any bread to offer his wife or his children, and yet he finds money to lavish on his amusements, or rather his follies, and his extravagant pleasures. Is one to believe that the People lack humanity, undoubtedly not; they are more responsive to nature than those who nonchalantly pass their lives in sumptuous houses full of gilded panelling but, you will say, the People have no other pleasure than to drown their hardship and worries in the pleasures that seem so natural to them. Indeed, they are natural given that they come from the heart; but what appalling outcomes result from these moments? And you, famous Authors, who only knew how to speak to Kings, aspire to something greater, purer and more praiseworthy: I address the People; I beg them to read me attentively and to judge whether or not I think as an honest Citizeness. No doubt his Majesty will not find it a problem that a woman, moved by such widespread

suffering, dares to prevent, thanks to her presentiment, even crueller hardship.

The Rulings of the King and the reinstated Parliament, the specific prohibitions banning the Public from convening, from rallying and from letting off either rockets or bangers, ought, in the eyes of the Public, to be sacred orders imposed merely for its own well-being, and yet the Public at such a favourable moment, will not conform. It disobeys both Parliament, whose recall it demanded with such determination, and the King who has just acceded to its demands. What clearer proof do you need of his clemency and moderation? I submit my observations to the Public of which I am a member; but a member of the weakest part: if my opinions lack energy, my sex will be my justification; if my style is diffuse and incoherent, my agitation is my excuse; if this work is ineffective, my objective is laudable; and you, the Public, to whom it is dedicated, will you blame me for the incentive that encourages me and that has rekindled my strength.

Thwarted, by and large, by the unkindness of men, seeking only to end my days in deep solitude, ready to renounce literature, that delight of rich and fecund imaginations, all that comes from my feeble genius must be considered as a fruit that nature has developed, one that has never been embellished by the hands of men. This fruit is not for sale. A little known individual, generally impervious to honours and fortune, my only ambition for a career as a playwright being as limited as my talent would allow, I heard and I saw everything with the painful sensibility of a true Citizeness. Nothing, in this time of inaction and disorder, could have incited me to impetuosity. Shame to all those whose appalling talent is to sow discord and poison through their ambiguous writings. Oh how I pity those who, against their better nature, sell their eulogies to the highest bidder! Sublime truth! You have always guided me, been the foundation of my opinions, take away my ability to write if ever I betray the conscience that your light has illuminated; but forgive me if, occasionally, in my eagerness to endorse those who appeared to be legitimate, I praised those who did not deserve it. One day my confessions will show the Public my true character, my way of life and my sensibility. If envy has sown my path with unusually ferocious calumniators, then, one day, posterity will find me all the more inter-

esting; if the originality of my writings is not deemed sufficient, maybe my misfortune will recommend me to all and it will be recognised that a woman who was rooted in all her work, deserved not only the good will of the great but also the esteem of all men.

What, then, has driven me to write this letter to the Public and to proclaim in it, perhaps with a little too much preamble, the belated thoughts that my fears inspired. Last night, at about three o'clock, a large group of citizens came down the rue de Vaugirard, their shouts horrified the entire neighbourhood, they fired several bangers and rockets, then they violently knocked on the door of a Grocer; they forced this trembling man to come to his window. They demanded torches from him. Just the word 'torches', at that moment in time, must have frightened all those who heard it spoken. The Grocer refused, as best he could, to acquiesce to their demands; but the situation became so violent that he found himself obliged to hand over the torches that were demanded of him. At first I blamed the Grocer for caving in to pressure from the People for it could have resulted in unpleasant accidents, but seeing that nothing unfortunate came of his actions, I praised the prudence of this man. Perhaps if he had, in effect, behaved at this moment as I saw fit then the result would have been a lethal state of affairs.

Oh People, unhappy Citizens! Listen to the voice of a fair-minded and sensitive woman. You can only be happy if you do not face financial ruin. Your labour is arduous your ambitions modest. You work solely to feed your wives and children whose languishing arms reach out to you; and during this public disorder, maybe you are abandoning them to die of want or pain. The twenty-four hours that you lose create a deficit in your finances that are as dangerous as those of the State: the State has resources, you only have your strength. If you wear it out with late night foolishness, how will you find the vigour and the courage to usefully return to work? What am I saying? Is that all you have to fear? What of the bloody battles that always follow these unbridled jublations? Authority has to be maintained and the result is a frightful butchery. Without knowing whom you are fighting for, you throw yourselves heart and soul into a treacherous path cleared for you by a seditious, ill-intentioned felon. This can start a civil

war: a civil war! Heavens! I tremble as I speak of it! Are there any greater fears for humanity than this calamity? But what am I saying? Nothing can bring about such a cruel event. France is already in enough deep distress that none could seek to increase her troubles. If the parliament is keen on the common good, as it has wished to suggest through its actions, then it will be influenced by the lights of the Estates General; but the one thing that no wise Citizen can ignore, or doubt, is the goodness and clemency of His Majesty.

The public is crying out for a change of Ministers; the King, kind and well-meaning towards his People, is bowing to those desires. He recognises that no one is better qualified to restore order to the financial mess than Mr. Necker; he does not shy away from putting him in charge of the Treasury; and although it is an acknowledgement of the probity, virtues and talents of Mr. Necker; it has been a while since one has witnessed a King recall a minister disgraced during his reign.

Such paternal goodness should enflame the hearts of all good Frenchmen! Before the recall of this great man, before the re-establishment of the Parliament, I yielded to the common agitation. How easy it is to imagine and to believe in the worst! But as I consider that an all-powerful King can use his great authority to thunder against the slightest disobedience, I feel myself overwhelmed by a zeal that inclines to admiration, and that leads to enthusiasm for such great clemency and moderation. This same admiration shows me the true character of the French; I recognise that if it no longer held sway in the Nation, the State would be lost; but when I think that this sacred word is indestructible along with the love that each Subject holds for his Master, the patriotic blood that circulates in my veins tells me how to bring about the solution that I wish upon the Nation.

Here I present the solution: I have only my own faculties to put toward this proposal, but if it were practicable, it would be welcomed despite the few weaknesses apparent in my presentation. What then is this system that in my opinion would be suitable to pay off the national debt? It would be, I believe, voluntary taxation, something the Nation would celebrate. This memorable heartfelt gesture on the part of the French, recorded for

posterity, would shape the most singular and remarkable epoch in the annals of the Monarchy.

My objectives being recognised I have the right, as a French woman and a good Citizeness, to communicate my ideas to my compatriots. Whilst discussing this subject with Citizens who are as keen to help the Nation as I am and who embraced my system, I learnt, through one of these individuals, that my good intentions had been anticipated in a work entitled *L'Etat libéré*. I soon got hold of it and found in this well-meaning work a mass of salutary ideas. Not as enlightened as the author, and not wanting to take advantage of the fact that he conceived of his project before me, I can only give myself credit for agreeing with him.

Ah! No doubt at this time of distress all true French people share a common aim. I will therefore put forward my ideas as clearly as I am able by simplifying the method of their execution. Some muddle-headed individuals argue that this expedient would bring shame upon the State; I argue that the opposite is true and that it would glorify the State. Does a son blush when he receives favours from his father? The King is like a father whose affairs are in a mess; it is therefore an honour, a proof of love and a sign of respect for his children to willingly fly to his side to help this unfortunate parent. The harm is done, a remedy is essential; but not like the one offered by a cynical Author whose culpable opinions have just been punished as befits such pernicious Ideas.

The King, in order to ease the financial crisis and to honour his commitments, asks for extra taxes. Parliament, sensing that the populace is facing ruin, refuses: these alternatives of demand and refusal aggravate the situation and do nothing to restore confidence, a voluntary tax...a voluntary tax in the name of the Nation would allow it to distinguish itself. The generous relief that was offered to those affected by the frost that devastated the fields at harvest time is proof positive that my system would work. I will start with the market porters and indiscriminately rise up to the highest levels of society; all who call themselves French will co-operate to save the State. The purse fit to receive these voluntary sums, offered to the King by his subjects, will be considered sacred; these assets will be limited by statute to paying off the national debt, no sum whatsoever can be taken from

them under any pretext, or for any form of speculation. In order to ensure the correct administration of this system I would like every provincial administrator to be in charge of local public expenditure in their area, likewise the administrator of the Parisian municipality should be in charge of the Capital's expenditure. All Citizens contributing a sum to this purse, according to their means, would inscribe their names on a register, below the sum they had remitted to the said purse. This precaution would protect us from corruption and give each contributor a chance to acknowledge the other; all Citizens would see themselves in the same mirror and this touching portrait would define both the soul, the heart and the spirit of the French.

The market trader and the housekeeper would be pleased beyond measure to see their names alongside that of a Prince of the blood: come on, my friends, they would all say, by drinking less grog, by going less often to the tavern we can take a few pennies to our good King every month, and, because there will be no official papers or Soldiers with bayonets fixed on their guns, he will understand that our patriotic gesture is genuine; it will not be possible for the other Nations to accuse us of abandoning our King; and when the debt is fully repaid, he will, in his turn, give us all that we need to render our lives quiet and peaceful. Ah! If, as I hope, the People read my words, they will recognise that if they have money to buy powder and rockets (always a dangerous entertainment) then they can find some for the one who brings happiness to their lives, and to those of their children, by cutting back for a few more months. The Cobbler, the Tailor, the Wig-maker, the general Shop-keeper, seeing that all is blocked by inaction, that commerce is virtually destroyed, will make savings in the considered belief that when the State is less indebted all will flourish again: elderly bachelors who benefit from considerable fortunes, will offer their wealth to the State, in order to see their names on the list of true Frenchmen. As for Priests and Monks and others of the type, I must make some alternative suggestions: set apart from the luxuries of this world, not obliged to entertain, ministers of peace and the corner-stones of the Church, without doubt they will hasten to add their names to the head of the register that will list the Benefactors of the Nation. Habituated, as they are, to self-imposed pri-

vations, a few more in order to pay off the national debt, as the good Citizens they are, will be as nothing to them. Those who find themselves endowed with great Abbeys and vast Priories will, without doubt, render to the King what is his due, as much from religious observation as from gratitude.

Dare I say on behalf of the Performers, as well as the audience that the Theatres will undoubtedly contribute to fill the purse that I propose for, despite the poverty of the State and the People, they are still attended with the same zeal; and as the author of *l'Etat libéré* states, a day of performances will be known as *The Political Entertainment*, and will be a gala day of festivities for the French. As for Princes, Lords and the Wealthy, they will all compete to pay this voluntary tax; a suitable name is needed to better embody this tax; I would like it to be called *The Patriotic Tax*: no one, down to the Boarder in a Convent, would refuse to make savings and participate in this tax. Ah! So many young people would register themselves on this list that should be published every month until the national debt is liquidated. Two young people united in matrimony could not find their union fulfilled if they had not sent a contribution to the Purse; whoever acquires a position or obtains a favour will likewise donate. An heir would give a share of his inheritance and a gambler his winnings to the Patriotic Purse. Yes, I dare opine in this way and, based on my own feelings, judge all my fellow citizens.

Penetrated as I am by my love for my Country I can present my opinions, fired up with this emotion, right up to the steps of the Throne and remind the King of the august promise he made to his People, when he encircled his brow with the diadem, to ceaselessly watch over the happiness of his Subjects; his wishes were thwarted, for fate, that master of the World, its People and its Kings, decided otherwise; but this contrary fate cannot stop mistakes and injustices being rectified once one understands the universal harm they do. The King, naturally good and well-meaning, a truth that can be uttered without being accused of exaltation or suspected of adulation, His Majesty who this far has been frustrated in his desire to support his People's well-being, seeing this new effort on the part of his Subjects to contribute to the welfare of the State, and according to his in-

nate goodness, will resolve to make the greatest sacrifices. All sums used in fruitless expenditure should be refused and, instead, sent annually to the Patriotic purse. I am not well enough versed in these affairs to suggest how these expenditures might be reformed, but one that shocks me, and is ceaselessly in front of my eyes, proves to me that there are many others equally useless. The School of Song and Declamation is a good example; it costs the King about 100,000 livres per year, these 100,000 livres would not be out of place in the Patriotic purse, and would do more good than the Students who leave this School and contribute nothing that benefits the State.

I love the Comédie for it educates the world but whoever has lessons will learn nothing if they lack sensibility and feeling; the spirit, they say, cannot be acquired, but it can, nonetheless, be embellished; however sensibility is never improved if it is not already a natural attribute. Art is quite capable of creating automatons whose every gesture and accents it will direct but it can never produce Actors endowed with the necessary gifts that will allow them to rise to heights of sublime declamation. To prove my theory I only have to name those celebrated Actors forever immortalized and those living today for assuredly none of these famous Actors went to school and I doubt that any Student could ever be as talented as these Masters. Le Kain, Mlles Clairon, Gauffin, Dumesnil, MM. Prévile, Molé, Madame Prévile, Madame Belcourt, Madame Vestris, Mademoiselles Sainval, Raucourt, Contat, M. Fleury, all these actors and actresses celebrated for their talent, did they take classes in the School? At the Opera and the Italian theatre Mademoiselles Arnault, Le Vasseur, MM. Le Gros, Larrivée, Madame Favart, Madame La Ruelle, M. Carlin, M. Cailleau. M. Clairval et Madame Dugazon, these Actors and Actresses, as special as any I have named, did they attend the School? And the famous Garrick!...It is therefore a pointless expense for the Public as well as the State. Following this it would be possible to suggest other, more widespread, cuts than those I advise. My opinion is that there should be no reform within the Royal Household; the Sovereign must not only inspire respect and veneration in his Subjects by the splendour that surrounds him but, equally, he must be seen by foreigners to have a brilliance that is proper to his rank and gives

the best impression of the Nation's riches. The French Court has always been the first Court in Europe; if its lustre becomes too tarnished it will no longer be the French Court. Any true French person will recognise the truth of this, which is essentially that politically the Monarchy must be sustained at the level to which it has risen. Any Finances withdrawn due to reforms within the Royal Household would be less fruitful than reforms of individual corruption that could be undertaken without scruple, as these would harm nobody.

Nowadays my sex is in a frenzy of luxury, the opening of the Patriotic Purse will put an end to all that: instead of buying ten hats of varying styles, women of integrity, pretty ones nonetheless for beauty does not exclude good sense or loyalty to one's country, these women, I say, will be content with one or two hats of good taste, and what is left over can be sent to the Purse.

The Queen, who lives up to her true nature by encouraging the return of M. Necker and who, herself, presented him to His Majesty as the only hope for France in this time of calamities, this Queen, I say, has shown by the joy that she manifested on this occasion that the French have always been dear to her heart. Who can doubt that she will make the greatest savings in her Finances to augment the funds of the Patriotic Purse? And the Nation, enchanted to see M. Necker in charge of the Finances, will help in every way to restore affairs to good order, showing the greatest proof of its esteem and confidence in his understanding and his virtue.

The Estates General may well find other solutions but whatever usage they may make of their own wisdom they cannot find the advice of a woman out of place; one who, despite the natural light-heartedness of her sex, has nonetheless some sensible opinions. This sex that is so often accused of frivolity usually holds, nevertheless, very ingenious ideas that are not totally disdained by the wise who sometimes even benefit from them and have the grace to admit it. Actually, from pretentious dandies and the glib right up to pedants, women are, in their eyes, useless members of society: but the clamour of men even more useless than flighty women is of no consequence to me for my aim is praiseworthy, my project is good and nothing can sway me from the path I have chosen. It is to the People that I

present my project; it is to the Parliament that I look for affirmation that it is acceptable, and to the Estates General that it is laudable. If I am wrong, I apologise to the Public, as is only honourable and correct within the rules. Heaven has already forgiven me for that is where I find inspiration, at least so I believe. After all, I cannot refrain from admitting that when one has a true heart, a pure soul and an honest nature it is not possible to have anything other than good intentions. Finally, if some men hold good opinions and some hold bad ones, then the causes that animate them must be divergent. Thus, I believe that the cause that animates me is a good one and flows directly from a well-meaning heart. If I write poorly, I think clearly; no doubt my style will be considered poor, more naive than eloquent, but if I ever master the art of writing like Voltaire I will discard it in favour of speaking the truth, straight to the heart. When the sentiment is pure there is no need of elegant phrases or emphatic tones.

Oh French! True French, know my soul in its entirety. It is not ambition that moves me to write this epistle; only the good of my Motherland, and the love and respect I have for my King could excite my zeal. What am I saying? Maybe I would have stifled its development if the concerns I felt on the 26th of this month had not encouraged me to broadcast my ideas.⁷ Whether they are well considered or rejected the objective will always be dear to my Nation, at least that is my hope; if I was lucky enough to see my ideas taken up no doubt my sense of achievement would be without measure. In order to avoid accusations and suspicions of being overly ambitious I will hide my name, it would become too well-known, assuming that my epistle were to be effective. I myself would fear becoming prideful and thus poisoning the simplicity that nature bestowed upon me. It is with these sentiments of fraternity that I am, for all my compatriots, the most zealous woman and sincere citizeness.

Перевод с английского:

ПИСЬМО НАРОДУ, ИЛИ ПРОЕКТ «ПАТРИОТИЧЕСКИЙ КОШЕЛЕК». НОЯБРЬ 1788.

Именно вам, французы, я пишу; именно вам я представляю свои наблюдения. Вашей национальности достаточно, чтобы воодушевить меня, и вы послужите ей, одоблив меня. Если естественному суждению, которое просвещает вас, будет позволено руководить вашими решениями, то вы никогда не будете вести себя неблагоприятно.

Человек, без сомнения, самое трудноопределимое существо. Превосходя всех других животных благодаря своему интеллекту, своему рассуждению и своей способности расширять свои познания, он тем не менее более иррационален и менее гуманен, чем звери. Кажется, что природа, лишая животных наших преимуществ, дала им взамен мирную жизнь, защищенную от всех тревог. Вот мысли, которые пришли ко мне вчера вечером в результате беспокойства, которое я испытала, когда тревожные звуки, которые я могла слышать вокруг, в конце концов достигли моей собственной двери, повергнув меня в панику до безумного смеха, но истинно мудрые дрожат. К сожалению для человечества, последних не хватает, и, что еще более прискорбно, мнения тех, кто придерживается крайне мятежных взглядов, влияют на Народ больше, чем мудрые советы благомыслящих людей или хороших Граждан. Я не буду сосредотачиваться на публичных слухах; я не слушаю личных бесед, чтобы узнать, разжигает ли та или иная могущественная партия эти разрушительные восторги, которые являются врагами мира и спокойствия; но, если не будет найдено быстрое средство, возможно, вред окажется непоправимым. Было замечено, что самые большие беды, которые обрушиваются на Государства, часто проистекают из бурных, необузданных развлечений Народа. Если Король недоволен, его Подданные не могут быть довольны; но все может быть решено при таком хорошем Монархе. Ущерб предшествует его восшествию на престол. Либо мое инстинктивное понимание ошибочно, либо я проницательный наблюдатель, который полагает, основываясь на всем, что я видел и слышал, что дефицит, который

дискредитирует Францию, возник во время самого роскошного и процветающего правления; он вырос при Людовике XV; Людовик XVI не смог сдержать катастрофу, которая проявилась в самом ужасном насилии. Его предшественники создали проблему, некоторые по незнанию, другие добровольно; должен ли он, более несчастный король, чем его предки, нести ответственность за их ошибки? Что это за несправедливость, которая сейчас доминирует над наибольшим количеством умов, которые, не задумываясь, как достичь большего блага, предают народ необузданному импульсивному поведению посредством мятежных речей и писаний, которые только увеличивают проблемы и не делают ничего, чтобы предложить лекарство от наших бед. Не было бы предпочтительнее работать над быстрым и спасительным решением, чем пытаться продлить всеобщее несчастье? В Париже царит глубокое отчаяние: у Рабочего нет хлеба, чтобы предложить его жене или детям, и все же он находит деньги, чтобы растрачивать их на свои развлечения или, скорее, свои безрассудства и свои экстравагантные удовольствия. Можно ли поверить, что Народу не хватает человечности, несомненно, нет; они более отзывчивы к природе, чем те, кто небрежно проводит свою жизнь в роскошных домах, полных позолоченных панелей, но, вы скажете, у Народа нет другого удовольствия, кроме как утопить свои невзгоды и заботы в удовольствиях, которые кажутся им столь естественными. Действительно, они естественны, поскольку исходят из сердца; но какие ужасающие результаты возникают из этих моментов? И вы, знаменитые Авторы, которые умели говорить только с Королями, стремитесь к чему-то большему, более чистому и более похвальному: я обращаюсь к Народу; я прошу его внимательно прочитать меня и судить, думаю ли я как честная Гражданка или нет. Несомненно, Его Величество не сочтет проблемой то, что женщина, тронутая столь широко распространенными страданиями, осмеливается предотвратить, благодаря своему предчувствию, еще более жестокие невзгоды.

Постановления короля и восстановленного парламента, особые запреты, запрещающие общественности собираться, митинговать и запускать ракеты или хлопушки, должны, в глазах общественности,

быть священными приказами, установленными только для ее собственного благополучия, и все же общественность в такой благоприятный момент не подчиняется. Она не подчиняется ни парламенту, отзыва которого она требовала с такой решимостью, ни королю, который только что согласился с ее требованиями. Какое более ясное доказательство его милосердия и умеренности вам нужно? Я представляю свои замечания общественности, членом которой я являюсь; но членом самой слабой ее части: если моим мнениям не хватает энергии, мой пол будет моим оправданием; если мой стиль расплывчат и непоследователен, моя агитация будет моим оправданием; если эта работа неэффективна, моя цель достойна похвалы; и вы, общественность, которой она посвящена, будете ли вы винить меня за стимул, который воодушевляет меня и который возродил мою силу. Помешанная, в общем и целом, злобой людей, стремящаяся лишь закончить свои дни в глубоком одиночестве, готовая отказаться от литературы, этой радости богатого и плодотворного воображения, все, что исходит от моего слабого гения, должно рассматриваться как плод, который выработала природа, тот, который никогда не был украшен руками людей. Этот плод не продается. Малоизвестная личность, в целом невосприимчивая к почестям и богатству, мое единственное стремление к карьере драматурга было настолько ограничено, насколько позволял мой талант, я слышала и видела все с болезненной чувствительностью истинной гражданки. Ничто, в это время бездействия и беспорядка, не могло бы побудить меня к порыву. Позор всем тем, чей ужасный талант заключается в том, чтобы сеять раздор и яд посредством своих двусмысленных писаний. О, как мне жаль тех, кто, вопреки своей лучшей природе, продает свои панегирики тому, кто больше заплатит! Возвышенная истина! Вы всегда направляли меня, были основой моих мнений, отнимите у меня способность писать, если я когда-либо предаю совесть, которую ваш свет осветил; но простите меня, если иногда, в моем рвении поддержать тех, кто казался законным, я хвалил тех, кто этого не заслуживал. Однажды мои признания покажут Общественности мой истинный характер, мой образ жизни и мою чувствительность. Если зависть усеяла мой путь

необычайно свирепыми клеветниками, то, однажды, потомки найдут меня тем более интересной; если оригинальность моих писаний не будет сочтена достаточной, может быть, мое несчастье порекомендует меня всем, и будет признано, что женщина, которая была укоренена во всех своих работах, заслужила не только благосклонность великих, но и уважение всех мужчин.

Что же тогда заставило меня написать это письмо общественности и провозгласить в нем, возможно, с немного излишним предисловием, запоздалые мысли, которые внушили мне мои страхи. Вчера вечером, около трех часов, большая группа граждан пришла по улице Вожирар, их крики ужаснули весь район, они выпустили несколько петард и ракет, затем они яростно постучали в дверь бакалейщика; они заставили этого дрожащего человека подойти к окну. Они потребовали от него факелы. Одно только слово «факелы» в тот момент, должно быть, напугало всех тех, кто его слышал. Бакалейщик отказывался, как мог, уступить их требованиям; но ситуация стала настолько жестокой, что он оказался вынужденным отдать факелы, которые у него потребовали. Сначала я винил Бакалейщика за то, что он поддался давлению Народа, поскольку это могло привести к неприятным происшествиям, но, видя, что ничего прискорбного из его действий не вышло, я похвалил благоразумие этого человека. Возможно, если бы он, по сути, вел себя в этот момент так, как я считал нужным, то результатом стало бы летальное положение дел.

О, Люди, несчастные Граждане! Прислушайтесь к голосу справедливой и чуткой женщины. Вы можете быть счастливы, только если вам не грозит финансовый крах. Ваш труд тяжел, ваши амбиции скромны. Вы работаете только для того, чтобы прокормить своих жен и детей, чьи томные руки тянутся к вам; и во время этого общественного беспорядка, возможно, вы бросаете их умирать от нужды или боли. Двадцать четыре часа, которые вы теряете, создают дефицит в ваших финансах, который так же опасен, как и дефицит Государства: у Государства есть ресурсы, у вас есть только ваши силы. Если вы изнуряете его ночными глупостями, как вы найдете в себе силы и мужество, чтобы с пользой вернуться к работе? Что я говорю? Это все, че-

го вам следует бояться? А как насчет кровавых сражений, которые всегда следуют за этими необузданными ликованиями? Власть должна быть сохранена, и результатом становится ужасная бойня. Не зная, за кого вы сражаетесь, вы бросаетесь сердцем и душой на предательский путь, расчищенный для вас мятежным, злонамеренным преступником. Это может начать гражданскую войну: гражданскую войну! Небеса! Я трепещу, когда говорю об этом! Есть ли более страшные для человечества страхи, чем это бедствие? Но что я говорю? Ничто не может вызвать столь жестокое событие. Франция и так находится в достаточно глубоком бедствии, чтобы никто не пытался увеличить ее беды. Если парламент заинтересован в общем благе, как он хотел показать своими действиями, то на него повлияют огни Генеральных штатов; но единственное, что ни один мудрый гражданин не может игнорировать или в чем сомневаться, это доброта и милосердие Его Величества.

Общественность требует смены министров; король, добрый и благонамеренный по отношению к своему народу, склоняется перед этими желаниями. Он признает, что никто не может лучше навести порядок в финансовом беспорядке, чем г-н Неккер; он не уклоняется от назначения его ответственным за казначейство; и хотя это является признанием честности, добродетелей и талантов г-на Неккера, прошло много времени с тех пор, как кто-либо был свидетелем того, как король отзывал министра, опозоренного во время своего правления. Такая отеческая доброта должна воспламенять сердца всех добрых французов! До отзыва этого великого человека, до восстановления парламента я поддался всеобщему волнению. Как легко вообразить и поверить в худшее! Но когда я думаю, что всемогущий король может использовать свою великую власть, чтобы громить малейшее неповиновение, я чувствую себя переполненным рвением, которое склоняет к восхищению и которое приводит к энтузиазму по поводу такого большого милосердия и умеренности. Это же восхищение показывает мне истинный характер французов; я признаю, что если бы оно больше не господствовало в Нации, Государство было бы потеряно; но когда я думаю, что это священное слово нерушимо вместе с любовью,

которую каждый Подданный питает к своему Господину, патриотическая кровь, циркулирующая в моих жилах, подсказывает мне, как осуществить решение, которое я желаю для Нации.

Здесь я представляю решение: у меня есть только мои собственные способности, чтобы направить это предложение на реализацию, но, если бы оно было осуществимо, оно было бы принято, несмотря на несколько слабых мест, очевидных в моем представлении. Что же тогда представляет собой эта система, которая, по моему мнению, была бы подходящей для погашения национального долга? Я полагаю, что это было бы добровольное налогообложение, что-то, что Нация бы праздновала. Этот памятный сердечный жест со стороны французов, записанный для потомков, сформирует самую необычную и замечательную эпоху в анналах монархии.

Мои цели признаны, и я имею право, как француженка и хорошая гражданка, сообщать свои идеи моим соотечественникам. Обсуждая эту тему с гражданами, которые так же, как и я, стремятся помочь нации и которые приняли мою систему, я узнала от одного из этих людей, что мои добрые намерения были предвосхищены в работе под названием *L'Etat libéré*. Я вскоре завладел им и нашел в этом благонамеренном произведении массу полезных идей. Не будучи столь просвещенным, как автор, и не желая воспользоваться тем фактом, что он задумал свой проект раньше меня, я могу только отдать себе должное за согласие с ним.

Ах! Несомненно, в это бедственное время все истинные французы разделяют общую цель. Поэтому я изложу свои идеи настолько ясно, насколько смогу, упростив способ их исполнения. Некоторые бестолковые личности утверждают, что этот прием опозорит государство; я утверждаю, что верно обратное и что он прославит государство. Разве сын краснеет, когда получает милости от отца? Король подобен отцу, чьи дела в беспорядке; поэтому честь, доказательство любви и знак уважения для его детей — добровольно броситься к нему, чтобы помочь этому несчастному родителю. Вред нанесен, необходимо средство; но не как тот, который предложил циничный

Автор, чьи преступные мнения только что были наказаны, как и подобает таким пагубным Идеям.

Король, чтобы облегчить финансовый кризис и выполнить свои обязательства, просит дополнительные налоги. Парламент, чувствуя, что население сталкивается с крахом, отказывается: эти альтернативы требования и отказа усугубляют ситуацию и не делают ничего для восстановления доверия, добровольный налог... добровольный налог от имени Нации позволил бы ей отличиться. Щедрая помощь, которая была предложена тем, кто пострадал от мороза, опустошившего поля во время сбора урожая, является положительным доказательством того, что моя система будет работать. Я начну с рыночных носильщиков и без разбора поднимусь на самые высокие уровни общества; все, кто называет себя французами, будут сотрудничать, чтобы спасти Государство. Кошелек, подходящий для приема этих добровольных сумм, предложенных Королю его подданными, будет считаться священным; эти активы будут ограничены законом для погашения государственного долга, никакая сумма не может быть взята из них ни под каким предлогом или для какой-либо формы спекуляции. Чтобы обеспечить правильное управление этой системой, я хотел бы, чтобы каждый провинциальный администратор отвечал за местные государственные расходы в своей области, аналогично администратор парижского муниципалитета должен отвечать за расходы столицы. Все граждане, вносящие сумму в этот кошелек в соответствии со своими возможностями, должны были бы записать свои имена в реестр под суммой, которую они перевели в указанный кошелек. Эта мера предосторожности защитила бы нас от коррупции и дала бы каждому вкладчику возможность признать другого; все граждане увидели бы себя в одном и том же зеркале, и этот трогательный портрет определил бы как душу, так и сердце и дух французов.

Торговец на рынке и экономка были бы безмерно рады видеть свои имена рядом с именем принца крови: ну же, друзья мои, сказали бы они все, если бы мы пили меньше грога, если бы мы реже ходили в таверну, мы могли бы каждый месяц приносить нашему доброму королю несколько пенни, и поскольку не будет никаких официальных

бумаг или солдат со штыками на ружьях, он поймет, что наш патриотический жест искренен; другие нации не смогут обвинить нас в том, что мы бросили нашего короля; и когда долг будет полностью выплачен, он, в свою очередь, даст нам все необходимое, чтобы сделать нашу жизнь тихой и мирной. Ах! Если, как я надеюсь, народ прочтет мои слова, он поймет, что если у него есть деньги на порох и ракеты (всегда опасное развлечение), то они смогут найти их для того, кто приносит счастье в их жизнь и жизнь их детей, сократив расходы еще на несколько месяцев. Сапожник, портной, изготовитель париков, рядовой торговец, видя, что все заблокировано бездействием, что торговля фактически разрушена, будут делать сбережения, полагая, что когда государство будет менее задолженным, все снова расцветет: пожилые холостяки, которые извлекают выгоду из значительных состояний, предложат свое богатство государству, чтобы увидеть свои имена в списке истинных французов. Что касается священников, монахов и других подобных, я должен сделать несколько альтернативных предложений: отделенные от роскоши этого мира, не обязанные принимать гостей, служители мира и краугольные камни Церкви, без сомнения, они поспешат добавить свои имена в начало реестра, в котором будут перечислены Благодетели Нации. Привыкшие, как они есть, к самоналоженным лишениям, еще несколько, чтобы выплатить национальный долг, как добрые граждане, будут для них ничем. Те, кто наделен большими аббатствами и обширными приорствами, без сомнения, воздадут королю то, что ему положено, как из религиозных соображений, так и из благодарности. Осмелюсь сказать от имени артистов, а также зрителей, что театры, несомненно, внесут свой вклад в пополнение кошелька, который я предлагаю, несмотря на бедность государства и народа, их по-прежнему посещают с тем же рвением; и, как утверждает автор *l'Etat libéré*, день представлений будет известен как Политическое развлечение и станет торжественным днем празднеств для французов. Что касается принцев, лордов и богатых, все они будут соревноваться за то, чтобы заплатить этот добровольный налог; необходимо подходящее название, чтобы лучше олицетворить этот налог; я хотел бы, чтобы он назывался Патриотическим налогом:

никто, вплоть до насельника монастыря, не отказался бы сделать сбережения и поучаствовать в этом налоге. Ах! Так много молодых людей зарегистрировались бы в этом списке, который должен публиковаться каждый месяц, пока не будет ликвидирован государственный долг. Двое молодых людей, соединенных супружеством, не смогли бы найти свой союз исполненным, если бы они не отправили взнос в Кошелек; тот, кто приобретает положение или получает благосклонность, также пожертвует. Наследник отдал бы часть своего наследства, а игрок свой выигрыш в Патриотический Кошелек. Да, я осмеливаюсь так думать и, основываясь на своих собственных чувствах, судить всех моих сограждан.

Проникнутый своей любовью к своей стране, я могу представить свои мнения, воспламененные этим чувством, прямо к ступеням Трона и напомнить Королю о величественном обещании, которое он дал своему Народу, когда он окружил свое чело диадемой, непрестанно следить за счастьем своих Подданных; его желания были сорваны, потому что судьба, этот хозяин Мира, его Народа и его Королей, решила иначе; но эта противоречивая судьба не может помешать ошибкам и несправедливостям быть исправленными, как только человек понимает всеобщий вред, который они наносят. Король, от природы добрый и благонамеренный, истина, которую можно произнести, не будучи обвиненным в превозношении или заподозренным в лести, Его Величество, который до сих пор был разочарован в своем желании поддержать благосостояние своего народа, видя это новое усилие со стороны своих подданных внести вклад в благосостояние государства, и в соответствии со своей врожденной добротой, решит принести величайшие жертвы. Все суммы, используемые в бесплодных расходах, должны быть отклонены и вместо этого ежегодно отправлены в патриотический кошелек. Я недостаточно хорошо разбираюсь в этих делах, чтобы предложить, как эти расходы можно было бы реформировать, но один, который потрясает меня и постоянно находится перед моими глазами, доказывает мне, что есть много других, столь же бесполезных. Школа песни и декламации является хорошим примером; это обходится королю примерно в 100 000 ливров в год,

эти 100 000 ливров были бы уместны в патриотическом кошельке и принесли бы больше пользы, чем студенты, которые покидают эту школу и не вносят ничего полезного для государства.

Я люблю Комедию, потому что она воспитывает мир, но тот, кто учится, ничему не научится, если у него нет чувствительности и чувства; говорят, что дух нельзя приобрести, но его, тем не менее, можно приукрасить; однако чувствительность никогда не улучшится, если она уже не является природным качеством. Искусство вполне способно создавать автоматы, каждым жестом и акцентом которых оно будет управлять, но оно никогда не сможет создать Актеров, наделенных необходимыми дарами, которые позволят им подняться до высот возвышенной декламации. Чтобы доказать свою теорию, мне нужно только назвать этих прославленных Актеров, навсегда увековеченных, и тех, кто живет сегодня, поскольку, несомненно, никто из этих знаменитых Актеров не учился, и я сомневаюсь, что какой-либо Студент когда-либо мог быть столь же талантлив, как эти Мастера. Ле Кэн, Мадемуазель Клерон, Гоффен, Дюмениль, ММ. Превиль, Моле, мадам Превиль, мадам Белькур, мадам Вестрис, мадемуазель Сенваль, Рокур, Конта, г-н Флери, все эти актеры и актрисы, прославившиеся своим талантом, посещали ли они занятия в Школе? В Опере и итальянском театре мадемуазель Арно, Ле Вассер, г-жа Ле Гро, Ларриве, мадам Фавар, мадам Ла Рюэтт, г-н Карлен, г-н Кайо. Г-н Клерваль и мадам Дюгазон, эти актеры и актрисы, такие же особенные, как и все, кого я назвал, посещали ли они Школу? И знаменитый Гаррик!... Следовательно, это бессмысленные расходы как для публики, так и для государства. После этого можно было бы предложить другие, более масштабные сокращения, чем те, которые я советую. Мое мнение таково, что не должно быть никаких реформ в королевском дворе; Государь должен не только внушать уважение и почтение своим подданным великолепием, которое его окружает, но и, в равной степени, он должен быть виден иностранцам как обладающий блеском, соответствующим его рангу и создающим наилучшее впечатление о богатстве нации. Французский двор всегда был первым двором в Европе; если его блеск слишком потускнеет, он больше не будет француз-

ским двором. Любой истинный француз признает истину этого, которая, по сути, заключается в том, что политически монархия должна поддерживаться на том уровне, на который она поднялась. Любые финансы, изъятые из-за реформ в королевском дворе, будут менее плодотворными, чем реформы индивидуальной коррупции, которые можно было бы провести без зазрения совести, поскольку они никому не повредят. В настоящее время мой пол в безумии роскоши, открытие Патриотического кошелька положит конец всему этому: вместо того, чтобы покупать десять шляп разных фасонов, женщины честные, красивые, тем не менее, ибо красота не исключает здравого смысла или преданности своей стране, эти женщины, я говорю, будут довольствоваться одной или двумя шляпами хорошего вкуса, а то, что останется, можно будет отправить в Кошелек. Королева, которая живет в соответствии со своей истинной природой, поощряя возвращение г-на Неккера и которая сама представила его Его Величеству как единственную надежду для Франции в это время бедствий, эта королева, я говорю, показала радостью, которую она проявила по этому случаю, что французы всегда были дороги ее сердцу. Кто может сомневаться, что она сделает самые большие сбережения в своих финансах, чтобы увеличить средства Патриотического кошелька? И нация, очарованная тем, что г-н Неккер возглавляет финансы, будет всячески способствовать восстановлению порядка в делах, демонстрируя величайшее доказательство своего уважения и доверия к его пониманию и добродетели.

Генеральные Штаты вполне могут найти другие решения, но как бы они ни использовали свою мудрость, они не могут найти неуместным совет женщины, которая, несмотря на естественную легкомысленность своего пола, все же имеет некоторые разумные мнения. Этот пол, который так часто обвиняют в легкомыслии, обычно придерживается, тем не менее, весьма изобретательных идей, которые не полностью отвергаются мудрецами, которые иногда даже извлекают из них пользу и имеют любезность признать это. На самом деле, от претенциозных денди и болтунов вплоть до педантов, женщины в их глазах являются бесполезными членами общества: но шум мужчин, еще

более бесполезных, чем легкомысленные женщины, не имеет для меня никакого значения, поскольку моя цель достойна похвалы, мой проект хорош, и ничто не может поколебать меня с избранного мною пути. Именно Народу я представляю свой проект; именно Парламенту я ищу подтверждения того, что он приемлем, и Генеральным штатам — что он похвален. Если я не прав, я извиняюсь перед публикой, что является единственно честным и правильным в рамках правил. Небеса уже простили меня, потому что именно там я черпаю вдохновение, по крайней мере, я так считаю. В конце концов, я не могу не признать, что когда у человека искреннее сердце, чистая душа и честная натура, то невозможно иметь ничего, кроме добрых намерений. Наконец, если некоторые люди придерживаются хороших мнений, а некоторые — плохих, то причины, которые ими движут, должны быть разными. Таким образом, я считаю, что причина, которая меня вдохновляет, — хорошая и исходит непосредственно из доброго сердца. Если я пишу плохо, я мыслю ясно; без сомнения, мой стиль сочтут плохим, скорее наивным, чем красноречивым, но если я когда-нибудь овладею искусством письма, как Вольтер, я откажусь от него в пользу высказывания правды, прямо в сердце. Когда чувства чисты, нет нужды в изящных фразах или выразительных тонах.

О, француз! Истинный француз, познай мою душу во всей ее полноте. Не амбиции побуждают меня писать это послание; только благо моей Родины, любовь и уважение, которые я испытываю к моему Королю, могли бы возбудить мое рвение. Что я говорю? Может быть, я бы подавила его развитие, если бы заботы, которые я чувствовала 26-го числа этого месяца, не побудили меня распространять свои идеи.⁷ Независимо от того, будут ли они хорошо рассмотрены или отвергнуты, цель всегда будет дорога моему народу, по крайней мере, я надеюсь на это; если бы мне посчастливилось увидеть, как мои идеи будут приняты, без сомнения, мое чувство достижения было бы безмерным. Чтобы избежать обвинений и подозрений в чрезмерной амбициозности, я скрою свое имя, оно стало бы слишком известным, предполагая, что мое послание будет эффективным. Я сама боялась бы стать гордой и тем самым отравить простоту, которой меня наде-

лила природа. Именно с этими чувствами братства я являюсь для всех моих соотечественников самой ревностной женщиной и искренней гражданкой.

Вопросы для обсуждения:

1. Как Олимпия де Гуж объясняет происхождение экономических проблем во Франции? Насколько объективно и обоснованно её мнение? Аргументируйте свой ответ.
2. Что автор называет причиной создания документа?
3. Раскройте с помощью текста источника отношение Олимпии де Гуж к Неккеру и его деятельности.
4. Какие меры предлагает принять Олимпия де Гуж, чтобы решить финансовые проблемы Франции? Выскажите предположение, могли иметь такие меры шансы на успешную реализацию. Аргументируйте свой ответ.
5. Можно ли назвать автора документа патриоткой?

Темы для проектных работ:

- Экономические взгляды и реформы Ж. Неккера.

Список рекомендованных источников и литературы:

1. Necker, J. De l'administration des finances de la France [Электронный ресурс] URL: <https://archive.org/details/deladministrati00neckgoog/page/n241/mode/2up> (дата обращения: 11.03.2025)
2. Девятова, С. В., Купцов В. И. Последние попытки реформирования абсолютизма во Франции (конец XVIII в.). // Социально-гуманитарные знания. – 2012 [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/poslednie-popytki-reformirovaniya-absolyutizma-vo-frantsii-konets-xviii-v> (дата обращения: 11.03.2025)

**PATRIOTIC OBSERVATIONS, BY THE CITIZENESS, AUTHOR
OF THE LETTER TO THE PEOPLE. ДЕКАБРЬ 1788 Г.**

[ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС] URL:

**[HTTPS://OLYMPEDEGOUGES.EU/DOCS/B.REMARQUES-
PATRIOTIQUES.PDF](https://olympedegouges.eu/docs/b.remarques-patriotiques.pdf) (ДАТА ОБРАЩЕНИЯ: 11.03.2025)**

My Letter to the People, or Patriotic Purse Project, moved lofty souls. It provoked criticism among ill-natured citizens. They have the audacity to suggest that the French character is extinct and that selfishness is now the dominating spirit of the Nation. Ah! If it has not yet caught fire on behalf of the Motherland maybe it will rise up out of her ashes.² Until now France may have flourished too much and provoked the envy of all other nations; must she now, through the violent shock that she is experiencing, lose herself? Oh France, France! Lift up your proud head; do not encourage your neighbours to feel pity for you. Let the People, the Parliaments and the King unite as one family then the Nation will soon regain her original splendour. And you, the enemies of your brothers, of your King and of civic harmony, stifle this spirit of discord that will only lead to your downfall and the collapse of the State. Your country is already so beset by poverty; be wary of lighting the fires of war lest you be the first to die in a villainous butchery. My advice is not capricious; I use the truth to form the opinions that allow me to point out what is dangerous, or worthy or useful. It is a woman who dares to show her strength and her courage on behalf of her King and her Motherland.

France is sunk in grief; the people are suffering and the Monarch cries out. Parliament is demanding the Estates-General and the Nation cannot come to an agreement. There is no consensus on electing these assemblies. All these alternations are hobbling the welfare that the State expects from these lights. The Third Estate, with reason, claims a voice equal to that of the Clergy and Nobility; but the dignity of the latter will not allow that the representatives of the People have voices that are equally beneficial to the administration of the Finances or to finding prompt remedies for the problems that get worse every day. I feel as though I am seeing someone on their sickbed in need of an urgent operation. A good Doctor rec-

ommends immediate intervention; but the parents who frequently hold opposing views to those of the wise Doctor ask for a second opinion on the operation from the cream of the faculty. The august Assembly of Asclepius cannot agree. Long discussions ensue; the illness becomes acute, or the patient dies: the good Doctor is the Third Estate. The gentlemen of the Nobility are the august Assembly of Doctors to whom I address, with the freedom that my sex permits me, the plea that they leave aside their rank, their titles and the pointless prejudices of their perfect dignity, to fly end masse to attend to the Kingdom, chasing away the bad and introducing the good.

These are the subjects we must discuss. Superciliousness must keep quiet and allow reason to take its place and in such a calamity Barons, Marquises, Counts, Dukes, Princes, Bishops, Archbishops, Cardinals, all must become citizens; all must set the example of patriotic love to the rest of the Nation, to work together for the good of the State and the glory of the country.

Is it really so hard to do good? Yes, undoubtedly, the Parliaments and the Sovereign are discovering this sad reality; but as I have already stated, the King and the Parliaments are of one mind, and the soul of the Motherland will distinguish itself. Powers, will trace before your eyes depicting the greatest number of our citizens. Trade is suppressed, incalculable numbers of workers are unemployed and without bread. What becomes of them? Can you bear witness to this without trembling? All is in stasis while the heartless rich hoard their wealth, that vile instrument of their cupidity; can it prolong their lives, can it make them happier? These inactive treasures, what good do they do anyone? They must be offered, interest free, to the State, which is the same as when they stash them in the safe. By placing your money in the nation's fund your investment will reap benefits in excess of its value, your descendants will be pleased to find such dues attached to your fortune for you are leaving them glory and honour that will keep your memory alive forever. If such a beautiful victory fails to touch your abject souls, then you must fear the desperation of the poor and their subsequent revolts. You cannot hide from yourselves that it is always the rich who are attacked by their murderous hands, and often in their fury they make no distinction between the good and the bad. In a Monarchical

State like France the People can only be happy when the State is not bankrupt; its true constitution is founded on love of King and country; these are the true Franks, these are genuine virtues. If these no longer exist within the Nation, the Nation is lost, open to the pillage of brigands and perhaps subjugated by enemy Forces.

It is therefore up to you wise, great, good, citizens to deflect these problems that I fear will assail my Motherland. It is conceivable that my troubled heart has become over anxious and that these fears have enabled me to perceive an obvious danger. Ah! How many times have States destroyed themselves by failing to foresee great upheavals? These are controversies that involve everyone and the most powerful party must happily accept and hear the opinions of the weakest. You must pronounce on the concerns of the State and the public; but these pronouncements must unify and be agreeable to both for if you create divisions you will lose them both. I appreciate that in happier times the principles of the State differ from those of the public, and that the rules of government would not permit any observations to be made concerning its administration; however, having become more humane than political, more wise than futile, the government will listen with pleasure to the opinions of each and everyone when they concern the general good. The first impulsive ideas of the citizenry can cause the greatest setbacks but a salutary return to wisdom soon resolves those instants of turmoil. One can see this at present in the Decrees of Parliament. The harm was done through excessive zeal but this harm can be undone through the same zeal. Unite, Gentlemen, and do not lose sight of the voluntary tax for however feeble may be the lights of its Author France can, nonetheless, find them of use. Often the simplest remedies are the most effective; does one fear them because they are easy to implement? Does one fear putting them into practice because a woman proposes them? Must one fear tarnishing the glory of the crown by offering one's King an innocent, voluntary, gift when he can, at his behest, generate taxation? Is it more shameful to receive help from one's subjects than to force them to give it with a bayonet stuck in the end of a gun? It seems to me that taxes are collected in this way or I know nothing of political matters. It also seems to me that in times of war various maritime cities offered

vessels to the King and he accepted these without blushing; I may not have a shadow of common sense but I see no difference between this and the national debt's Patriotic Purse Project. Is it feared that this tax may not be as effective as I promised? Yet once established one would, by this method, establish the true character of the French. This experience could be very useful to the State and the Nation, for this easy method, with no repercussion, would certainly offer points of view to those who are convening at this time.

A renowned Writer might present these ideas with more weight and energy but it would be impossible to imbue them with more importance, zeal or love than I do. All good Citizens have a right to offer their opinions at a time when their country is experiencing the deepest anxiety. Nothing should be hidden. The most honest Writers must say what they see, what they hear and what they feel. I belong to no party; I have no idea if any truly exists. May those who encourage any that are as harmful as they are excessive be punished: only the good of my country can excite my verve and enflame my spirits. And you, unhappy Citizens, unfortunate People, see how courageous I am in revealing myself in order to place under the eyes of the Monarch the terrifying images of your sad situation; yes, I dare hope that he will be moved by them, and that he will be enlightened with regard to your future by the pains his mistaken beliefs have created. Man can only learn from experience, and you, great King, allow me to show you what you understand so well, that the virtues of a true man make a good King, that you were born with these virtues, but that you were misled like all your predecessors. I am far from wishing to accuse your disgraced Ministers; maybe they were misled as you were, or they misled themselves, yet it is vital that their misfortunes enlighten today's Ministers who, no doubt better disposed, will not allow bad examples to influence their well-intentioned procedures. Public outcry presently pursues Ministers right into their sanctuaries; how satisfying, therefore, for an honest man to leave the ministry with the esteem of his Monarch and the goodwill of the Public! Nonetheless it has to be said that an honest Minister will often have merited both, and it is a contrary fate that deprives him of this advantage. It is not always possible to do good; anger one man and you make yourselves a

hundred enemies. It is impossible for a Minister to please the many without displeasing the few; frequently deference and protectionism place and remove their protégés at will, or by default: Ministers are ceaselessly besieged by recommendations from Princes and Lords. Each man wants to keep his place, the favours are in the despatch boxes; each to his own and good luck to you. It is not always the wisest or most honest who succeed. The inducements of the Great and the Good have a considerable influence on Ministers. The Court should never ask favours from men in office given that it has no Regulators, no Inspectors to keep a track of their protégés. I would have liked permission to quote, with regard to this, a memorable event concerning the Queen that characterises the goodness and spirit of this Princess.

Sitting on the Throne, adored by the most virtuous man and the best of Kings, her generous compassion will allow her to come forward and succour the unfortunate; she will constantly support the elderly, deprived of strength, shelter and basic needs and console widows and orphans.

Oh all-powerful Queen! And you King of the French, you have been given a feeble account of the ills of your People; their pains, their sufferings, their miseries have been painted in favourable colours. People avoid burdening you yet, in order to ease the suffering of your subjects, you must be burdened by their troubles. You are facing a few difficulties because your Finances are disordered; you suffer because you know that your People are unhappy. Unhappy! Ah, Sire! There is a situation that is tenable between joy and misery and that is the one you believe your People to be in. But the one that exists, the one that I cannot describe without shuddering is the deplorable condition of one third of your People, the third with the most to recommend them, the masons, the men who till the soil, those whose only wealth is the manual labour they use to feed their wives and children. Since the onset of winter manifested itself so rigorously a month ago all work has ceased. The unfortunate labourers lack work and bread for their children; most of them can only shelter in appalling attics. Without fire, without help, what do they become? Unintentional outlaws that nature and destitution have forced into a life of crime. This tragic spectacle is on show at every moment of the day. There is another type of destitution; old

age. Ah! How the fate of the elderly touches me. In the high season they can still do a bit work that will allow them to drag out the remainder of their miserable life: but in winter, in the frost, when the icicles of age have already frozen their exhausted vigour they want the strength to beg their daily bread and lack the most basic necessities of life. They wrap themselves up in their rags, lie on their pallets, and are found starved to death, frozen stiff.

An unfortunate elderly man, feeling his last moment upon him, used the last of his courage to leave the fleapit he was renting for no less than an 'ecu' a month. As he had lacked the wherewithal to pay for several months, the warden of his cubicle, an awful man a hundred times more ferocious than those of the prisons, chose this moment, when the poor old man had gone out to get a crust to eat, to go up and cruelly bar his door. On the man's return he barbarously told him: 'You'll only sleep here if you pay. The unfortunate old man had found no succour and it was ten at night. In vain he begged hospitality for the night from his host; this tiger had the appalling audacity to refuse. The poor old man stole up the stairs towards his cubicle sat on the doorstep of his miserable fleapit where his cruel end awaited. Midnight had not yet struck when he was no longer of this world. Paris is full of similar situations; bread is dear, work is non-existent and the destitute lack everything. Meanwhile there are virtuous souls who do good work on behalf of the poor but their welfare always ends up in the wrong hands. Their gifts are always badly distributed and, in Paris, the genuinely needy are rarely adequately provided for. Ah! If only there could be homes, open in winter, for out of work labourers, the weak and elderly, and abandoned children.

Oh Queen! Oh honourable Monarch! May my narrative of suffering humanity influence you in favour of the unfortunate individuals whose deplorable fate I have outlined. Once the national debt is repaid your charitable nature will encourage this fine institution; all the pure and generous souls will send vast sums to this edifice. The gentlemen of the Church will be relieved of their work to help the poor, they will then have more time to devote themselves to their religion; a cult that gets weaker by the day. They would visit their destitute parishioners to give them tickets granting

them access to these clean and hygienic homes, they would not ruin the State but, on the contrary, be its glory for they would be dedicated to preserving the lives of citizens. These establishments should even give opportunities for emulation and achievement; labourers would be employed in the harshest seasons and these homes could be responsible for many enterprises. These shelters could provide immediate relief for the widows and children of labourers who die unexpectedly. Over and over again one sees unfortunate women who have lost their means of survival on a building site, in a quarry or excavation: they are left with several children and no help, and often they are with child when their dead husbands are brought to them on stretchers. This spectacle moves a few souls at first but as everything in Paris is merely of the moment the unfortunate widows are soon left without any support, without bread just as their children, stretching out their arms, cry out for food. And in the harsh freezing winters these children die in the grip of appalling torments thereby adding yet more to those of their mothers.

Oh Sire! You who understands the duty of a King, through your beneficence, be a model to all Potentates on earth and show them how to relieve their People in these calamitous moments! Teach them again to rectify abuses and, in particular, to recover the love of their Subjects when they have lost it unjustly. Teach them to regulate their expenses according to their revenues, to parry the calamities that all too often overwhelm weak humanity, and to put several millions aside to support the destitute in times of crisis; times that desolate the Motherland such as epidemics, hail storms, frosts, famine. Teach them to make a terrifying example of those infamous Speculators.

Would six months incarcerated in a Dungeon where one usually places the enemies of the human race prove correction enough?

It is to the Queen that I dedicate and submit my patriotic thoughts; with her protection they will have the effect that I may anticipate. Trying to frighten me into believing that she will not receive this homage is pointless. My offering may wound her dignity but not her virtue. I am a simple commoner and have no voice with which to approach her Majesty; yet no doubt the laudable intentions of this work will reach her ears and I am sure

I will see it printed with her name on the title page: this would prove the depth of her love for the French and show how much she encourages all those who strive for the common good.

And you, SIRE, would not condemn the useful ideas that this work offers and that will tell you, in its entirety, ideas similar to your own concerning the well-being of your People. You love order and sobriety; therefore in your wisdom you should undertake a yearly reckoning, courtesy of your Ministers, of your expenses and revenues, and, under no pretext whatsoever, allow the expenses to exceed the revenues. It is thanks to this rigour that you will uphold the glory of your unassailable throne at present so engulfed by brambles and thorns: but soon, SIRE, your virtues will stamp these underfoot and you will find lilies and roses arising in their place. There are no longer any fearful barriers to surmount in order to reach you; Citizens are no longer obstructed, watched or locked up for speaking the truth. When this truth is the fruit of integrity you cast a benevolent eye on the admirable Author, and honest Ministers, who second your plans, no longer use their influence to harm others.

The calamitous situation in France has affected my soul, infused it with a noble plan to present enlightened ideas that could help enhance the well-being of the State without doing any harm. It may disclose the source of the harm and the impediments that have for too long prevented France from extricating herself from the pass she finds herself in. With audacity I will emphasise the first method I outlined in the Patriotic Purse for it conforms to the ideals expressed by the Author of *l'Etat libéré* with whom I am in agreement on this subject. I congratulate myself as this conformity proves that all French people think alike. I have the audacity to insist that this method is the only one of value, the only practicable one and the only one that will please everyone. I have the audacity to attest that the French spirit will be renewed following the opening of the Patriotic Purse. The King, the State, the Parliament and the People must, in this instance, unite to support its glory and its fame. Ah! What method could better shape this union than this voluntary tax that I continue to propose! Take the example of Quimper: this small Town has made itself illustrious. But it has to be said that its inhabitants are great, generous, in a word, true French people.

To alleviate the national debt the great, the rich and the poor have united to offer a sum to their Prince: this offer is akin to that made by respectful children who come to the assistance of their father whose fortune is ruined. This is precisely how I envisage my project or that of the *Etat libéré*. Ah! No doubt all of France will emulate Quimper and no single hamlet will refuse to contribute to this Purse.

Muddle-headed people claim that egotism alone reigns in France. If this egotism were to save the kingdom from destruction then I would say that this spirit could reign for many a year but, as the destruction affects everyone, the spirit will disappear as soon as the Purse is launched. It will exterminate this appalling egotism that reduces the French to passivity and an awful acquiescence. Straightaway the love the French have for their nation will increase along with its glory. The wealth of the State is the foundation for the well-being of the people. The people, you will say, are crushed, how then can they rebuild the State? Also is it not the Monarch's intention to cease crushing it; he is gathering the Estates-General in order to support them. My voluntary tax is only aimed at the rich, these sovereigns of wealth to whom I show the perils of the Nation, their own particular perils. What would become of them if desperate people reacted with extreme hostility? Would it not be more attractive and more salutary to offer to the State the immense reserves that those favoured by fortune hide in the bottom of their safes? Add to this tax those that the King has a right to impose on all enterprises and favours accorded by his Majesty: all that is grace and favour, enterprise, privilege, belongs to the King and without ruining his people, he can redistribute as he sees fit in these areas. Take, for example, the regulation of Theatres where I may permit myself to express useful and profound opinions.

Having cast an eye, in my patriotic reveries, over the useful workings of men I cannot now, in the same text, refrain from mentioning the excesses, namely too many Theatres.

There should never be more than four Theatres in Paris, that is to say two French, two Italians and a Platform devoted to the public. However I would suggest, in this particular instance, that they be allowed to remain; indeed, if possible, their numbers should be allowed to increase. Profit

could be made from their excess and used to limit the national debt. Never has the Theatre been so popular as now; people go without basic necessities to procure this pleasure. The State is ruined, the People are crushed: apart from the Comédiens Français, the Italians and Directors of smaller Theatres, all are plunged into misery.

Should an actress maintain a household and carriages like a Princess of royal blood? An Actor maintain an estate and huntsmen like a Prince? Ah! No doubt Molière would have saved himself from that ridicule yet although I criticize my contemporaries, I believe them to be too wise and too reasonable not to appreciate the fairness of my observations.

There are Actors whose conventional behaviour can edify even the most respectable people therefore no prejudice should attach itself to them for I dare say that when half of their profits are taken on a yearly basis to liquidate the national debt they will not complain.

Are the privileges of the Comédiens not the King's own favours? If he is in charge of reducing allowances is he not also in charge of using theatres to profit the State? All the Corporations will offer sums to the Government apart from those in charge of Actors, therefore they must be told to render unto Caesar what belongs to Caesar. Should we feel sorry for the Performers of the Comédie Française and Italians if they are rated like those of the Opera? When the directors of small theatres have an allowance of a mere six or seven thousand francs, will they die of it? When the King reduces his expenditure, can Actors fear reducing theirs?...

The assembled Estates-General will illuminate with their wisdom all that can contribute to lessening the debts of the State. Can they stop themselves casting an eye on the theatres and the massive profits of the Comédiens and the utility of the contributions that it is proper to impose upon them? The Public would not resent this tax and might, on the contrary, applaud it with good heart. Visits to the theatre would be all the more pleasing.

I think that provincial theatres should have similar contributions imposed upon them, as those of the capital. The postal service, the messengers, coaches, leather and starch have all been administered in this way yet the Comédiens are allowed to enjoy an immense fortune, although the Au-

thors' genius belongs essentially to the Nation, and can contribute to repairing its losses since the output of theatres is immense and the profit that could accrue, without damage to the actors, would amount to more than four million a year. I presume that this profit would be as great as that of the lotteries.

I am far from presuming that I alone merit the attention of the Government or of my compatriots in these patriotic observations. Men far better instructed than I in the politics of government can make more pertinent statements yet I make my case. In my patriotic dreams I have encountered, in big cities, so many idle men who do nothing but encourage weakness and vice. Why not use this mass of men to work barren land, given that they are unproductive in the cities. Let the Government give all the Kingdom's uncultivated land to societies or individuals in parcels that they can farm. It is the best way to save a third of the population from the edge of the precipice that is continually at its feet, and to rid society of a mass of useless men who, through weakness and poverty, become beggars. Most of this land would be devoted to rearing the livestock that has been lacking in France for several years and that deprives the disadvantaged of broth when they most need it, meat having become so exorbitantly expensive.

But the generous King, aided by his Estates-General, will soon resolve the problems that have besieged his Kingdom. Yes, ill-fated People, the virtues of your Monarch are inexhaustible and as a result you will rediscover your innate joy thus making his name forever dear in France. Leading our Nation he promises that he will 'consider all the necessary strategies to consolidate forever public order and the prosperity of the State.

TAXATION PLAN

New to the People and fit to destroy the excesses of luxury while augmenting the reserves of the treasury set aside to clear the national debt.

Luxury: it is one of those ailments that should by rights be self-healing. Take, for example, exquisite taste that rushes about knocking over and flattening all it meets in its path. A decent tax on such runaway luxury. Ah! How humanity would applaud such a thing. Would the dandy care if he had to pay twenty-five louis a year to break his neck or shatter a few

limbs? This tax would not stop the exquisite taste, and if it did, how the poor pedestrians would bless this good revolution. The more modest, but equally pernicious, cabriolets would only pay half the forfeit.

A tax on the vehicles of the fashionable ladies would do them no harm and they would be no less triumphant for it. I would like to see a useful tax on, for example, jewellery; likewise one on fashion that multiplies from morning to night and night to morning.

Another tax, as wise as it is useful, could be imposed on servitude; the more valets a master keeps the more he will be taxed.

A tax should be imposed on the number of horses kept, vehicles, monograms and coats of arms; a simple vehicle would symbolise a man who only keeps what is indispensable: monograms, luxury and coats of arms symbolise pride and thus should pay more than the modest and indispensable.

An obvious tax, and one that has not yet been realised, is one that could be imposed on all the gambling in Paris, whether in Gaming Houses, private Residences or the Palaces of Lords and Princes.

If another tax were required it would not be out of place to impose one on paintings and sculptures.

Ordinary people do not have themselves painted or sculpted, nor do they decorate their apartments. A tax of this type cannot harm them nor can any of the others that I call to the attention of the King and the Nation. Despite my lack of Geometry or Finance I dare guarantee that this plan would clear the national debt within five years and as a result the ideas put forward by me here would be recognized. Perhaps I will be lucky enough to see my wishes come to fruition for my taxes are of a nature that can revolt no one apart from the dandies and fashionable ladies but their grudges are not murderous and the Public will applaud my plans.

Let the voluntary tax head those that I have indicated and I will have given my era a four-year advance. We will then join to sing: long live France, long live her King and long live the Motherland.

It is recognized amongst all Peoples and at all times that luxury has brought on the decline of States and sapped the courage and strength of men. France offers us, today, a terrible example of this. What system will

the Government find to halt this unbridled luxury? Will it be a Law, an Edict? Will the prohibitions of the Parliament be able to bring about this wise revolution? No, these methods are impracticable so let the Government, in accord with the Parliaments, bring about taxes that correct these excesses of luxury. If these taxes failed to clear the national debt at least they would moderate the public's deregulated capriciousness; the great Lords would no doubt be the first to lead by example and what followed would prove how salutary taxes could be. The needs of France have multiplied since Henry IV but luxury has created a mass of useless ones. Have fortunes and revenues increased? Have the cultivated lands brought in enough to match expenditure? This is what must be reduced and it is not up to me, in my ignorance, to create a table of comparisons. I am only providing, in this work, a draft of my ideas; it is up to the assembled Nation to know whether or not they merit being expanded and whether or not this sketch can be turned into a striking portrait of the good that might result. I had a dream and, as accurately as possible, I will recount it to the Nation. This dream, however strange, will show the Nation a heart that belongs to a true citizen and a spirit always seeking the common good. My imagination, full of these plans in favour of France, pursued me right into my sleep. Let not the French judge me according to my dream; let them not think that I want to send them to sleep with this form of writing, but the ideas that I have had are so particularly striking and patriotic that I could not refrain from reporting them at the end of these observations.

THE AUTHOR'S DREAM

Asleep in the arms of Morpheus I thought I was walking in the Tuilleries; I seemed to hear a martial tune; everyone started to run and, suddenly, I saw myself all alone in the middle of a vast garden. The sun was ending its course and the night was beginning to extend its shadows. Naturally fearful, in this isolated spot, I suddenly felt myself blessed with an intrepid courage. I sat at the foot of a tree and I seemed to fall into a second sleep. All at once I awoke to a delightful spectacle; the Tuilleries all lit up and a vision of men of an astonishing size all dressed alike. Their clothes, though simple, had the nobility of those worn at the time of Henri IV; they did not wear hats but rather a type of quartered red bonnet from

which light shone all around. In their hands they held extraordinary torches on which they leaned, leaving the other hand free. Despite their procession being serious and of great consequence they received with pleasure all the Mémoires and Manuscripts that were handed to them.⁹ This kind of giant had an affable and appealing demeanour. I got up and followed the crowd. I admired the spectacle but as women are never satisfied with merely being onlookers and as curiosity always unmasks their sex, I could not prevent myself from asking who were these giants. Lunatics made fun of me; idiots bored me to death with their inane questions. Eventually these serious characters entered the Palace of the Tuilleries and the gates closed. What, cried I, can I not find out the identity of this august assembly? How so, replied a wise one, do you not recognise the Estates-General? Oh, Sir, I said to him, what is the meaning of the Manuscripts that were handed to them and that they accepted with such grace. Those, he replied, are everybody's ideas and they take care to refuse no one; they will try out the good ones and reject those that are of no use. Alas! I cried, for the second or third time, what about my Letter to the People, or my Patriotic Observations! What will happen to them? At the sound of these words the People encircled me and showed me, through their unfeigned and unaffected expressions, the regret we shared because I had not been able to present these writings in which their misery and problems were put forward. Despite the plethora of works these are the only writings in which the People are truly considered. My regret was inexpressible. I was turning away, sad and contemplative, when all at once [the sound of] a cannon struck my ear. A new ceremony was before my eyes; the Regiment of the French-Guards and the Swiss, the Body-Guards and the Constables all mounted on superb coursers but unarmed with only an olive branch for protection. In the centre of this escort I noticed a many branched tree; I was intrigued and wanted to get closer to this tree that appeared to be weighed down with superb fruit. A band of People enveloped me and dragged me to the base of the wagon that carried this tree. O wonderful surprise! I see King Louis XVI, in person, who holds out his hand to me and graciously takes my Letter to the People. Beside him I notice a veiled woman who throws aside her veil and likewise holds out her hand to me. This additional surprise spreads a pure

and enchanting satisfaction through my soul as I recognise the Queen. The amiable candour that spreads on her august brow, her affable and compassionate air persuaded me to present her with my Patriotic Observations. Hardly had she cast her eye over this writing than I saw her tears flow. She got up, shook the tree herself, and all the fruit fell into the hands of the people. The fruits that covered this tree had been hiding the King's crown which was attached to the treetop and now, uncovered, stood alone. The people knelt full of inexpressible joy at the gifts and generosity of the Queen. The King, glancing at his crown, spoke and said to the people: 'You see this crown, daughter of all ambition, this instrument that harmed the best of Kings. It was responsible for the death of Henry IV, my ancestor, who was acclaimed too late and regretted for so long; but following in his footsteps I only wish to keep it in order to defend you and make you happy'. Straightaway I heard a thousand cries of joy. This spectacle faded from my eyes and I found myself once again at the foot of my tree where I seemed to fall asleep again. It seemed to me that I slept for several days. Finally I awoke and sleepily tried to find my way home. I reached the Pont-Royal and saw everyone dressed differently. The clothes had become almost uniform; young men were no longer trussed up in their shrunken gilets nor in those ridiculous breeches that make them as rigid as bean-poles and as pleasing as puppets. All those I met had an honest and comfortable air but what struck me most were their manners for they doffed their hats to all the women they met. I walk down the rue du Bac; what a surprise, what astonishment; this street, despite it being winter and it having rained, was as clean as a well maintained courtyard; such was my pleasure in wandering down the street that I strolled to its very end and all around good manners were being observed with care; but what surprised me more, was the total absence of chaises, cabriolets, carriages, stonemason's delivery carts or dustcarts; meanwhile I noticed a few simple and modest vehicles moving at a slow pace and I observed that those inside were either elderly or infirm. I returned down the rue de Sève and wandered as far as the Croix-Rouge where I saw neither fiacre nor wheelbarrow. I came across the building site of a private residence yet this type of construction seemed to me to be as solid as it was beautiful. I stopped a moment in front of this

town house and saw a man of mature years correcting a young lad. Several builders took up his defence and eventually the master mason relented. What, thought he, is my tormentor going to endlessly get me into trouble; three times now his actions have caused me to pay a fine and the profit from this project will not suffice to pay for his idiocy; he knows that it is forbidden, by order of the King and his Parliament, to deliver cartloads of rocks or stones after five in the morning in summer, or seven in winter; the days are now long and the naughty lad insists on loading the carts at seven on the dot. Well! That law, replied the lad, is nonsense, one can't always be precisely on time. What, rude fellow, took up the master mason in a fury, would you change the laws of the Kingdom that are now so reasonable and humane; do we no longer remember having our leg broken by an accursed chaise; do we no longer remember our own father being run over by a wagon delivering stones; do we no longer remember all those clashes at midday between fiacres, carts, wagons, carriages, chaises and cabriolets, with even the wheelbarrows being smashed to bits in these tumults; do we no longer remember the street taking four hours by the clock to become un-jammed and that everything was damaged in these frightful blockades and people on foot were at every moment mutilated or killed...In fact since the fortuitous Assembly of the Nation we no longer experience such tumultuous dangers, from two in the morning until five in summer, and seven in winter, the street cleaners are allowed to clean Paris, stone and rock deliveries can supply the capital at the same times. All heavy and dangerous carts are banned outside of these hours. The launderers' carts are the only ones allowed in at all hours as they only come twice a week; actually these trim carts are modest and lightly drawn. Surely, he added, you would not wish to upset this admirable arrangement for since Paris has received its supplies through the night there are far less criminals abroad. This benevolent vigilance guards Paris more than had been envisioned when the plans were made. By merely seeking to remove the daytime dangers it has been possible to prevent those of the night for each cartload is well lit and accompanied by several soldiers. At every gates there are guards who supply as many men as are required. Could you wish for anything more admirable than these wise and humane laws?

I was stunned by such discourse and I recognised the changes that had occurred whilst I had been asleep; finally I reached the rue des Boucheries [Butchers’]. This noxious street seemed quite altered. The sickening blood from the animals no longer ran in the gutters giving off foul odours that poisoned passers by. Instead the odour was sweet and succulent. All the butchers had been made to leave and where their trestles had been there were famous rotisseries and excellent caterers with M. Pothiez, whose taste in the culinary arts is exquisite, always at their head. The words rue des Friands [Delicacies] now replaced rue des Boucheries. In the rue de Condé I asked a pleasant enough apothecary how such tremendous changes had taken place. As he habitually spoke in monosyllables he did not reply as lucidly as I would have liked. I left in a fury telling him that he was exacerbating my impatience but the ill-humoured man suggested that I needed a few more drops of opium to send me back to sleep to dream again. At these words I woke up in a state of shock. I suddenly heard a horrendous noise coming from the street. I got up and found it was broad daylight. I ran to my window. Oh what a surprise, less attractive than my fiction! There was an appalling fight in my street. Wagons entangled with fiacres, a herd of cattle, climbing on the carriage wheels, were pressing their murderous heads in at the doors of these sorry vehicles terrifying those within. Herd of pigs and sheep fast approached and I understood that my pleasant dream was but a misleading illusion. No doubt I have stretched the truth a little but it is rooted in reality and as it is no more forbidden to have bad dreams than it is to write bad books I felt entitled to write this one. And if my Observations, along with my Dream, lack a little of that wit or depth that they might be capable of, at least I have shown all that I feel and all that I desire for the good of my Nation. This, my only goal, must afford me not only the indulgence of the critics but also the estimation of all lofty souls and all good Citizens for the matter is as thorny as it is difficult to consider, as arbitrary as it is politic, as fruitless as it is insipid in this frivolous century.

Перевод с английского:
**ПАТРИОТИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ ГРАЖДАНКИ,
АВТОРА ПИСЬМА К НАРОДУ**

Мое Письмо Народу, или Патриотический Проект Кошелька, тронуло возвышенные души. Оно вызвало критику среди недоброжелательных граждан. Они имеют наглость предполагать, что французский характер угас и что эгоизм теперь является доминирующим духом Нации. Ах! Если он еще не загорелся во имя Родины, может быть, он восстанет из ее пепла. До сих пор Франция, возможно, слишком процветала и вызывала зависть всех других наций; должна ли она теперь, через жестокий шок, который она переживает, потерять себя? О Франция, Франция! Поднимите свою гордую голову; не побуждайте своих соседей испытывать жалость к вам. Пусть Народ, Парламенты и Король объединятся в одну семью, и тогда Нация вскоре вернет себе свое первоначальное величие. А вы, враги ваших братьев, вашего Короля и гражданской гармонии, подавите этот дух раздора, который приведет только к вашему падению и крушению Государства. Ваша страна и так настолько охвачена нищетой; будьте осторожны, разжигая огонь войны, чтобы не стать первым, кто погибнет в злодейской бойне. Мой совет не капризный; я использую правду, чтобы сформировать мнение, которое позволяет мне указать, что опасно, достойно или полезно. Это женщина, которая осмеливается показать свою силу и мужество во имя своего короля и своей родины.

Франция утопает в скорби; народ страдает, а монарх кричит. Парламент требует Генеральные штаты, и нация не может прийти к соглашению. Нет консенсуса по поводу выборов этих собраний. Все эти чередования мешают благосостоянию, которого государство ожидает от этих огней. Третье сословие, не без оснований, претендует на голос, равный голосу духовенства и дворянства; но достоинство последнего не позволит, чтобы у представителей народа были голоса, которые в равной степени полезны для управления финансами или для поиска быстрых средств решения проблем, которые ухудшаются

с каждым днем. У меня такое чувство, будто я вижу кого-то на одре болезни, которому нужна срочная операция. Хороший врач рекомендует немедленное вмешательство; но родители, которые часто придерживаются противоположных взглядов по отношению к мудрому врачу, просят второе мнение об операции у сливок факультета. Августейшее собрание Асклепия не может прийти к согласию. Начинаются долгие дискуссии; болезнь обостряется, или пациент умирает: хороший врач — это третье сословие. Господа дворянства — это августейшее собрание врачей, к которому я обращаюсь со всей свободой, которую мне позволяет мой пол, с просьбой оставить в стороне свой ранг, свои титулы и бессмысленные предрассудки своего совершенного достоинства, чтобы лететь *en masse*, чтобы заняться Царством, изгоняя плохое и вводя хорошее.

Вот темы, которые мы должны обсудить. Высокомерие должно молчать и позволить разуму занять свое место, и в таком бедствии бароны, маркизы, графы, герцоги, принцы, епископы, архиепископы, кардиналы, все должны стать гражданами; все должны подавать пример патриотической любви остальной части Нации, чтобы работать вместе на благо Государства и славу страны.

Неужели так трудно творить добро? Да, несомненно, Парламенты и Государь открывают для себя эту печальную реальность; но, как я уже сказал, Король и Парламенты едины, и душа Родины будет отличаться. Державы, пройдут перед вашими глазами, изображая наибольшее количество наших граждан. Торговля подавлена, неисчислимое количество рабочих безработные и лишены хлеба. Что с ними станет? Можете ли вы свидетельствовать об этом без трепета? Все находится в застое, пока бессердечные богачи копят свое богатство, этот гнусный инструмент их алчности; может ли это продлить их жизнь, может ли это сделать их счастливее? Эти бездействующие сокровища, какую пользу они могут принести кому-либо? Их нужно предложить, без процентов, государству, что то же самое, что и когда они прячут их в сейфе. Помещая свои деньги в фонд нации, ваши инвестиции принесут прибыль, превышающую их стоимость, ваши потомки будут рады обнаружить такие взносы, присоединенные к ва-

шему состоянию, поскольку вы оставляете им славу и честь, которые сохранят вашу память вечно живой. Если такая прекрасная победа не тронет ваши жалкие души, то вы должны бояться отчаяния бедных и их последующих восстаний. Вы не можете скрыть от себя, что именно богатые всегда подвергаются нападению их смертоносных рук, и часто в своей ярости они не делают различия между хорошим и плохим. В монархическом государстве, таком как Франция, народ может быть счастлив только тогда, когда государство не является банкротом; его истинная конституция основана на любви к королю и стране; это истинные франки, это подлинные добродетели. Если их больше нет в Нации, Нация потеряна, открыта для разграбления разбойниками и, возможно, порабощена вражескими силами. Поэтому вам, мудрым, великим, добрым гражданам, предстоит отклонить эти проблемы, которые, как я боюсь, нападут на мою Родину. Вполне возможно, что мое встревоженное сердце стало слишком встревоженным, и эти страхи позволили мне осознать очевидную опасность. Ах! Сколько раз Государства разрушали себя, не предвидя великих потрясений? Это споры, которые затрагивают всех, и самая сильная сторона должна с радостью принимать и выслушивать мнения самой слабой. Вы должны высказываться о проблемах Государства и общественности; но эти заявления должны объединять и быть приемлемыми для обоих, поскольку если вы создаете разделения, вы потеряете их обоих. Я понимаю, что в более счастливые времена принципы Государства отличаются от принципов общественности, и что правила правительства не допускают никаких замечаний относительно его управления. Однако, став более гуманным, чем политическим, более мудрым, чем бесполезным, правительство с удовольствием выслушает мнения всех и каждого, когда они касаются общего блага. Первые импульсивные идеи граждан могут вызвать величайшие неудачи, но спасительное возвращение к мудрости вскоре разрешает эти моменты смятения. Это можно увидеть в настоящее время в указах парламента. Вред был нанесен чрезмерным рвением, но этот вред может быть устранен тем же рвением. Объединяйтесь, господа, и не упускайте из виду добро-

вольный налог, ибо как бы слабы ни были огни его Создателя, Франция, тем не менее, может найти их полезными.

Часто самые простые средства являются самыми эффективными; боятся ли их, потому что их легко осуществить? Боятся ли их применять на практике, потому что их предлагает женщина? Стоит ли бояться запятнать славу короны, предложив своему королю невинный, добровольный дар, когда он может по своему приказу генерировать налоги? Разве более постыдно получать помощь от своих подданных, чем заставлять их давать ее штыком, воткнутом в конец ружья? Мне кажется, что налоги собираются таким образом, или я ничего не смыслю в политических делах. Мне также кажется, что во время войны различные морские города предлагали королю суда, и он принимал их, не краснея; у меня может не быть и тени здравого смысла, но я не вижу никакой разницы между этим и проектом патриотического кошелька национального долга. Боятся ли, что этот налог может оказаться не таким эффективным, как я обещал? Тем не менее, однажды установив его, можно было бы с помощью этого метода установить истинный характер французов. Этот опыт может быть очень полезен для государства и нации, поскольку этот простой метод, не имеющий последствий, безусловно, предложил бы точки зрения тем, кто собирается в это время.

Известный писатель мог бы представить эти идеи с большим весом и энергией, но было бы невозможно наделить их большей важностью, рвением или любовью, чем я. Все хорошие граждане имеют право высказывать свое мнение в то время, когда их страна переживает глубочайшую тревогу. Ничего не должно скрываться. Самые честные писатели должны говорить то, что они видят, что они слышат и что они чувствуют. Я не принадлежу ни к какой партии; я понятия не имею, существует ли таковая на самом деле. Пусть те, кто поощряет что-либо столь же вредное, сколь и чрезмерное, будут наказаны: только благо моей страны может возбудить мой энтузиазм и вспаленить мой дух. И вы, несчастные граждане, несчастный народ, видите, как я смел, открывая себя, чтобы представить взору монарха ужасающие образы вашего печального положения; да, я смею надеяться,

что он будет тронут ими, и что он будет просвещен относительно вашего будущего болью, которую создали его ошибочные убеждения.

Человек может учиться только на опыте, и ты, великий Король, позволь мне показать тебе то, что ты так хорошо понимаешь, что добродетели истинного человека делают хорошего Короля, что ты родился с этими добродетелями, но что ты был введен в заблуждение, как и все твои предшественники. Я далека от желания обвинять твоих опозоренных министров; может быть, они были введены в заблуждение, как и ты, или они сами себя ввели в заблуждение, но жизненно важно, чтобы их несчастья просветили сегодняшних министров, которые, несомненно, более расположены, не позволят дурным примерам повлиять на их благонамеренные процедуры. Общественный протест в настоящее время преследует министров прямо в их святилищах; как же приятно поэтому честному человеку покидать министерство с уважением своего Монарха и благосклонностью общественности! Тем не менее, следует сказать, что честный министр часто заслуживал и того, и другого, и именно противоположная судьба лишает его этого преимущества. Не всегда возможно творить добро; разозлите одного человека, и вы наживете себе сотню врагов. Невозможно, чтобы министр угодил многим, не вызвав недовольства немногих; часто почтение и протекционизм назначают и смещают своих подопечных по своему желанию или по умолчанию: министры непрерывно осаждаются рекомендациями от принцев и лордов. Каждый человек хочет сохранить свое место, милости находятся в ящиках для отправки; каждому свое, и удачи вам. Не всегда самые мудрые или самые честные добиваются успеха. Побуждения Великих и Добрых оказывают значительное влияние на министров. Двор никогда не должен просить милостей у людей, находящихся у власти, учитывая, что у него нет Регулятора, нет Инспектора, который следил бы за их подопечными.

Я бы хотел получить разрешение процитировать, в связи с этим памятное событие, касающееся королевы, которое характеризует доброту и дух этой принцессы. Сидя на троне, обожаемая самым добродетельным человеком и лучшим из королей, ее великодушное сострадание позволит ей выйти вперед и помочь несчастным; она будет по-

стоянно поддерживать пожилых людей, лишенных сил, крова и элементарных потребностей, а также утешать вдов и сирот.

О всемогущая Королева! И ты, Король Франции, тебе дали слабый отчет о бедах твоего Народа; их боли, их страдания, их несчастья были изображены в благоприятных тонах. Люди избегают обременять тебя, но для того, чтобы облегчить страдания твоих подданных, ты должен быть обременен их бедами. Ты сталкиваешься с некоторыми трудностями, потому что твои финансы в беспорядке; ты страдаешь, потому что знаешь, что твой Народ несчастен. Несчастен! Ах, Сир! Есть ситуация, которая находится между радостью и несчастьем, и это та, в которой, как ты считаешь, находится твой Народ. Но та, которая существует, та, которую я не могу описать без содрогания, — это плачевное состояние одной трети твоего Народа, третьей, которая больше всего заслуживает похвалы, каменщиков, людей, которые возделывают землю, тех, чье единственное богатство — это ручной труд, который они используют, чтобы прокормить своих жен и детей. С тех пор, как наступление зимы проявилось так резко месяц назад, вся работа прекратилась. Несчастливым рабочим не хватает работы и хлеба для своих детей; большинство из них могут укрыться только на ужасных чердаках. Без огня, без помощи, кем они становятся? Невольными изгоями, которых природа и нищета заставили вести преступную жизнь. Это трагическое зрелище можно увидеть в каждый момент дня. Есть еще один тип нищеты: старость. Ах! Как меня трогает судьба пожилых людей. В разгар сезона они еще могут немного поработать, чтобы протянуть остаток своей жалкой жизни: но зимой, в мороз, когда сосульки старости уже заморозили их истощенную энергию, им не хватает сил просить хлеба насущного и им не хватает самых элементарных жизненных потребностей. Они заворачиваются в свои тряпки, лежат на своих тюфяках и оказываются голодными, замерзшими.

Несчастный пожилой человек, чувствуя, что его последний миг настал, использовал остатки своего мужества, чтобы покинуть блошинный приют, который он снимал не менее чем за «экую» в месяц. Так как у него не было денег, чтобы заплатить за несколько месяцев,

надзиратель его камеры, ужасный человек, в сто раз более свирепый, чем тюремные, выбрал этот момент, когда бедный старик вышел за коркой хлеба, чтобы подняться и жестоко запереть его дверь. Когда мужчина вернулся, он варварски сказал ему: «Ты будешь спать здесь, только если заплатишь». Несчастный старик не нашел помощи, а было уже десять вечера. Напрасно он просил гостеприимства на ночь у своего хозяина; этот тигр имел ужасающую наглость отказать. Бедный старик прокрался вверх по лестнице к своей камере и сел на пороге своей жалкой норы, где его ждал жестокий конец. Полночь еще не пробила, когда его уже не было на этом свете. Париж полон подобных ситуаций: хлеб дорог, работы нет, а у нищих нет ничего. Между тем есть добродетельные души, которые делают добрые дела ради бедных, но их благополучие всегда оказывается не в тех руках. Их дары всегда плохо распределяются, и в Париже действительно нуждающиеся редко получают адекватное обеспечение. Ах! Если бы только были дома, открытые зимой, для безработных рабочих, слабых и пожилых людей, и брошенных детей.

О королева! О почтенный монарх! Пусть мой рассказ о страдающем человечестве повлияет на вас в пользу несчастных людей, чью плачевную судьбу я обрисовал. Как только национальный долг будет выплачен, ваша благотворительная натура будет поощрять это прекрасное учреждение; все чистые и щедрые души отправят огромные суммы в это здание. Господа церкви будут освобождены от своей работы по оказанию помощи бедным, тогда у них будет больше времени, чтобы посвятить себя своей религии; культу, который слабеет с каждым днем. Они будут посещать своих обездоленных прихожан, чтобы выдавать им билеты, дающие им доступ в эти чистые и гигиеничные дома, они не будут разрушать государство, а, напротив, станут его славой, поскольку они будут посвящены сохранению жизни граждан. Эти учреждения должны даже давать возможности для соревнования и достижений; рабочие будут работать в самые суровые времена года, и эти дома могут отвечать за многие предприятия. Эти приюты могли бы оказать немедленную помощь вдовам и детям рабочих, которые неожиданно умирают. Снова и снова можно увидеть

несчастных женщин, которые лишились средств к существованию на стройке, в каменоломне или на раскопках: они остаются с несколькими детьми и без всякой помощи, и часто они беременны, когда к ним на носилках приносят их мертвых мужей. Это зрелище сначала трогает несколько душ, но так как все в Париже лишь сиюминутно, несчастные вдовы вскоре остаются без всякой поддержки, без хлеба, так же как их дети, протягивая руки, кричат о еде. И в суровые морозные зимы эти дети умирают в тисках ужасных мучений, тем самым добавляя еще больше к мучениям своих матерей.

О, сир! Вы, понимающий долг короля, своей благодетельностью будьте примером для всех властителей на земле и покажите им, как облегчить страдания своего народа в эти бедственные моменты! Научите их снова исправлять злоупотребления и, в частности, возвращать любовь своих подданных, когда они ее несправедливо потеряли. Научите их регулировать свои расходы в соответствии с доходами, парировать бедствия, которые слишком часто обрушиваются на слабое человечество, и откладывать несколько миллионов на поддержку обездоленных во времена кризиса; времена, которые опустошают Родину, такие как эпидемии, градовые бури, заморозки, голод. Научите их быть ужасающим примером этих позорных Спекулянтов.

Будет ли достаточно исправления за шесть месяцев заключения в темнице, куда обычно помещают врагов рода человеческого?

Именно Королеве я посвящаю и представляю свои патриотические мысли; с ее защитой они произведут тот эффект, которого я могу ожидать. Пытаться запугать меня, чтобы я поверил, что она не получит этого почтения, бессмысленно. Мое подношение может ранить ее достоинство, но не ее добродетель. Я простой простолюдин и не имею голоса, чтобы обратиться к ее Величеству; однако, несомненно, похвальные намерения этой работы достигнут ее ушей, и я уверен, что увижу ее напечатанной с ее именем на титульном листе: это докажет глубину ее любви к французам и покажет, как сильно она поощряет всех тех, кто стремится к общему благу.

И вы, Сир, не осудите полезные идеи, которые предлагает эта работа и которые расскажут вам, во всей ее полноте, идеи, подобные

вашим собственным, относительно благополучия вашего народа. Вы любите порядок и трезвость; поэтому в своей мудрости вы должны провести ежегодный подсчет, любезно предоставленный вашими министрами, ваших расходов и доходов, и ни под каким предлогом не позволять расходам превышать доходы. Именно благодаря этой строгости вы поддержите славу вашего неприступного трона, в настоящее время столь охваченного терниями: но вскоре, Сир, ваши добродетели растопчут их под ногами, и вы увидите, как на их месте вырастут лилии и розы. Больше нет никаких страшных преград, которые нужно преодолеть, чтобы достичь вас; Гражданам больше не мешают, не следят и не сажают в тюрьму за то, что они говорят правду. Когда эта правда является плодом честности, вы бросаете благосклонный взгляд на достойного восхищения Автора, и честные министры, которые поддерживают ваши планы, больше не используют свое влияние, чтобы навредить другим.

Бедственное положение Франции затронуло мою душу, вселило в нее благородный план представить просвещенные идеи, которые могли бы помочь повысить благосостояние государства, не причиняя никакого вреда. Это может раскрыть источник вреда и препятствия, которые слишком долго мешали Франции выбраться из той передряги, в которой она оказалась. Я смело подчеркну первый метод, который я изложил в «Патриотическом кошельке», поскольку он соответствует идеалам, выраженным автором «Освобожденного государства», с которым я согласен по этому вопросу. Я поздравляю себя, поскольку это соответствие доказывает, что все французы думают одинаково. Я имею смелость настаивать на том, что этот метод является единственно ценным, единственно осуществимым и единственным, который понравится всем. Я имею смелость засвидетельствовать, что французский дух возродится после открытия «Патриотического кошелька». Король, государство, парламент и народ должны в этом случае объединиться, чтобы поддержать его славу и его известность. Ах! Какой метод мог бы лучше сформировать этот союз, чем этот добровольный налог, который я продолжаю предлагать! Возьмем пример Кемпера: этот маленький городок сделал себя прославленным. Но

следует сказать, что его жители великие, щедрые, одним словом, истинные французы. Чтобы облегчить национальный долг, великие, богатые и бедные объединились, чтобы предложить сумму своему принцу: это предложение сродни тому, которое делают почтительные дети, которые приходят на помощь своему отцу, чье состояние разрушено. Именно так я представляю себе свой проект или проект *Etat libéré*. Ах! Без сомнения, вся Франция последует примеру Кемпера, и ни одна деревушка не откажется внести свой вклад в этот кошелек. Тупоголовые люди утверждают, что во Франции царит только эгоизм. Если бы этот эгоизм должен был спасти королевство от разрушения, то я бы сказал, что этот дух мог бы править еще много лет, но, поскольку разрушение затрагивает всех, дух исчезнет, как только будет запущен кошелек. Он уничтожит этот ужасный эгоизм, который низводит французов до пассивности и ужасного согласия. Любовь французов к своей нации немедленно возрастет вместе с ее славой. Богатство государства является основой благосостояния народа. Народ, скажете вы, раздавлен, как же тогда он может восстановить государство? И разве не намерен Монарх прекратить его раздавливать; он собирает Генеральные штаты, чтобы поддержать их. Мой добровольный налог направлен только на богатых, этих государей богатства, которым я показываю опасности Нации, их собственные особые опасности. Что стало бы с ними, если бы отчаявшиеся люди отреагировали с крайней враждебностью? Разве не было бы более привлекательным и более спасительным предложить Государству огромные резервы, которые те, кому повезло, прячут на дне своих сейфов? Добавьте к этому налогу те, которые Король имеет право налагать на все предприятия и милости, предоставленные Его Величеством: все, что является благодатью и милостью, предприятием, привилегией, принадлежит Королю и, не разоряя свой народ, он может перераспределять по своему усмотрению в этих областях. Возьмем, к примеру, регулирование Театров, где я могу позволить себе высказывать полезные и глубокие мнения.

Бросив взгляд, в своих патриотических мечтах, на полезные труды людей, я не могу теперь, в том же тексте, воздержаться от упо-

минания излишеств, а именно, слишком большого количества Театров.

В Париже никогда не должно быть больше четырех Театров, то есть двух французских, двух итальянских и Платформы, предназначенной для публики. Однако я бы предложил, в данном конкретном случае, чтобы им разрешили остаться; действительно, если возможно, их число должно быть увеличено. Прибыль можно было бы извлечь из их излишков и использовать для ограничения государственного долга. Никогда Театр не был так популярен, как сейчас; люди обходятся без самого необходимого, чтобы получить это удовольствие. Государство разорено, Народ раздавлен: за исключением Comédiens Français, итальянцев и директоров небольших Театров, все погружены в нищету.

Должна ли актриса содержать хозяйство и экипажи, как принцесса королевской крови? Актер содержать поместье и егерей, как принц? Ах! Без сомнения, Мольер спас бы себя от этой насмешки, но хотя я и критикую своих современников, я считаю их слишком мудрыми и слишком разумными, чтобы не оценить справедливость моих замечаний.

Есть актеры, чье обычное поведение может наставлять даже самых уважаемых людей, поэтому к ним не должно быть никаких предубеждений, поскольку я осмелюсь сказать, что когда половина их доходов ежегодно изымается для погашения государственного долга, они не будут жаловаться.

Разве привилегии комедиантов не являются милостью самого короля? Если он отвечает за сокращение пособий, разве он не отвечает также за использование театров для получения прибыли государством? Все корпорации будут предлагать суммы правительству, кроме тех, которые отвечают за актеров, поэтому им нужно сказать, чтобы они отдавали кесарю то, что принадлежит кесарю. Должны ли мы жалеть артистов Комеди Франсез и итальянцев, если они оцениваются как артисты Оперы? Когда директора небольших театров будут получать пособие всего в шесть или семь тысяч франков, умрут ли они от

этого? Когда король сократит свои расходы, могут ли актеры бояться сокращения своих?

Собравшиеся Генеральные штаты осветят своей мудростью все, что может способствовать уменьшению долгов государства. Могут ли они перестать бросать взгляд на театры и огромные прибыли комедиантов и полезность взносов, которые надлежит им налагать? Публика не возмутилась бы этим налогом и могла бы, напротив, аплодировать ему от всего сердца. Посещения театра стали бы еще более приятными.

Я думаю, что провинциальные театры должны иметь такие же налоги, как и столичные. Почтовая служба, посыльные, кареты, кожа и крахмал — все это управлялось таким образом, однако Комедиантам позволено наслаждаться огромным состоянием, хотя гений Авторов, по сути, принадлежит Нации и может способствовать возмещению ее потерь, поскольку продукция театров огромна, а прибыль, которая могла бы накапливаться без ущерба для актеров, составила бы более четырех миллионов в год. Я предполагаю, что эта прибыль была бы такой же большой, как и прибыль от лотерей.

Я далек от предположения, что я один заслуживаю внимания Правительства или моих соотечественников в этих патриотических наблюдениях. Люди, гораздо более осведомленные, чем я, в политике правительства, могут сделать более уместные заявления, но я излагаю свою позицию. В своих патриотических мечтах я встречал в больших городах так много праздных людей, которые ничего не делают, кроме как поощряют слабость и порок. Почему бы не использовать эту массу людей для обработки бесплодной земли, учитывая, что в городах они непродуктивны. Пусть правительство раздаст все невозделанные земли королевства обществам или отдельным лицам на участки, которые они смогут обрабатывать. Это лучший способ спасти треть населения от края пропасти, которая постоянно находится у его подножия, и избавить общество от массы бесполезных людей, которые из-за слабости и бедности становятся нищими. Большая часть этой земли будет отведена под выращивание скота, которого не хватает во Франции уже несколько лет и который лишает обездоленных бульо-

на, когда они больше всего в нем нуждаются, поскольку мясо стало таким непомерно дорогим.

Но щедрый король, с помощью своих Генеральных штатов, вскоре разрешит проблемы, которые осаждают его королевство. Да, злополучный народ, добродетели вашего монарха неисчерпаемы, и в результате вы вновь обретете свою врожденную радость, тем самым сделав его имя навсегда дорогим во Франции. Возглавляя нашу нацию, он обещает, что «рассмотрит все необходимые стратегии для того, чтобы навсегда укрепить общественный порядок и процветание государства».

НАЛОГОВЫЙ ПЛАН

Новый для народа и подходящий для уничтожения излишеств роскоши, одновременно увеличивая резервы казны, отложенные для погашения государственного долга.

Роскошь: это одна из тех болезней, которые по праву должны быть самоизлечивающимися. Возьмем, к примеру, изысканный вкус, который мчится, сбивая и расплющивая все на своем пути. Приличный налог на такую безудержную роскошь. Ах! Как человечество приветствовало бы такую вещь. Разве денди заботило бы, если бы ему пришлось платить двадцать пять луидоров в год, чтобы сломать себе шею или сломать несколько конечностей? Этот налог не остановил бы изысканный вкус, а если бы и остановил, как бы бедные пешеходы благословили эту хорошую революцию. Более скромные, но столь же пагубные, кабриолеты заплатили бы только половину штрафа.

Налог на средства передвижения модных дам не принесет им никакого вреда, и они не будут менее торжествовать от этого. Я хотел бы видеть полезный налог, например, на драгоценности; также налог на моду, который множится с утра до вечера и с ночи до утра.

Другой налог, столь же мудрый, сколь и полезный, можно было бы наложить на рабство; чем больше слуг у хозяина, тем больше он будет облагаться налогом.

Налог следует наложить на количество содержащихся лошадей, средств передвижения, монограмм и гербов; простое средство передвижения символизировало бы человека, который хранит только то,

что необходимо: монограммы, роскошь и гербы символизируют гордость и, таким образом, должны платить больше, чем скромное и необходимое.

Очевидный налог, который еще не был реализован, — это налог, который можно было бы наложить на все азартные игры в Париже, будь то в игорных домах, частных резиденциях или дворцах лордов и принцев.

Если бы требовался еще один налог, было бы нелишним наложить его на картины и скульптуры.

Обычные люди не красят и не лепят себя, и не украшают свои квартиры. Налог такого типа не может навредить им, как и любой другой, о котором я говорю Королю и Нации. Несмотря на отсутствие у меня Геометрии или Финансов, я смею гарантировать, что этот план погасит государственный долг в течение пяти лет, и в результате идеи, выдвинутые мной здесь, будут признаны. Возможно, мне повезет увидеть, как мои желания воплотятся в жизнь, поскольку мои налоги имеют природу, которая не может возмутить никого, кроме денди и модных дам, но их обиды не убийственны, и Общество будет аплодировать моим планам.

Пусть добровольный налог возглавит те, которые я указал, и я дам своей эпохе четырехлетний аванс. Тогда мы объединимся, чтобы спеть: да здравствует Франция, да здравствует ее Король и да здравствует Родина.

Все народы и во все времена признают, что роскошь привела к упадку Государств и подорвала мужество и силу людей. Франция сегодня представляет нам ужасный пример этого. Какую систему найдет правительство, чтобы остановить эту необузданную роскошь? Будет ли это закон, указ? Смогут ли запреты парламента вызвать эту мудрую революцию? Нет, эти методы неосуществимы, поэтому пусть правительство, в согласии с парламентами, введет налоги, которые исправят эти излишества роскоши. Если эти налоги не смогут погасить государственный долг, по крайней мере, они смягчат нерегулируемую капризность публики; великие лорды, несомненно, будут первыми, кто покажет пример, и то, что последует, покажет, насколько

ко благотворными могут быть налоги. Потребности Франции умножились со времен Генриха IV, но роскошь создала массу бесполезных. Увеличились ли состояния и доходы? Принесли ли обрабатываемые земли достаточно, чтобы покрыть расходы? Вот что должно быть сокращено, и не мне, в моем невежестве, составлять сравнительную таблицу. Я только предоставляю в этой работе черновик своих идей; собравшаяся Нация должна решить, заслуживают ли они расширения или нет, и можно ли превратить этот набросок в поразительный портрет того блага, которое может получиться. Мне приснился сон, и я расскажу его Нации как можно точнее. Этот сон, каким бы странным он ни был, покажет Нации сердце, принадлежащее истинному гражданину, и дух, всегда ищущий общего блага. Мое воображение, полное этих планов в пользу Франции, преследовало меня даже во сне. Пусть французы не судят меня по моему сну; пусть не думают, что я хочу усыпить их этой формой письма, но идеи, которые у меня возникли, настолько поразительны и патриотичны, что я не мог не сообщить о них в конце этих наблюдений.

СОН АВТОРА

Спя в объятиях Морфея, я думал, что гуляю по Тюильри; мне, я слышал военную мелодию; все начали убежать, и внезапно я увидел себя совсем одним даром сада. Солнце закончило свой путь, и ночь начала расширять свои тени. Естественно, испытывая страх в этом изолированном месте, я внезапно почувствовал себя блаженным бесстрашной храбростью. Я сел у подножия дерева и, казалось, устроился второй раз во сне. Внезапно я проснулся от восхитительного зрелища; Тюильри весь осветился, и я увидел людей яркого размера, все одеты одинаково. Их одежда, хотя и простая, отличалась благородством тех вещей, которые присутствовали во времена Генриха IV; они не представляли собой шляпу, а скорее своего рода четверть-красный капор, из которого свет сиял во всех сторонах. В руках они держали необычные факелы, на которых опирались, оставляя другую свободную руку. Несмотря на то, что их шествие было главным и имело большое значение, они с удовольствием приняли все Мемуары и Рукописи, которые им вручали.⁹ Гиганты этого типа имели приветливые

и привлекательные манеры. Я встал и взялся за толпой. Я восхищался происходящим, но поскольку женщины никогда не довольствуются тем, чтобы быть просто зрителями, и поскольку любопытство всегда разоблачает их помыслы, я не мог удержаться от того, чтобы не спросить, кто эти гиганты. Сумасшедшие посмеялись надо мной; идиоты до смерти утомили меня своими бессмысленными вопросами. В конце концов эти серьезные персонажи вошли во дворец Тюильри, и ворота закрылись. Как, спросил я, я не могу узнать, кто это за Августейшее собрание? «Как так, — ответил один мудрец, — вы не изучаете Генеральные Штаты?» О, сэр, сказал я ему, в смысле рукописей, которые им вручили и которые они приняли с такой любезностью. Это, — ответил он, — идеи всех, и они считают, что никому не отказывать; они попробовали хорошие и отвергли меня, что бесполезно. Увы! Я воскликнул во второй или третий раз, то же самое с моим Письмом к Народу или моими Патриотическими Замечаниями! Что с ними станет? При звуке этих слов Народ окружил меня и показал мне свои неподдельными и искренними выражениями сожаления, мы разделяли, потому что я не мог представить эти писания, которые в первый план были выдвинуты на первый план их несчастья и проблемы. Несмотря на обилие, сохранились единые писания, в которых Народ действительно чувствует себя хорошо. Мое сожаление было невыразимым. Я отворачивался, грустный и задумчивый, когда внезапно [звук] пушки ударил меня в ухо. Перед моими глазами была новая церемония; Полк французской гвардии и Швейцарии, телохранители и коннетабли, все в великолепных скакунах, но безоружные, с одной только оливковой ветвью для защиты. В центре этого эскорта я заметил многоветвистое дерево; Я был заинтригован и хотел подойти поближе к этому дереву, которое, казалось, было отягощено великолепными плодами. Группа людей окружила меня и потянула к основанию повозки, которая ввезла это дерево. О, чудесный сюрприз! Я вижу короля Людовика XVI собственной персоной, который протягивает мне руку и любезно принимает мое письмо к народу. Рядом с ним я замечаю женщину в вуали, которая бросает вуаль и также протягивает мне руку. Этот дополнительный сюрприз излучает чистоту и очарование в моей душе,

когда я узнаю королеву. Дружелюбная искренность, которая распротранялась на ее августейшем челе, ее приветливый и сострадательный вид, продемонстрировали мне мои патриотические наблюдения. Едва она бросила взгляд на это письмо, как я увидел, как у нее потекли слезы. Она встала, сама потрясла дерево, и все плоды упали в руки людей. Плоды, накрывавшие это дерево, скрыли корону короля, которая была прикреплена к верхушке дерева, и теперь, непокрытая, стояла одна. Люди преклонили колени, полную невыразимой радости от даров и щедрости королевы. Король, взглянув на свою корону, заговорил и сказал народу: «Вы видите эту корону, дочь всех амбиций, этот инструмент, который навредил лучшему из королей. Она была ответственна за смерть Генриха IV, моего предка, которого слишком поздно провозгласили и о котором так долго сожалели; но следуя по его стопам, я хочу сохранить ее только для того, чтобы защитить вас и сделать вас счастливыми». Тут же я услышал тысячи криков радости. Это зрелище исчезло из моих глаз, и я снова оказался у подножия своего дерева, где я, казалось, снова заснул. Мне казалось, что я проспал несколько дней. Наконец я проснулся и сонно пытался найти дорогу домой. Я добрался до Пон-Рояля и увидел, что все одеты по-разному. Одежда стала почти единообразной; Молодые люди больше не были затянуты в свои севшие жилеты или в эти нелепые штаны, которые одевали свои методы, как жерди, и приятно, как марионетки. Все, кого я встречал, имели честный и открытый вид, но больше всего меня поразили их манеры, потому что они снимали шляпы перед каждой встречей с женщиной. Я иду по улице дю Бака; какой сюрприз, какое изумление; эта улица, несмотря на то, что была зима и шел дождь, была чистой, как ухоженный двор; мне было так приятно бродить по улице, что я прошел до самого ее конца, и повсюду были соблюдены хорошие манеры; но что меня удивило больше всего, так это полное отсутствие карет, кабриолетов, экипажей, тележек для доставки каменщиков или мусорных тележек; тем временем я заметил несколько простых и скромных транспортных средств, двигавшихся медленно, и я заметил, что те, кто находился внутри, были либо пожилыми, либо немощными. Я вернулся по улице Сев и дошел до

Круа-Руж, где не увидел ни фиакра, ни тачки. Я наткнулся на строительную площадку частного дома, но этот тип конструкции показался мне столь же прочным, сколь и красивым. Я остановился на мгновение перед этим городским домом и увидел, как мужчина зрелых лет поправляет молодого парня. Несколько строителей встали на его защиту, и в конце концов мастер-каменщик смягчился. Что, подумал он, мой мучитель собирается бесконечно втягивать меня в неприятности; уже три раза его действия заставляли меня платить штраф, а прибыли от этого проекта не хватит, чтобы заплатить за его идиотизм; он знает, что приказом короля и его парламента запрещено доставлять телеги с камнями или булыжниками после пяти утра летом или семи зимой; дни теперь длинные, и непослушный мальчишка настаивает на загрузке телег ровно в семь. Ну что ж! Этот закон, ответил мальчишка, чепуха, нельзя всегда приходить вовремя. Что, грубиян, в ярости подхватил мастер-каменщик, ты хочешь изменить законы Королевства, которые теперь столь разумны и гуманны; разве мы больше не помним, как нам сломала ногу проклятая бричка; разве мы больше не помним, как нашего отца переехала телега, везущая камни; разве мы больше не помним все эти стычки в полдень между фиакрами, телегами, фургонами, каретами, экипажами и кабриолетами, когда даже тачки разбивались вдребезги в этих беспорядках; разве мы больше не помним, что улицам требовалось четыре часа по часам, чтобы освободиться от заторов, и что все было повреждено в этих ужасных блоках, а пешеходы каждую минуту были изуродованы или убиты... Фактически, со времени счастливой Ассамблеи нации мы больше не испытываем таких бурных опасностей, с двух утра до пяти летом и до семи зимой дворникам разрешено убирать Париж, доставка камня и щебня может снабжать столицу в то же время. Все тяжелые и опасные тележки запрещены вне этих часов. Тележки прачечных - единственные, которым разрешено въезжать в любое время, поскольку они приезжают только два раза в неделю; на самом деле эти аккуратные тележки скромны и легко запряжены. Конечно, добавил он, вы не хотели бы нарушать это замечательное соглашение, поскольку с тех пор, как Париж получил свои припасы ночью, преступников за границей

стало гораздо меньше. Эта благожелательная бдительность охраняет Париж больше, чем предполагалось при составлении планов. Просто стремясь устранить дневные опасности, стало возможным предотвратить ночные, поскольку каждая повозка хорошо освещена и сопровождается несколькими солдатами. У каждых ворот есть стража, которая поставляет столько людей, сколько требуется. Можете ли вы желать чего-либо более замечательного, чем эти мудрые и гуманные законы?

Я был ошеломлен такими рассуждениями и осознал перемены, произошедшие, пока я спал; наконец, я добрался до улицы Бушери [Мясная лавка]. Эта отвратительная улица, казалось, совсем изменилась. Тошнотворная кровь животных больше не текла по сточным канавам, испуская отвратительные запахи, отравляющие прохожих. Вместо этого запах был сладким и сочным. Все мясники были вынуждены уйти, а на месте их козловых подставок находились знаменитые гриль-бары и превосходные кейтеринговые компании во главе с г-ном Потъезом, чей вкус в кулинарном искусстве изыскан. Слова *rue des Friands* [Деликатесы] теперь заменили *rue des Boucheries*. На улице Конде я спросил у довольно приятного аптекаря, как произошли такие колоссальные перемены. Поскольку он обычно говорил односложно, он не отвечал так ясно, как мне бы хотелось. Я ушел в ярости, сказав ему, что он усугубляет мое нетерпение, но этот сварливый человек предположил, что мне нужно еще несколько капель опиума, чтобы снова заснуть и увидеть сны. При этих словах я проснулся в состоянии шока. Внезапно я услышал ужасный шум с улицы. Я встал и обнаружил, что уже середь бела дня. Я подбежал к окну. О, какой сюрприз, менее привлекательный, чем моя выдумка! На моей улице произошла ужасная драка. Фургоны, переплетенные с фиакрами, стадо скота, взбирающееся на колеса экипажа, вдавливали свои смертоносные головы в двери этих жалких транспортных средств, наводя ужас на тех, кто находился внутри. Стадо свиней и овец быстро приближалось, и я понял, что мой приятный сон был всего лишь обманчивой иллюзией. Без сомнения, я немного преувеличил правду, но она имеет корни в реальности, и поскольку видеть плохие сны не

более запрещено, чем писать плохие книги, я счел себя вправе написать эту. И если моим наблюдениям, вместе с моей мечтой, не хватает немного того остроумия или глубины, на которые они могли бы быть способны, по крайней мере я показал все, что я чувствую, и все, что я желаю для блага моей нации. Это, моя единственная цель, должна дать мне не только снисхождение критиков, но и оценку всех возвышенных душ и всех добрых граждан, ибо вопрос этот столь же тернист, сколь и труден для рассмотрения, столь же произволен, сколь и политичен, столь же бесплоден, сколь и безвкусен в этом легкомысленном веке.

Вопросы для обсуждения:

1. На основе текста документа составьте таблицу «Общественные проблемы во Франции накануне революции через призму взглядов Олимпии де Гуж».

Политические проблемы	Социальные проблемы	Экономические проблемы	Проблемы в сфере культуры
1. 2...	1. 2...	1. 2...	1. 2...

2. Охарактеризуйте отношение автора к королевской власти. Приведите аргументы в пользу вашей точки зрения.

3. В чем автор видит долг короля перед Отечеством?

4. Перечислите аргументы, которые автор приводит в защиту своего проекта «Патриотического кошелька».

5. Каким представляет себе Олимпия де Гуж развитие французского театра. Почему это важно для неё.

6. Составьте ментальную карту на тему «Налоговый план Олимпии де Гуж», опираясь на текст источника.

Возможности использования в школьном курсе истории:

1. Подберите из источника несколько отрывков для урока истории в школе (для 8 класса) «Монархия и общество накануне революции». Составьте к подобранным отрывкам вопросы.

2. Создайте подборку художественных материалов на тему «История с ожерельем Марии-Антуанетты». На основе подборки сформулируйте темы проектов для учеников 8 класса.

Темы для проектных работ:

- «Налоги во Франции накануне революции».

Список рекомендованных источников и литературы:

1. Андерсон К.М. Франция времен Директории в «Дневниках» Т.-У.Тона. [Электронный ресурс] URL: https://istmat.org/files/uploads/29103/1988_fr_economy-politic-ideology_k-m-anderson.pdf (дата обращения: 11.03.2025)
2. Берго И.Б. Парламентская оппозиция абсолютизму и попытки реформ в 1749—1776 года [Электронный ресурс] URL: https://istmat.org/files/uploads/29103/1988_fr_economy-politic-ideology_i-b-bergo.pdf (дата обращения: 11.03.2025)
3. Гавриличев В.А. Якобинцы и принудительные налоги на богатых (весна—осень 1793 года) [Электронный ресурс] URL: https://istmat.org/files/uploads/29103/1988_fr_economy-politic-ideology_v-a-gavrilichev.pdf (дата обращения: 11.03.2025)
4. Лебедева Е.И. Дворянство и налоговые привилегии накануне революции [Электронный ресурс] URL: https://istmat.org/files/uploads/29103/1988_fr_economy-politic-ideology_e-i-lebedeva.pdf (дата обращения: 11.03.2025)
5. Ревякин А.В. Революция и экономическое развитие Франции в первой половине XIX в. [Электронный ресурс] URL: https://istmat.org/files/uploads/29103/1988_fr_economy-politic-ideology_a-v-revyakin.pdf (дата обращения: 11.03.2025)

DEDICATORY EPISTLE TO HIS MAJESTY LOUIS XVI. 1789 Г.

[ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС] URL:

[HTTPS://OLYMPEDEGOUGES.EU/DOCS/EPITRE-DEDICATOIRE.PDF](https://olympede gouges.eu/docs/epitre-dedicatoire.pdf)

(ДАТА ОБРАЩЕНИЯ: 11.03.2025)

Sire,

The name of a great King should not appear at the head of a mediocre work: if a chef-d'oeuvre has been ornamented in this way Your Majesty has always accepted its homage; but, until this moment Sire no woman has dared to present you with her feeble works on a subject that often confounds the most informed minds.

If my zeal and my patriotic efforts had been supported by a knowledge of the law, doubtless I would have caused more of a sensation and made speedier progress; but perhaps greater knowledge would have led me astray, as it has led astray so many others.

My observation will seem fair if Your Majesty is willing to consider that the twelve hundred men upon whose enlightenment and prudence your Highness was entitled to count are conducting themselves with less wisdom than simple villagers, who would have brought to the Nation's Tribunal nothing but patriotism and love for their King and the public good.

It is recognised, however, that the majority of Deputies combine their abilities with the simplicity and uprightness of those who are the closest to nature.

I admit to Your Majesty that my works transgress, not only by their lack of knowledge and method, but also by their absence of charm, which is no slight thing these days. But, Sire, are you not as frank and naïve as the good Henry IV when he said: 'my High Constable can't read, and my friend Crillon can't write, but I'll nonetheless win the battle.' You will say the same about me; you will add: this woman knew neither one nor the other, if only all my subjects could show me such ignorance, such fidelity and patriotism; with these favourable means I would soon be enabled to relieve my people and save my kingdom!

Nothing could discourage me; the bitterest critics attacked my writings; some attested they were paid for; others found them talented enough

and stated therefore that I had not written them; the fairest insisted that I was wasting my time trying to inspire concord and a love of public good, that I had better follow the flow rather than lose myself in a patriotism that has dried up in France.

No, Sire, it is not dried up, it is not extinguished, it is smoldering in the ashes. Your constant goodness will soon reignite it; you will see, Sire, that one day your good subjects will confound the enemies of the motherland.

If in a dream I thought I saw Your Majesty in the Midst of the National Assembly; if I thought I saw Your Highness tired and indignant at the lack of concord that reigns among your subjects; Sire, it was to show them that they should fear reducing you to this extremity. Several good citizens have been alarmed by this fiction whose reality they feared. I know the true French too well to not be persuaded that they will make the greatest efforts to turn you from this resolution, should the distress of the times drive you to it: they love their King too much to be indifferent to this loss.

And you, Sire, who cherish your people, who sacrifice all your advantages to their happiness, how could you not be adored! Paris and the provinces recognise now that you have no other desire than to see the Nation at peace, busy remedying the abuses of the past; but the Nation seems to wish to destroy itself. We are threatened by this lethal moment; the incident would be terrible; all good citizens tremble at the prospect! Be reassured, Sire, you are adored; all the true French support your rights and your throne. The storm is above our heads; perhaps the bomb is ready to explode! These explosions will prove deadly to the seditious and the enemies of the state; your reign will start again, with greater glory, on the wreckage of the factions.

This, Sire, is our calamity. Peace, confidence and the Kingdom's fortune can not come out of this terrible epoch except through the centre of the storm.

But Kings have always been conquerors in France, and good citizens always take their side; convinced that only the Sovereign's party can make them happy, and bring back order and tranquility; still convinced that the

yoke of despotism is a thousand times more favourable to men than the troubles and perpetual tyrannies of a terrifying anarchy.

Ah! Sire, what a painful moment for your paternal heart! The public is impatient, seeing that the National Assembly finishes nothing. Meanwhile if it were to reflect, it could not but agree that the Assembly cannot, nor ought not to, rush a precious task; a task that must, for all time, create the happiness of all citizens. But the Nation has not started as it should. It is not for me, Sire, to reproach it for its in consequence; everyone knows that it occupied itself with the least important articles and neglected the most urgent; this proves that when aspiring for the good of the public alone, the greatest men and the most virtuous can be wrong, can be lead astray, and can move away from the right paths.

Ah! Sire, only your presence can persuade it to address seriously the objects that are of the greatest importance. It can yet cause discord to disappear, and all other projects dangerous to France. Only a love of public good and of the state can unite minds. And who can take charge of this negotiation better than you, Sire, when all good citizens expect it of your tenderness, in the name of that paternal love that you swore to them for evermore.

I am, with the deepest respect. SIRE, YOUR MAJESTY'S Most humble, most obedient servant and subject.

Перевод с английского:

ПОСВЯЩЕННОЕ ПОСЛАНИЕ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ ЛЮДОВИКУ XVI.

Имя великого короля не должно появляться во главе посредственного произведения: если шедевр был украшен таким образом, Ваше Величество всегда принимало его дань уважения; но до этого момента, Сир, ни одна женщина не осмелилась представить Вам свои слабые работы по теме, которая часто сбивает с толку даже самые осведомленные умы.

Если бы мое рвение и мои патриотические усилия подкреплялись знанием закона, несомненно, я бы произвел больше сенсации и

добился бы большего прогресса; но, возможно, большее знание сбило бы меня с пути, как сбило с пути стольких других.

Мое замечание покажется справедливым, если Ваше Величество согласится учесть, что двенадцать сотен человек, на просвещение и благоразумие которых Ваше Высочество имело право рассчитывать, ведут себя менее мудро, чем простые селяне, которые не принесли бы в Трибунал нации ничего, кроме патриотизма и любви к своему королю и общественному благу. Однако общепризнанно, что большинство депутатов сочетают свои способности с простотой и прямоотой тех, кто ближе всего к природе.

Я признаю перед Вашим Величеством, что мои произведения порочат не только отсутствием знаний и метода, но и отсутствием очарования, что в наши дни немаловажно. Но, сир, разве Вы не столь откровенны и наивны, как добрый Генрих IV, когда он сказал: «Мой верховный констебль не умеет читать, а мой друг Крийон не умеет писать, но я все равно выиграю битву». Вы скажете то же самое обо мне; Вы добавите: эта женщина не знала ни того, ни другого, если бы только все мои подданные могли показать мне такое невежество, такую верность и патриотизм; с этими благоприятными средствами я вскоре смог бы помочь своему народу и спасти свое королевство!

Ничто не могло меня обескуражить; самые яростные критики нападали на мои сочинения; некоторые удостоверяли, что за них платят; другие находили их достаточно талантливыми и поэтому утверждали, что я их не писал; прекраснейшая настаивала на том, что я трачу время впустую, пытаюсь внушить согласие и любовь к общественному благу, что мне лучше следовать течению, чем терять себя в патриотизме, который иссяк во Франции.

Нет, сир, он не иссяк, он не погас, он тлеет в пепле. Ваша постоянная доброта скоро снова зажжет его; вы увидите, сир, что однажды ваши добрые подданные посрамят врагов родины.

Если во сне я думал, что вижу Ваше Величество посреди Национального собрания; если я думал, что вижу Ваше Высочество усталым и возмущенным отсутствием согласия, царящим среди Ваших подданных; сир, это было для того, чтобы показать им, что они долж-

ны бояться довести Вас до этой крайности. Несколько добрых граждан были встревожены этой выдумкой, реальности которой они боялись. Я слишком хорошо знаю истинных французов, чтобы не быть убежденным, что они приложат величайшие усилия, чтобы отворотить Вас от этого решения, если бедствия времени заставят Вас к этому: они слишком любят своего короля, чтобы быть равнодушными к этой потере.

И Вы, сир, который дорожит своим народом, который жертвует всеми своими преимуществами ради его счастья, как Вы можете не обожать! Париж и провинции теперь понимают, что у Вас нет другого желания, кроме как видеть Nation в мире, занятую исправлением злоупотреблений прошлого; но Nation, кажется, хочет уничтожить себя. Нам угрожает этот смертельный момент; инцидент был бы ужасен; все добрые граждане трепещут при мысли о такой перспективе! Будьте уверены, сир, вас обожают; все истинные французы поддерживают ваши права и ваш трон. Буря над нашими головами; возможно, бомба готова взорваться! Эти взрывы окажутся смертельными для мятежников и врагов государства; ваше правление начнется снова, с большей славой, на обломках фракций.

Это, сир, наше бедствие. Мир, уверенность и счастье королевства не могут выйти из этой ужасной эпохи, кроме как через центр бури.

Но короли всегда были завоевателями во Франции, и добрые граждане всегда встают на их сторону; убежденные, что только партия монарха может сделать их счастливыми и вернуть порядок и спокойствие; все еще убежденные, что иго деспотизма в тысячу раз более благоприятно для людей, чем беды и вечные тирании ужасающей анархии.

Ах! сир, какой мучительный момент для вашего отеческого сердца! Общественность нетерпелива, видя, что Национальное собрание ничего не заканчивает. Между тем, если бы оно поразмыслило, оно не могло бы не согласиться с тем, что Ассамблея не может и не должна торопить драгоценную задачу; задачу, которая должна на все времена создавать счастье всех граждан. Но Nation не начала так, как

следовало бы. Не мне, сир, упрекать ее в ее непоследовательности; всем известно, что она занялась наименее важными статьями и пренебрегла самыми насущными; это доказывает, что, стремясь только к общественному благу, величайшие люди и самые добродетельные могут ошибаться, могут быть сбиты с пути и могут отклониться от правильных путей. Ах! Сир, только ваше присутствие может убедить ее серьезно заняться объектами, которые имеют наибольшую важность. Она все же может заставить раздор исчезнуть, а все другие проекты опасны для Франции. Только любовь к общественному благу и государству может объединить умы. И кто может взять на себя управление этими переговорами лучше, чем вы, сир, когда все добрые граждане ожидают этого от вашей нежности, во имя той отеческой любви, в которой вы поклялись им навеки.

Я, с глубочайшим уважением. СИР, ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА покорнейший слуга и подданный.

Вопросы для обсуждения:

1. Опишите отношение Олимпии де Гуж к королю и королевской власти.

Возможности использования в школьном курсе истории:

1. Создайте подборку видео-отрывков к уроку истории в 8 классе по теме «Варенское бегство».

Темы для проектных работ:

- Варенский кризис: в воспоминаниях современников.
- Бегство короля Людовика XVI: отражение событий в культуре.

Список рекомендованных источников и литературы:

1. Déclaration du Roi adressée à tous les Français, à sa sortie de Paris Электронный ресурс URL: https://archive.org/details/declaration00unse_31 (дата обращения: 11.03.2025)

2. Royal memoirs on the French Revolution: containing, I. a narrative of the journey of Louis XVI and his family to Varennes, by Madame royale, duchess of Angoulême: II. a narrative of a journey to Bruxelles and Coblantz in 1791, by Monsieur, now Louis XVIII: III. private memoirs of what passed in the Temple, from the imprisonment of the royal family to the death of the Dauphin, by Madame royale, duchess of Angoulême
Электронный ресурс URL:
<https://archive.org/details/royalmemoirsonf00conggoog> (дата обращения: 11.03.2025)

Видео-ресурсы:

1. День, когда вершилась история: Побег Людовика XVI // [Электронный ресурс] URL:
https://my.mail.ru/mail/ribka_tamara/video/728/2395.html (дата обращения: 11.03.2025)

2. Новый мир (фильм, 1982) // [Электронный ресурс] URL:
<https://yandex.ru/video/preview/17245241573427806186> (дата обращения: 11.03.2025)

**MY WISHES ARE FULFILLED, OR THE PATRIOTIC GIFT.
DEDICATED TO THE ESTATES-GENERAL 1789 Г. [ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС] URL:**

[HTTPS://OLYMPEDEGOUGES.EU/DOCS/G.MES-VOEUX-SONT-REMPLIS.PDF](https://olympedegouges.eu/docs/g.mes-voeux-sont-remplis.pdf)

(ДАТА ОБРАЩЕНИЯ: 11.03.2025)

GENTLEMEN,

Is it within my power to make known to you, with eloquence and energy, the satisfaction I feel at your union?

No: pleasure is sweet and the heart, at times like this, expresses its feelings without artistry. Friendship is pure, you are responsible for it and will receive its homage with enthusiasm despite the occasional shortcomings that joy creates.

This solemn day must be for ever dear and precious in the minds of the French.

The most distant Peoples will constantly admire it; the enemy, pale and concerned, will be forced to cry out: are the French the only people capable of grandeur and generosity?

The Historian wishing to preserve only the simplicity of such an august revolution...will be immortalised by painting the facts such as they were, without embellishment: this historic moment will be seen as exemplary and quoted for all time by our descendants.

No moment more splendid! No story more touching than this! When it will be said that the French suddenly became arch enemies, one to the other, desperate and ready to make of the most populous State an arid desert; that no one was in agreement any more; that, with a sense of justification, everyone defended their sacred rights in so agitated a fashion that all good citizens trembled; that a despairing Queen, finally so touched by the plight of her subjects, takes her only remaining son and brings him, herself, into the midst of the Nobility and the Clergy, and makes a most moving speech to these two Orders in favour of the third, and paints with such sorrow and sensibility the public despair that all eyes fill with tears; that the Nobility and Clergy, deeply moved by this touching spectacle, are ready to give way!

Though a Queen who abandons the rights of the heir in waiting to the Crown to the wisdom of honest Officers, obliges them, without meaning to, to become themselves the intrepid soldiers who will defend him.

Twenty-four hours pass in a gloomy silence and an alarming state of indecision; the Keeper of the Seals, overwhelmed by the loss of an irreplaceable son, suppressing a naturally deep pain, sees merely the danger that threatens the Motherland, goes to the Monarch and reads in his eyes his true intention. His Majesty decides, in that very moment, along with his Keeper of the Seals, to write to the Nobility. August moment! The law is silenced, authority fades away and all make way for humanity and the love of the Motherland.

Fears are transformed into fraternal feelings; the Nobility no longer clings to its rights; the wishes of the Monarch are fulfilled, his intentions are seconded and his faithful Nobility flies into the bosom of the third Order; despair, alarms, all fade away and give place to public joy.

The joy of all good citizens is beyond expression, the exhilaration of the People is touching and the Queen's sensibility has penetrated all hearts; by her side, the Monarch feels a sense of pure satisfaction for the first time and rejoices.

When he ascended the Throne, he found it full of brambles and thorns; he was ignorant of the abuses that had existed under his predecessors, but the abuses that have slipped in since have given him an understanding of the true financial situation. The Estates-General will restore order, and the Court of France, soon regaining its former lustre, will always remain the premier Court in Europe: the French will not be happy unless they restore their Prince as the greatest Potentate on earth.

Yes, Gentlemen, you have rendered unto your Sovereign what you owe him, what he is due; he will bestow eternal happiness on his People, this revolution will be for us the source of all his goodness: endlessly attentive to the good of his State, the happiness of his faithful Subjects, he will make them once again redoubtable to their enemies and proud of their true French character.

No doubt, Gentlemen, the first Session of the Third-Order will be marked by a memorable action; you will reveal yourselves and manifest your union by the most august of all good intentions.

You will open a patriotic Purse across the whole of France; the Sovereigns of fortune will make it their duty to contribute; following this example all wealthy Citizens will bring offerings; even the avaricious will lighten their pockets; and the pennies that accumulate from this tax will be used to pay the extraordinary expenditure necessitated by the famine in the Kingdom's Villages.

The countryside is deserted: the unhappy Peasant cannot survive in his humble shelter; today pigswill is his only nourishment; what was once lavished on swine is now shared between man and beast.

The People ask only for bread; they are even willing to pay for it with the sweat of their brows: at least let them eat it without watering it with tears!

This patriotic tax, as I named it in my Letter to the People, now imposed by the Nation for its benefit, will engage all Citizens and procure

immense sums sufficient to make bread available at six liards and two sols per pound.

Yes, Gentlemen, I merely express, in a limited way, the sentiments that inspire you, it is my only merit: the criticism of certain ill-intentioned Citizens was unable to deflect me; intrepid for the good of my Motherland, always persevering to unite the Three-Orders, not allowing my impotence to stop me, consulting neither the law, nor the art of our famous Authors, I sought to paint for you, in a naturalistic fashion, the misery of all Citizens, and the imminent fall of France, I read only what was in your hearts: discord, keeping its powder dry, was preparing its lightning bolts wreathed in clouds; the lightning has disappeared; the clouds have lifted and my wishes are fulfilled.

Перевод с английского:

МОИ ЖЕЛАНИЯ ИСПОЛНЯЮТСЯ, ИЛИ ПАТРИОТИЧЕСКИЙ ПОДАРОК.

Могу ли я красноречиво и энергично донести до вас удовлетворение, которое я испытываю от вашего союза?

Нет: удовольствие сладостно, и сердце в такие моменты выражает свои чувства без артистизма. Дружба чиста, вы ответственны за нее и с энтузиазмом примете ее почести, несмотря на случайные недостатки, которые создает радость.

Этот торжественный день должен быть навсегда дорог и драгоценен в умах французов.

Самые далекие народы будут постоянно восхищаться им; враг, бледный и обеспокоенный, будет вынужден воскликнуть: разве французы — единственный народ, способный на величие и великодушие?

Историк, желающий сохранить только простоту такой августейшей революции... будет увековечен, рисуя факты такими, какими они были, без прикрас: этот исторический момент будет считаться образцовым и цитироваться на все времена нашими потомками.

Нет момента более великолепного! Нет истории более трогательной, чем эта! Когда скажут, что французы внезапно стали заклятыми врагами, друг другу, отчаянными и готовыми превратить самое

густонаселенное государство в безводную пустыню; что никто больше не был в согласии; что, с чувством справедливости, все защищали свои священные права таким взволнованным образом, что все добрые граждане трепетали; что отчаявшаяся королева, в конце концов настолько тронутая бедственным положением своих подданных, берет своего единственного оставшегося сына и сама приводит его в среду дворянства и духовенства, и произносит самую трогательную речь этим двум орденам в пользу третьего, и с такой скорбью и чувствительностью рисует общественное отчаяние, что все глаза наполняются слезами; что дворянство и духовенство, глубоко тронутые этим трогательным зрелищем, готовы уступить!

Хотя королева, которая отказывается от прав наследника, ожидающего короны, в пользу мудрости честных офицеров, обязывает их, не желая того, самим стать бесстрашными солдатами, которые будут его защищать. Двадцать четыре часа проходят в мрачном молчании и тревожном состоянии нерешительности; Хранитель Печатей, подавленный потерей незаменимого сына, подавляя естественно глубокую боль, видит только опасность, которая угрожает Родине, идет к Монарху и читает в его глазах его истинное намерение. Его Величество решает, в тот самый момент, вместе со своим Хранителем Печатей, написать Дворянству. Августейший момент! Закон умолкает, авторитет исчезает и все уступает место человечности и любви к Родине.

Страхи трансформируются в братские чувства; Дворянство больше не цепляется за свои права; желания Монарха исполняются, его намерения поддерживаются, и его верное Дворянство летит в лоно третьего Ордена; отчаяние, тревоги — все это исчезает и уступает место Общественной радости.

Радость всех добрых граждан невыразима, восторг Народа трогателен, а чувствительность Королевы проникла во все сердца; рядом с ней Монарх впервые испытывает чувство чистого удовлетворения и радуется.

Когда он взошел на Трон, он нашел его полным терний и шипов; он не знал о злоупотреблениях, которые существовали при его предшественниках, но злоупотребления, которые проскользнули с тех пор,

дали ему понимание истинного финансового положения. Генеральные Штаты восстановят порядок, и французский двор, вскоре обретя прежний блеск, навсегда останется главным двором в Европе: французы не будут счастливы, пока не восстановят своего государя как величайшего властителя на земле.

Да, господа, вы отдали своему государю то, что вы ему должны, что он должен; он дарует вечное счастье своему народу, эта революция станет для нас источником всей его благодати: бесконечно внимательный к благу своего государства, счастьем своих верных подданных, он снова сделает их грозными для своих врагов и гордыми своим истинным французским характером.

Без сомнения, господа, первая сессия третьего сословия будет отмечена памятным деянием; вы раскроете себя и продемонстрируете свой союз самым превосходным из всех благих намерений.

Вы откроете патриотический кошелек по всей Франции; государи богатства возьмут на себя обязанность вносить вклад; следуя этому примеру, все богатые граждане принесут пожертвования; даже жадные облегчат свои карманы; и пенни, которые накапливаются от этого налога, будут использованы для оплаты чрезвычайных расходов, вызванных голодом в деревнях Королевства.

Сельская местность опустела: несчастный крестьянин не может выжить в своем скромном убежище; сегодня свиной помет является его единственной пищей; то, что когда-то щедро расходовалось на свиней, теперь делится между человеком и скотом.

Народ просит только хлеба; он даже готов платить за него потом своего лица: по крайней мере, пусть они едят его, не орошая слезами!

Этот патриотический налог, как я назвал его в своем Письме к Народу, теперь введенный Нацией для ее же блага, привлечет всех Граждан и обеспечит огромные суммы, достаточные для того, чтобы сделать хлеб доступным по шесть лиардов и два соля за фунт.

Да, джентльмены, я просто выражаю, ограниченно, чувства, которые вдохновляют вас, это моя единственная заслуга: критика некоторых недобросовестных Граждан не смогла отклонить меня; Бесстрашный ради блага моей Родины, всегда настойчивый в стремлении

объединить три ордена, не позволяя своему бессилию остановить меня, не советуясь ни с законом, ни с искусством наших знаменитых Авторов, я стремился нарисовать для вас в натуралистической манере нищету всех Граждан и неминуемое падение Франции, я читал только то, что было в ваших сердцах: раздор, держа свой порох сухим, готовил свои молнии, окутанные облаками; молния исчезла; тучи рассеялись, и мои желания исполнились.

Вопросы для обсуждения:

1. Какое событие вызвало у Олимпии де Гуж такую положительную реакцию и почему?

Возможности использования в школьном курсе истории:

1. Создайте подборку визуальных источников к уроку истории в 8 классе по теме «Открытие Генеральных штатов в Версале 5 мая 1789 года».

Темы для проектных работ:

- Реакция французского общества на созыв Генеральных штатов в Версале 5 мая 1789 года.

Список рекомендованных источников и литературы:

1. Блуменау, С.Ф. Отношение общества к королевским министрам накануне и в начале Французской революции XVIII века // Вестник Брянского государственного университета. – 2017. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otnoshenie-obschestva-k-korolevskim-ministram-nakanune-i-v-nachale-frantsuzskoy-revolyuutsii-xviii-veka> (дата обращения: 11.03.2025)

2. Куцева, Е.А. Позиция дворянства на созыв Генеральных штатов во Франции // Евразийский Союз Ученых. – 2015. - [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pozitsiya-dvoryanstva-na-sozyv-generalnyh-shtatov-vo-frantsii> (дата обращения: 11.03.2025)

**THE BLIND MAN'S SPEECH TO THE FRENCH. BY MADAME
DE GOUGES 1789 Г. [ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС] URL:
[HTTPS://OLYMPEDEGOUGES.EU/DOCS/DISCOURS-DE-
LAVEUGLE.PDF](https://olympedeGouges.eu/docs/discours-de-laveugle.pdf) (ДАТА ОБРАЩЕНИЯ: 11.03.2025)**

Fate has deprived me of deep knowledge; I have sought the truth by feeling my way. In this memorable era I believed it necessary to place it once again under the eyes of the French.

My Letter to the People was my first attempt and became, in time, a master stroke; it calmed minds; it filled French hearts with the love and respect they have always felt for their prince, all citizens will soon cite it. It is certainly not my profound learning, nor my skilled writing, that attract attention; simple patriotism is the only merit of this text.

The Patriotic Observations, that I publicised, were no less successful but The Primitive Happiness of Man that closely followed my second production, was beset by a mass of criticism. Envy had attached itself to my body of work like a leach to the skin of humans. Deciding to write on a philosophical subject, which is the preserve of wise men and philosophers alone, exposed me to the most bitter criticism; whatever the criticism, whatever the weakness of my sex, one cannot deny that within Primitive Happiness one can find great truths that are, perhaps, only too relevant to the misfortune of France.

This Primitive Happiness offers lessons to all men but they believe themselves to be too wise, they think they have nothing left to learn, especially from a woman who knows nothing definitively.

If the sciences improved men and made them more coherent I would regret not having been instructed, but since my ignorance arouses within me every virtue, I congratulate myself on having never been enlightened by men.

Therefore let me be considered as a blind man that nature has always taken care to guide; with this good mother I will speak to the French on this matter for the seventh and last time.

I preach righteousness to a famous people; I will again speak in favour of my motherland, and may my zeal and love for it, return the French to a fraternal union.

I have previously attacked their frivolity; I have waged war on the depravation of manners; I have not spared women.

When wickedness demands prompt and efficacious remedies the good physician goes to the heart of the matter and does not scramble his prescription with ambiguous and unctuous phrases; an eagerness to heal his patient guides his pen.

The desire to unite minds and turn them towards the public good has always been my rule; calumny and deceit have never been able to discourage me. Nothing can tear me from the path I have cleared for myself. That is my excuse; these are my defects, more powerful than any reasoning since they come from a source prior to my reason. This zeal and this patriotism, in this circumstance, are not out of place, at least so I believe.

FIRST PART.

For six weeks the nation has done nothing useful; it has used this precious time in debates, in strange or generalised arguments; the Chamber of Commons has at last made a dash; may this dashing approach save France from the danger that threatens it! The nobility, who is no less determined to defend its rights than the third estate is to have its own validated, and the Chamber of Commons have both reciprocally decided to withdraw from the heart of the meeting: to vote by order or by head, that is the great question.

What matter to the King, what matter to the afflicted citizen, what matter to the unhappy people that one deliberates by head or by order. Eh! Gentlemen, deliberate as you deem fit, as individuals, as a group, or any other way but at least deliberate for the common good and then you can deliberate on your own claims.

But what cannot be revealed without pain, and is the responsibility of men who cannot be inculpated without wounding their sacred character, is the indifference of the clergy, their lack of activity in bringing together the two orders of public good.

What? These fathers of the church, these consolers of the afflicted, these ministers of peace, whose duties consist only of supporting the foundations of religion, see the debates of the nobility and third estate without becoming mediators? Does religion, within the Estates General, excuse

them from following its religious principles? But no, religion and the clergy only desire the good of the people and the welfare of the state; let us rather believe that the clergy, in their hearts, are seriously occupying themselves with means to swiftly reunite the two orders. May this gratifying hope dissipate our fears, and may all good citizens arm themselves with renewed courage.

If it [courage] were to fail in its attempts, and the three orders continued to put forward their workings individually, if they did not gather to deliberate on the interests of the people, on the major objects of government, and on the nature of taxes that must be raised to clear the national debt then I predict that the authority of the king, as the premier legislator of the law, would force him to interpose his superior power. What a cruel extremity for the wisest of monarchs! What a harsh necessity for the best of fathers: to save his children he would be lost with them.

SECOND PART.

The Chamber of Commons has just passed an authoritative act and proposes to forge ahead. They are new pygmies who have just taken giant strides, they will become, in fact, all powerful if they avoid inciting either lightning or a storm, if the nobility and the clergy, without losing their rights and their dignities, contribute to relieve the state, to ease it, to pay like other citizens; but the greater and bolder is the enterprise the more difficulties are placed under the eyes of the wise.

The French monarchy has foundations that one cannot change without bringing down the state, the throne and the citizens' happiness.

Fourteen centuries of work have only improved its good constitution yet there is talk of changing it, and we are assured, in this century of selfishness, that our descendants will congratulate themselves on this revolution. What times! What manners! What spirit! Our successors, then, will be proud of having had us as fathers. We are making shackles for them and the French, weighed down by irons, will be as frivolous as ever so long as they remain French.

When one should be occupied only with pressing interests, why consider those of men in the future who will no doubt behave better than us? Let the nation only work to remedy the wrongs that increase every day.

Commerce is annihilated, justice poorly administered, the worker unemployed, the poor with no alms, the rich with no humanity, the shopkeeper a robber or robbed, everyone refusing to pay, bank assets having no more value, prices kept exorbitantly high to weaken solid assets, the kingdom devoid of grain, general disorder and extreme poverty: those, I believe, are more than enough problems to seriously focus the attention of the Estates General.

But should one direct such an important enterprise in the midst of a frivolous public. The Chamber of Commons means to imitate the English without considering that what suits the English makes the French ridiculous. Therefore it must be made aware that its assemblies should be less public except on days when the King and the ministers are attending.

It would be shameful for this order, that includes really wise men, if its tumultuous and confused assemblies prevented them from making their observations.

The women who every day augment this Court have already broken barriers; they will soon reach the deputies' benches; it is said, it is assured and I fear it.

Those who are blessed with eloquence, with a gracious voice, will ceaselessly propose that the public be admitted to their assemblies, especially the ladies. One will often hear a famous orator request to speak, persuaded that the public will listen to him attentively, but at the same time he forgets that if he uses his skills poorly, he will never again be seen as anything but a ridiculous man.

Personalities, puns and sarcasm must be forbidden in this assembly. A noble and decent attitude must be consistent with their functions then the Chamber of Commons will obtain, in this circumstance, the title of the world's second Areopagus, from which will come only maxims and concepts that will forever be an example to the universe. At its head is a man of substance, of merit, who joins to these talents the reputation of being an honest man, and once again attracts the public's attention. He fills his role with an august zeal; his tone is always noble, decent and never out of place despite the difficult circumstance which must add to his glory and the general esteem that M. Bailly has obtained for so long.

As for M. M..., whose genius and facility are admired, could one not address him a few observations?7 Could he be offended by the suggestions of a woman that only lend themselves to offering him the justice that is his due, and who suffers to see that France's greatest pen, the most eloquent of men, does not always make good use of his qualities that are so rare and precious. No doubt if ever M. M... were to work on his character, if he were to rid himself of French wit's inconsequentialities and if he finally turns his pen constantly towards the good, one day a statue would be erected in his honour. To tell the unvarnished truth to men who have become redoubtable is to expose oneself and I have done it; but should I attract their resentment, love for the good outweighs fear, and my only goal is to render the French celebrated and useful to their motherland.

Sincerity is not always welcome although it is often very useful to mankind. I have been reproached for speaking too forthrightly of M. Necker.

I know how to respect men who hold positions, but I do not know how to betray them, and to praise their errors is to deceive them.

In general ministers prefer flattery to sincerity; this favour can at times be fatal to honest well-intentioned ministers: M. Necker is learning that unfortunate lesson.

The public changes its opinion from one moment to the next and ends by blaming the one it lauded in its frenzy. Naturally inconstant, once this public is disabused severity takes the place of enthusiasm. It is often this public favour that puts men in position and that similarly brings them down when its favour changes to ingratitude.

When I presumed to bring together M. de Calonne and M. Necker I only considered the good of my country. For a long time it has widely been desired that the conduct of M. de Calonne and M. Necker be revealed. One of the two, it is said, has lost France, at least that is the opinion of the two opposing parties. I, who belong to no party, I who neither knows directly or indirectly M. de Calonne, nor M. Necker, I believe both of them to be innocent, and furthermore I believe that both of them together, in this circumstance, are fit to repair everything. Could I have wounded the virtue, the probity, of M. Necker by proposing to him the method by which he

could be immortalised? Can one deny that if M. Necker asked for M. de Calonne, this beautiful act would crown all his virtues?

It is stated that M. de Calonne ruined the finances but if he proves that he multiplied the spending only relative to the needs of the government, it seems to me he would be justified.

A minister does not command, he only obeys, and he is often very constrained when doing good for the people and the state.

What I find most unjust on the part of the French regarding M. de Calonne is to have judged him like a criminal who flees to the enemy to avoid the punishment being prepared for him. If citizens had enjoyed then, as now, a freedom free from all unpredictability no doubt M. de Calonne would never have expatriated himself. When one has all to fear for one's personal safety, and even more for one's innocence, a great man avoids the dangerous traps and courageously awaits the circumstance that will cast the strongest light on his conduct.

Did M. de Calonne not appear in France as the Estates General drew near, a time when he must have believed the freedom of citizens to be secure, and when he had every reason to fear had he been guilty; he came in person to place himself back in the hands of the nation; a populace full of seditious commotion forced M. de Calonne to return abroad.

Let the Estates General ask for him and he will be sacred in the eyes of the people, he will explain his conduct; the nation cannot refuse to judge a man when the man himself demands justice.

Everything was unleashed against him; for a long time, I also followed the public impulse but when I was instructed of his conduct, of his capacity and his merit, I believed I could best acknowledge my error by rendering justice to M. de Calonne. Furthermore, I recognised that nothing was easier than for envy to overwhelm a man when he is already down: but if he is innocent, if he is the butt of calumny, then offer him the means to reestablish himself so that one can distinguish between imposture and truth. This is what I submit to the judgement of the nation; it could not blame me for defending an exile, a great minister, a true statesman who appears to me to be innocent. I do not intend to justify him; only M. de Calonne can prove his own innocence in the eyes of his nation. If M.

Necker were in his place I would, with regard to him, have spoken with the same sincerity. That is my character and I will never be found grovelling to the great and good, nor craving the favour of ministers. I could ask them for benefits that perhaps I am entitled to, but always by any other means than that of protection. If I fail I will not change my maxims, my style nor my character. Nature has put in my system the pride and courage of a valiant man.

Sometimes I am stopped by the public's uproar, but as I like to seek out truth, I often find that the public adopts false impressions that common sense and reason cannot obliterate.

An inventor of appalling felonies, a criminal woman, a monster that hell appears to have vomited onto the earth, writes an absurd novel, fills it full of every nonsense possible; reared in opprobrium, versed in crime, finally evading the hands of the executioner, she escapes the felon's sentence, runs away to the English where she finds refuge.

She supports her novel with a criminal's audacity, without being able to give it the colour of truth. This all powerful truth that always lays down the law to the greatest villains has not yet been able to tear away the thick blindfold that error has placed over the eyes of a certain number of the French. But, in order to be convinced by means more powerful than any reasoning, read this dreadful and pitiful memoir, and the flame of truth will instantly enlighten the wisdom of all our citizens.

Meanwhile an august princess is devastated by this wrong; she groans to herself at this blindness, she can neither understand nor explain the motives that have allowed her original kindness to be forgotten, a kindness both constant and popular: wife and mother of the French she has always cherished this nation.

Can a light-hearted, vivacious and courteous youthfulness have attracted this change? How has imposture been able to imply that a princess raised by all the principles of the highest virtues and placed on the premier throne of the world would descend from it to expose herself to such opprobrium? With nothing to desire, only able to do good, is it not beyond absurd to have imagined such a thing? It is as if one said the sun would take

the place of night, to steal from the earth all the treasures that its presence lavishly offers during the day.

Who can doubt this authentic truth? Who could believe that a tender mother, an adored spouse, would not prefer the welfare of her motherland to that which is now foreign to her?

The wise are convinced of this but the people are in ignorance of it.

They must be educated: at least it is fair to good citizens to teach them that their first duty is to cherish their princes, to respect them and to believe that they only desire the happiness of their people, that they suffer when they lose the people's attachment, that supreme power enslaves them more than the lowliest of their subjects. Unlike others they cannot justify themselves to regain this attachment; often the effects of their great virtue are unknown to the people, who only see the flaws that imposture has created. I have no idea what motivates this imposture; man's genius is so perverse, when it is turned to the bad, that it would not only separate the people from their sovereigns for no reason but also arm and unite, if it could, the four elements against all of nature.

This is how I judge the wicked; this is how I join ranks with the party of justice, innocence and the persecuted. I would hope that my opinion will not be rejected. If I had a single doubt concerning all that I advance I would never have declared myself the author of my works.

I hope the nation will welcome a few of them, that it will allow me to choose, amongst its members, deputies who will not disdain to table motions based on the works of a woman.

The patriotic tax perhaps merits one, in all forms; that one would no doubt excite the eloquence of one of those famous orators. The taxes on luxury, as I indicated in my Patriotic Remarks, will interest the wisest within the assembly. Is the patriotic theatre, in the Primitive Happiness, not fit to improve morals? I leave that one to the protector of women.

The good of my motherland, the success of these projects, that is where my desires lie; they are grand enough, and significant enough for me to never devise any more.

Here is the third and last part of my discourse; may it give back hearing to the deaf, clarity to those who see poorly and good words to venomous tongues!

I must anticipate indulgence from my nation; I must believe that the stylistic errors will not be dwelt upon; the speed and zeal with which I have publicised these seven works must be seen as my excuse. The Dialogue Between Truth and France, the Cry of the Wise, the Urgent Notice and this last text all being written on the hoof, and in part at the printers, justify the countless mistakes that must have slipped inside.

Circumstances dictate that I offer proof of the danger to which a just impression can endanger an individual.

It has been spread around the Estates General and in all of Versailles that I pursue M. Necker everywhere, even into the chateau's galleries: I declare here that I have never seen this minister and that I have had no connection with him whatsoever. The responsibility for this story, elaborated by a deranged imagination, must be born by its author, so too the vulgar lies that attempt to discredit the attribution of my texts. This injustice obliges me to bring forth my name from the bosom of obscurity; if an author can lay claim to one idea, one thought, I will instantly declare that I am an unworthy writer. But if everything belongs to me I must therefore have some merit, so surely this glimmer of self-respect is pardonable, having only come into being through the injustice of my calumniators?

Перевод с английского:

РЕЧЬ СЛЕПОГО К ФРАНЦУЗАМ. МАДАМ ДЕ ГУЖ 1789 Г.

Судьба лишила меня глубоких знаний; я искала истину, чувствуя свой путь. В эту памятную эпоху я счел необходимым снова представить ее французам.

Мое Письмо к народу было моей первой попыткой и со временем стало мастерским ходом; оно успокоило умы; оно наполнило французские сердца любовью и уважением, которые они всегда испытывали к своему государю, все граждане вскоре будут цитировать его. Конечно, не мои глубокие познания и не мое искусное письмо при-

влекают внимание; простой патриотизм — единственное достоинство этого текста.

Патриотические наблюдения, которые я опубликовал, были не менее успешными, но «Первобытное счастье человека», которое вскоре последовало за моим вторым произведением, было окружено массой критики. Зависть присосалась к моему творчеству, как пиявка к коже людей. Решение писать на философскую тему, которая является прерогативой только мудрецов и философов, подвергло меня самой острой критике; какова бы ни была критика, какова бы ни была слабость моего пола, нельзя отрицать, что в Изначальном Счастье можно найти великие истины, которые, возможно, слишком уместны для несчастья Франции.

Это Первоначальное Счастье дает уроки всем мужчинам, но они считают себя слишком мудрыми, они думают, что им больше нечему учиться, особенно у женщины, которая ничего не знает окончательно.

Если бы науки улучшили мужчин и сделали их более последовательными, я бы пожалел, что не был обучен, но поскольку мое невежество пробуждает во мне всякую добродетель, я поздравляю себя с тем, что никогда не был просвещен людьми.

Поэтому пусть меня считают слепым человеком, которого природа всегда заботилась направлять; с этой доброй матерью я буду говорить с французами об этом вопросе в седьмой и последний раз.

Я проповедую праведность знаменитому народу; я снова буду говорить в пользу моей родины, и пусть мое рвение и любовь к ней вернут французов к братскому союзу.

Я уже нападала на их легкомыслие; Я вела войну с развращением нравов; я не щадила женщин.

Когда злоба требует быстрых и эффективных средств, хороший врач идет к сути дела и не перегружает свой рецепт двусмысленными и елейными фразами; его перо направляет стремление исцелить своего пациента.

Желание объединить умы и направить их к общественному благу всегда было моим правилом; клевета и обман никогда не могли меня обескуражить. Ничто не может сбить меня с пути, который я для

себя проложил. Это мое оправдание; таковы мои недостатки, более сильные, чем любые рассуждения, поскольку они исходят из источника, предшествующего моему разуму. Это рвение и этот патриотизм в этих обстоятельствах не неуместны, по крайней мере, я так считаю.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ.

За шесть недель страна не сделала ничего полезного; она потратила это драгоценное время на дебаты, на странные или обобщенные аргументы; Палата общин наконец-то сделала рывок; пусть этот рывок спасет Францию от опасности, которая ей угрожает! Дворянство, которое не менее решительно настроено защищать свои права, чем третье сословие, должно добиться подтверждения своих собственных, и Палата общин взаимно решили удалиться из сердца собрания: голосовать приказом или головой, вот в чем главный вопрос.

Какое дело королю, какое дело страдающему гражданину, какое дело несчастному народу, что кто-то обсуждает головой или по приказу. Эх! Господа, обсуждайте так, как считаете нужным, индивидуально, как группа или как-то иначе, но по крайней мере обсуждайте для общего блага, а затем вы сможете обдумать свои собственные требования.

Но то, что не может быть раскрыто без боли, и что является ответственностью людей, которых нельзя обвинить, не ранив их священный характер, так это безразличие духовенства, их недостаточная активность в объединении двух порядков общественного блага.

Что? Эти отцы церкви, эти утешители страждущих, эти министры мира, чьи обязанности состоят только в поддержке основ религии, видят дебаты дворянства и третьего сословия, не становясь посредниками? Освобождает ли их религия в Генеральных штатах от следования своим религиозным принципам? Но нет, религия и духовенство желают только блага народа и благосостояния государства; давайте лучше поверим, что духовенство в своих сердцах серьезно занято средствами для скорейшего воссоединения двух порядков. Пусть эта радостная надежда рассеет наши страхи, и пусть все добрые граждане вооружатся обновленным мужеством.

Если бы [мужество] потерпело неудачу в своих попытках, и три ордена продолжали бы выдвигать свои работы по отдельности, если бы они не собирались для обсуждения интересов народа, основных задач правительства и характера налогов, которые должны быть собраны для погашения национального долга, то я предсказываю, что авторитет короля, как главного законодателя закона, вынудил бы его вмешаться своей высшей властью. Какая жестокая крайность для мудрейшего из монархов! Какая суровая необходимость для лучшего из отцов: чтобы спасти своих детей, он бы погиб вместе с ними.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ.

Палата общин только что приняла авторитетный акт и предлагает двигаться вперед. Это новые пигмеи, которые только что сделали гигантские шаги, они станут, по сути, всемогущими, если они не будут провоцировать ни молнии, ни бури, если дворянство и духовенство, не теряя своих прав и своего достоинства, будут способствовать облегчению государства, облегчать его, платить, как и другие граждане; но чем больше и смелее предприятие, тем больше трудностей оказывается перед глазами мудрых.

У французской монархии есть основы, которые нельзя изменить, не разрушив государство, трон и счастье граждан.

Четырнадцать веков работы только улучшили ее хорошую конституцию, но говорят об ее изменении, и мы уверены, что в этот век эгоизма наши потомки поздравят себя с этой революцией. Какие времена! Какие манеры! Какой дух! Наши преемники, таким образом, будут гордиться тем, что имели нас в качестве отцов. Мы создаем для них оковы, и французы, отягощенные железом, будут такими же легкомысленными, как и прежде, пока они остаются французами.

Когда нужно заниматься только насущными интересами, зачем думать о людях в будущем, которые, несомненно, будут вести себя лучше нас? Пусть нация работает только над исправлением несправедливости, которая увеличивается с каждым днем. Торговля уничтожена, правосудие плохо отправляется, рабочие безработные, бедные без милостыни, богатые без человечности, лавочник грабитель или ограблен, все отказываются платить, банковские активы больше

не имеют ценности, цены поддерживаются непомерно высокими, чтобы ослабить прочные активы, королевство лишено зерна, всеобщий беспорядок и крайняя нищета: я считаю, что этих проблем более чем достаточно, чтобы серьезно сосредоточить внимание Генеральных штатов.

Но стоит ли направлять такое важное предприятие среди легкомысленной публики. Палата общин хочет подражать англичанам, не учитывая, что то, что подходит англичанам, делает французов смешными. Поэтому необходимо осознать, что его собрания должны быть менее публичными, за исключением дней, когда на них присутствуют король и министры.

Было бы позором для этого ордена, в состав которого входят действительно мудрые люди, если бы его шумные и запутанные собрания помешали им высказать свои соображения.

Женщины, которые каждый день пополняют этот Суд, уже сломали барьеры; они скоро доберутся до скамей депутатов; это говорят, это гарантировано, и я этого боюсь.

Те, кто благословлен красноречием, с любезным голосом, будут беспрестанно предлагать, чтобы публика была допущена на их собрания, особенно дамы. Часто можно услышать, как известный оратор просит слова, убежденный, что публика будет внимательно его слушать, но в то же время он забывает, что если он плохо использует свои навыки, то никогда больше его не будут считать никем, кроме как смешным человеком.

Личности, каламбуры и сарказм должны быть запрещены в этом собрании. Благородное и порядочное отношение должно соответствовать их функциям, тогда Палата общин получит, в этих обстоятельствах, звание второго в мире Ареопага, из которого будут исходить только максимы и концепции, которые навсегда станут примером для вселенной. Во главе его стоит человек с существом, с достоинством, который присоединяет к этим талантам репутацию честного человека и снова привлекает внимание публики. Он исполняет свою роль с августейшим рвением; его тон всегда благороден, приличен и никогда не выходит из-под контроля, несмотря на трудные обстоятельства,

которые должны добавить ему славы и всеобщего уважения, которое г-н Байи получил так долго. Что касается г-на М..., чей гений и способность вызывают восхищение, разве нельзя адресовать ему несколько замечаний?7 Может ли его оскорбить предложение женщины, которая только и делает, что предлагает ему справедливость, которая ему причитается, и которая страдает, видя, что величайшее перо Франции, самый красноречивый из мужчин, не всегда хорошо использует его качества, которые столь редки и драгоценны. Несомненно, если бы г-н М... когда-нибудь поработал над своим характером, если бы он избавился от непоследовательности французского остроумия и если бы он, наконец, постоянно обращал свое перо к добру, однажды в его честь была бы воздвигнута статуя. Говорить неприкрытую правду людям, которые стали грозными, значит выставять себя напоказ, и я это сделал; но если я навлеку на себя их негодование, любовь к добру перевешивает страх, и моя единственная цель — сделать французов прославленными и полезными для их родины.

Искренность не всегда приветствуется, хотя она часто очень полезна человечеству. Меня упрекали в том, что я слишком прямолинейно говорю о г-не Неккере.

Я умею уважать людей, занимающих высокие посты, но не умею их предавать, а восхвалять их ошибки — значит обманывать их.

В целом министры предпочитают лесть искренности; эта милость порой может быть фатальной для честных министров с благими намерениями: г-н Неккер усваивает этот печальный урок.

Общественность меняет свое мнение с минуты на минуту и в конце концов обвиняет того, кого она восхваляла в своем неистовстве. Естественно, непостоянная, как только эта публика разубеждена, строгость заменяет энтузиазм.

Когда я осмелился свести господина де Калона и господина Неккера, я думал только о благе моей страны. Долгое время широко желали, чтобы поведение господина де Калона и господина Неккера было раскрыто. Говорят, что один из них потерял Францию, по крайней мере, таково мнение двух противоборствующих сторон. Я, не принадлежащий ни к какой партии, я, не знаю ни прямо, ни косвенно

господина де Калона, ни господина Неккера, я считаю, что они оба невиновны, и, более того, я считаю, что они оба вместе, в этих обстоятельствах, способны все исправить. Мог ли я оскорбить добродетель, честность господина Неккера, предложив ему метод, с помощью которого он мог бы быть увековечен? Можно ли отрицать, что если бы господин Неккер попросил господина де Калона, этот прекрасный поступок увенчал бы все его добродетели?

Утверждается, что г-н де Калонн разрушил финансы, но, если он докажет, что увеличил расходы только относительно нужд правительства, мне кажется, он будет оправдан.

Министр не командует, он только подчиняется, и он часто очень ограничен, когда делает добро для народа и государства.

Что я нахожу наиболее несправедливым со стороны французов в отношении г-на де Калонна, так это то, что они судили его как преступника, который бежит к врагу, чтобы избежать уготованного ему наказания. Если бы граждане тогда, как и сейчас, наслаждались свободой, свободной от всякой непредсказуемости, без сомнения, г-н де Калонн никогда бы не эмигрировал. Когда человек должен опасаться за свою личную безопасность, а еще больше за свою невиновность, великий человек избегает опасных ловушек и мужественно ждет обстоятельств, которые прольют самый яркий свет на его поведение.

Разве г-н де Калонн не появился во Франции, когда приближались Генеральные Штаты, время, когда он, должно быть, считал свободу граждан надежной, и когда у него были все основания опасаться, что он виновен; он лично пришел, чтобы вернуть себя в руки нации; народ, полный мятежных волнений, вынудил г-на де Калонна вернуться за границу.

Пусть Генеральные Штаты спросят о нем, и он будет святым в глазах народа, он объяснит свое поведение; нация не может отказаться судить человека, когда этот человек сам требует правосудия.

Все было направлено против него; долгое время я тоже следовала общественному побуждению, но, когда мне рассказали о его поведении, его способностях и его заслугах, я счел, что смогу лучше всего признать свою ошибку, воздав правосудие г-ну де Калонну. Более то-

го, я осознал, что нет ничего проще, чем зависть, чтобы одолеть человека, когда он уже низвергнут: но если он невиновен, если он является объектом клеветы, то предложите ему средства восстановить себя, чтобы можно было отличить обман от правды. Вот что я представляю на суд нации; она не могла бы обвинить меня в защите изгнанника, великого министра, истинного государственного деятеля, который кажется мне невиновным. Я не собираюсь оправдывать его; только г-н де Калонн может доказать свою невиновность в глазах своей нации. Если бы г-н Неккер был на его месте, я бы говорил о нем с той же искренностью. Таков мой характер, и я никогда не буду унижаться перед великими и добрыми или жаждать благосклонности министров. Я мог бы просить у них благ, на которые, возможно, я имею право, но всегда любыми другими способами, кроме защиты. Если я потерплю неудачу, я не изменю своим максимам, своему стилю или своему характеру. Природа наделила меня гордостью и мужеством доблестного человека.

Иногда меня останавливает общественный резонанс, но, поскольку мне нравится искать истину, я часто обнаруживаю, что публика принимает ложные впечатления, которые здравый смысл и разум не могут стереть.

Изобретательница ужасных преступлений, преступница, чудовище, которое ад, кажется, извергнул на землю, пишет абсурдный роман, наполняет его всевозможной чепухой; воспитанная в позоре, искушенная в преступлениях, в конце концов избежав рук палача, она избегает приговора преступника, убегает в Англию, где находит убежище.

Она поддерживает свой роман с преступной дерзостью, не будучи в состоянии придать ему цвет правды. Эта всемогущая правда, которая всегда устанавливает закон для величайших злодеев, до сих пор не смогла сорвать толстую повязку, которую заблуждение наложило на глаза определенного числа французов. Но, чтобы убедиться средствами, более сильными, чем любые рассуждения, прочтите эти ужасные и жалкие мемуары, и пламя истины мгновенно озарит мудрость всех наших граждан.

Тем временем августейшая принцесса опустошена этой несправедливостью; она стонет про себя от этой слепоты, она не может ни понять, ни объяснить мотивы, которые позволили забыть ее изначальную доброту, доброту как постоянную, так и популярную: жена и мать французов, она всегда лелеяла эту нацию.

Могла ли беззаботная, живая и учтивая юность привлечь эту перемену? Как обман мог намекнуть, что принцесса, воспитанная всеми принципами высших добродетелей и возведенная на главный трон мира, сойдет с него, чтобы подвергнуть себя такому позору? Не имея ничего, чтобы желать, способная только делать добро, не является ли сверхабсурдным вообразить такое? Это, как если бы кто-то сказал, что солнце займет место ночи, чтобы украсть у земли все сокровища, которые оно щедро предлагает в течение дня.

Кто может усомниться в этой подлинной истине? Кто может поверить, что нежная мать, обожаемая супруга не предпочтет благополучие своей родины тому, что теперь ей чуждо?

Мудрые убеждены в этом, но люди не знают об этом.

Их нужно воспитывать: по крайней мере, справедливо по отношению к хорошим гражданам учить их, что их первейший долг — лелеять своих государей, уважать их и верить, что они желают только счастья своего народа, что они страдают, когда теряют привязанность народа, что верховная власть поработочает их больше, чем самых ничтожных из их подданных. В отличие от других, они не могут оправдать себя, чтобы вернуть эту привязанность; часто последствия их великой добродетели неизвестны народу, который видит только недостатки, созданные обманом. Я понятия не имею, что мотивирует этот обман; гений человека настолько извращен, когда он обращен ко злу, что он не только отделил бы народ от его государей без причины, но и вооружил бы и объединил, если бы мог, четыре стихии против всей природы.

Вот как я сужу нечестивых; вот как я вступаю в ряды партии справедливости, невинности и преследуемых. Я надеюсь, что мое мнение не будет отвергнуто. Если бы у меня было хоть одно сомне-

ние относительно всего, что я продвигаю, я бы никогда не объявил себя автором своих произведений.

Я надеюсь, что нация примет некоторых из них, что она позволит мне выбрать среди своих членов депутатов, которые не побрезгуют вносить предложения, основанные на трудах женщины.

Патриотический налог, возможно, заслуживает одного, во всех формах; он, несомненно, возбудил бы красноречие одного из тех знаменитых ораторов. Налоги на роскошь, как я указал в своих Патриотических замечаниях, заинтересуют самых мудрых в собрании. Разве патриотический театр в Первоначальном Счастье не подходит для улучшения нравов? Я предоставляю это защитнику женщин.

Благо моей родины, успех этих проектов — вот где мои желания; они достаточно велики и значительны, чтобы я никогда больше не придумывал ничего.

Вот третья и последняя часть моей речи; пусть она вернет слух глухим, ясность тем, кто плохо видит, и добрые слова ядовитым языкам!

Я должен ожидать снисхождения от моей нации; я должен верить, что стилистические ошибки не будут обсуждаться; скорость и рвение, с которыми я опубликовал эти семь работ, должны рассматриваться как мое оправдание. Диалог между истиной и Францией, Крик мудреца, Срочное уведомление и этот последний текст, написанные на ходу, а частично и в типографии, оправдывают бесчисленные ошибки, которые, должно быть, проскользнули внутрь.

Обстоятельства диктуют, что я должен представить доказательства опасности, которой может подвергнуть человека справедливое впечатление. В Генеральных штатах и по всему Версалию распространилось, что я преследую г-на Неккера повсюду, даже в галереях замка: я заявляю здесь, что никогда не видел этого министра и что я не имел с ним никаких связей. Ответственность за эту историю, созданную большим воображением, должен нести ее автор, так же как и за вульгарную ложь, которая пытается дискредитировать атрибуцию моих текстов. Эта несправедливость обязывает меня вытащить свое имя из лона безвестности; если автор может претендовать на одну

идею, одну мысль, я немедленно заявлю, что я недостойный писатель. Но если все принадлежит мне, то у меня, следовательно, должна быть какая-то заслуга, так что, несомненно, этот проблеск самоуважения простителен, возникнув только благодаря несправедливости моих клеветников?

Вопросы для обсуждения:

1. В чем Олимпия де Гуж обвиняет Генеральные Штаты.
2. Охарактеризуйте представления Олимпии де Гуж о том, каким должен быть сословно-представительный орган во Франции. Ответ представьте в виде схемы или интеллект-карты.
3. Опишите отношение Олимпии де Гуж к Ш.А. Каллону.

Темы для проектных работ:

- Ш.А. Каллон и его деятельность в период Великой французской революции.

Список рекомендованных источников и литературы:

1. Лакур-Гайе, Р. Калонн. Финансист, реформатор, контрреволюционер, 1734–1802 . – 1963 .
2. Хейн, Скотт (2000). История Франции (1-е изд.). [Электронный ресурс] URL: <https://archive.org/details/historyoffrance00hain/page/72/mode/2up> (дата обращения: 11.03.2025)

Интернет-ресурсы:

1. Charles-Alexandre de Calonne // [Электронный ресурс] URL: : [Encyclopædia Britannica](#) (дата обращения: 11.03.2025)

**REPLY TO THE AMERICAN PATRON, OR COLONIST VERY
EASY TO RECOGNISE. ФЕВРАЛЬ 1789 Г. [ЭЛЕКТРОННЫЙ
РЕСУРС] URL:**

**[HTTPS://OLYMPEDEGOUGES.EU/DOCS/REPOSE-AU-
CHAMPION.PDF](https://olympedegouges.eu/docs/reponse-au-champion.pdf)**

(ДАТА ОБРАЩЕНИЯ: 11.03.2025)

As we no longer fight duels in France, Monsieur, I agree with you that we occasionally assassinate one another; it is imprudent to provoke the assassins, but it is even more indiscreet, more indecent, and more unjust to attack people of honour, to attack them in the ineptest and also the most slanderous manner by imputing a lack of courage in M. de la Fayette, whom you perhaps fear in your innermost heart. I will tell you that I do not, as you suggest, know this magnanimous hero. I only know that his reputation is intact, his valour known, his heart like that of Bayard is without fear or reproach and we probably owe him the happiness of France and the power of the nation. I will not attempt to justify the famous men you provoke; they are all French soldiers and that title is enough for me to believe them to be valiant.

But, Monsieur, if I imitate you in this type of challenge then I stray a bit too far from my goal by falling into the vulgar error that you have committed with regard to me. I am not undertaking the defence of the philosophical cause, or of Les Amis des Noirs: it is my own cause that I defend and you will allow me to pick up the only weapons that are at my disposal. We will therefore do battle, and this singular combat will not be lethal, thanks to my hocus pocus. Meanwhile you grant me virtues and courage superior to my sex. Without an excess of pride, I could agree, but equally gratuitously you suggest that for language and my feeble productions I am determined to consult academicians, knowledgeable men of letters, and the sacred Parnassus that protects more than one idiot but to which I attach very little importance, apart from writers who have honoured talent through honour and probity. Literary merit is a small thing when it is stripped of these two advantages. But let us proceed to the most important thing I want to teach you, and of which you are wholly ignorant.

You claim that Les Amis des Noirs took advantage of a woman to provoke the colonists. Assuredly it is much more extraordinary that a man who declares a degree of wit, facility and even bravura should accuse a woman of being the bearer of a challenge and wish, by an intervention as singular as it is lily-livered, to prove his courage. Therefore, I can only judge your valour as some form of don Quixotry and consider you as a slayer of non-existent ghosts and giants. Meanwhile, by returning you to reason, I would like to laugh with you about the wrongs for which I see no remedy. You have to fight Les Amis des Noirs and I; I have to expose something much worse; it is..... Time, that destroys everything and of its own choosing changes the arts, manners and the justice of men, will never change the esprit de corps of those whom I have to object about so strongly.

In France over the past months, one has seen the veil of error, imposture and injustice destroyed, and finally the walls of the Bastille; yet the despotism that I attack is still to fall. It is a tree in the midst of a dense labyrinth, spiked with brambles and thorns: it would take all the magic of Medea to prune its branches.⁴ The conquest of the Golden Fleece cost Jason less skill and care than the torments and traps I will face in avoiding these poisoned branches that shame the celebrated tree and the genius of mankind. To destroy them twenty dangerous dragons must be struck down who sometimes transform themselves into zealous citizens, sometimes into flexible serpents slithering everywhere and spreading their venom over my works and my person.

But Sir, must I not for my part, and with more reason, suspect you of honourably putting yourself forward on behalf of this cringing faction that has risen up against Black Slavery. Of what do you accuse this work? Of what do you accuse the author? Is it to have incited the cutting of the American colonists' throats, and to have been the agent of men that I am acquainted with less than you, who perhaps do not appreciate all my works since I showed that the abuse of liberty had produced a deal of harm? You know very little about me. I was the apostle of a gentle liberty even in the time of despotism. But as a true French woman I idolise my motherland: I have sacrificed everything for her; I cherish to the same degree my King,

and would give my blood to return to him all that his virtue and paternal tenderness deserves. I will sacrifice neither my King for my motherland, nor my motherland for my King but I would sacrifice myself to save them both together, quite convinced that one cannot survive without the other. One can tell a man by his writings, so it is said. Read me, Sir, from my *Lettre au peuple* [Letter to the People] right up to my *Lettre à la Nation* [Letter to the Nation], and you will recognise, I dare flatter myself, a heart and a spirit truly French.⁵ The extreme parties have always feared and detested my works. These two parties, divided by opposing interests, are always unmasked in my writings. My invariable maxims, my incorruptible sentiments, there are my principles. A royalist and true patriot, in life and death, I show myself as I am

Since I have the courage to sign this piece, make yourself known too and you will gain my esteem which may not be immaterial to a gallant man, for I am as hard to impress as Jean-Jacques. I can rise to the height of this great man thanks to the justifiable distrust he had of men: I have met few that are fair and truly estimable. I do not criticise them for slight misdemeanours but for their vices, their falsehoods and the inhumanity they remorselessly exercise on the weakest. May this revolution regenerate the spirit and the conscience of mankind, and reproduce the true French character! Two more words I pray.

I did not receive an education, the glory of which you were pleased to grant me. Perhaps one day my ignorance will lend some celebrity to my name. I know nothing Sir, I repeat, nothing and I have been taught nothing. I am simply a pupil of nature, left in her care alone. She must have been an enlightened teacher for you seem to find me perfectly well instructed. Despite my ignorance of American history the odious slave trade has always revolted my soul and aroused my indignation. The first dramatic ideas that I penned were in favour of these men tyrannised with such cruelty for so many centuries. Perhaps this weak creation is a bit too redolent of a fledgling playwrighting career. Even our great men did not all start in the manner that they finished, and an attempt always merits some indulgence. I can attest, Sir, that *Les Amis des Noirs* did not exist when I conceived of this subject and had prejudice not blinded you, you should rather have pre-

sumed that maybe this society was formed as a result of my drama, or that I had the fortunate merit of nobly sympathising with it. May my drama create a more universal society, and encourage it to attend performances more often! I did not wish to shackle public opinion to my patriotism: I have waited patiently for the welcome return of its approval towards this drama. How satisfied I was to hear myself say all around that the changes I had made throughout this play added a significance to it that can only increase when the public learns that four months ago I dedicated this work to the nation, and that I devoted the funds from it to the patriotic purse, an enterprise which I presented in my Letter to the People, published eighteen months ago! This foresight may authorize me, without vanity, to consider myself the creator of the purse. This pamphlet attracted a lot of attention at the time, was criticised too, yet the project that it offered was no less a success. I had to inform you, and the public too, of these facts that characterise the love I have for the true French character, and of the efforts I made to conserve it. I have no doubt that the Comédie [Française], touched by these zealous acts, will arrange favourable days⁷ for the performance of this play in which, I cannot pretend otherwise, it is immensely interested. It has offered me proof of this that I cannot call into doubt. The author, the Comédie and the audience, by multiplying their delights, will together contribute to swell the coffers of the patriotic purse that alone can save the state, if all citizens recognise this truth.

I have to observe once more than during these patriotic performances several people often paid more than the price of their tickets. If this one produces the same heartfelt disposition, one will have to distinguish between the profits owed to the patriotic purse and the Comédie's own rights. A precise list, handed to the nation on behalf of the actors, will demonstrate the level of enthusiasm of these new citizens I hope, Sir, and I dare flatter myself, that after the clarifications I have offered regarding Black Slavery, you will no longer pursue it and you will, on the contrary, become an ardent patron of this drama; by arranging for it to be played in America it would return black men to their duties while they wait for the colonists and the French nation to abolish slavery, and await a happier fate. These are the positions that I have shown in this work. I have not presumed, ac-

ording to the circumstances, to create a torch of discord, a signal to insurrection; on the contrary I have recently softened its effect. Should you doubt this assertion read, I pray, *The Fortunate Shipwreck* printed three years ago; if I made some allusion to men dear to France, these allusions cannot damage America. This is what you will be convinced of when the play is performed, if you will do me the honour of attending. It is with this gentle hope that I beg you, Sir, despite our little literary discussion, according to the conventional protocol, to consider me your very humble servant,.

POST-SCRIPTUM.

I would have considered myself compromised if I had replied in the body of this letter to all the rubbish that an infamous slanderer has spread regarding me in his mercenary sheet. All I have to do to confound this abominable calumniator is to remind the public of my *Lettre à Monseigneur le duc d'Orléans* [Letter to his Lordship the duc d'Orléans], *Motion*, or *Séance Royale* [Royal Session. His Lordship the duc d'Orléans' Motion].⁸ The public will recognise that I used the voice of honour to return him to his duty, if he had strayed from it, but at the same time these writings unmasked him, if he was guilty. I am unaware if he actually is but I am convinced that my son was sacrificed and has just lost his position in the household of this prince.⁹ That is my justification.

Перевод с английского:

ОТВЕТ АМЕРИКАНСКОМУ ПОКРОВИТЕЛЮ ИЛИ КОЛОНИСТУ, КОТОРОГО ОЧЕНЬ ЛЕГКО УЗНАТЬ.

Поскольку мы больше не деремся на дуэлях во Франции, месье, я согласен с вами, что мы иногда убиваем друг друга; неблагоприятно провоцировать убийц, но еще более нескромно, более непристойно и более несправедливо нападать на людей чести, нападать на них самым неумелым и также самым клеветническим образом, приписывая отсутствие храбрости г-ну де Лафайету, которого вы, возможно, боитесь в глубине души. Я скажу вам, что я не знаю, как вы предполагаете, этого великодушного героя. Я знаю только, что его репутация нетронута, его доблесть известна, его сердце, как у Байярда, лишено страха или упрека, и мы, вероятно, обязаны ему счастьем Франции и

могуществом нации. Я не буду пытаться оправдывать знаменитых людей, которых вы провоцируете; все они французские солдаты, и этого названия достаточно, чтобы я считал их храбрыми. Но, месье, если я подражаю вам в этом типе вызова, то я слишком далеко отхожу от своей цели, впадая в вульгарную ошибку, которую вы совершили по отношению ко мне. Я не берусь защищать философское дело или *Les Amis des Noirs*: я защищаю свое собственное дело, и вы позволите мне подобрать единственное оружие, которое есть в моем распоряжении. Поэтому мы сразимся, и этот особый бой не будет смертельным, благодаря моему фокусу-покусу. Между тем вы наделяете меня добродетелями и мужеством, превосходящими мой пол. Без излишней гордости я могла бы согласиться, но столь же беспричинно вы предполагаете, что для языка и моих слабых произведений я полон решимости консультироваться с академиками, знающими литераторами и священным Парнасом, который защищает не одного идиота, но которому я придаю очень мало значения, за исключением писателей, которые возвели талант честью и честностью. Литературные заслуги — мелочь, когда они лишены этих двух преимуществ. Но давайте перейдем к самому важному, чему я хочу вас научить, и о чем вы совершенно не знаете.

Вы утверждаете, что *Les Amis des Noirs* воспользовались женщиной, чтобы спровоцировать колонистов. Конечно, гораздо более необычно, что человек, который заявляет о степени остроумия, ловкости и даже храбрости, обвиняет женщину в том, что она является носителем вызова, и желает вмешательством столь же необычным, сколь и трусливым, доказать свою храбрость. Поэтому я могу судить о вашей доблести только как о некоей форме Дон Кихота и считать вас убийцей несуществующих призраков и великанов. Между тем, возвращая вас к здравому смыслу, я хотел бы посмеяться вместе с вами над несправедливостями, от которых я не вижу средства. Вам предстоит сразиться с «Черными друзьями», а мне, мне предстоит разоблачить нечто гораздо худшее, это... Время, которое разрушает все и по своему собственному выбору меняет искусство, манеры и

справедливость людей, никогда не изменит корпоративный дух тех, против кого я так решительно возражаю.

За последние месяцы во Франции мы увидели, как пала завеса заблуждения, обмана и несправедливости, и, наконец, стены Бастилии; однако деспотизм, на который я нападаю, еще не пал. Это дерево посреди густого лабиринта, усеянное ежевикой и шипами: потребовалась бы вся магия Медеи, чтобы обрезать его ветви. Завоевание Золотого Руна стоило Ясону меньше мастерства и заботы, чем мучения и ловушки, с которыми мне предстоит столкнуться, избегая этих отравленных ветвей, которые позорят прославленное дерево и гений человечества. Чтобы уничтожить их, нужно сразить двадцать опасных драконов, которые иногда превращаются в ревностных граждан, иногда в гибких змей, скользящих повсюду и распространяющих свой яд на мои произведения и мою личность. Но сэр, разве я не должен со своей стороны, и с большим основанием, подозревать вас в том, что вы с честью выдвигаете себя от имени этой раболепной фракции, которая восстала против черного рабства. В чем вы обвиняете эту работу? В чем вы обвиняете автора? В том, что он подстрекал американских колонистов к перерезанию глоток, и в том, что он был агентом людей, с которыми я знаком меньше вас, которые, возможно, не ценят все мои произведения, поскольку я показал, что злоупотребление свободой принесло много вреда? Вы очень мало знаете обо мне. Я была апостолом кроткой свободы даже во времена деспотизма. Но как истинная француженка я боготворю свою родину: я пожертвовала всем ради нее; я в той же степени дорожу своим королем и отдала бы свою кровь, чтобы вернуть ему все, чего заслуживает его добродетель и отеческая нежность. Я не пожертвую ни своим королем ради своей родины, ни своей родиной ради своего короля, но я пожертвую собой, чтобы спасти их обоих вместе, совершенно убежденная, что одно не может выжить без другого. Человека можно узнать по его писаниям, как говорится. Прочтите меня, сэр, от моего *Lettre au peuple* [Письма к народу] вплоть до моего *Lettre à la Nation* [Письма к нации], и вы узнаете, смею льстить себе, сердце и дух истинно французские. Крайние партии всегда боялись и ненавидели мои произведения. Эти две

партии, разделенные противоположными интересами, всегда разоблачаются в моих писаниях. Мои неизменные максимы, мои неподкупные чувства, вот мои принципы. Роялист и истинный патриот, в жизни и смерти, я показываю себя таким, какой я есть

Раз уж у меня есть смелость подписать эту работу, дайте знать и вам, и вы заслужите мое уважение, которое может быть не безразлично для галантного мужчины, ибо меня так же трудно впечатлить, как Жан-Жака. Я могу подняться до высоты этого великого человека благодаря оправданному недоверию, которое он питал к людям: я встречал немногих, которые были справедливы и действительно достойны уважения. Я не критикую их за мелкие проступки, а за их пороки, их ложь и бесчеловечность, которую они безжалостно проявляют по отношению к самым слабым. Пусть эта революция возродит дух и совесть человечества и воспроизведет истинный французский характер! Еще два слова, которые я молю.

Я не получил образования, славу которого вы соизволили мне даровать. Возможно, однажды мое невежество придаст некоторую известность моему имени. Я ничего не знаю, сэр, повторяю, ничего, и меня ничему не учили. Я просто ученик природы, оставленный на ее попечение. Она, должно быть, была просвещенным учителем, поскольку вы, кажется, находите меня прекрасно обученным. Несмотря на мое незнание американской истории, отвратительная работоторговля всегда возмущала мою душу и вызывала мое негодование. Первые драматические идеи, которые я написал, были в пользу этих людей, которых тиранили с такой жестокостью на протяжении стольких столетий. Возможно, это слабое творение немного слишком пахнет молодой карьерой драматурга. Даже наши великие люди не все начинали так, как они закончили, и попытка всегда заслуживает некоторой снисходительности. Я могу засвидетельствовать, сэр, что *Les Amis des Noirs* не существовало, когда я задумал эту тему, и если бы предубеждение не ослепило вас, вы бы скорее предположили, что, возможно, это общество было сформировано в результате моей драмы, или что я имел счастливое достоинство благородно симпатизировать ему. Пусть моя драма создаст более универсальное общество и

побудит его чаще посещать представления! Я не хотел приковывать общественное мнение к моему патриотизму: я терпеливо ждал желанного возвращения его одобрения к этой драме. Как я был удовлетворен, услышав, как я говорю всем вокруг, что изменения, которые я внес в эту пьесу, добавили ей значимости, которая может только возрасти, когда публика узнает, что четыре месяца назад я посвятил эту работу нации, и что я направил средства из нее в патриотический кошелек, предприятие, которое я представил в своем Письме к народу, опубликованном восемнадцать месяцев назад! Это предвидение может уполномочить меня, без тщеславия, считать себя создателем кошелька. Эта брошюра привлекла в свое время много внимания, ее также критиковали, однако проект, который она предлагала, имел не меньший успех. Я должен был сообщить вам и публике также об этих фактах, которые характеризуют мою любовь к истинному французскому характеру, и об усилиях, которые я предпринял для его сохранения. Я не сомневаюсь, что Комеди [Франсез], тронутая этими ревностными действиями, устроит благоприятные дни для представления этой пьесы, в которой, я не могу притворяться, она чрезвычайно заинтересована. Она предоставила мне доказательства этого, в которых я не могу сомневаться. Автор, Комеди и зрители, умножая свои восторги, вместе будут способствовать пополнению сундуков патриотического кошелька, который один только и может спасти государство, если все граждане признают эту истину.

Я должен еще раз заметить, что во время этих патриотических представлений несколько человек часто платили больше, чем стоили их билеты. Если эта пьеса вызовет такое же сердечное расположение духа, то придется различать прибыль, причитающуюся патриотическому кошельку, и собственные права Комедии. Точный список, врученный нации от имени актеров, продемонстрирует уровень энтузиазма этих новых граждан. Я надеюсь, сэр, и смею льстить себе, что после разъяснений, которые я дал относительно Черного рабства, вы больше не будете им заниматься, а, напротив, станете ярым покровителем этой драмы; устроив ее постановку в Америке, вы вернете чернокожих к своим обязанностям, пока они ждут, когда колонисты и

французская нация отменят рабство, и будут ждать более счастливой участи. Вот позиции, которые я показал в этой работе. Я не предполагал, в соответствии с обстоятельствами, создать факел раздора, сигнал к восстанию; напротив, я недавно смягчил его воздействие. Если вы сомневаетесь в этом утверждении, прочтите, я молю, «Счастливое кораблекрушение», напечатанное три года назад; если я и намекнул на дорогих Франции людей, то эти намеки не могут повредить Америке. В этом вы убедитесь, когда пьеса будет представлена, если вы окажете мне честь присутствовать. Именно с этой кроткой надеждой я прошу вас, сэр, несмотря на нашу маленькую литературную дискуссию, согласно общепринятому протоколу, считать меня вашим покорнейшим слугой.

Постскриптум.

Я бы счел себя скомпрометированным, если бы ответил в тексте этого письма на всю ту чушь, которую позорный клеветник распространил обо мне в своем корыстном листе. Все, что мне нужно сделать, чтобы посрамить этого отвратительного клеветника, это напомнить публике о моем *Lettre à Monseigneur le duc d'Orléans* [Письме его светлости герцогу Орлеанскому], *Motion* или *Séance Royale* [Королевском заседании. Ходатайство его светлости герцога Орлеанского]. Публика признает, что я использовал голос чести, чтобы вернуть его к его долгу, если он отклонился от него, но в то же время эти писания разоблачили его, если он был виновен. Я не знаю, виновен ли он на самом деле, но я убежден, что мой сын был принесен в жертву и только что потерял свое положение в доме этого принца.⁹ Это мое оправдание.

Вопросы для обсуждения:

1. Какие претензии Олимпия де Гуж предъявляет маркизу де Лафайету.
2. Какие свои идеи она защищает в данном источнике.

Возможности использования в школьном курсе истории.

1. Подберите из источника несколько отрывков для урока истории в школе (для 8 класса) «Монархия и общество накануне революции». Составьте к подобранным отрывкам вопросы.

2. Создайте подборку видео-отрывков к уроку истории в 8 классе по теме «Монархия и общество накануне революции». Составьте к подобранным видео-отрывкам вопросы для учащихся.

Темы для проектных работ:

- «Маркиз де Лафайет: образ в искусстве».

Список рекомендованных источников и литературы:

1. Богучарский В. Я. Маркиз Лафайет — деятель трёх революций. М.: 1899.

2. Демьянов А. А. Клуб 1789 года. Люди и идеи // Французский ежегодник 2001. М., 2001. с. 165—186.

3. Мемуары, переписка и рукописи генерала Лафайета [Электронный ресурс] URL: https://books.google.ru/books?id=bHIFAAAAQAAJ&redir_esc=y (дата обращения: 11.03.2025)

HEROIC ACTION BY A FRENCH WOMAN OR FRANCE SAVED BY WOMEN. МАЙ 1789 Г. [ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС] URL: [HTTPS://OLYMPEDEGOUGES.EU/DOCS/IA-ACTION-HEROIQUE.PDF](https://olympedeGouges.eu/docs/IA-action-heroique.pdf)

(ДАТА ОБРАЩЕНИЯ: 11.03.2025)

I became the butt of all satire last year after I presented my project for a Patriotic Purse to my fellow Citizens. My recommendations were far from being approved; rather I received only insults or perfidious praise. This reception from a Public always severe towards me should really have cured me of that itch to write that has spread so much bitterness in my life. I had indeed taken the firm decision to no longer give rise to the malignity of my enemies; I was going to take an eternal vow of silence: however I found the situation the State was in so overwhelming that my sensitive

heart forced me to take up my pen again. Today I am addressing my sex. Maybe I will be better received? However it is not praise that I am looking for. No, my only desire is to be useful to my Motherland. Vain and ridiculous men who assume the right to despotically rule over a literary empire, you will always find fault with my style, perhaps even my way of life will not be spared. It matters not. Once again, it is not for you that I write. I despise, in equal measure, both your applause and your criticism. Virtuous women, female citizens who are enflamed by the saintly zeal of patriotism, it is to you that I address the feeble fruits of my talent. No doubt, at this moment, you lament the fact that you can only wish for the happiness of France, whilst your fathers, husbands and brothers can work for the regeneration of this Empire: you would love to assist them in this great work. There is one noble and efficacious method that I dare ask you to bring to mind: I can find none so apt to restore plenty and the national credit than the one the Roman Matrons used in a similar moment of distress. Rome, the seat of glory and virtue, if indeed they had such a place on earth, Rome, I say, weakened by costly wars was coming to its end. Public funds had run out; no resource or method was left to repulse the enemy about to swoop down upon her. It was women, then, who saved this City that men despaired of defending much longer. Generously ridding themselves of all useless and luxurious ornaments, they carried their jewellery to the public treasury; soon, thanks to this unexpected assistance, there was no shortage of arms or Soldiers. From that moment on victory was determined and the free Romans only thought to thank the Gods for having given them such virtuous mothers and wives.

This example has not been followed since, in any Nation of the Universe, because never has the Motherland spoken so strongly as in Rome. Therefore today, my fellow women citizens, may her voice be heard amongst us. Can you resist it? Will you imitate the selfishness of those calculating capitalists who refuse to open their treasure chests? Ah! Make them blush at their sordid avarice, show yourselves, by your generous conduct, to be more than worthy of the praise that truth dragged out of the Citizen of Geneva. Despite the sarcasm that he threw at us, he was obliged to admit that it is women alone who preserve in Paris the little bit of humanity

that still exists there and that without them one would see greedy and insatiable men devour each other like wolves.

Let those vile creatures that bring shame on our sex have the sad advantage of displaying their brazen ornaments bought with their honour, which do nothing to enhance their natural beauty. With a more modest and simple finery you will be all the more entitled to praise and admiration from the public; your names will be remembered by the furthest posterity, they will have a place in History alongside famous men, those tutelary geniuses whose efforts to drag France out of slavery would nevertheless have been useless without your assistance. Hasten then to fulfil this most beautiful sacrifice. One of you, alone, in the Capital, will be example enough to encourage an immediate following in all the Provinces. Take no notice of these non-citizens who will suggest that such a project will never succeed in the midst of a Nation whose most distinguished Members hold dear to the principles of the most decided Aristocracy. On the contrary, I maintain that it is the only method to render Aristocrats useful to the public cause because, not being in the majority, they fear the danger of being infamously pointed out, and in some way targeted by the indignation of real citizens; this will be, for them, a greater incentive [to donate] than the State's appalling crisis is for you.

Перевод с английского:

ГЕРОИЧЕСКИЙ ПОСТУПОК ФРАНЦУЖЕНКИ ИЛИ ФРАНЦИЯ, СПАСЕННАЯ ЖЕНЩИНАМИ. МАЙ 1789 Г.

В прошлом году я стал объектом всех насмешек после того, как представил свой проект Патриотического кошелька моим согражданам. Мои рекомендации были далеки от одобрения; скорее я получил только оскорбления или вероломную похвалу. Этот прием со стороны всегда суровой ко мне публики должен был действительно излечить меня от зуда писать, который посеял столько горечи в моей жизни. Я действительно принял твердое решение больше не давать повода для злобы моих врагов; я собирался дать вечный обет молчания: однако я нашел положение, в котором находилось Государство, настолько подавляющим, что мое чувствительное сердце заставило меня снова

взяться за перо. Сегодня я обращаюсь к своему полу. Может быть, меня примут лучше? Однако я ищу не похвалы. Нет, мое единственное желание — быть полезным своей Родине. Тщеславные и смешные люди, которые присваивают себе право деспотически управлять литературной империей, вы всегда будете придирааться к моему стилю, возможно, даже мой образ жизни не будет пощажен. Это не имеет значения. Еще раз, я пишу не для вас. Я презираю в равной степени и ваши аплодисменты, и вашу критику. Добродетельные женщины, гражданки, воспламененные святым рвением патриотизма, именно к вам я обращаюсь с жалкими плодами своего таланта. Несомненно, в этот момент вы сокрушаетесь о том, что можете только желать счастья Франции, в то время как ваши отцы, мужья и братья могут трудиться для возрождения этой Империи: вы бы с удовольствием помогли им в этой великой работе. Есть один благородный и действенный метод, который я осмелюсь попросить вас вспомнить: я не могу найти ни одного более подходящего для восстановления изобилия и национального кредита, чем тот, который использовали римские матроны в подобный момент бедствия. Рим, средоточие славы и добродетели, если у них действительно было такое место на земле, Рим, говорю я, ослабленный дорогостоящими войнами, подходил к своему концу. Государственные средства иссякли; не осталось ни ресурсов, ни методов, чтобы отразить врага, готового напасть на него. Таким образом, именно женщины спасли этот Город, который мужчины отчаялись защищать гораздо дольше. Щедро избавившись от всех бесполезных и роскошных украшений, они отнесли свои драгоценности в государственную казну; вскоре, благодаря этой неожиданной помощи, не было недостатка в оружии или солдатах. С этого момента победа была predetermined, и свободные римляне думали только о том, чтобы поблагодарить богов за то, что они дали им таких добродетельных матерей и жен.

Этому примеру не следовали с тех пор ни в одной стране Вселенной, потому что никогда Родина не говорила так громко, как в Риме. Поэтому сегодня, мои согражданки, пусть ее голос будет услышан среди нас. Сможете ли вы устоять? Будете ли вы подражать эгоизму

тех расчетливых капиталистов, которые отказываются открывать свои сундуки с сокровищами? Ах! Заставьте их покраснеть от их грязной алчности, покажите себя своим великодушным поведением более чем достойными похвалы, которую правда вырвала у гражданина Женевы. Несмотря на сарказм, который он бросил в нас, он был вынужден признать, что только женщины сохраняют в Париже то небольшое человеческое, что там еще есть, и что без них можно было бы увидеть, как жадные и ненасытные мужчины пожирают друг друга, как волки.

Пусть эти мерзкие создания, которые позорят наш пол, имеют печальное преимущество демонстрировать свои наглые украшения, купленные за их честь, которые нисколько не подчеркивают их естественную красоту. С более скромным и простым нарядом вы будете тем более заслуживать похвалы и восхищения публики; ваши имена будут помнить самые отдаленные потомки, они займут место в Истории рядом со знаменитыми людьми, теми гениями-покровителями, чьи усилия вытащить Францию из рабства, тем не менее, были бы бесполезны без вашей помощи. Так поспешите же принести эту прекраснейшую жертву. Один из вас, один в Столице, будет достаточным примером, чтобы вдохновить немедленное поощрение последователей во всех Провинциях. Не обращайтесь внимания на этих неграждан, которые будут предполагать, что такой проект никогда не будет успешным среди Нации, самые выдающиеся Члены которой дорожат принципами самой решительной Аристократии. Напротив, я утверждаю, что это единственный метод сделать Аристократов полезными для общественного дела, потому что, не будучи в большинстве, они боятся опасности быть позорно указанными и в некотором роде стать мишенью для негодования настоящих граждан; это будет для них большим стимулом [пожертвовать], чем ужасающий кризис Государства для вас.

Вопросы для обсуждения:

1. Чем мотивирует Олимпия де Гуж написание своих политических памфлетов?
2. К чему она призывает французских женщин?

Возможности использования в школьном курсе истории:

1. Составьте разноуровневые олимпиадные задания для учеников 8 класса по теме: «Женщины Великой французской революции».

Темы для проектных работ:

- Женские общества и их деятельность накануне Великой французской революции.
- Политическое самосознание женщин в 60-90 гг. XVIII века во Франции.

Список рекомендованных источников и литературы:

1. Вилье, М. де. Женские клубы и легионы амазонок: из истории феминизма во Франции/ Перевод на русский язык предисл. Ю. М. Стеклова. – М. , 2011. – 448 с.

2. Головешкина, Е.В., Захарова, О.В. Положение женщин во Франции накануне ВФР // Вестник ВлГУ им. А. Г. и Н. Г. Столетовых.- 2015.- № 4.- С. 14-21.

3. Захарова, О. В., Головешкина, Е.В. Развитие идеи женского равноправия в период Великой французской революции // Европа, Россия, Азия: сотрудничество, противоречия, конфликты: материалы II Международной научно-практической конференции, 20-21 апреля 2017 / под ред. И. М. Эрлихсон, Ю. В. Савосиной, Ю. И. Лосева; Ряз. гос. ун-т имени С. А. Есенина. – Рязань.- 2017.- 340 с. – С. 189-192.

THE CALL OF THE WISE ONE, BY A WOMAN. МАЙ 1789 Г.

[ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС] URL:

[HTTPS://OLYMPEDEJOUGES.EU/DOCS/D.CRI-DU-SAGE.PDF](https://olympedejouges.eu/docs/d.cri-du-sage.pdf)

(ДАТА ОБРАЩЕНИЯ: 11.04.025).

It is time to cry out; common sense and wisdom can no longer remain silent; finally it is time to tell the Nation that it must decide, without delay, to do just one thing, otherwise it will too easily drag the Kingdom to its downfall, it will forever destroy any security and the damage will be incurable.

The French of old only sinned through an excess of ignorance; the modern ones spoil everything by having learnt too much.

By dint of having so many enlightened ideas they find themselves, at present, appallingly confused.

The Motherland, waiting patiently to be saved by their wisdom and initiative, is painfully aware that they cannot come to an agreement and that they are close to that fatal moment when they will become the derisory myth of Europe.

Yes, Gentlemen, your discord will not only set ablaze the four corners of France, but it will also provoke our enemies and encourage them to attack us; your failing will lead to our downfall. May you read with close attention the Letter to the People, the Patriotic Observations and, especially, the Primitive Happiness of Man, and follow the Chapters with as much speed as I reached the Reign of Louis XVI, and take note that despite this haste, one can stop and consider those passages that offer observations that are as useful as they are salutary.

I have long been an observer of men; I have had to admit that most of them have desiccated hearts, abject souls, are weak spirited and embody the spirit of evil.

Can one, these days, without blushing, declare oneself to be a man and believe oneself superior to our wise ancestors; those noble French Knights who defended both the Motherland and its Damsels?

Oh happy times, now considered to have been mythical eras, if only you could return among us and give the French the vigour that they lack to make them once again a formidable people respected by all!

I want to find the root of this vice without betraying, if possible, either my sex or my character. The effort is painful; and whatever it may cost me to uncover the sex that has unmasked itself, I will betray it at this point in time in order to serve it better one day.

Oh Women! What have you done? What have you created? Did you imagine that by throwing yourselves at men you would maintain your influence; it is gone, and your natural grace has gone too, along with that noble modesty that made women of old so touching and so dear to men's eyes.

You have abandoned the control of your households, you have cast your children away from your maternal breasts; given up to the care of corrupt servants they have learnt to hate you, to despise you.

Oh sex both seductive and perfidious! O sex both feeble and all-powerful. Oh sex, in the end, betrayer and betrayed! Oh you, who led astray the men who punish you today for this betrayal by scorning your charms, your attacks and your renewed efforts! Where is your steadfastness now? Men have been educated by the example of your deviousness, your craftiness, your irrelevance; and now they have finally become women themselves.

Can one witness without pity the impertinence of our young men, the superficial attitude of our old men to major events or the extravagance of men of the age of reason without crying out against this century and against these conventions

on without crying out against this century and against these conventions. There is still talk of virtue and patriotism; if either one or the other existed, they would have made themselves felt at the Estates-General; all the cahiers would be combined, and the three Orders, together, reunited could only speak for the common good.

But if in this Assembly the partisan spirit takes the lead over decency, reason and justice, then these Estates-General that we have yearned for, for so long, will only be reunited in order to spread discord. [But no, the partisan spirit will lead astray decency, reason and justice; and these Estates-General that we have yearned for, for so long, will only be reunited to spread discord.

I predicted this; may my prediction be wrong and expose me as a bad prophet; but, on the other hand, I would gain the title of good citizen.

Gentlemen, you must reassure the impatient public.

What can restore calm if not your union? What can finally establish a sense of security and allow commerce to flower again if not the harmony of your Assemblies; in order to be of one accord you must sling out your particular affectations, convince the Third-Estate that they are not entitled to create new laws on their own and show the Clergy that they must rid

themselves of both their extravagantly high positions and the major part of their prerogatives

Persuade the Nobility that is an injustice, a flagrant vexation, to refuse to sit with the Third Estate as though there were invincible barriers between these two Orders

Not a day goes by without a penniless Noble soliciting the hand of a young lady of the Third Estate. There are few young ladies of illustrious blood who have not mixed this blood with that of the Third Estate; and in this moment of distress, in this moment of calamity, Gentlemen, you fear mixing your ideas with men who may well be your equals.

May honour speak to you, may the good of the motherland be your guide; without the loss of your titles and positions, you can still be the equal of your brothers, their superiors in modesty, for you will renounce at the moment of union your rank and those rights that belong to it and that should be sacred at all other times but that are unjust and out of place in this revolution.

There, Gentlemen, is what needed to be said to the three Orders. I dare say that these observations will not displease you given the good intentions that inspired me.

I see that panic has again taken hold of peoples' minds, that confidence is losing ground every day and that all is becoming desperate.

Let us hope, meanwhile, that an auspicious crisis will take place before too long among the Estates-General; I cannot deny it, my fear that the Nation will be lost and will drag down my Motherland has taken me out of myself. I cry out, I throw myself forward, and my zeal will pierce through any prejudice.

Women may be excluded from all National Assemblies, but my well-meaning spirit carries me forth into the centre of this Assembly and will tell it firmly that the great honour of the first French Lords was founded on the good of the Motherland and that in leaving aside these noble principles it [the Assembly] is moving away from the heart of the Nation.

If reason gives way to self-regard, then no doubt, Gentlemen, you will condemn this work; but the author has too high an opinion of your noble conduct not to hope that your true sentiments will overwhelm this self-

regard, and if, in this instance, the imperious style is a reflection of the writer's sex, it is because it was felt that great projects must be presented to remedy great problems. If the writer's patriotic zeal has been excessive be assured that the respect and the esteem that are your due, Gentlemen, ensures the author's return to the guiding principle that makes modesty essential.

One of two parties must give way, in all likelihood the Clergy will follow the impulse of the Nobility.

Should the Third-Estate abandon its path? Should the Nobility let go of its prejudicial opinions; are these opinions not the glory and support of the French Monarchy?

One cannot deny that the 'cahiers' of the third Order must have revolted the Nobility, but in the end, everything can be returned to decency, and the first to cede, Nobility or Third-Estate, will always remain the patriotic party to whom France will owe her salvation.

Перевод с английского:

ЗОВ МУДРЕЦА, НАПИСАННЫЙ ЖЕНЩИНОЙ. МАЙ 1789.

Пришло время кричать; здравый смысл и мудрость больше не могут молчать; наконец, пришло время сказать Нации, что она должна решить, не откладывая, сделать только одно, иначе она слишком легко потянет Королевство к своему падению, она навсегда уничтожит любую безопасность, и ущерб будет неисцелимым.

Древние французы грешили только из-за избытка невежества; современные все портят, слишком многому научившись.

В силу наличия стольких просвещенных идей они в настоящее время оказываются в ужасающем замешательстве.

Родина, терпеливо ожидающая спасения их мудростью и инициативой, болезненно осознает, что они не могут прийти к соглашению и что они близки к тому роковому моменту, когда они станут посмешищем мифа Европы.

Да, господа, ваши разногласия не только зажгут четыре угла Франции, но и спровоцируют наших врагов и побудят их напасть на

нас; ваша неудача приведет к нашему падению. Можете ли вы внимательно прочитать Письмо к народу, Патриотические наблюдения и, особенно, Первичное счастье человека, и следовать главам с такой же скоростью, с какой я дошел до правления Людовика XVI, и отметить, что, несмотря на эту спешку, можно остановиться и рассмотреть те отрывки, которые предлагают наблюдения, которые столь же полезны, сколь и спасительны.

Я давно наблюдаю за людьми; я должен был признать, что большинство из них имеют иссохшие сердца, жалкие души, слабы духом и воплощают дух зла.

Может ли кто-то в наши дни, не краснея, объявить себя человеком и считать себя выше наших мудрых предков; тех благородных французских рыцарей, которые защищали и Родину, и ее девиц?

О счастливые времена, которые теперь считаются мифическими эпохами, если бы только вы могли вернуться к нам и дать французам силу, которой им не хватает, чтобы снова сделать их грозным народом, уважаемым всеми!

Я хочу найти корень этого порока, не предавая, если возможно, ни свой пол, ни свой характер. Это усилие мучительно; и чего бы мне ни стоило раскрыть пол, который сам себя разоблачил, я предаю его сейчас, чтобы когда-нибудь лучше послужить ему.

О, женщины! Что вы натворили? Что вы создали? Вы воображали, что, бросаясь на мужчин, вы сохраните свое влияние; его больше нет, и ваша природная грация тоже ушла вместе с той благородной скромностью, которая делала женщин древности такими трогательными и такими дорогими для мужских глаз.

Вы отказались от контроля над своими домочадцами, вы отбросили своих детей от материнской груди; отданные на попечение продажных слуг, они научились ненавидеть вас, презирать вас.

Можно ли без жалости наблюдать за дерзостью наших молодых людей, поверхностным отношением наших стариков к важным событиям или расточительностью людей века разума, не крича против этого века и против этих условностей

Но если в этой Ассамблее партийный дух возьмет верх над порядочностью, разумом и справедливостью, то эти Генеральные Штаты, которых мы так долго ждали, воссоединятся только для того, чтобы сеять раздор. Но нет, партийный дух собьет с пути порядочность, разум и справедливость; и эти Генеральные Штаты, которых мы так долго ждали, воссоединятся только для того, чтобы сеять раздор.

Я предсказывал это; пусть мое предсказание окажется неверным и выставит меня плохим пророком; но, с другой стороны, я получу звание хорошего гражданина.

Господа, вы должны успокоить нетерпеливую общественность.

Что может восстановить спокойствие, если не ваш союз? Что может, наконец, установить чувство безопасности и позволить торговле снова расцвести, если не гармония ваших Ассамблей; чтобы достичь единодушия, вы должны выплеснуть наружу свои особые притязания, убедить третье сословие, что оно не имеет права самостоятельно создавать новые законы, и показать духовенству, что оно должно избавиться как от своих непомерно высоких должностей, так и от большей части своих прерогатив.

Убедить дворянство, что является несправедливостью, вопиющим огорчением, отказаться сидеть с третьим сословием, как будто между этими двумя орденами существуют непреодолимые барьеры

Не проходит и дня, чтобы какой-нибудь безденежный дворянин не просил руки молодой леди третьего сословия. Мало найдется молодых леди знатной крови, которые не смешали бы эту кровь с кровью третьего сословия; и в этот момент бедствия, в этот момент катастрофы, господа, вы боитесь смешать свои идеи с людьми, которые вполне могут быть вам равными.

Пусть честь говорит с вами, пусть благо родины будет вашим проводником; без потери ваших титулов и должностей вы все еще можете быть равными своим братьям, их высшим по скромности, ибо вы откажетесь в момент объединения от своего звания и тех прав, которые ему принадлежат и которые должны быть священны во все другие времена, но которые несправедливы и неуместны в этой революции.

Вот, господа, что нужно было сказать трем орденам. Я осмелюсь сказать, что эти замечания не огорчат вас, учитывая добрые намерения, которые меня вдохновляли.

Я вижу, что паника снова овладела умами людей, что уверенность с каждым днем теряет почву под ногами и что все становится отчаянным.

Тем временем будем надеяться, что в Генеральных штатах вскоре произойдет благоприятный кризис; я не могу этого отрицать, мой страх, что нация будет потеряна и потянет мою Родину вниз, вывел меня из себя. Я кричу, я бросаюсь вперед, и мое рвение пронзит любые предрассудки.

Женщины могут быть исключены из всех Национальных собраний, но мой благонамеренный дух несет меня вперед в центр этого Собрания и твердо скажет ему, что великая честь первых французских лордов была основана на благе Родины и что, оставляя в стороне эти благородные принципы, оно [Собрание] отдаляется от сердца Нации.

Если разум уступит место самоуважению, то, без сомнения, господа, вы осудите эту работу; но автор слишком высокого мнения о вашем благородном поведении, чтобы не надеяться, что ваши истинные чувства переселят это самоуважение, и если в этом случае властный стиль является отражением пола писателя, то это потому, что считалось, что великие проекты должны быть представлены для решения великих проблем. Если патриотическое рвение писателя было чрезмерным, будьте уверены, что уважение и почтение, которые вам по праву принадлежат, господа, гарантируют возвращение автора к руководящему принципу, который делает скромность необходимой.

Одна из двух сторон должна уступить, по всей вероятности, духовенство последует импульсу дворянства.

Должно ли третье сословие отказаться от своего пути? Должно ли дворянство отказаться от своих предвзятых мнений; разве эти мнения не являются славой и опорой французской монархии?

Нельзя отрицать, что представители третьего сословия наверняка возмутили дворянство, но в конце концов все можно вернуть к

приличиям, и первая уступившая, дворянство или третье сословие, навсегда останется патриотической партией, которой Франция будет обязана своим спасением.

Вопросы для обсуждения:

1. Кого Олимпия де Гуж документа призывает к «мудрости»? Охарактеризуйте, как автор представляет себе идеальные варианты взаимоотношений между тремя сословиями?

2. Какое место, по мнению, Олимпии де Гуж должны занять женщины в политической жизни Франции после революции? Обоснуйте свой ответ.

Возможности использования в школьном курсе истории:

1. Разработайте игровой урок для учащихся 8 класса по теме: «Три сословия французского общества на заседании Генеральных штатов».

2. Предложите учащимся 8 класса написать эссе на тему: «Олимпия де Гуж – французская патриотка».

Темы для проектных работ:

- Гражданское законодательство Французской революции: вопросы семьи и брака.

Список рекомендованных источников и литературы:

1. Саньяк Ф. Гражданское законодательство Французской революции [Электронный ресурс] URL: https://istmat.org/files/uploads/28416/sagnac-ph_legislation_civile_revolution_francaise_1928.pdf (дата обращения: 11.03.2025)

LETTRE A MONSEIGNEUR LE DUC D'ORLEANS, PREMIER PRINCE DU SANG. ИЮЛЬ 1789 Г. [ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС]

URL: [HTTPS://ОЛИМПЕГУЖ.EU/DOCS/LETTRE - A - MONSEIGNEUR - LE - DUC - D'ORLEANS . PDF](https://olimpiyuzh.eu/docs/lettre-a-monseigneur-le-duc-d-orleans.pdf)

(ДАТА ОБРАЩЕНИЯ: 11.03.2025)

MY LORD, we have reached that terrible revolution where all Citizens have arrogated to themselves the liberty of undertaking everything and saying anything. Heaven preserves me from employing any violent means; I wish only for the good of my Fellow Citizens, the salvation of my Motherland, the repose of the Monarch and the happiness of the public.

The People love you, MY LORD, good Citizens consider you to be a friend of mankind but the wise are quietly murmuring; wickedness is easy and the bad exercise it without hindrance: the virtuous likewise do good, but they do not always succeed.

MY LORD, remember your honourable exile: from that moment you were the idol of France, your return to Court without the recall of three Councillors, obscured for an instance your glory; your journey to England, at such a critical time for the Nation, nearly lost you the public's support. The French, up until the moment of the Estates General, have always poorly grasped, MY LORD, all that you have undertaken. The day is come when your true principles have been recognised; the time to manifest them is favourable, you will seize it, MY LORD, and if I am ahead of it by a few hours, my only merit will be to have anticipated it.

Have you forgotten, MY LORD, that the Public, made up of all classes, is a severe judge, and when one does not generally obtain a suffrage then there is always something beautiful, something sublime, remaining for a great Prince to become.

Have you lost from sight, MY LORD, that sometimes this mixed Public travesties good ideas into designs that are noxious to the repose of the State: yes, MY LORD, all these nuances are offered to your view: your heart trembles, and your noble principles will always rebuff its infamy

France is at the present time in such a revolution and in such an alarming effervescence that it seems as though the French want to end their

brilliant career by renewing the one that engendered all the troubles in England.

It is as though a Cromwel [sic] were hidden among the French to excite minds and lead them to revolt only in order to show himself to our all powerful view.

Fears, alarms, terror may have created this phantom, to make us dread new irons made heavier by the weight of a tyrant and a usurper.

Who, MY LORD, can reassure the French better than yourself?...Friend of the People, First Prince of the Blood, acquainted with laws and humanity, you will come in person to your Palais Royal that has now become a refuge for a crowd of demons, whose speeches manage to lead people astray, and strew horror about the Capital: you will show yourself to these misled People, you will tell them that you love them in order to save them from the precipice to which their frenzy drags them.³ – That if laws are no longer observed, – that if subordination has lost its empire, the freedom to undertake everything will lead to its destruction. Yes, MY LORD, you will be heard, you will be obeyed as the true Protector of all unfortunates; you will see before your eyes the model of obedience: when the modest M. Bailly, the virtuous Archbishop of Vienne, etc. etc, present themselves at the door, where the people forced the Guards to gain entry, they will barely have made a few wise observations than these same People, as good as they are obedient (once they have been enlightened by virtue's voice), will retire calmly and quietly as a flock of lambs walking in front of the Shepherd who drives them.

No one knows better than you, MY LORD, that in this terrible moment, only the voice of a cherished Prince can influence the minds of the Citizens; and if, contrary to all expectations, Paris, MY LORD, were to have the misfortune of seeing you fail in this noble enterprise, there would yet remain one more inexhaustible resource, worthy of our Monarch, of the French.

If Soldiers can no longer maintain order on his behalf, let him call on his faithful subjects to help him, and within twenty-four hours formidable battalions of good Citizens will have assembled and encouraged by the Na-

tion, under the orders of a good King, they will finally reestablish order and that too long-awaited calm

These agitations, this lawlessness, this appalling disorder can only prevent the precious work on behalf of the State and the happiness of the People. The Estates General in order to devote itself entirely to its work only awaited the union of the three Orders; MY LORD you finally brought about this august union yet the People, thoughtlessly, will furnish arms against itself.

This agitated People must therefore be calmed; more is required, MY LORD, they must be consoled.

Employment is non-existent; for the poor and the out of work labourer the price of bread is exorbitant. I have already suggested a patriotic purse; MY LORD create a motion on this subject: open this purse yourself, and the Motherland will soon follow your example, and bring back abundance to French villages, putting a price on bread that would allow the hungry to eat. The Frenchman would not only owe you his well-being but you would also be considered as the true supporter of these unfortunates.

It is by this action, MY LORD, that you will confound envy, and all unjust suspicions; then you would rejoice in a veritable success; then you would place the title of First Prince of the Blood in the most glorious light; and this enhanced title would eternally confound your enemies. If I could for one moment doubt your virtues, from this instant I would deem myself to be lost; from this instant I would be massacred by the People; I, who only wished for its welfare, its repose, I who have excited good souls in its favour throughout all my writings, I who was perhaps the author of all the benefits that were spread in the Capital this winter, I who, when all is said and done, cannot be accused of an unpatriotic or inhuman word, would pay this terrible price and not regret it for the rest of my life. These, MY LORD, are my principles, my proceedings and my unswerving sentiments.

MY LORD, I owe you my son's position; his fate at present depends upon your goodness: far from fearing that my frankness will lower him in your estimation, I am on the contrary persuaded that, in YOUR SERENE HIGHNESS, he will have a true Protector responsible for his advancement. Convinced that you prefer useful truths to noxious praises, and persuaded

again that my writings, though you accepted their homage, are not worthy to draw your attention, yet this one, I hope, will obtain your indulgence and your esteem in favour of the motive that dictated it.

P.S. What is the point of these public gatherings?...What good can one expect of the Palais Royal's rabble-rousing?...Where are the Orators who, while instructing the populace, teach them good, useful principles?...This confused assembly, this lack of respect for the site, for revered individuals, can only distance people from their duty, and authorise them to attempt anything, without understanding the magnitude of their illconsidered measures: they are seduced to abandon their work, their poverty increases through indolence, they become accustomed to begging; but once honest Citizens are tired of giving to men who can be actively industrious, and they no longer have the means to enable their generosity, what will become of them, these strong and robust men?...I ask this of the Wise, of the good Citizens who already shudder at this autonomy.

What do all these disorderly deputations amount to that arrive at the Estates General at all hours?...What law authorises them?...What authority allows these public rostra? And if their impunity is not curtailed, may one not fear the consequences?

I am an enemy of oppression, like all good citizens I feel the misfortune of being perpetually subjugated by tyranny: but when the serene day arrives that encourages our hope, why trouble its course just as our wishes are about to be realised.

Перевод.

**ПИСЬМО ЕГО СВЕТЛОСТИ ГЕРЦОГУ ОРЛЕАНСКОМУ,
ПЕРВОМУ ПРИНЦУ КРОВИ. ИЮЛЬ 1789 Г**

МОЙ СЕНЬОР, Мы достигли той ужасной революции, когда все граждане присвоили себе свободу предпринимать все и говорить все, что угодно. Небеса хранят меня от применения любых насильственных средств; я желаю только блага моим согражданам, спасения моей Родины, покоя монарха и счастья общественности.

Народ любит тебя, МОЙ СЕНЬОР, добрые граждане считают тебя другом человечества, но мудрые тихо ропщут; злодеяние легко,

и дурные осуществляют его без помех: добродетельные также творят добро, но им это не всегда удается.

Мой сеньор, вспомни свое почетное изгнание: с того момента ты был идиолом Франции, твое возвращение ко двору без отзыва трех советников на мгновение затмило твою славу; твое путешествие в Англию в такое критическое для нации время едва не лишило тебя поддержки общественности. Французы, вплоть до момента Генеральных штатов, всегда плохо понимали, МОЙ СЕНЬОР, все, что вы предприняли. Настал день, когда ваши истинные принципы были признаны; время для их проявления благоприятно, вы им воспользуетесь, МОЙ СЕНЬОР, и если я опередил его на несколько часов, то моей единственной заслугой будет то, что я его предвосхитил.

Вы забыли, Мой сеньор, что общественность, состоящая из всех классов, является строгим судьей, и когда кто-то не получает избирательного права, то всегда остается что-то прекрасное, что-то возвышенное, что остается для великого государя.

Вы упустили из виду, МОЙ СЕНЬОР, что иногда эта смешанная общественность пародирует хорошие идеи в проекты, которые вредны для покоя государства: да, МОЙ СЕНЬОР, все эти нюансы предлагаются вашему взору: ваше сердце трепещет, и ваши благородные принципы всегда будут отталкивать его позор

Франция в настоящее время находится в такой революции и в таком тревожном возбуждении, что кажется, будто французы хотят закончить свою блестящую карьеру, возобновив ту, которая породила все беды в Англии.

Это, как если бы Кромвель был скрыт среди французов, чтобы возбуждать умы и вести их к восстанию только для того, чтобы показаться нашему всемогущему взору.

Страхи, тревоги, ужас могли создать этот призрак, чтобы заставить нас бояться новых железных оков, утяжеленных тяжестью тиранина и узурпатора.

Кто, МОЙ СЕНЬОР, может успокоить французов лучше, чем ты? Друг народа, Первый принц крови, знакомый с законами и гуманностью, ты лично приедешь в свой Пале-Рояль, который теперь

стал убежищем для толпы демонов, чьи речи умудряются сбивать людей с пути и сеять ужас на Столицу: ты покажешься этим заблудшим людям, ты скажешь им, что любишь их, чтобы спасти их от пропасти, к которой их влечет их безумие.

Что если законы больше не будут соблюдаться, — что, если подчинение потеряет свою империю, свобода предпринимать все приведет к ее разрушению. Да, Мой сеньор, ты будешь услышан, тебе будут повиноваться как истинному Защитнику всех несчастных; вы увидите перед своими глазами образец послушания: когда скромный господин Байи, добродетельный архиепископ Вьеннский и т. д. и т. д. появятся у дверей, куда народ заставил гвардейцев войти, едва они сделают несколько мудрых замечаний, как эти самые люди, столь же добрые, сколь и послушные (когда они будут просвещены голосом добродетели), спокойно и тихо удалятся, как стадо ягнят, идущих перед пастухом, который их гонит.

Никто не знает лучше вас, МОЙ СЕНЬОР, что в этот ужасный момент только голос любимого принца может повлиять на умы граждан; и, если, вопреки всем ожиданиям, Париж, МОЙ СЕНЬОР, имел бы несчастье увидеть, как вы терпите неудачу в этом благородном предприятии, у французов все равно останется еще один неисчерпаемый ресурс, достойный нашего монарха.

Если солдаты больше не могут поддерживать порядок от его имени, пусть он призовет на помощь своих верных подданных, и в течение двадцати четырех часов грозные батальоны добрых граждан соберутся и будут воодушевлены Нацией, по приказу доброго Короля, они наконец восстановят порядок и то слишком долгожданное спокойствие

Эти волнения, это беззаконие, этот ужасающий беспорядок могут только помешать драгоценной работе во имя Государства и счастья Народа. Генеральные Штаты, чтобы полностью посвятить себя своей работе, ждали только союза трех Орденов; Мой сеньор, ты наконец осуществил этот величественный союз, но Народ, бездумно, снабдит оружием против себя.

Поэтому этот взволнованный Народ должен быть успокоен; требуется больше, МОЙ СЕНЬОР, его нужно утешить.

Занятости не существует; для бедных и безработных рабочих цена на хлеб непомерна. Я уже предлагал патриотический кошелек; МОЙ СЕНЬОР, создай предложение по этому вопросу: сам открой этот кошелек, и Родина вскоре последует твоему примеру и вернет изобилие французским деревням, назначив цену на хлеб, которая позволит голодным есть. Француз не только был бы обязан тебе своим благополучием, но ты также считался бы истинным сторонником этих несчастных.

Именно этим действием, МОЙ СЕНЬОР, ты посрамишь зависть и все несправедливые подозрения; тогда ты возрадуешься истинному успеху; тогда ты представит титул Первого Принца Крови в самом славном свете; и этот возвышенный титул навечно посрамит твоих врагов. Если бы я мог хоть на мгновение усомниться в твоих добродетелях, с этого момента я бы счел себя погибшим; с этого момента я был бы убит Народом; я, который желал только его благополучия, его покоя, я, который возбуждал добрые души в его пользу на протяжении всех моих писаний, я, который, возможно, был автором всех благ, которые были распространены в столице этой зимой, я, которого, в конце концов, нельзя обвинить в непатриотичном или бесчеловечном слове, заплатил бы эту ужасную цену и не сожалел бы об этом до конца своей жизни. Таковы, МОЙ СЕНЬОР, мои принципы, мои действия и мои непоколебимые чувства.

МОЙ СЕНЬОР, я обязан тебе положением моего сына; его судьба в настоящее время зависит от вашей доброты: я не только не боюсь, что моя откровенность понизит его в ваших глазах, но, напротив, убежден, что в лице ВАШЕГО СВЕТОНОСТНОГО ВЫСОЧЕСТВА у него будет истинный Защитник, ответственный за его продвижение. Убежденный, что вы предпочитаете полезные истины пагубным похвалам, и убежденный снова, что мои писания, хотя вы и приняли их дань уважения, не достойны того, чтобы привлекать ваше внимание, все же это, я надеюсь, получит ваше снисхождение и ваше уважение в пользу мотива, который его продиктовал.

P.S. В чем смысл этих публичных собраний? Чего хорошего можно ожидать от разжигания толпы в Пале-Рояле? Где ораторы, которые, наставляя народ, учат его хорошим, полезным принципам? Это беспорядочное собрание, это неуважение к месту, к уважаемым лицам может только отдалить людей от их долга и разрешить им пытаться что угодно, не понимая масштаба их необдуманных мер: их соблазняют бросить свою работу, их бедность увеличивается из-за праздности, они привыкают к попрошайничеству; но как только честные граждане устанут давать людям, которые могут быть активно трудолюбивыми, и у них больше не будет средств, чтобы позволить себе свою щедрость, что станет с ними, этими сильными и крепкими людьми?... Я спрашиваю об этом Мудрых, добрых граждан, которые и так содрогаются от этой автономии. Что представляют собой все эти беспорядочные депутации, которые прибывают в Генеральные штаты в любое время? Какой закон уполномочивает их? Какая власть допускает эти публичные трибуны? И если их безнаказанность не будет ограничена, разве можно не бояться последствий? Я враг угнетения, как и все хорошие граждане, я чувствую несчастье быть постоянно подчиненным тирании: но когда наступает ясный день, который вдохновляет нашу надежду, зачем тревожить его течение, когда наши желания вот-вот осуществляются.

Вопросы для обсуждения:

1. Перечислите причины, которые побудили автора документа обратиться к Герцогу Орлеанскому.
2. Выскажите предположение, почему автор революции называет её «ужасной»?
3. Опишите представления Олимпия де Гуж в решении проблемы «голодающего народа».

Темы для проектных работ:

- Сравнительный анализ политических идей Олимпии де Гуж и Мэри Уолстонкрафт

Список рекомендованных источников и литературы:

1. Захарова, О.В., Нойкова, Е.А. Зарождение феминизма и феминистского движения в конце XVIII — первой половине XIX века // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. — 2020. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarozhdenie-feminizma-i-feministskogo-dvizheniya-v-kontse-xviii-pervoy-polovine-xix-veka>
2. Рукшина К.С. Мэри Уолстонкрафт о Великой французской революции // Французский ежегодник. 1968. — С. 300— 311.

DESIGN FOR THE CREATION OF A SUPREME CRIMINAL TRIBUNAL FOR THE PEOPLE. МАЙ 1790 Г. [ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС] URL:

[HTTPS://OLYMPEDEGOUGES.EU/DOCS/K.PROJECT-TRIBUNAL.PDF](https://olympede-gougues.eu/docs/k.project-tribunal.pdf)

(ДАТА ОБРАЩЕНИЯ: 11.03.2025)

GENTLEMEN, You can be in no doubt that I have devoted myself entirely to the good of my Motherland and that my only concern is her prosperity. No doubt these sentiments have earned me your esteem, and my projects your attention.

At the moment, GENTLEMEN, you are busy with the penal code. I admit that I have no understanding of a subject so repellent to a woman: but what exertions will I not make to fly to the rescue of the public good? Would a few ideas, ingenious rather than profound, seem unworthy of your attention? No, GENTLEMEN, sometimes simple and natural notions can offer useful solutions: deign, therefore, to listen to me, GENTLEMEN, with the indulgence that I require, and that you have always accorded me.

The people become ever more enlightened and yet they are still reproached for their ignorance. These people that you cherish, and that one can even admire for their recent violent acts, for they show both their aversion to vice and their love of public safety; these people often ask you, at present through me, the means of becoming the greatest in the world.

The people are always equitable and impartial when they are unbiased; but the people, who allegedly count for something today, still amount to nothing.

Therefore, GENTLEMEN, what steadfastness can you give these people to make them worthy of the constitution to which you draw them?

I will not permit myself to elaborate my ideas as fully as they deserve; you will develop them with ease.

It would seem to me [essential] to create a supreme tribunal for the people. Here is what I believe to be the utility, no I will say more, the necessity of this new tribunal. May you table my project for discussion and make it advantageous for the people, authors of the revolution, for whom I conceived it!

The châtelet [parliamentary tribunal], not knowing which side to take, finds itself in a difficult and embarrassing position, fearing, no doubt, to distance itself from the spirit of your decrees yet particularly fearing to irritate the people. The latter, in their impatience, carry out illegal executions that are always violent and sanguinary. Whatever sensible methods you choose to establish a new criminal code, GENTLEMEN, you will never please everyone. The people will always be vexed and equality will always be imperfect until you persuade all men to work for the same ends.

The military are judged by the military: the people must be judged by the people.

I therefore propose the creation of popular councils similar to the councils of war; they will assemble in public squares. The popular class, in general the artisans, journeymen and labourers will have their own prisons and all working-class malefactors, arrested for a crime or for theft, will be subjected to the sovereign judgement of their peers. The malefactor will have a week or two to defend himself and will be free to choose an advocate from the popular assembly. His lawsuit will be heard and he will be condemned or absolved by a majority decision. The resultant judgement will be printed and distributed. I would like the popular tribunal to meet on Sundays only, from eight in the morning till mid-day or one o'clock, so that the worker need not abandon his occupation. The accused, appearing for the first time before the tribunal, would be questioned, confronted by the

witnesses and judged a week later, his advocate being apprised of all the facts. This new tribunal must swear to never violate the law and to severely punish its judges and members who, through a momentary fit of violence, might behave excessively towards a guilty party arrested in flagrante. This precaution must, in the circumstances, be specifically insisted upon with great vigour to ensure the public's peace of mind; the people will then have an idea of the value of the functions you have bestowed upon them.

This popular tribunal may show us great truths, GENTLEMEN, and could lead to useful discoveries. The people would learn to be rational in times of great crises. They are confused by the law: by exercising it themselves they will make it speak more clearly, perhaps with more integrity, than the magistrates who sit on the fleurs de lys, and who violated it on many occasions. This, GENTLEMEN, is the surest method to restore the people's goodwill and arrest its fury. This project, as new as it is singular, may rid us of all the foreign brigands whose numbers increase every day and who may become formidable, cut our throats without pity and harvest all the fruits of your painstaking work.

Ah! GENTLEMEN, allow me to applaud my project: all those to whom I showed it, before presenting it to yourselves, admired it and found it full of merit. This encouragement gave me the strength to put it forward for your consideration. You are seeking to spare men's lives by all means possible; I am offering you one worthy of your enlightenment and your noble maxims, should my project attract your attention and the people obtain a tribunal to judge all cases that will be within their scope and those that they are sent such as theft, murder, disputes, etc.

I would ask that the people of Paris hold their assembly on the actual place de la Bastille, on the ruins of the walls that enclosed so many victims for centuries, so that one day it will be said:

Once upon a time innocent people were slaughtered here, in the shadows, but the den, the gloomy shelter of the inquisition, has disappeared and in its place a popular tribunal has arisen where justice hands down decrees in the pure light of day.

There, GENTLEMEN, is a succinct précis of a project that no doubt merits further development but time and circumstance do not allow me to

perfect it to the degree that I believe it deserves. I offer it to you despite its imperfections; may you, GENTLEMEN, take the trouble to work at their disappearance.

Перевод.

**ПРОЕКТ СОЗДАНИЯ ВЕРХОВНОГО НАРОДНОГО
УГОЛОВНОГО ТРИБУНАЛА. МАЙ 1790 Г.**

ГОСПОДА, Вы можете не сомневаться, что я полностью посвятил себя благу моей Родины и что моя единственная забота — ее процветание. Несомненно, эти чувства заслужили мне ваше уважение, а мои проекты — ваше внимание.

В данный момент, ГОСПОДА, вы заняты уголовным кодексом. Признаю, что я не понимаю предмет, столь отталкивающий женщину: но каких усилий я не приложу, чтобы полететь на спасение общественного блага? Разве несколько идей, скорее остроумных, чем глубоких, покажутся вам недостойными вашего внимания? Нет, ГОСПОДА, иногда простые и естественные понятия могут предложить полезные решения: поэтому соблаговолите выслушать меня, ГОСПОДА, с той снисходительностью, в которой я нуждаюсь, и которую вы всегда мне оказывали.

Люди становятся все более просвещенными, и все же их все еще упрекают в невежестве. Эти люди, которых вы лелеете, и которыми можно даже восхищаться за их недавние насильственные действия, ибо они показывают как свое отвращение к пороку, так и свою любовь к общественной безопасности; эти люди часто спрашивают вас, в настоящее время через меня, о средствах стать величайшими в мире.

Люди всегда справедливы и беспристрастны, когда они беспристрастны; но люди, которые якобы что-то значат сегодня, все еще ничего не стоят.

Поэтому, ГОСПОДА, какую стойкость вы можете дать этим людям, чтобы сделать их достойными конституции, к которой вы их привлекаете?

Я не позволю себе развивать свои идеи так полно, как они того заслуживают; вы разовьете их с легкостью.

Мне кажется необходимым создать верховный трибунал для народа. Вот что я считаю полезностью, нет, я скажу больше, необходимостью этого нового трибунала. Вы можете представить мой проект на обсуждение и сделать его выгодным для народа, творцов революции, для которых я его задумал!

Шатле [парламентский трибунал], не зная, на чьей стороне ему быть, находится в трудном и затруднительном положении, боясь, несомненно, отдалиться от духа ваших указов, но особенно боясь раздражить народ. Последний в своем нетерпении совершает незаконные казни, которые всегда жестоки и кровавы. Какие бы разумные методы вы ни выбрали для установления нового уголовного кодекса, ГОСПОДА, вы никогда не угодите всем. Народ всегда будет раздражен, и равенство всегда будет несовершенным, пока вы не убедите всех людей работать ради одних и тех же целей.

Военные судятся военными: народ должен судиться народом.

Поэтому я предлагаю создать народные советы, подобные военным советам; они будут собираться на площадях. Народный класс, в целом ремесленники, подмастерья и рабочие, будут иметь свои собственные тюрьмы, и все преступники из рабочего класса, арестованные за преступление или за кражу, будут подвергаться суверенному суду своих коллег. У преступника будет неделя или две, чтобы защищать себя, и он будет свободен выбрать адвоката из народного собрания. Его иск будет рассмотрен, и он будет осужден или оправдан решением большинства. Окончательный приговор будет напечатан и распространен. Я хотел бы, чтобы народный трибунал собирался только по воскресеньям, с восьми утра до полудня или часу дня, чтобы рабочему не пришлось отказываться от своей работы. Обвиняемый, впервые представший перед трибуналом, будет допрошен, представлен свидетелям и осужден через неделю, а его адвокат будет проинформирован обо всех фактах. Этот новый трибунал должен поклясться никогда не нарушать закон и сурово наказывать своих судей и членов, которые в кратковременном приступе насилия могут вести себя чрезмерно по отношению к виновному, арестованному на месте преступления. Эта мера предосторожности должна, в данных обстоя-

тельстввах, быть особенно настойчиво настойчива, чтобы обеспечить спокойствие общественности; тогда люди получают представление о ценности функций, которые вы им даровали.

Этот народный трибунал может показать нам великие истины, ГОСПОДА, и может привести к полезным открытиям. Люди научатся быть рациональными во времена великих кризисов. Они сбиты с толку законом: применяя его сами, они заставят его говорить более ясно, возможно, с большей честностью, чем судьи, которые сидят на лилиях и которые нарушали его во многих случаях. Это, ГОСПОДА, самый верный способ восстановить добрую волю народа и остановить его ярость. Этот проект, столь же новый, сколь и уникальный, может избавить нас от всех иностранных разбойников, число которых увеличивается с каждым днем и которые могут стать грозными, перерезать нам глотки без жалости и пожинать все плоды вашей кропотливой работы.

Ах! ГОСПОДА, позвольте мне поаплодировать моему проекту: все те, кому я его показывал, прежде чем представить его вам, восхищались им и находили его полным достоинств. Это ободрение дало мне силы выдвинуть его на ваше рассмотрение. Вы пытаетесь сохранить человеческие жизни всеми возможными способами; Я предлагаю вам один, достойный вашего просвещения и ваших благородных максим, если мой проект привлечет ваше внимание, и люди получают трибунал для рассмотрения всех дел, которые будут в их компетенции, и тех, которые им будут отправлены, таких как кража, убийство, споры и т. д.

Я бы попросил, чтобы жители Парижа провели свое собрание на самой площади Бастилии, на руинах стен, которые на протяжении веков окружали так много жертв, так что однажды будет сказано:

Когда-то здесь, в тени, убивали невинных людей, но логово, мрачное убежище инквизиции, исчезло, и на его месте возник народный трибунал, где правосудие выносит постановления в чистом свете дня.

Вот, ГОСПОДА, краткое изложение проекта, который, несомненно, заслуживает дальнейшего развития, но время и обстоятель-

ства не позволяют мне усовершенствовать его в той степени, которой, как я считаю, он заслуживает. Я предлагаю его вам, несмотря на его несовершенства; пожалуйста, ГОСПОДА, потрудитесь поработать над их исчезновением.

Вопросы для обсуждения:

1. Для каких слоёв населения Франции Олимпия де Гуж предлагает ввести народный уголовный трибунал?
2. По каким причинам Олимпия де Гуж выдвигает идею создания такого органа власти?
3. Охарактеризуйте проект создания народного уголовного верховного трибунала Олимпии де Гуж. Дайте оценку реальности реализации данного проекта.

Темы для проектных работ:

- Уголовные проекты эпохи Великой французской революции: историко-правовой аспект.

Список рекомендованных источников и литературы:

1. Design for the Creation of a Supreme Criminal Tribunal for the People. Май 1790 г. [Электронный ресурс] URL: <https://olympedegouges.eu/docs/k.project-tribunal.pdf> (дата обращения: 11.03.2025)
2. Герцензон А.А. Уголовно-правовая теория Ж.-П. Марата. М.: государственное издательство юридической литературы. 1956
3. Робеспьер М. Революционная законность и правосудие: статьи и речи [Электронный ресурс] URL: https://istmat.org/files/uploads/28665/robespierre_paroles.pdf (дата обращения: 11.03.2025)

MADAME DE GOUGES'S REPENTANCE 5 SEPTEMBER 1791.

[ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС] URL:

[HTTPS://OLYMPEDEGOUGES.EU/DOCS/REPENTIR-DE-MME-DE-GOUGES.PDF](https://olympedeGouges.eu/docs/repentir-de-mme-de-gouges.pdf)

(ДАТА ОБРАЩЕНИЯ: 11.03.2025)

How little it takes to alienate the public's esteem! Two miserable pages, where my imagination went astray, have robbed me of that esteem that had been my patriotism's due. I am forced to justify myself! I have lost my wager.

I was quite happy to appear aristocratic, without even disguising my principles. But certainly, I never believed the French were so blind. Me? An aristocrat? Ah well, yes, I am one, and with good reason; I admit it, I confess it, I look it, and I boast of it. By the way, I have forgotten my justification.

Occupied for several days putting the finishing touches to a major work, I discover, in my solitude, that the National Assembly has finished the CONSTITUTION and that they have just presented it to the KING.² Desperate at seeing this masterpiece finished before having been able to communicate my ideas, a black vapour suddenly took hold of my senses and my reason: I left home with the intention of doing a mischief; I was going to plunge myself into the river, and I fell on the aristocratic rocks. Could I have done anything worse? I reach my printer's, without a manuscript; I dictate to the compositor, with the passion of the abbé M.... and of M. C.... l'Avis pressant au roi; I do not leave until he has made the press groan.

Proud of this work, that characterises the national inconstancy, I, timid, go and deliver it everywhere. Barely is it distributed than I hear the serpents of disapproval hiss. What is my crime, I ask? They answer that I am an Aristocrat. I consider myself, and I notice that there is indeed a grain of truth there. I address myself to people acknowledged to have common sense, they assure me that I have lost the good opinion of the public. I wager the opposite is true, and I ask again if this is possible.

At the National Assembly, I am told, certain honourable Members opine that I am mad; let them prove that they are more reasonable than me.

I have lost my case but I appeal to the sane majority of our legislators. Here I am at the bar: what are your proofs of aristocracy, I ask the president. My *Black Slavery*, published in 1784, that portrayed both the shackles of the French and those of the American Negroes; my *Patriotic Purse* of 1788; my charitable ideas for the destitute during the 'great' winter, the creation of public workshops, the responsibility of ministers, etc. etc. right up to my reservations about the king of the French, so ingeniously found in my writings; the principles of equality, of justice and humanity, for which the constitution is indebted to me.⁴ There is my veritable aristocracy. What recompense does the National Assembly reserve for these deeds, recognised long before it existed? An honourable pension.... J. Jacques' companion, whose only merit was to live closely with this great man, got it without any trouble, and I, so I am assured, will need to request it; I will never get it at that price. ⁵ I have merited it; for me, that is enough. I, more than anyone, have cause to bemoan the injustices of the new regime, but despite that I will not abandon the good cause.

me, but despite that I will not abandon the good cause. I have proposed two options to the king, both fit to make him possess a character that you have accused him of lacking. Would you now be angry that he has one? Keep him as he is if that will lead you to the felicity you desire. So be it.

May the French receive this pleasantry as the most serious justification on my part. May all the aristocrats follow my example and retrace their steps to embrace, as I do, the real interests of the motherland for, if I have had the courage to manifest my fears regarding our tranquility, it is because I consider the constitution like a superb balloon ready to lose its way in the skies; the work of man who deems it as perfect as that of the divinity; if man finds its direction I will acknowledge twelve hundred gods.

Was this the work of pure hands? Time will tell. Will its execution be entrusted to virtuous beings? I hope so, but I doubt it. The dominating form of corruption that is already making itself felt is an obvious obstacle to the progress of this august social contract, for I fear that by and by, in practice, it will become ever more inconsistent with the theory.

To bask in hope, and imminent happiness, is, they say, the gratifying illusion of a good patriot. This illusion can neither seduce me nor lead me astray. I declare that having imposed upon myself the duty of being useful, I will pursue vice in all its twists and turns, and in the end I hope it will be recognised that, more than anyone, I have drawn close to the true duty of mankind and genuine constitutional principles. But...farewell to the pension.

Перевод.

ПОКАЯНИЕ Г-ЖИ ДЕ ГУЖ 1791 Г.

Как мало нужно, чтобы оттолкнуть общественное уважение! Две жалкие страницы, на которых мое воображение сбилось с пути, лишили меня того уважения, которое было заслужено моим патриотизмом. Я вынуждена оправдываться! Я проиграла пари.

Я была вполне счастлива казаться аристократкой, даже не скрывая своих принципов. Но, конечно, я никогда не считала, что французы настолько слепы. Я? Аристократка? Ну да, я ей не являюсь, и на то есть веские причины; я признаю это, я признаюсь в этом, я выгляжу так и хвастаюсь этим. Кстати, я забыла свое оправдание.

Занятая в течение нескольких дней завершающими штрихами к крупному произведению, я обнаруживаю, в своем одиночестве, что Национальное собрание закончило КОНСТИТУЦИЮ и что они только что представили ее КОРОЛЮ. Отчаявшись увидеть этот шедевр законченным прежде, чем я смогла сообщить свои идеи, черный пар внезапно овладел моими чувствами и моим разумом: я ушла из дома с намерением натворить бед; я собиралась броситься в реку. Могла ли я сделать что-либо хуже? Я прихожу в свою типографию без рукописи; я диктую наборщику со страстью аббата М.... и М. К... «Срочное послание королю» я не ухожу, пока он не заставит печатный станок стонать.

Гордая этим произведением, которое характеризует национальное непостоянство, я, робкая, иду и разношу его повсюду. Едва оно распространено, как я слышу шипение змей неодобрения. В чем мое преступление, спрашиваю я? Они отвечают, что я аристократка. Я

считаю себя, и я замечаю, что в этом действительно есть зерно истины. Я обращаюсь к людям, признанным обладающими здравым смыслом, они уверяют меня, что я потеряла хорошее мнение обществу. Я держу пари, что верно обратное, и я снова спрашиваю, возможно ли это.

В Национальной ассамблее, как мне говорят, некоторые уважаемые члены полагают, что я сумасшедшая; пусть они докажут, что они разумнее меня. Я проиграла свое дело, но я апеллирую к здравомыслящему большинству наших законодателей. Вот я на скамье подсудимых: какие вы доказательства аристократии, спрашиваю я президента. Мое «Черное рабство», опубликованное в 1784 году, которое изобразило как оковы французов, так и оковы американских негров; мой «Патриотический кошелек» 1788 года; мои благотворительные идеи для обездоленных во время «великой» зимы, создание общественных мастерских, ответственность министров и т. д. и т. п. вплоть до моих оговорок о короле Франции, столь изобретательно найденных в моих трудах; принципы равенства, справедливости и гуманности, которыми конституция обязана мне. Вот моя истинная аристократия. Какую компенсацию Национальное собрание оставляет за эти деяния, признанные задолго до того, как оно появилось? Почетная пенсия... Спутник Ж. Жака, единственной заслугой которого было жить в тесном контакте с этим великим человеком, получил ее без всяких проблем, и я, как я уверен, должен буду ее просить; я никогда не получу ее такой ценой. Я заслужила ее; для меня этого достаточно. У меня, больше, чем у кого-либо, есть причины сетовать на несправедливости нового режима, но, несмотря на это, я не откажусь от доброго дела.

Я предложила королю два варианта, оба из которых подходят для того, чтобы он обладал характером, в отсутствие которого вы его обвиняли. Вы теперь рассердитесь, что он им обладает? Оставьте его таким, какой он есть, если это приведет вас к желаемому вами счастью. Пусть так и будет.

Пусть французы воспримут эту любезность как самое серьезное оправдание с моей стороны. Пусть все аристократы последуют моему

примеру и вернуться к своим следам, чтобы принять, как это делаю я, реальные интересы родины, ибо, если у меня хватило смелости высказать свои опасения относительно нашего спокойствия, то это потому, что я считаю конституцию великолепным воздушным шаром, готовым заблудиться в небесах; творением человека, который считает ее столь же совершенной, как и божество; если человек найдет ее направление, я признаю тысячу двести богов.

Было ли это дело рук чистых? Время покажет. Будет ли ее исполнение доверено добродетельным существам? Я надеюсь на это, но сомневаюсь. Господствующая форма коррупции, которая уже дает о себе знать, является очевидным препятствием для прогресса этого величественного общественного договора, поскольку я опасаясь, что со временем на практике она станет все более несовместимой с теорией.

Греться в надежде и неминуемом счастье — это, как говорят, удовлетворяющая иллюзия хорошего патриота. Эта иллюзия не может ни соблазнить меня, ни сбить с пути. Я заявляю, что, возложив на себя обязанность быть полезной, я буду преследовать порок во всех его изгибах и поворотах, и в конце концов я надеюсь, что будет признано, что я, больше, чем кто-либо, приблизился к истинному долгу человечества и подлинным конституционным принципам. Но... прощай пенсия.

Вопросы для обсуждения:

1. О чем сожалеет Олимпия де Гуж в данном документе?
2. Какое свое произведение она называет «крупным»?
3. Как Олимпия де Гуж отнеслась к Конституции 1791 года?

Темы для проектных работ:

- Жан-Жак Лефран де Помпиньян: литератор, гражданин, отец.

Список рекомендованных источников и литературы:

1. Chevriau, G. Jean-Jacques Le Franc de Pompignan Homme de lettre et citoyen. 2022 [Электронный ресурс] URL:

<https://www.quercy.net/book/jean-jacques-le-franc-de-pompignan-homme-de-lettre-et-citoyen/?hilite=Olympe+Gouges#gsc.tab=0> (дата обращения: 11.03.2025)

2. Статья о де Гуж и ее отце [Электронный ресурс] URL: <https://www.quercy.net/patrimoine/histoire-du-quercy/hommes-femmes-celebres/jean-jacques-lefranc-de-pompignan-quand-le-poete-chercha-son-inspiration-a-caix-et-devint-aussi-vigneron/?hilite=Olympe+Gouges> (дата обращения: 11.03.2025)

OBSERVATIONS CONCERNING FOREIGNERS ИЮЛЬ 1791 Г.

[ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС] URL:

[HTTPS://OLYMPEDEGOUGES.EU/DOCS/OBSERVATIONS-SUR-LES-ETRANGERS.PDF](https://olympedeGouges.eu/docs/observations-sur-les-etrangers.pdf)

(ДАТА ОБРАЩЕНИЯ: 11.03.2025)

I warn my readers that in praising the salutary distrust of other nations towards foreigners, and on the other hand in blaming the extreme confidence of the French towards foreigners, I am not claiming to approve extremes. My aim is only to engage my fellow citizens to reconcile their urbanity with the reserve needed to not be duped by the manoeuvres of other governments. Let foreigners be warmly welcomed, let us not push them away from society because of national prejudices that are always unjust, let us through consideration and kindness persuade all the inhabitants of the universe to forget the pleasures of their own motherlands, I approve of this conduct and I applaud the beautiful maxim of tolerance.

I am human and nothing human is alien to me. But things must stop there and those who go further are really not thinking: when the National Assembly decreed that being French would be a necessary qualification for eligibility for public employment, it was convinced that the Nation could not prudently entrust the direction of its affairs to a man who would have no interest in managing them well, and could wish for the opposite. It had calculated the influence of love for the motherland and had sensed the importance of validating this glorious passion. How is it possible therefore that, with total disregard for the spirit that dictated this decree, the deputies allow foreigners to attend their deliberations? How is it possible that they

adopt the opinions of journalists known to be in the pay of various European Courts? How is it possible that they are welcome in their clubs, their fraternal societies, and that it is they who, to the resentment of the French, propose and pay for the most incendiary motions? I would very much like to know what pressing interest animated that man from Neuchâtel who wanted to present a petition to the National Assembly, at the head of six thousand people. By what right did this foreigner come to influence the deliberations of the representatives of the French Nation?³ In Athens a law punished by death any foreigner who interfered in the people's assemblies, because he was usurping sovereignty. In France prison should be the penalty for whomsoever interferes in our political affairs. It would be all the more necessary because it is common knowledge that Pitt and the King of Prussia maintain agents in the capital and that they have more belief in their infamous patriotism than in the strength of their army.⁴ It is common knowledge that the bankrupt, and people turned away from the bosom of all nations due to their crimes, spread through Paris to excite revolt hoping to profit from the disorder, and restore a depleted fortune. Ah! If we listen to the insidious opinions of these men we will not have peace for a long while. Would it not be a wantonness of Revolution, this movement which encourages us to open our political discussions to foreigners? Does it not unite with French vanity to plunge us into an abyss of misery! We have been told so often that our Constitution would one day be that of all the peoples, and that the national cockade would go around the world! Let us learn to quietly be joyful, let us not aspire to the vain glory of establishing universal freedom, and whilst condemning religious missionaries let us not follow their example with an immoderate ardour to spread our principles, this being less a sign of happiness than a desire for brilliance.

LETTER TO THE EDITOR.

A mistake, as basic as it is rudimentary, on the part of my printer in this instance, gives me the opportunity through your paper to make it public.

The pamphlet that bears the title *Will He, or Will He Not, Be King?* contains this mistake. The ministers of the new regime are compromised by it, by me in all innocence, due to this inconceivable error. This pam-

phlet being printed hastily at night, I did not have time to correct my proofs. I will add furthermore: it had been distributed when I noticed it. On page 10 one reads: ‘This man is in charge of a business. He is trusted by the committees and the ministers agents of the Ancien Régime and so-called patriots of the new. I will not name him but he will read this text.’ ‘The’ in the singular should make the error of the plural obvious and here is literally the construction of this passage: ‘This man is in charge of a business, an agent of ministers under the Ancien Régime and a so-called patriot of the new.’

I have the temerity to believe, Gentlemen, that you will diligently make public this inconsequence, one that the envious and enemies of order would not fail to make consequential.

I have the honour, Gentlemen, to be your very humble servant.

Перевод.

НАБЛЮДЕНИЯ ОБ ИНОСТРАНЦАХ ИЮЛЬ 1791 Г.

Я предупреждаю своих читателей, что, восхваляя спасительное недоверие других наций к иностранцам, и, с другой стороны, порицая чрезмерное доверие французов к иностранцам, я не утверждаю, что одобряю крайности. Моя цель — только побудить моих сограждан примирить их учтивость со сдержанностью, необходимой, чтобы не быть обманутыми маневрами других правительств. Пусть иностранцев тепло приветствуют, давайте не будем отталкивать их от общества из-за национальных предрассудков, которые всегда несправедливы, давайте с помощью внимания и доброты убедим всех жителей вселенной забыть удовольствия их собственных родин, я одобряю это поведение и аплодирую прекрасному принципу терпимости. Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо. Но на этом все должно остановиться, и те, кто идет дальше, на самом деле не думают: когда Национальная ассамблея постановила, что быть французом будет необходимым условием для права на государственную службу, она была убеждена, что нация не может благоразумно доверить управление своими делами человеку, который не будет заинтересован в том, чтобы управлять ими хорошо, и может желать противоположного. Она

рассчитала влияние любви к родине и почувствовала важность подтверждения этой славной страсти. Как же тогда возможно, что, полностью пренебрегая духом, который продиктовал этот указ, депутаты позволяют иностранцам присутствовать на своих обсуждениях? Как же возможно, что они принимают мнения журналистов, которые, как известно, находятся на содержании различных европейских судов? Как же возможно, что их приветствуют в их клубах, их братских обществах, и что именно они, к негодованию французов, предлагают и оплачивают самые подстрекательские предложения? Я бы очень хотел узнать, какой насущный интерес двигал этим человеком из Невшателя, который хотел представить петицию Национальному собранию во главе шести тысяч человек. По какому праву этот иностранец пришел влиять на обсуждения представителей французской нации? В Афинах закон карал смертью любого иностранца, который вмешивался в народные собрания, потому что он узурпировал суверенитет. Во Франции тюрьма должна быть наказанием для тех, кто вмешивается в наши политические дела. Это было бы тем более необходимо, потому что общеизвестно, что Питт и король Пруссии держат агентов в столице и что они больше верят в свой позорный патриотизм, чем в силу своей армии. Общеизвестно, что банкроты и люди, отвернувшиеся от лона всех наций из-за их преступлений, распространились по Парижу, чтобы возбудить восстание, надеясь извлечь выгоду из беспорядка и восстановить истощенное состояние. Ах! Если мы послушаем коварные мнения этих людей, у нас долго не будет мира. Разве это не было бы безрассудством Революции, это движение, которое побуждает нас открывать наши политические дискуссии для иностранцев? Разве оно не объединяется с французским тщеславием, чтобы ввергнуть нас в пучину нищеты! Нам так часто говорили, что наша Конституция однажды станет Конституцией всех народов, и что национальная кокарда будет ходить по всему миру! Давайте научимся тихо радоваться, давайте не будем стремиться к тщеславной славе установления всеобщей свободы, и, осуждая религиозных миссионеров, давайте не будем следовать их примеру с неумеренным рвением распространять

наши принципы, это не столько признак счастья, сколько стремление к блеску.

ПИСЬМО РЕДАКТОРУ.

Ошибка, столь же элементарная, сколь и элементарная, со стороны моего печатника в данном случае, дает мне возможность через вашу газету обнародовать ее.

Брошюра под названием «Будет ли он или нет королем?» содержит эту ошибку. Министры нового режима скомпрометированы им, мной в полной невинности, из-за этой немислимой ошибки. Эта брошюра была напечатана в спешке ночью, у меня не было времени исправить свои корректуры. Я добавлю еще: она была распространена, когда я ее заметил. На странице 10 написано: «Этот человек руководит бизнесом. Ему доверяют комитеты и министры, агенты Ancien Régime и так называемые патриоты нового. Я не буду называть его имени, но он прочтет этот текст». «The» в единственном числе должно сделать ошибку множественного числа очевидной, и вот буквальное построение этого отрывка: «Этот человек руководит бизнесом, агент министров при Старом порядке и так называемый патриот нового». Я имею безрассудство полагать, господа, что вы старательно предадите гласности эту непоследовательность, которую завистники и враги порядка не преминули бы сделать значимой.

Имею честь, господа, быть вашим покорнейшим слугой.

Вопросы для обсуждения:

1. От чего предостерегает Олимпия де Гуж своих сограждан-французов?

2. Перечислите, какие аргументы приводит Олимпия де Гуж к своему тезису, относительно участия иностранцев в общественно-политической жизни французского общества?

Возможности использования темы в школьном курсе истории:

1. На основе работы А. Сореля «Европа и французская революция» подготовьте тексты к урокам истории, содержащие оценки Великой французской революции различными странами Европы. Составьте к текстам разноуровневые вопросы для учащихся.

Темы для проектных работ:

- Отношение европейских стран к Великой французской революции.

Список рекомендованных источников и литературы:

1. Бёрк, Э. Размышления о революции во Франции [Электронный ресурс] URL: https://psv4.userapi.com/s/v1/d/oJzz-xOkk4q48hcXHf0tNOQ4q5P_ob-PQwt7s1gLbTzP29jNz28shkeZSaJT-zFBks-GCCPxvu_UTQsF9sz-75wzWlXtX8fg4EDCznugbpX3bdrzfPsrOQ/E_Byork_-_Razmyshlenia_o_revolyutsii_vo_Frantsii.pdf (дата обращения: 11.03.2025)
2. Сорель, А. Европа и французская революция. 1892 [Электронный ресурс] URL: <https://archive.org/details/evropaifrantsuzs12sore/page/312/mode/2up> (дата обращения: 11.03.2025)
3. Авербух, Р.А. Политика европейских держав в 1787-1791 гг. // Историк-марксист. - 1939. - № 2. - С.93-109.
4. Чудинов, А.В. Размышления англичан о Французской революции: Э.Берк, Дж.Макинтош, У.Годвин. – Москва. – 1996.

WILL HE, OR WILL HE NOT, BE KING? ИЮНЬ 1791 Г.

[ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС] URL:

[HTTPS://OLYMPEDEGOUGES.EU/DOCS/SERA-T-IL-ROI.PDF](https://olympedeGouges.eu/docs/SERA-T-IL-ROI.PDF)

(ДАТА ОБРАЩЕНИЯ: 11.03.2025)

WILL WE ACCEPT a Republican Government, will we replace the King on the Throne, or will we name a Regent? Opinions are divided and these three Parties rush headlong; the fourth, only wanting the good of the Motherland has no voice and finds itself the weakest: it wavers between the three choices but believes the wisest one is that of mediation. The best system has not yet appeared: only the one that I will present to our Legislators can ensure an imperturbable well-being. We find ourselves in painful

circumstances; I believe it [my system] is necessary, and indispensable, and I am proud to make it known:

GENTLEMEN, It seems to me that no idea has yet been made known to you in keeping with the wisdom you wish to embrace concerning the essential affair that agitates France and interests Europe.

I am not M. Brissot de Varville, I am merely a simple woman Citizen of no consequence but of irreproachable patriotism.

If you want the trust that belongs to a great Nation to be given back to the King then it is vital that the Monarch recognises the source of the vice that has spoilt his heart and mind. I cannot dissimulate my opinion and I would still hold to it even if it were to be condemned by the three opposed Parties. I have reason on my side and the interests of my endangered Motherland; boldly, I will defend it, in front of everyone: I am a Royalist, yes Gentlemen, but a Patriotic Royalist, a Constitutional Royalist, and when I sensed the danger to the King, from these three Parties, and [wrote] in my Séance Royale that he should resign his Crown I saw the two factions rise up against me, against my works, crying out ‘what delirium’, ‘what madness’, ‘what audacity’. Such was my spirit and foresight! So, Gentlemen, you neither decreed, nor were capable of foreseeing, who you would choose as Regent to the heir presumptive; if you had, the Nation, in its wisdom, would have made a choice worthy of itself. The King, abandoning the reins of State power and putting himself beyond the reach of enticements, would have confounded the enemies of the Motherland, and elevated himself beyond the Throne; the Nation, touched by this gesture, would have given the Monarch the indispensable power required of a King of France.

Poor King! What has become of you? What have you done?

The lowest citizen was more master of himself than you. Continual vexations may well have led you to lose the equilibrium of your virtue, so long sustained through storms and factions, but your action is one of a hypocrite or liar. If I judge you as a King accountable to the Nation then your departure was a crime; if I judge you as a man who has been seduced, you were unable to withstand the perfidious poison. Who is the man who can say I will never once err in my life? But objections will be raised, a

King should never err. Truly, to condemn is easy ... but to be perfect? Never has mankind shown so little perfection than in this time of enlightenment and philosophy. Gentlemen, do not think that my aim is to justify the King: I am not a Brissot de Varville, I do not waver in my opinion, something that seems to be becoming generally acceptable at a time when discord creates hotheads and subjugates reason. I nonetheless condemn the actions of the King, it is appalling in all its secrecy, and washing my hands of it I had promised myself to keep quiet about this affair but how can I remain silent when I see my Motherland overturned, allegedly to save her.

Take a close look at the projects put forward by the three Parties, and on the efforts of the emigrants united with the foreign Powers, and pronounce without shuddering, if you can, on the fate of the King. I pity you, true friends of the public good, for our cruellest enemies surround us on all sides. This is how I will utter the truth even though I may become one of its chief victims: my genius is ordinary, my talent is mediocre but I saw, long ago, how things would be; one day perhaps, with my works in their hands, people will cite my prophecies. May my final observations disarm the unkind and convince the fairminded! My writing related to the King, let me take it up again.

If a true Patriotic Party in the National Assembly can get the better of the troublemakers, then it must name a Deputation of its Members and make it responsible for proposing what follows to the King:

Sire, it took only a day for your People to bestow their love upon you; that day was the one of your accession to the Throne. This love has been sustained for sixteen years. You received unequivocal proof of this at a time when, surrounded by a dissolute court, there resounded, even through your Palace, the despair and the general discontent of the French; you learnt from this that the power of a King is nothing if it is not the product of a higher power, one sustained by the confidence of the People.

Throughout the storm the French have respected their King, I'll say more, they have adored him anew. It is true that the seditious created some, inevitable, hostility, those unavoidable consequences of great revolutions; the majority of the Kingdom was devoted to you, tied to you with indissoluble bonds, yet instigators of the darkest action encouraged you to break

them. One day sufficed for you to lose this love, it was the day you left. But trust, Sire, that this love is not altogether extinguished in all hearts if, by reclaiming your virtue, you can guarantee the purity of your intentions. Now is the time for solemn proof: the circumstances, the events, are guiding men who are changing Governments according to their lights; you must submit to these laws that are stronger than empty prejudice, you must change the spirit of your Court, totally reform your Household, as well as that of the Queen, of Madame Royale, of Madame Elizabeth and regenerate, like the Constitution, this gangrenous Court by putting erstwhile Noble Patriots and men and women Citizens, equally known for their patriotism, in place of the Aristocrats.

This change on your part, Sire, would assure the return of the French who could no longer doubt that you had been misled; this is the wish of the Assembly which has no other concerns than those of the Motherland, the French Monarchy, the achievement of the Constitution and ensuring the happiness of the People. This, Gentlemen, is the only favourable method left that you have not already tried. You must therefore unite the executive and the legislative Powers, the King and the People; there must be no more intermediaries between these two Authorities. This is the principle of the Constitution, it must be your dearest wish: never will any mediation be so memorable and, at last, so worthy of the French Legislators. Those who no longer want a Monarchy and who, obviously, tend towards a Republic see the behaviour of the King as a hostile act that should not go unpunished; I wonder if the events of October 6th were not also hostilities and whether people cried out in equal measure when this affair was forgotten.

I repeat, Gentlemen, that the two opposing parties will resist mediation: one will lose the Benefices and the Bishoprics that it is still chasing – one might as well say to it and hogs may fly; the other, which has only just made gains through its patriotism is afraid of losing them today and so detests anything that resembles Monarchy. Thus do passion and personal interests endlessly undermine the public good; this is how one pretends, loyally, to serve one's country and when I consider where true patriotism exists. Alas! I can find it only in the hands of the Poor, the indigent, whom the seditious have been unable to unite or corrupt. I cry out, like Molière,

this, then, is where virtue dwells?7 Yes, Gentlemen, real patriotism only exists amongst the good folk, they who carry the burden of their poverty, of their hardship, with steadfastness; they have faith in you and say: we suffer but the Legislators of France promise us happier times, happier times! Ah, Gentlemen, I am not afraid, yet I worry about hazarding an opinion, even one which confronts the wicked; if only I could inspire them to share my disinterestedness and my love of order! Then, in no time, there would be only one opinion; it would restore, I audaciously hope, all the fugitives to their homes; they would no longer carry all their luxury and wealth to foreign parts but, recalled by a general amnesty, they would give themselves up to reason and philosophy, to Nature in fact. But, Gentlemen, if you are obliged to name a Regent, and that his right ... great God what Regent! ... I can say no more ...

Making the National Assembly suspect in the minds of the People was all that was needed to upset the Kingdom; this absurd list of seduced Deputies that they dare peddle all over Paris shows the names of the most ardent Patriots and is an obvious first step towards dissolution. 8 Lameth, Chapelier, Barnave, Rabaud [sic] de Saint-Etienne, etc., are now the butt of the People's fury. Eh! In what country will enlightened men dare take up the noble defence of the People if they see the French example! And this People, led astray in their judgement, have no idea who set them off. Execrable Palais-Royal, may the disenchanted People one day reduce you to ashes! You will not escape its revenge. You make them ungrateful, unjust towards those who support them, you justify the opinions of the Aristocrats [who think] that the People are born to be in chains, but it will not be: they will be free and just. If they were ever to fall under your rule the heaviest irons would be their share, it is a given. So you want to spark a civil war at home, how can we parry the one abroad? Here is the brigands' plot. Eh! The blood of the People, used to fulfil their guilty designs, would redden the surface of France. French People, recognise the voice of truth, I have used up all my money on your behalf and the difficult position I am in is a sure guarantee that I have remained uncorrupted.

They talk of a feeble King, of a King lacking in character. At least he only made one false move and his virtues are well known; I do not want to

make any comparisons, the proof is apparent to all. If you name a Regent let him be worthy of the public's esteem then you will have been consistent in your principles: let the factious of either party blame or endorse me, such is my opinion. We are dealing with your Constitution not a Republic: no more King, no more Constitution, and then we fall back into chaos, into the dark of new abuses, of anarchy without end, of a Government without principles, without basis and fanatics dictating laws in the streets and public parks. I can see already the frenzied penpushers distributing amongst themselves the appointments and the debris of the French Monarchy; France will not be like Poland, a cake shared out by Kings, but a cake shared by the vilest Citizens. Yet, if I saw the question discussed with decency and wisdom, if I felt there reigned a feeling of genuine disinterestedness then, more than anyone, I would ask for a Republic for I was born with a genuinely republican character. However, in general, the spirit of the French Government demands a Monarchy, to destroy this spirit would ruin the Kingdom and the Citizens. This is what my limited knowledge has led me to believe, as opposed to my partiality, which I have surrendered for the good of my Motherland; if I could leave I would go to Switzerland; I would go and live in a place where man is equal and perfectly tranquil but the ties of nature bind me to my home where I never find man as he should be or as you have depicted him according to the principles of the new Constitution. This Constitution is now in danger. What! Can such a precious work, a source of enlightenment that became the guiding light of the world, snuff itself out lighting the torches of discord? No, Gentlemen, such a masterpiece must never perish.

Despotism, through these Republican and Regency Parties, still dangles its bait in front of you: be wary of everyone, listen only to the voice of your own consciences, show an attentive and astonished Europe, through your unshakeable strength, that the Representatives of a Nation that will forever be a model to all Peoples have been able to simultaneously disarm the thunder of the destructive Parties, give the Monarch back his Crown and his freedom and force the tyrants and despots to recognise that the true supporters of the Motherland are neither their flatterers nor their assassins.

It is with these beliefs, Gentlemen, that a woman dares rise up to your level; I will say more, I disapprove of your Committees' projects, undoubtedly they would be useful if the Constitution were to be achieved, but can they guarantee that it will exist in six months? You are throwing all of France into a dreadful state of indecision. Will the King approve of the Constitution or will he not? Must he be left in prison for the time being, turning all of Europe against our true principles? A party of whatever hue must be chosen and the fate of the King decided. These are the conclusions I have reached, drawn from public opinion. As for public affairs, they are still in a deplorable state: commerce, recently revived, has experienced yet another setback, payments are no longer forthcoming; dishonest men profit from these circumstances and honest men become scoundrels; the Tribunals are without energy and the Magistrates are even more susceptible to bribery than under the ancien régime. I have heard three anecdotes, worthy of inclusion. An individual places a deposit into the hands of a man respected for his probity; the person wishes to retrieve their deposit, the depository pretends to have invested the money and maintains, to the depositor, that he has no right to retrieve it; a Justice of the Peace is sought who pronounces against the depositor; the depository leaves the next day taking with him the original deposit; however the Society is still there, can it not be forced to pay back this debt of honour? The second and the third are more interesting although on another subject and merit being broadcast publicly. The first gave me an idea for a Play in five acts, entitled *The Divorce*, that I envisaged for the Italian Theatre where I have been registered for a reading for three months but I was waiting for the result of the Decree; despite its delay I will nonetheless perform my play.

A young woman and a young man were brought up together; since childhood they had felt a tenderness towards each other that age had only strengthened making any parental attempts to separate the two hearts that Nature intended for each other quite useless.

The young woman was orphaned at fifteen so the young man eloped with her and they went to live in a place where hearts were free from persecution. They had several children then poverty obliged the young man to return to France where he threw himself at his father's feet along with his

companion and their children. This inexorable father, sure of his powers under the ancien régime, dictated his terms, made the unfortunate young woman endorse them so that she was obliged, herself, to beg her lover to marry a rich heiress chosen by his parent. He told her that her children's welfare depended upon this sacrifice. She obeyed and these were the consequences: she retired to a humble hamlet with a small pension from the father; the unhappy young man, doubly forced by nature, united himself to the woman his father had given him. He swore to be a blameless husband and he kept his word; but his wife, born with lascivious passions, took less than six months to show him how foolish he had been to separate himself from a most estimable woman. Despite pointing out to her the virtues of decency and good manners, and the dangers of prejudice, she became even more disorderly; by going as far as to give herself to her valets she led her husband to part with her, but only in private. She became pregnant: the husband, convinced that the child was not his due to the length of their separation, spoke to her philosophically a few days before the birth: 'Madame, everyone knows our intimacy is ending, you yourself know how things stand between us. I am fair, let us at least be reasonable with each other; you were not able to hide your tendencies and you knew of the liaison I had before we met. I had children with the most respectable woman, I was born to be with her: I lament her fate. Soon you will be a mother; let us agree to use our fortune well so that our children are not victimised by our mistakes. I am richer than you; let us divide our wealth equally by signing a contract before a lawyer that will state this august truth'.

This thoughtful intervention should have disarmed the ambitious and culpable woman but the answer she gave her husband was so outrageous that his rationality could not keep him from falling ill; the violence of his emotions gave rise to pneumonia, and three days later, without ever regaining his senses, he was in his tomb. The unreasonable father was also dead. There was no more hope for the unfortunate victim and her two unhappy children, still of this world with two legitimate offspring while the legitimate spouse gave birth to a bastard successor. Such is marriage with its appalling prejudices; would I spare it! Under the new order, the companion

consulted a Justice of the Peace who cruelly sent her back to the Law. Who will take up the case of this unfortunate woman? An entire people, I hope.

Here is the third, more recent, anecdote of the same type but much worse for it characterises at one and the same time the bad faith and the dishonesty of a man who has long hidden behind the specious mask of probity: the present circumstances have unmasked him.¹⁰ This man, I will not name him, is in charge of a business, he had the ear of the ministerial Committees under the ancien régime and the so-called patriots of the new: he will read these words and if he does not take the wisest and fairest course to halt this situation then I will not spare him. I hate villains and men of little faith, especially when they abuse the public goodwill. This man is an old bachelor, fifty-five or fifty-six years old. He was forty when he met a young eighteen year old widow who had been sacrificed to a man she loathed. The marriage was not a happy one and the widow was soon comforted with regard to the loss of her husband. Nature had blessed her with many advantages but had deprived her of any means. Whatever treasures were offered to her, only tender sentiments could seduce her heart; she conceived violent feelings for the man I have mentioned, she was equal to him in birth if a respectable family counts for anything, but she fled from hymen and anything that resembled conjugal ties. She therefore lived quietly, full of reserve and decency, with this man as with a husband when in private, or as a gentleman when in public.

She became a mother; this man was wealthy, he felt authorised to guarantee his child an income, payable to the mother. This liaison was ruptured and renewed several times. It lasted about seventeen years. A second infant led the man to create new measures for the mother and child ensuring their long-term security. He agreed to buy assets or to advantageously invest forty thousand francs and to deliver the invested funds at a fixed time. This time arrived during the Revolution. The woman had committed herself, entirely confident that she could count on the validity of these titles, on her rights and on the conscience and feelings of the one in whom she had put her trust. She now sees herself in danger of being totally bankrupted and, at present, the unkind man is putting forward objections that he would not have dared cite during the ancien régime although this kind of

agreement was condemned by its iniquitous laws.¹¹ The way in which he created his bond would thus have been held against him; would the facts, in truth, not condemn him today to an eternal opprobrium? At a time when Nature has reclaimed all her rights, at a time when philosophy guides mankind, what is this infamous man doing? Abusing the decency and sensitivity of this woman who, with a sense of foreboding, fears making herself known, he takes hold of the receipts and falsifies them in such a gross manner that even the least clairvoyant sees the swindle. They go in front of a Justice of the Peace and at the present time the affair is in his hands. This Justice of the Peace is a perfectly honest man, or is he? I cannot yet rightly say. He is a friend of the dishonest man and the, supposed, advice that he has given him is not that of a Justice of the Peace. If this affair is heard in public I will think better of the Magistrate, however for now it would be imprudent to vouch an opinion. But I have bad presentiments regarding all these Justices of the Peace, I can see a partiality that may create many more unhappy people than that which made Themis blush.

Gentlemen, here is a digression longer than I had promised myself on the important question that concerns you at the moment. I will write a new but more amusing version for one must always end in the style of the French spirit. Women want to amount to something and whatever the effeminate men may say, when courage and energy are required, these men will not be in the lead: the revolution guarantees it and these anecdotes that I have placed in front of your eyes, which will affect your hearts even more, only show you how much more there is to do to help this wretched sex. Would you put this work off until there is a new Legislature when women contributed as much as you to the revolution: they were not disdained then, they were admitted to the Citizenry when the walls of the Bastille crumbled. It is on these ruins that I want to go and form a legion of women and show them the path to glory, telling them that men have only left us shameful ways to pursue a living, risking our honour and our vulnerability, while they can pursue great careers. Should these only be open to them? What an absurd prejudice; from it comes all the vice and corruption of Society and Government! I consider a well-born woman to be one who is blessed with a virtuous soul and heart and a well brought-up woman

to be one who has received a good education: a well-born woman without a fortune, is deceived by a villain and dishonoured; if she has children by him she finds herself fighting for them, pathetic victims of fate and prejudice. Those creatures that prostitute themselves at a discount of a third or a quarter are more respected than you are [she is?!]. In the minds of thoughtless men you are [she is?] often considered to be the same as these terrible examples. But, Gentlemen, I have said enough for what is only an inconsequential paper; I will soon present you with my piece on the matter entitled *The Women's Friend*. Meanwhile, here is my project for a National Guard: a project that I have already shown, in manuscript, to several Members of the Assembly, to the Jacobin Club and to the Fraternal Society on the very day the news came that the King had been arrested. At the same time I present you with a copy of *Mirabeau aux Champs Elysées*, as I have of all my other works.¹³ If unkind people say I have ruined myself for a puff of smoke, for a National Assembly that will never give me any credit, then the recompense is already in my heart; I have worked for the Motherland and maybe posterity will be grateful to me.

PROJECT addressed to the national assembly the day the King was Arrested.

GENTLEMEN, Europe is watching you, may it also observe your women. The departure of the King which should have lit the torch of discord everywhere has, by a miraculous effect, changed the fury and frivolity of the French people into wisdom; a moderation that no People has ever seen before, one that will immortalize in the most distant centuries.

Let the return of this fugitive King unify beliefs and encourage harmony; through one of your wise Decrees let the People know that they may once again respect this Prince who is either perfidious or deceived. Hasten to pronounce, as French Legislators, on the judgement that must render to the State its splendour and its tranquillity, and which will impress, by its wisdom, our enemies and those abroad.

It is nonetheless vital to change the Queen's Household, to totally renew it like the rest of the Kingdom.

This observation is all the more important when it is no longer possible to leave her with the same entourage as before; those pre-revolutionary

Duchesses, Princesses, Marchionesses, etc., this class of women enslaved by their outdated prejudices must be replaced by active female Citizens, zealous in their defence of the Motherland, whose rank will only depend on merit and patriotism. I alone can exempt myself for I do not have a personality suited to the Court. Doubtless it is still necessary for the well being of this illadvised Queen that she should have around her only women who are able to help her recognise harm and who can advise her on the means of recovering the love of the People. Like 'Belle et Bonne', adopted by the original genius who established philosophy in France, I am instructed to attach to this project the plan for a National Guard of women created to keep watch over the Queen, over Madame Royale, Madame and Madame Elizabeth; clearly it is not intended that they should mount guard outdoors, but inside, in the apartments as well as accompanying them at all times.¹⁴ Fear not, Gentlemen: if you settle such marks of esteem and trust, as befit the enlightened Legislators who make up the august French Senate, upon these women, they will not abuse them. On our heads be it if the Queen were to disappear again, or to form any plot whatsoever without it being discovered. All my sex will be our guarantors. But even more importantly the Queen will be respected and treated as a Sovereign. Our only vengeance will be to seek every method to distract her and oblige her to respect, love and admire all that is French.

The circumstances allow all Citizens of any rank, of any age, of either sex, to fly to the defence of the Motherland.

Women may well have contributed the most to the Revolution that guarantees us a Constitution that will regenerate the Kingdom and ensure the happiness of all: would it then be so misplaced if they were to contribute more to safeguard the future of France? All is possible in this century of enlightenment and philosophy.

Gentlemen, time will not allow me to develop the mass of ideas that I could submit to your wisdom on the capacity, the strength and the courage of the sex I represent.

In the name of this sensitive sex, once frivolous now crucial, I ask you, Gentlemen, that their names be inscribed in the Revolution; that one day your wives, sisters and daughters can be proud to bear the glorious title

of French women and that these modern Amazons can, today, recreate the fabulous history of their earlier sisters in more noble circumstances.

We will not allow ourselves to compete with you in politics or business affairs; our only goal is to be useful. Women today are mingling in the public Assemblies and in the Clubs; they are deserting their homes, they must be encouraged back to them by a noble challenge: women are always more susceptible to points of honour when inspired by glory.

Gentlemen, the illegal incendiary clamour and the bloodthirsty menaces that you hear fill you with indignation: the safety of the Queen is essential to hold back our enemies and the foreign Powers; to stain us with a heinous crime would be to lose the fruits of all your noble work and would cover the French People with an eternal opprobrium. There will be an outcry against this plan and what good will it do the Motherland? I will reply, if Royal-Phlegm and Royal-Bonbon are useless, Royal-Prattle will be even more so, especially when he will have sworn not to speak when under arms.¹⁵ This joke may upset my project but I prefer to make it myself than leave it to my critics; anyway, I want to cheer up bilious spirits: I want to show that the divisive plans of ruthless men, based on ideas of civil war, are no better than a moment of fun, and that if the French lose sight of their amiable urbanity they will lose, philosophically speaking, their happiness and their hope.

Перевод.

СТАНЕТ ЛИ ОН КОРОЛЕМ ИЛИ НЕТ? ИЮНЬ 1791 Г.

ПРИМЕМ ЛИ МЫ республиканское правительство, заменим ли мы короля на троне или назначим регента? Мнения разделились, и эти три партии спешат очертя голову; четвертая, желающая только блага родины, не имеет голоса и считает себя самой слабой: она колеблется между тремя вариантами, но считает, что самый мудрый — это посредничество. Лучшая система еще не появилась: только та, которую я представлю нашим законодателям, может обеспечить невозмутимое благополучие. Мы находимся в болезненных обстоятельствах; я считаю, что она [моя система] необходима и незаменима, и я горжусь тем, что могу сообщить об этом:

ГОСПОДА, Мне кажется, что вам еще не сообщили ни одной идеи, соответствующей мудрости, которую вы желаете принять, относительно существенного дела, которое волнует Францию и интересует Европу.

Я не г-н Бриссо де Варвиль, я всего лишь простая женщина, гражданка, не имеющая значения, но обладающая безупречным патриотизмом.

Если вы хотите, чтобы доверие, принадлежащее великой нации, было возвращено королю, то крайне важно, чтобы монарх осознал источник порока, который испортил его сердце и разум. Я не могу скрывать своего мнения, и я все равно буду придерживаться его, даже если оно будет осуждено тремя противоборствующими партиями. На моей стороне разум и интересы моей находящейся в опасности Родины; смело я буду защищать его перед всеми: я роялист, да, джентльмены, но патриотический роялист, конституционный роялист, и когда я почувствовал опасность для короля со стороны этих трех партий и [написала] в своем обращении к королю, что он должен отказаться от своей короны, я увидел, как две фракции восстали против меня, против моих дел, крича «какой бред», «какое безумие», «какая дерзость». Таковы были мой дух и дальновидность! Итак, джентльмены, вы не постановили и не были способны предвидеть, кого вы выберете регентом предполагаемого наследника; если бы вы это сделали, Нация в своей мудрости сделала бы выбор, достойный ее самой. Король, отказавшись от бразды правления Государством и поставив себя вне досягаемости соблазнов, посрамил бы врагов Родины и возвысился бы над Троном; Нация, тронутая этим жестом, дала бы Монарху необходимую власть, требуемую Королем Франции.

Бедный Король! Что с тобой стало? Что ты сделал?

Самый низший гражданин был более хозяином себе, чем ты. Постоянные досады вполне могли привести к тому, что ты потерял равновесие твоей добродетели, так долго поддерживаемой бурями и фракциями, но твои действия - действия лицемера или лжеца. Если я сужу тебя как Короля, ответственного перед Нацией, то твой отъезд был преступлением; если я сужу тебя как человека, которого соблаз-

нили, ты не смог противостоять коварному яду. Кто тот человек, который может сказать, что я никогда не ошибусь в своей жизни? Но будут высказаны возражения, Король никогда не должен ошибаться. Действительно, осуждать легко... но быть совершенным? Никогда человечество не проявляло так мало совершенства, как в эту эпоху просвещения и философии. Господа, не думайте, что моя цель — оправдать короля: я не Бриссо де Варвиль, я не колеблюсь в своем мнении, что, кажется, становится общепринятым в то время, когда раздор порождает горячие головы и подчиняет себе разум. Я тем не менее осуждаю действия короля, они ужасны во всей своей тайне, и, умывая руки, я обещал себе молчать об этом деле, но как я могу молчать, когда я вижу, как моя Родина ниспровергается, якобы для ее спасения.

Внимательно посмотрите на проекты, выдвинутые тремя партиями, и на усилия эмигрантов, объединенных с иностранными державами, и выскажитесь без содрогания, если сможете, о судьбе короля. Мне жаль вас, истинные друзья общественного блага, ибо наши самые жестокие враги окружают нас со всех сторон. Вот как я выскажу правду, хотя я могу стать одной из ее главных жертв: мой гений зауряден, мой талант посредственен, но я давно видела, как все будет; возможно, однажды, держа мои труды в руках, люди будут цитировать мои пророчества. Пусть мои последние замечания разоружат недобрых и убедят справедливых! Позвольте мне снова заняться моим сочинением, касающимся короля.

Если истинная патриотическая партия в Национальной ассамблее может одолеть смутьянов, то она должна назначить депутацию из своих членов и поручить ей предложить следующее королю:

Сир, вашему народу потребовался всего один день, чтобы даровать вам свою любовь; Этот день был днем вашего восшествия на престол. Эта любовь сохранялась шестнадцать лет. Вы получили недвусмысленное доказательство этого в то время, когда, окруженные распутным двором, даже через ваш дворец раздавались отчаяние и всеобщее недовольство французов; вы узнали из этого, что власть короля — ничто, если она не является продуктом высшей власти, поддерживаемой доверием народа.

Во время бури французы уважали своего короля, я скажу больше, они обожали его заново. Верно, что мятежники создали некоторую, неизбежную, враждебность, эти неизбежные последствия великих революций; большая часть королевства была предана вам, связана с вами неразрывными узами, однако зачинщики самых темных действий поощряли вас разорвать их. Одного дня было достаточно, чтобы вы потеряли эту любовь, это был день, когда вы ушли. Но верьте, сир, что эта любовь не совсем угаснет во всех сердцах, если, вернув себе добродетель, вы сможете гарантировать чистоту своих намерений. Сейчас настало время для торжественного доказательства: обстоятельства, события руководят людьми, которые меняют правительства в соответствии со своими взглядами; вы должны подчиниться этим законам, которые сильнее пустых предрассудков, вы должны изменить дух вашего двора, полностью реформировать ваш двор, а также двор королевы, мадам рояль, мадам Элизабет и возродить, подобно Конституции, этот гангренозный двор, поставив бывших благородных патриотов и мужчин и женщин граждан, одинаково известных своим патриотизмом, на место аристократов. Это изменение с вашей стороны, сир, обеспечит возвращение французов, которые больше не смогут сомневаться в том, что вы были введены в заблуждение; таково желание Ассамблеи, у которой нет других забот, кроме забот о Родине, Французской монархии, достижении Конституции и обеспечении счастья народа. Это, господа, единственный оставшийся благоприятный метод, который вы еще не испробовали. Поэтому вы должны объединить исполнительную и законодательную власть, короля и народ; не должно быть больше посредников между этими двумя властями. Это принцип Конституции, это должно быть вашим самым заветным желанием: никогда ни одно посредничество не будет столь памятным и, наконец, столь достойным французских законодателей. Те, кто больше не хочет монархии и кто, очевидно, склоняется к республике, видят в поведении короля враждебный акт, который не должен остаться безнаказанным; я задаюсь вопросом, не были ли события 6 октября также враждебными и не кричали ли люди в равной степени, когда это дело было забыто.

Я повторяю, господа, что две противоборствующие стороны будут сопротивляться посредничеству: одна потеряет бенефиции и епископства, за которыми она все еще гонится, — можно было бы сказать ей, и пусть летят свиньи; другая, которая только что добилась успехов благодаря своему патриотизму, боится потерять их сегодня и поэтому ненавидит все, что напоминает монархию. Так страсть и личные интересы бесконечно подрывают общественное благо; вот как человек притворяется, преданно, служа своей стране, и когда я думаю о том, где существует истинный патриотизм, увы! Я могу найти его только в руках бедных, неимущих, которых мятежники не смогли объединить или развратить. Я кричу, как Мольер, вот где обитает добродетель? Да, господа, настоящий патриотизм существует только среди добрых людей, тех, кто стойко несет бремя своей бедности, своих лишений; они верят в вас и говорят: мы страдаем, но законодатели Франции обещают нам более счастливые времена, более счастливые времена! Ах, господа, я не боюсь, но я боюсь рискнуть высказать мнение, даже такое, которое противостоит злу; если бы только я мог вдохновить их разделить мое бескорыстие и мою любовь к порядку! Тогда, в мгновение ока, было бы только одно мнение; оно вернуло бы, я дерзновенно надеюсь, всех беглецов домой; они больше не везли бы всю свою роскошь и богатство в чужие края, но, отозванные всеобщей амнистией, предались бы разуму и философии, фактически Природе. Но, господа, если вы обязаны назначить регента, и что его право... великий. Боже, какой регент! ... я не могу сказать больше ...

Сделать Национальное собрание подозрительным в умах народа было все, что было нужно, чтобы расстроить Королевство; этот нелепый список соблазненных депутатов, который они осмеливаются продавать по всему Парижу, показывает имена самых ярых патриотов и является очевидным первым шагом к роспуску. Ламет, Шапелье, Барнав, Рабо де Сент-Этьен и т. д. теперь являются объектом ярости Народа. Эх! В какой стране просвещенные люди осмелятся взяться за благородную защиту Народа, если они увидят французский пример! И этот Народ, сбитый с толку в своих суждениях, понятия не имеет, кто их подтолкнул. Отвратительный Пале-Рояль, пусть разочарован-

ный Народ однажды превратит тебя в пепел! Тебе не избежать его мести. Ты делаешь их неблагодарными, несправедливыми по отношению к тем, кто их поддерживает, ты оправдываешь мнения Аристократов [которые думают], что Народ рожден, чтобы быть в цепях, но этого не будет: он будет свободным и справедливым. Если они когда-либо попадут под вашу власть, то им достанется самая тяжелая доля, это данность. Так что вы хотите разжечь гражданскую войну дома, как мы можем парировать ту, что за границей? Вот заговор разбойников. Э! Кровь народа, использованная для осуществления их преступных замыслов, окрасит поверхность Франции в красный цвет. Французский народ, узнай голос правды, я потратил все свои деньги ради вас, и трудное положение, в котором я нахожусь, является надежной гарантией того, что я остался неподкупным.

Они говорят о слабом короле, о короле, лишенном характера. По крайней мере, он сделал только один неверный шаг, а его добродетели хорошо известны; я не хочу делать никаких сравнений, доказательство очевидно для всех. Если вы назовете регента, пусть он будет достоин уважения общественности, тогда вы будете последовательны в своих принципах: пусть фракционеры любой партии обвинят или поддержат меня, таково мое мнение. Мы имеем дело с вашей Конституцией, а не с Республикой: больше нет короля, больше нет Конституции, и тогда мы снова скатываемся в хаос, во тьму новых злоупотреблений, в анархию без конца, в правительство без принципов, без основы и фанатиков, диктующих законы на улицах и в общественных парках. Я уже вижу, как обезумевшие писаки распределяют между собой назначения и обломки французской монархии; Франция будет не как Польша, пирог, поделенный королями, а пирог, поделенный самыми подлыми гражданами. Однако, если бы я видел, что вопрос обсуждается с порядочностью и мудростью, если бы я чувствовал, что царит чувство подлинного бескорыстия, то, более чем кто-либо, я бы просил Республики, поскольку я родился с подлинно республиканским характером. Однако, в общем, дух французского правительства требует Монархии, уничтожить этот дух означало бы погубить Королевство и Граждан. Вот во что заставили меня поверить мои ограни-

ченные знания, в отличие от моей предвзятости, от которой я отказался ради блага моей Родины; если бы я мог уехать, я бы отправился в Швейцарию; я бы уехал и жил в месте, где люди равны и совершенно спокойны, но узы природы связывают меня с моим домом, где я никогда не найду человека таким, каким он должен быть или каким вы его изобразили в соответствии с принципами новой Конституции. Эта Конституция сейчас в опасности. Что! Может ли такое драгоценное произведение, источник просвещения, ставший путеводным светом мира, погаснуть, зажигая факелы раздора? Нет, господа, такой шедевр никогда не должен погибнуть. Деспотизм, посредством этих республиканских и регентских партий, все еще увлекает вас своей приманкой: будьте осторожны со всеми, слушайте только голос своей совести, покажите внимательной и удивленной Европе своей непоколебимой силой, что представители нации, которая навсегда останется образцом для всех народов, смогли одновременно обезоружить гром разрушительных партий, вернуть монарху его корону и свободу и заставить тиранов и деспотов признать, что истинные сторонники Родины не являются ни их льстецами, ни их убийцами.

Именно с такими убеждениями, господа, женщина осмеливается подняться до вашего уровня; я скажу больше, я не одобряю проекты ваших комитетов, несомненно, они были бы полезны, если бы Конституция была достигнута, но могут ли они гарантировать, что она будет существовать через шесть месяцев? Вы ввергаете всю Францию в ужасное состояние нерешительности. Одобрит ли король Конституцию или нет? Должен ли он быть оставлен в тюрьме на время, настраивая всю Европу против наших истинных принципов? Должна быть выбрана партия любого оттенка, и судьба короля будет решена. Вот выводы, к которым я пришел, основываясь на общественном мнении. Что касается государственных дел, то они все еще находятся в плачевном состоянии: недавно возрожденная торговля пережила очередной спад, платежи больше не поступают; нечестные люди наживаются на этих обстоятельствах, а честные люди становятся негодьями; Трибуналы бездействуют, а магистраты еще более подвержены взяточничеству, чем при старом режиме. Я слышал три

анекдота, достойных включения. Человек вкладывает депозит в руки человека, уважаемого за свою честность; человек хочет забрать свой депозит, депозитарий делает вид, что вложил деньги, и утверждает депозитору, что он не имеет права их забирать; вызывается мировой судья, который выносит решение против депозитора; депозитарий уезжает на следующий день, забрав с собой первоначальный депозит; Однако Общество все еще существует, разве его нельзя заставить вернуть этот долг чести? Второе и третье более интересны, хотя и на другую тему и заслуживают того, чтобы их транслировали публично. Первое дало мне идею для пьесы в пяти актах под названием «Развод», которую я задумал для Итальянского театра, где я был зарегистрирован для чтения в течение трех месяцев, но я ждал результата Декрета; несмотря на его задержку, я все равно поставлю свою пьесу.

Молодая женщина и молодой человек воспитывались вместе; с детства они чувствовали нежность друг к другу, которая с возрастом только усилилась, делая любые попытки родителей разлучить два сердца, которые Природа предназначила друг другу, совершенно бесполезными.

Молодая женщина осиротела в пятнадцать лет, поэтому молодой человек сбежал с ней, и они отправились жить в место, где сердца были свободны от преследований. У них было несколько детей, затем бедность вынудила молодого человека вернуться во Францию, где он бросился к ногам своего отца вместе со своим спутником и их детьми. Этот неумолимый отец, уверенный в своих силах при старом режиме, диктовал свои условия, заставил несчастную молодую женщину одобрить их, так что она была вынуждена сама умолять своего возлюбленного жениться на богатой наследнице, выбранной его родителем. Он сказал ей, что благополучие ее детей зависит от этой жертвы. Она повиновалась, и вот что произошло: она удалилась в скромную деревушку с небольшой пенсией от отца; несчастный молодой человек, вдвойне принужденный природой, соединился с женщиной, которую дал ему отец. Он поклялся быть безупречным мужем и сдержал свое слово; но его жене, рожденной с похотливыми страстями, потребовалось меньше полугода, чтобы показать ему, как глупо он был,

разлучаясь с самой почтенной женщиной. Несмотря на то, что она указывала ей на добродетели благопристойности и хороших манер, а также на опасности предрассудков, она стала еще более беспорядочной; зайдя так далеко, что отдалась своим камердинерам, она заставила мужа расстаться с ней, но только наедине. Она забеременела: муж, убежденный, что ребенок не его из-за длительности их разлуки, философски говорил с ней за несколько дней до родов: «Мадам, все знают, что наша близость заканчивается, вы сами знаете, как обстоят дела, между нами. Я справедлив, давайте хотя бы будем благоразумны друг с другом; вы не смогли скрыть свои наклонности и знали о моей связи до нашей встречи. У меня были дети от самой почтенной женщины, я был рожден, чтобы быть с ней: я оплакиваю ее судьбу. Скоро вы станете матерью; давайте договоримся хорошо использовать наше состояние, чтобы наши дети не стали жертвами наших ошибок. Я богаче тебя; давай поделим наше богатство поровну, подписав договор перед адвокатом, который изложит эту величественную истину». Это вдумчивое вмешательство должно было обезоружить амбициозную и виновную женщину, но ответ, который она дала мужу, был настолько возмутительным, что его рациональность не смогла удержать его от болезни; бурные эмоции вызвали пневмонию, и через три дня, так и не придя в себя, он оказался в могиле. Неразумный отец тоже умер. Больше не было надежды для несчастной жертвы и ее двух несчастных детей, все еще живущих в этом мире с двумя законными отпрысками, в то время как законная супруга родила незаконнорожденного наследника. Таков брак с его ужасающими предрассудками; разве я пощажу его! Согласно новому порядку, компаньонка обратилась за консультацией к мировому судье, который жестоко отправил ее обратно в суд. Кто займется делом этой несчастной женщины? Целый народ, я надеюсь. Вот третий, более недавний анекдот того же типа, но гораздо хуже, так как он характеризует одновременно недобросовестность и нечестность человека, долгое время скрывавшегося за благовидной маской честности: нынешние обстоятельства разоблачили его. Этот человек, я не буду называть его имени, руководит бизнесом, к нему прислушивались министерские

комитеты при старом режиме и так называемые патриоты нового: он прочтет эти слова, и если он не предпримет самые мудрые и справедливые действия, чтобы положить конец этой ситуации, то я не пощажу его. Я ненавижу негодяев и маловеров, особенно когда они злоупотребляют общественным благоволением. Этот человек — старый холостяк, пятидесяти пяти или пятидесяти шести лет. Ему было сорок, когда он встретил молодую восемнадцатилетнюю вдову, которую отдали в жертву человеку, которого она ненавидела. Брак не был счастливым, и вдова вскоре утешилась в связи с потерей мужа. Природа одарила ее многими преимуществами, но лишила ее всех средств. Какие бы сокровища ни предлагались ей, только нежные чувства могли соблазнить ее сердце; она зачала бурные чувства к человеку, о котором я упомянул, она была равна ему по рождению, если почтенная семья что-то значит, но она избегала девственной плевы и всего, что напоминало супружеские узы. Поэтому она жила тихо, полная сдержанности и благопристойности, с этим человеком, как с мужем, когда наедине, или как джентльмен, когда на людях.

Она стала матерью; этот мужчина был богат, он чувствовал себя уполномоченным гарантировать своему ребенку доход, выплачиваемый матери. Эта связь разрывалась и возобновлялась несколько раз. Она длилась около семнадцати лет. Второй ребенок заставил мужчину создать новые меры для матери и ребенка, обеспечивающие их долгосрочную безопасность. Он согласился купить активы или выгодно вложить сорок тысяч франков и вернуть инвестированные средства в установленное время. Это время наступило во время Революции. Женщина взяла на себя обязательства, полностью уверенная, что может рассчитывать на действительность этих титулов, на свои права и на совесть и чувства того, кому она доверилась. Теперь она видит себя в опасности полного банкротства, и в настоящее время недобрый мужчина выдвигает возражения, которые он не осмелился бы привести во времена старого режима, хотя такого рода соглашения осуждались его несправедливыми законами. Таким образом, способ, которым он создал свое обязательство, был бы использован против него; разве факты, по правде говоря, не осудили бы его сегодня на

вечное позорище? В то время, когда Природа вернула себе все свои права, в то время, когда философия руководит человечеством, что делает этот позорный человек? Злоупотребляя порядочностью и чувствительностью этой женщины, которая, с чувством дурного предчувствия, боится выдать себя, он забирает квитанции и подделывает их таким грубым образом, что даже самый недалёковидный видит мошенничество. Они поступают к мировому судье, и в настоящее время дело находится в его руках. Этот мировой судья совершенно честный человек, или нет? Я пока не могу сказать наверняка. Он друг нечестного человека, и предполагаемый совет, который он ему дал, не является советом мирового судьи. Если это дело будет рассмотрено публично, я буду лучшего мнения о магистрате, однако сейчас было бы неблагоразумно ручаться за свое мнение. Но у меня плохие предчувствия относительно всех этих мировых судей, я вижу предвзятость, которая может создать гораздо больше несчастных людей, чем та, которая заставила Фемиду покраснеть.

Господа, вот отступление, более длинное, чем я себе обещал, по важному вопросу, который волнует вас в данный момент. Я напишу новую, но более забавную версию, потому что всегда нужно заканчивать в стиле французского духа. Женщины хотят чего-то достичь, и что бы ни говорили женоподобные мужчины, когда требуется мужество и энергия, эти мужчины не будут впереди: революция гарантирует это, и эти анекдоты, которые я поместил перед вашими глазами, которые еще больше затронут ваши сердца, только показывают вам, как много еще нужно сделать, чтобы помочь этому несчастному полу. Вы отложите эту работу до тех пор, пока не будет нового Законодательного собрания, когда женщины внесут столько же, сколько и вы, в революцию: тогда их не презирали, их приняли в гражданство, когда рухнули стены Бастилии. Именно на этих руинах я хочу пойти и сформировать легион женщин и показать им путь к славе, сказав им, что мужчины оставили нам только постыдные способы зарабатывать на жизнь, рискуя своей честью и уязвимостью, в то время как они могут добиться больших успехов. Разве это должно быть открыто только для них? Какой нелепый предрассудок; из него исходят все пороки

и коррупция общества и правительства! Я считаю, что женщина знатного происхождения — это та, которая благословлена добродетельной душой и сердцем, а хорошо воспитанная женщина — та, которая получила хорошее образование: женщина знатного происхождения без состояния обманывается негодяем и опозорена; если у нее есть дети от него, она обнаруживает себя борющейся за них, жалкие жертвы судьбы и предрассудков. Те существа, которые prostituteуют себя со скидкой в треть или четверть, пользуются большим уважением, чем вы [она?!]. В умах бездумных мужчин вы [она?] часто считаетесь такими же, как эти ужасные примеры. Но, господа, я сказал достаточно для того, что является всего лишь несущественной статьёй; скоро я представлю вам свою статью на эту тему под названием «Друг женщин». А пока вот мой проект Национальной гвардии: проект, который я уже показывал в рукописи нескольким членам Ассамблеи, Якобинскому клубу и Братскому обществу в тот самый день, когда пришло известие об аресте короля. В то же время я дарю вам экземпляр «Мирабо на Елисейских полях», как и все мои другие работы.¹³ Если недоброжелатели скажут, что я погубил себя из-за дыма, из-за Национальной Ассамблеи, которая никогда не даст мне никакого кредита, то вознаграждение уже в моем сердце: я потрудился для Родины, и, может быть, потомство будет мне благодарно.

ПРОЕКТ, адресованный национальному собранию в день ареста короля.

ГОСПОДА, Европа наблюдает за вами, пусть она также наблюдает за вашими женщинами. Уход короля, который должен был зажечь факел раздора повсюду, чудесным образом превратил ярость и легкомыслие французского народа в мудрость; умеренность, которую ни один народ никогда не видел прежде, ту, которая будет увековечена в самых отдаленных веках.

Пусть возвращение этого беглого короля объединит убеждения и поощрит гармонию; одним из ваших мудрых указов дайте народу знать, что они могут снова уважать этого принца, который либо вероломен, либо обманут. Спешите вынести, как французские законодатели, решение, которое должно принести государству его великолепие и

спокойствие, и которое поразит своей мудростью наших врагов и тех, кто за границей.

Тем не менее жизненно важно изменить двор королевы, полностью обновить его, как и все остальное королевство.

Это замечание тем более важно, что уже невозможно оставить ее с тем же окружением, что и прежде; те дореволюционные герцогини, принцессы, маркизы и т. д., этот класс женщин, поработанных своими устаревшими предрассудками, должны быть заменены активными гражданками, ревностными в своей защите Родины, чье положение будет зависеть только от заслуг и патриотизма. Я одна могу освободить себя, поскольку у меня нет личности, подходящей для Двора. Несомненно, для благополучия этой неразумной королевы по-прежнему необходимо, чтобы вокруг нее были только женщины, способные помочь ей распознать вред и которые могут дать ей совет о средствах восстановления любви народа. Подобно «*Belle et Bonne*», принятой оригинальным гением, основавшим философию во Франции, мне поручено приложить к этому проекту план Национальной гвардии женщин, созданной для наблюдения за королевой, за мадам Рояль, мадам и мадам Элизабет; Очевидно, не предполагается, что они будут нести караул снаружи, но внутри, в апартаментах, а также сопровождать их все время. Не бойтесь, господа: если вы возложите на этих женщин такие знаки уважения и доверия, как подобает просвещенным законодателям, составляющим августейший французский сенат, они не будут злоупотреблять ими. На нашей совести, если Королева снова исчезнет или составит какой-либо заговор, который не будет обнаружен. Весь мой пол будет нашими гарантами. Но что еще важнее, Королеву будут уважать и обращаться с ней как с сувереном. Наша единственная месть будет заключаться в том, чтобы искать любые способы отвлечь ее и заставить ее уважать, любить и восхищаться всем французским.

Обстоятельства позволяют всем Гражданам любого ранга, любого возраста, любого пола бежать на защиту Родины.

Женщины, возможно, внесли наибольший вклад в Революцию, которая гарантирует нам Конституцию, которая возродит Королев-

ство и обеспечит счастье всех: разве было бы так неуместно, если бы они внесли большой вклад в обеспечение будущего Франции? Все возможно в этот век просвещения и философии.

Господа, время не позволяет мне развить массу идей, которые я мог бы представить вашей мудрости относительно возможностей, силы и мужества пола, который я представляю.

Во имя этого чувствительного пола, когда-то легкомысленного, а теперь решающего, я прошу вас, господа, чтобы их имена были вписаны в Революцию; чтобы однажды ваши жены, сестры и дочери могли с гордостью носить славный титул француженок и чтобы эти современные амазонки могли сегодня воссоздать сказочную историю своих прежних сестер в более благородных обстоятельствах.

Мы не позволим себе соревноваться с вами в политике или деловых делах; наша единственная цель — быть полезными. Сегодня женщины смешиваются в публичных Ассамблеях и в клубах; они покидают свои дома, их нужно побудить вернуться в них благородным вызовом: женщины всегда более восприимчивы к вопросам чести, когда вдохновляются славой.

Господа, незаконный подстрекательский шум и кровожадные угрозы, которые вы слышите, наполняют вас негодованием: безопасность королевы необходима для сдерживания наших врагов и иностранных держав; запятнать нас отвратительным преступлением означало бы потерять плоды всех ваших благородных трудов и покрыть французский народ вечным позором. Будет возмущение против этого плана, и какую пользу он принесет Родине? Я отвечу, если Royal-Phlegm и Royal-Bonbon бесполезны, Royal-Prattle будет еще более бесполезен, особенно когда он поклялся не говорить, когда находится под ружьем. Эта шутка может расстроить мой проект, но я предпочитаю сделать ее сам, чем предоставить это моим критикам; В любом случае, я хочу развеселить желчные души: я хочу показать, что раскольнические планы безжалостных людей, основанные на идеях гражданской войны, не лучше минутного веселья, и что если французы потеряют из виду свою любезную вежливость, они потеряют, говоря философски, свое счастье и свою надежду.

Вопросы для обсуждения:

1. За что Олимпия де Гуж осуждает короля Людовика XVI?
2. Какое событие произошло 6 октября 1791 года? Как к нему относится Олимпия де Гуж?
3. Охарактеризуйте взгляды Олимпии де Гуж на борьбу различных политических группировок за власть?
4. Как Олимпия де Гуж видит дальнейший политический путь Франции и королевской власти?
5. Дайте характеристику взглядам Олимпии де Гуж на:
 - На место и роль женщины во французской революции;
 - Семью и брак.

Темы для проектных работ:

- Взгляды Бриссо на королевскую власть.
- Семейные ценности Олимпии де Гуж: по памфлету «Станет ли он королем?».

Список рекомендованных источников и литературы:

1. Brissot de Warville; a study in the history of the French Revolution [Электронный ресурс] URL: https://archive.org/details/brissotdewarvill00elle_0/page/n7/mode/2up (дата обращения: 11.03.2025)
2. Will He, or Will He Not, Be King? Июнь 1791 г. [Электронный ресурс] URL: <https://olympedegouges.eu/docs/sera-t-il-roi.pdf> (дата обращения: 11.03.2025)

Интернет-ресурсы:

1. Хронос: Всемирная история в интернете [Электронный ресурс] URL: <https://hrono.ru/statii/2005/brisso1783.html> (дата обращения: 11.03.2025)

**OLYMPE DE GOUGES, LOUIS CAPET'S UNOFFICIAL
ADVOCATE. ДЕКАБРЬ 1792 Г.**

**[HTTPS://OLYMPEDEGOUGES.EU/DOCS/OLYMPE-DE-
GOUGES-DEFENSEUR-OFFICIEUX-DE-LOUIS-CAPET.PDF](https://olympedeGouges.eu/docs/olympede-gouges-defenseur-officieux-de-louis-capet.pdf)**

(ДАТА ОБРАЩЕНИЯ: 11.03.2025)

CITIZEN PRESIDENT, THE UNIVERSE is minutely observing the trial of the first and last king of France. I race to bring to the convention the actual letters written to me by the gentlemen Brissac and Laporte.² With them I enclose five hundred examples of my Moral Reckoning.

Citizen president, today I am interested in a greater matter; that of the glory of my country. I offer myself, following the courageous Malesherbes, as Louis' advocate. Let us leave my sex to one side; heroism and generosity belong equally to women; the revolution offers more than one example. I am a candid and loyal republican, without stain or fault; no one doubts it, even those who affect to disregard my civic virtues: I can therefore take charge of this cause.

As king, I believe Louis to be in the wrong, but take away this proscribed title and he ceases to be guilty, in the eyes of the republic. His ancestors had pushed the troubles of France to the limit; sadly for him the cup shattered in his hands and he was left in charge of all the shards. I could add that without the perversity of his court he might have been a virtuous king. One only has to remember that he hated grandees; that he was able to force them to pay their debts; that he was the only one of our tyrants who did not entertain courtesans, and whose manners were unspoilt. He was weak, he was misled; he misled us, he misled himself: there in a few words is his suit.

Citizen president, I will not reveal here my reasons for justifying his defence. I wish only to be accepted by the convention and by Louis Capet to support an elderly man, almost eighty years old, in a painful job that seems to me to me to warrant the full strength and courage of greener years. No doubt I would not have entered the fray alongside such an advocate if the cold and equally selfish egotism of Mister Target had not enflamed my heroism and excited my sensibility.⁵ I can die right now: one of my republican plays is about to be performed.⁶ If my light is extinguished

at this moment, a moment that may glorify me, and if, after my death, principles still hold sway, my memory will be blessed and my disabused assassins will shed a few tears on my tomb.⁷ My zeal may seem suspect to Louis Capet; his infamous courtiers have undoubtedly missed no opportunity to create in his mind an image of me as a cannibal desperate for blood, but how wonderful it is to disabuse in such a way an unfortunate man lacking in support.

May I be permitted to present, to the national convention, an opinion that I thought worthy of all its attention.

Does Louis the Last threaten the republic more than his brothers, or his son? His brothers are still united with the foreign powers and only work on their own behalf. Louis Capet's son is innocent, and will survive his father. These pretenders, will they not engender many centuries of divisive factions? The English occupy a place in history that is quite different to the Romans: the English dishonoured themselves in the eyes of posterity by putting to death Charles I: the Romans immortalised themselves by exiling Tarquin. But true republicans always had vastly superior maxims to those of slaves. In order to kill a king it is not enough to cut off his head; he lives on long after his death; he is only truly dead once he has survived his fall. I will stop here to allow the convention to reflect on all the ideas that I have brought to its attention.

And I will also submit some observations to you, my fellow citizens. Let us abjure a reasonable resentment to remember that clemency always brings honour to the victors. It must be presumed that if the national convention is reduced to declare against Louis Capet, it will, in its wisdom, only pronounce the death sentence after first having it sanctioned by the eighty-three départements and by our armies, as it decreed in the new constitution. Given that Paris is only a tiny fragment of the French republic the convention will find this sanction all the more indispensable. It is said that the members of the convention should be forced to vote, by name, for the sentence of death on the guilty party but, if I must speak from the heart, I believe that no true republican will vote for his death, and that the majority will be in favour of exile.

Louis Capet's greatest crime, it must be conceded, was to be born a king at a time when philosophy was silently laying the foundations of the republic. We have abolished royalty. People, throne: he has lost everything. Let us be generous enough to leave him his life. If he had been the victor we might all be royalists; men as so subjugated by circumstances! By dethroning him we have shattered all the sceptres of the world: the sovereignty of the people has taken back its rights; we should not punish him for the ignorance of our ancestors or the crimes of his. If, as king, he sought, through the perfidy of his peers, to safeguard his prerogatives which have been, successively, the source of civil war and the caprices of men, he was fulfilling his role. Let us be republicans in exiling Louis Capet, and let all the potentates tremble! After this show of heroism what nation will dare arm itself, in the defence of tyrants, against a magnanimous people who can conquer and forgive?

Перевод.

**ОЛИМПИА ДЕ ГУЖ, НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ЗАЩИТНИК
ЛЮДОВИКА XVI. ДЕКАБРЬ 1792 Г.**

ГРАЖДАНИН ПРЕЗИДЕНТ, весь мир пристально наблюдает за судебным процессом над первым и последним королем Франции. Я спешу принести в конвент подлинные письма, написанные мне господами Бриссаком и Лапортом. Вместе с ними я прилагаю пятьсот примеров моего морального расчета.

Гражданин президент, сегодня меня интересует более важный вопрос: слава моей страны. Я предлагаю себя, следуя мужественному Мальзербу, в качестве адвоката Людовика. Оставим мой пол в стороне; героизм и щедрость в равной степени присущи женщинам; революция дает не один пример. Я искренний и верный республиканец, без пятна или вины; никто не сомневается в этом, даже те, кто делает вид, что игнорирует мои гражданские добродетели: поэтому я могу взять на себя ответственность за это дело.

Как король, я считаю, что Людовик неправ, но отнимите этот запрещенный титул, и он перестанет быть виновным в глазах республики. Его предки довели беды Франции до предела; к сожалению для

него, чаша разбилась в его руках, и он остался ответственным за все осколки. Я мог бы добавить, что без извращенности его двора он мог бы быть добродетельным королем. Нужно только помнить, что он ненавидел вельмож; что он был в состоянии заставить их платить свои долги; что он был единственным из наших тиранов, кто не развлекал куртизанок, и чьи манеры были неиспорченными. Он был слаб, он был введен в заблуждение; он ввел в заблуждение нас, он ввел в заблуждение себя: вот в нескольких словах его дело. Гражданин президент, я не буду здесь раскрывать свои причины для оправдания своей защиты. Я хочу только, чтобы меня приняли конвент и Людовик XVI, чтобы поддержать пожилого человека, почти восьмидесяти лет, в тяжелой работе, которая, как мне кажется, оправдывает всю силу и мужество молодых лет. Без сомнения, я бы не вступил в схватку рядом с таким адвокатом, если бы холодный и столь же эгоистичный эгоизм господина Таргета не воспламенил мой героизм и не возбудил мою чувствительность. Я могу умереть прямо сейчас: одна из моих республиканских пьес вот-вот будет сыграна. Если мой свет погаснет в этот момент, момент, который может прославить меня, и если после моей смерти принципы все еще будут править, моя память будет благословенна, и мои разуверившиеся убийцы прольют несколько слезинок на моей могиле. Мое рвение может показаться подозрительным Людовику Капету; его позорные придворные, несомненно, не упускали возможности создать в его сознании образ меня как каннибала, отчаянно жаждущего крови, но как же замечательно разуверить таким образом несчастного человека, лишенного поддержки.

Позвольте мне представить национальному конвенту мнение, которое я счел достойным его внимания.

Угрожает ли Людовик Последний республике больше, чем его братья или его сын? Его братья все еще объединены с иностранными державами и действуют только в своих собственных интересах. Сын Людовика Капета невиновен и переживет своего отца. Эти самозванцы, не породят ли они многовековые распри? Англичане занимают в истории место, которое совершенно отличается от римлян: англичане

опозорили себя в глазах потомков, казнив Карла I; римляне увековечили себя, изгнав Тарквиния. Но истинные республиканцы всегда имели гораздо более высокие принципы, чем рабы. Чтобы убить короля, недостаточно отрубить ему голову; он продолжает жить еще долго после своей смерти; он по-настоящему мертв только тогда, когда переживет свое падение. Я остановлюсь здесь, чтобы позволить конвенту поразмыслить над всеми идеями, которые я довел до его сведения.

И я также представлю вам, мои сограждане, некоторые замечания. Давайте откажемся от разумного негодования, чтобы помнить, что милосердие всегда приносит честь победителям. Следует предположить, что если национальный конвент снизойдет до того, чтобы выступить против Людовика Капета, он, по своей мудрости, вынесет смертный приговор только после того, как сначала получит его санкцию восьмидесяти трех департаментов и наших армий, как он постановил в новой конституции. Учитывая, что Париж является лишь крошечным фрагментом Французской республики, конвент сочтет эту санкцию тем более необходимой. Говорят, что членов конвента следует заставить голосовать поименно за смертный приговор виновному, но, если говорить от сердца, я считаю, что ни один истинный республиканец не проголосует за его смерть, и что большинство выступит за изгнание.

Следует признать, что величайшим преступлением Людовика Капета было то, что он родился королем в то время, когда философия молча закладывала основы республики. Мы отменили королевскую власть. Народ, трон: он потерял все. Давайте будем достаточно великодушны, чтобы оставить ему жизнь. Если бы он был победителем, мы все могли бы быть роялистами; людьми, столь поработоченными обстоятельствами! Свергнув его, мы разбили все скипетры мира: суверенитет народа вернул себе свои права; мы не должны наказывать его за невежество наших предков или за его преступления. Если, будучи королем, он пытался через вероломство своих пэров защитить свои прерогативы, которые последовательно были источником гражданской войны и капризов людей, он выполнял свою роль. Давайте

будем республиканцами, изгнав Людовика Капета, и пусть все властители содрогнутся! После такого проявления героизма какая нация осмелится вооружиться, чтобы защитить тиранов, против великодушного народа, который может побеждать и прощать?

Вопросы для обсуждения:

1. Чем объясняет Олимпия де Гуж своё желание стать неофициальным защитником Людовика XVI?
2. Согласны ли вы с позицией О. де Гуж, что «предки [Людовика XVI] довели беды Франции до предела; к сожалению для него [короля], чаша разбилась в его руках, и он остался ответственным за все осколки»? Свой ответ аргументируйте.
3. Что, по мнению просветительницы, помешало королю стать добродетельным монархом? Согласны ли вы с её позицией и почему?
4. Угрожает ли король республике, по мнению Олимпии де Гуж?
5. Почему Олимпия де Гуж считает, что короля следует помиловать?

Возможности использования темы в школьном курсе истории:

1. Написание эссе по теме: «Был ли шанс у короля Людовика XVI сохранить жизнь?»

Темы для проектных работ:

- Суд на Людовиком XVI: был ли шанс у короля?
- Людовик XVI: в современной зарубежной историографии.

Список рекомендованных источников и литературы:

1. Беркова К.Н. Процесс Людовика XVI [Электронный ресурс] URL: <https://istmat.org/node/28996> (дата обращения: 11.03.2025)
2. Пименова, Л. А. Людовик XVI – французский король века Просвещения / Человек эпохи Просвещения. М.: Наука. 1999. С. 3-14.

Интернет-ресурсы:

1. Хронос: Всемирная история в интернете [Электронный ресурс] URL: <https://hrono.ru/statii/2005/brisso1783.html> (дата обращения: 11.03.2025)

**PERSECUTED PATRIOTIC WOMAN ADDRESSES
THE NATIONAL CONVENTION. ОСЕНЬ 1793 Г. [ЭЛЕКТРОН-
НЫЙ РЕСУРС] URL:**

[HTTPS://ARCHIVE.ORG/DETAILS/WOMANSMISSIONSER00BURDIALA/PAGE/N511/MODE/2UP](https://archive.org/details/womansmissionser00burdiala/page/n511/mode/2up)

(ДАТА ОБРАЩЕНИЯ: 11.03.2025)

CITIZENS, REPRESENTATIVES OF THE NATION, YOUR sublime constitution sanctions the maxim: do unto others, as you would have others unto you do. Today I invoke the application of this axiom!

Meanwhile, regardless of this sacred principle, I languish, sick, in a cell. I have been robbed of my freedom thanks to the specious argument that I wanted to suggest three forms of government...How absurd!

My detractors offer, in vain, a malevolent interpretation of the work that has drawn upon me such cruel persecution. This work confounds them by its nature: the Convention, as well as posterity, will be its judge.

In the meantime, this composition, printed as a poster, was never placarded; before giving it the light of day I presented it to the committee of national safety. I awaited its response before using it. After taking such precautions is it reasonable that I should be arrested and brought before the Revolutionary Tribunal.

Of what am I accused? What is my crime? Why am I being targeted by a law detrimental to individual liberty? It is an impenetrable and iniquitous mystery.

Everyone remembers how I served the motherland. Everyone knows how enthusiastically republican I have been and everyone, astonished, wonders what motive is behind my incredible and long captivity.

The Convention and the committee of national safety meet only in order to protect the innocent; what audacity to use its authority to victimise me on the basis of a personal vendetta that is unjustified.

I have served my country; I have served the cause of the people and the cause of liberty with heroic courage. What more is asked of me?...My blood? I am ready to spill it but it would be refining cruelty to prolong my life, for it is now but a painful agony.

The plaything of constituted powers I am now thrown from tribunal to tribunal for none is willing to address my cause. Is it credible that in a Republic there are legislators and judges who are afraid to celebrate innocence? No. However reasonable my complaints I rather believe that you fear uncovering the guilty. That is the reason I am confident in my desire to solicit the Convention to pronounce my fate.

Representatives of a people who admire, above all else, justice and glory what decree of fate could persuade you to be silent about the arbitrary act to which I have been subjected? How many maxims could I not cite proving that governments are lost only through the excesses of prejudice, cruelty and tyranny? Surveillance is no doubt a sound duty at a time of revolution when it only catches the enemies of the common good but when, following this surveillance, personal enmities indiscriminately pursue patriots and even women who have distinguished themselves during the revolution and who have, through their writings and their actions, brought about the triumph of the republic, then all is lost and suspicion takes hold, indignation rules hearts, opinions are divided, clever aristocrats, under the mask of republicanism, fan the flames of discord and fires light up everywhere as civil war destroys all parts. This is what I have been predicting in my texts for a long while.

My last poster, entitled the welfare of the motherland [The Three Urns], proffered the only solution that could save us from this destructive blight that will certainly tear France apart. My method alone can save her, we will return to it later, for whatever tyranny is used against me it will bring about the reunion of the départements. What will the rebels or the foreign powers be able to achieve if the majority of French rally around the altar of the motherland? This is the project that my enemies seek to relegate to the shadows. They wish neither to crown this philanthropic work nor to judge me. Never before have those who are above suspicion, who

ceaselessly toil on behalf of the motherland, been incarcerated and held in cells.

The agents of Pitt and Cobourg spare nothing to rekindle those barbarous events that were unknown to the world until the 2nd of September of last year. 2 Pitt and Cobourg, those dreadful Machiavellis, are in no doubt that a second massacre would make of Paris, that queen of cities that excites their jealousy, a second Troy and that shortly all the départements, united against her, will come and fire on her inhabitants as if they were shooting at wild beasts.

Indeed, if this massacre were to take place I could be one of its first sacrificial victims; let my assassins tremble, all will be accounted for when I am no longer here. The people will be acquainted with all that I did on their behalf; they will be told: 'This woman, immolated by vile assassins, supported you during the 'great' winter; she was sincerely and unanimously described as the mother of the nation. Her humane and popular writings encouraged the goodwill of the wealthy and the members of the court, she knew how to purposefully intimidate them with the despair of the nation and this healthy fear moved the hearts of all in favour of the poor and of out of work labourers. She suggested public workshops; she offered the project of voluntary taxation along with numerous other equally precious projects for the public good. She did more, despising the court and its favours, she sacrificed her entire fortune and died in poverty. You have been deprived of such a woman!'

Indeed, everything leads me to believe that this will be the language used to describe me. Good deeds are never without value in this world; experience teaches us that the virtuous individual, persecuted in his lifetime, whose memory is honoured after death, gathers unto him tears of gratitude.

French Senate! Forget, if you can, all the useful and great things that I did for the motherland and for the people; I will remind you, in broad terms only, what you owe to the weakest, the most ignorant and the most overlooked of individuals: I will remind you of your sacred duties with the constitution by my side.

A Republican Woman could never abase herself; cannot beg for pardon when she is owed an exceptional redress. It is this courage and this

pride that is today perceived as a crime in the eyes of the parvenu slaves now raised up as tyrannous modern princelings. Yet probity has inprescriptible rights that weigh heavier on the minds of the people's representatives. French Senate! May the cry of honour and oppressed virtue resound in the sanctuary of law, then you may be my judge.

I will be defended by my project of the three urns: it is time to give it the light of day; it is time for everyone to be apprised of the motive that gave rise to my imprisonment.

Attempting to prejudice the reader's judgement by offering a personal interpretation of my words would be an offence against the reader. The well-meaning aim of this poster will not escape him; it will suffice to say that I devised this project on the 10th May [printed July 1793]. We had no constitution; the départements were threatening Paris. The unlimited freedom of the press encouraged my happy project of reuniting people, of making a solemn internal peace, so that France, en masse, would rise up and chase away the foreigners and the rebels forever.

I would have wished to prevent the troubles that are now overwhelming France; am I therefore, like Cassandra, the victim of my foresight and solicitude? Taken for one of the unfortunates who violated all society's decrees I have been languishing in prison, for over two months, without being able to obtain a judgement or the alleviation of my woes!

Representatives of a free people! It is to you that I address my lament; it is up to you, up to the people, to appreciate its fairness: it is up to those who love liberty and the motherland to judge the rigours of a captivity made more terrible by being undeserved. My enemies have been able to triumph momentarily! But I defy them from the depths of my cell. I am protected by the law; one day I will confound them, I wish for no other revenge than to expose to the light of day my conduct and my writings; they will show the world who cared the most for the motherland; it will be apparent that everything I did, everything I sacrificed was on behalf of the people and fetters are the reward for my patriotism! I am detained... accused... traduced in front of the revolutionary tribunal...

Then let me judged!... Death or freedom.

Перевод:

**ПРЕСЛЕДУЕМАЯ ПАТРИОТКА ВЫСТУПАЕТ НА
НАЦИОНАЛЬНОМ СЪЕЗДЕ. ОСЕНЬ 1793 Г.**

ГРАЖДАНЕ, ПРЕДСТАВИТЕЛИ НАЦИИ, ВАША возвышенная конституция санкционирует максимум: поступай с другими так, как ты хотел бы, чтобы поступали с тобой. Сегодня я призываю к применению этой аксиомы!

Тем временем, несмотря на этот священный принцип, я томлюсь, больная, в камере. Меня лишили свободы благодаря благовидному аргументу, что я хотел предложить три формы правления... Как абсурдно!

Мои недоброжелатели напрасно предлагают злобную интерпретацию работы, которая навлекла на меня столь жестокие преследования. Эта работа сбивает их с толку своей природой: Конвент, как и потомство, будут ее судьей.

Тем временем, эта композиция, напечатанная в виде плаката, никогда не была размещена; прежде чем выпустить ее в свет, я представила ее комитету национальной безопасности. Я ждала его ответа, прежде чем использовать ее. После принятия таких мер предосторожности разумно ли арестовывать меня и доставлять к Революционному трибуналу.

В чем меня обвиняют? В чем мое преступление? Почему я стал мишенью закона, наносящего ущерб индивидуальной свободе? Это непроницаемая и несправедливая тайна.

Все помнят, как я служил родине. Все знают, каким пылким республиканцем я был, и все, пораженные, задаются вопросом, какой мотив стоит за моим невероятным и долгим пленом.

Конвент и комитет национальной безопасности встречаются только для того, чтобы защитить невинных; какая наглость использовать свой авторитет, чтобы сделать меня жертвой на основе личной вендетты.

Я служила своей стране; я служила делу народа и делу свободы с героическим мужеством. Чего еще от меня требуют? Моей крови? Я

готова пролить ее, но это было бы очищающей жестокостью, чтобы продлить мою жизнь, поскольку теперь она представляет собой лишь мучительную агонию.

Игрушка установленных властей, меня бросают из трибунала в трибунал, потому что никто не желает заниматься моим делом. Разве возможно, что в республике есть законодатели и судьи, которые боятся оправдать невиновного? Нет. Какими бы обоснованными ни были мои жалобы, я скорее верю, что вы боитесь раскрыть виновных. Вот почему я уверен в своем желании просить Конвент объявить мою судьбу. Представители народа, который превыше всего ценит справедливость и славу, какой указ судьбы может убедить вас молчать о произволе, которому я подверглась? Сколько доводов я могла бы привести, доказывающих, что правительства погибают только из-за крайностей предрассудков, жестокости и тирании? Наблюдение, несомненно, является разумной обязанностью во время революции, когда оно ловит только врагов общего блага, но когда вслед за этим наблюдением личная неприязнь без разбора преследует патриотов и даже женщин, отличившихся во время революции и которые своими произведениями и действиями привели к торжеству республики, тогда все потеряно и овладевает подозрение, возмущение правит сердцами, мнения разделяются, умные аристократы под маской республиканизма раздувают пламя раздора и пожары загораются повсюду, поскольку гражданская война уничтожает все части. Это то, что я долгое время предсказывала в своих текстах.

Мой последний плакат, озаглавленный «Благосостояние родины» [«Три урны»], предлагал единственное решение, которое могло бы спасти нас от этой разрушительной болезни, которая непременно разорвет Францию на части. Только мой метод может спасти ее, мы вернемся к нему позже, ибо какая бы тирания ни была использована против меня, она приведет к воссоединению департаментов. Чего смогут добиться мятежники или иностранные державы, если большинство французов сплотятся вокруг алтаря родины? Это проект, который мои враги стремятся отодвинуть в тень. Они не хотят ни увенчать эту филантропическую работу, ни судить меня. Никогда еще те,

кто выше подозрений, кто неустанно трудится во имя родины, не были заключены в тюрьму и содержались в камерах.

Агенты Питта и Кобурга не жалеют ничего, чтобы разжечь те варварские события, которые были неизвестны миру до 2 сентября прошлого года. Питт и Кобург, эти ужасные Макиавелли, не сомневаются, что вторая резня сделает из Парижа, этой королевы городов, которая возбуждает их зависть, вторую Трою и что вскоре все департаменты, объединившись против нее, придут и будут стрелять в ее жителей, как в диких зверей.

Действительно, если бы эта бойня произошла, я мог бы стать одной из первых жертвенных жертв; пусть мои убийцы трепещут, все будет отчитано, когда меня больше не будет. Люди узнают обо всем, что я сделала для них; им скажут: «Эта женщина, принесенная в жертву подлыми убийцами, поддерживала вас во время «великой» зимы; ее искренне и единодушно называли матерью нации. Ее гуманные и популярные сочинения поощряли добрую волю богатых и членов двора, она знала, как целенаправленно запугать их отчаянием нации, и этот здоровый страх тронул сердца всех в пользу бедных и безработных рабочих. Она предложила общественные мастерские; она предложила проект добровольного налогообложения вместе с множеством других не менее ценных проектов для общественного блага. Она сделала больше, презирая двор и его милости, она пожертвовала всем своим состоянием и умерла в нищете. Вы были лишены такой женщины!» Действительно, все заставляет меня верить, что именно так меня опишут. Добрые дела никогда не бывают бесценными в этом мире; опыт учит нас, что добродетельный человек, преследуемый при жизни, чья память чтится после смерти, собирает на себе слезы благодарности.

Французский Сенат! Забудьте, если можете, все полезные и великие дела, которые я сделал для родины и для народа; я напомню вам, только в общих чертах, чем вы обязаны самым слабым, самым невежественным и самым игнорируемым из людей: я напомню вам о ваших священных обязанностях, когда конституция рядом со мной.

Республиканская женщина никогда не могла бы унижаться; не может просить прощения, когда ей причитается исключительное возмещение. Именно эта смелость и эта гордость сегодня воспринимаются как преступление в глазах рабов-выскочек, ныне возведенных в ранг тиранических современных князьков. Однако честность имеет неотъемлемые права, которые тяжелее всего тяготят умы народных представителей. Французский Сенат! Пусть крик чести и угнетенной добродетели раздастся в святилище закона, тогда вы можете быть моим судьей.

Меня защитит мой проект трех урн: пора дать ему свет; пора всем узнать о мотиве, который привел к моему заключению.

Попытка предвзято отнестись к суждению читателя, предлагая личную интерпретацию моих слов, была бы оскорблением читателя. Благонамеренная цель этого плаката не ускользнет от него; достаточно сказать, что я придумал этот проект 10 мая [напечатано в июле 1793 года]. У нас не было конституции; департаменты угрожали Парижу. Неограниченная свобода печати поощряла мой счастливый проект воссоединения людей, заключения торжественного внутреннего мира, чтобы Франция, *en masse*, восстала и навсегда изгнала иностранцев и мятежников.

Я бы хотела предотвратить те беды, которые сейчас захлестывают Францию; Я, следовательно, как Кассандра, жертва своей предусмотрительности и заботы? Принятый за одного из несчастных, нарушивших все постановления общества, я томлюсь в тюрьме уже более двух месяцев, не имея возможности добиться суда или облегчения своих бед!

Представители свободного народа! Именно к вам я обращаюсь со своим плачем; именно вам, народу, предстоит оценить его справедливость: именно тем, кто любит свободу и родину, предстоит судить о тяготах плена, который стал еще более ужасным из-за своей незаслуженности. Мои враги смогли на мгновение восторжествовать! Но я бросаю им вызов из глубины своей камеры. Я защищена законом; однажды я посрамлю их, я не желаю иной мести, кроме как выставить на свет мое поведение и мои писания; они покажут миру, кто

больше всего заботился о родине; будет очевидно, что все, что я сделал, все, чем я пожертвовал, было во имя народа, и оковы — награда за мой патриотизм! Я арестована... обвинена... оклеветана перед революционным трибуналом...

Тогда пусть меня судят! Смерть или свобода.

Вопросы для обсуждения:

1. Какая работа Олимпии де Гуж послужила причиной заключения женщины в тюрьму? Какая цитата из упомянутой работы стала причиной ареста писательницы и почему? Дайте развернутый ответ, с опорой на исторические источники.
2. Приведите объяснения, почему просветительница считает свой арест несправедливым?
3. Кто такие «Агенты Питта и Кобурга»?

Темы для проектных работ:

- «Три урны» Олимпии де Гуж: проект и возможности его реализации.

Список рекомендованных источников и литературы:

1. The Three Urns, or the Welfare of the Motherland. By an Aerial Voyager. Июль 1793 г. <https://olympedegouges.eu/docs/les-trois-urnes.pdf> (дата обращения: 11.03.2025)

THE THREE URNS, OR THE WELFARE OF THE MOTHERLAND. BY AN AERIAL VOYAGER. ИЮЛЬ 1793 Г.

[ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС] URL:

[HTTPS://OLYMPEDEGOUGES.EU/DOCS/LES-TROIS-URNES.PDF](https://olympedegouges.eu/docs/les-trois-urnes.pdf)

(ДАТА ОБРАЩЕНИЯ: 11.03.2025)

My name is Toxicodindron; I come from the land of lunacy via Monomotapa: I have roamed the four Corners of the World, more in a reverie than in reality for life is but a dream. Everywhere I found the same men, idiots and aggressors, dupes and scoundrels; a world full of crime and

error, so to speak. But because extremes are so similar and because excessive evil always gives birth to good, it seems that revolutions essentially regenerate governments through their excessive depravity. French people stop; read; I have many things to tell you.

I very much doubt that the world began with Adam and Eve, or that it must end with the French Revolution. These are tales used by the corrupt priests of the Ancien Régime to stupefy our credulous females.

However it is reasonable to assume, as ancient and modern history shows, that no peoples have ever died out at the moment of their regeneration. Meanwhile France, divided by three governmental parties, seems to be close to dissolution. But the supreme desire of an invisible being, who presides over the great destinies of empires, seems to act as a brake on the patricidal furies of the villains of all factions who only want to tear apart the republic and share out the remains. But truly! If we are really worthy of being republicans then what can they achieve?

«What can a crashing wave do against a rock? Did Hercules succumb to the exertions of the Pygmy? Olympus sees Mont Etna smoking peacefully!»

Oh French, what has caused your dissension? The death of the tyrant? Well, he is dead! All factions must fall with his head and, despite myself, your extravagant criminality recalls to my mind the panoply of great revolutions: I place it before your eyes; dare to observe it.

The Syracusans having dethroned their tyrant told him to flee far from their shores, or stay and become their equal; they allowed him to be master of his fate, the chap obeyed his sovereign and became a school-teacher. The Roman republic chased out the Tarquins: in vain did they attempt to arm their tyrannical friends against a people who wanted freedom; they died itinerant vagabonds. The English, whom you try so hard to mimic, sent Charles I to the scaffold. This historic act of justice could not free them from tyranny for the dying Charles perpetuated royalty in England. Alas, oh French, such is our actual state: Louis Capet is dead, yet Louis Capet still reigns among us. Stop pretending it is not so, it is time for the mask to fall and for each of you to freely pronounce, openly, if you do or do not want a republic. It is time to put a stop to this cruel war that has on-

ly swallowed up your treasure and harvested the most brilliant of your young men. Blood, alas, has flowed far too freely!

Spouting republicanism with hearts full of royalism you arm region against region little caring about the denouement of this bloody drama. Despite seeing the thoughtlessness and imprudence of your horrible dissimulation I still want to serve you and save you.

A well-meaning God seems to be inspiring me at present. Yes, oh French, he cries from the heart of my soul. Here is what he is saying, remember his words: 'Dissipate your fear, the day of happiness and universal peace is at hand. I care for the mass of humankind that I placed in the world to live in peace and equality and if, at times, I allowed great tribes to give themselves leaders it was so that they might ceaselessly watch over their welfare and not usurp my sacred rights and create, around them, castes of parasitic privileged men supported by the State. I know not what crime made the priests purloin half of the public wealth, making me say things I had never meant, or how the nobles managed to erect palaces next to pleasing farmsteads and insult, through their ostentation and depravity, the indigent labourer, or virtuous cultivator, who watered the fields that fed these vain prideful men with sweat and tears.

«Oh! How much I prefer the rustic stature Of the labourer, driven by simple Nature! His uncouth trappings hide a generous heart: Like gold,.....buried beneath sodden dirt».

Crime has finally broken my patience: I have struck these sacrilegious hordes; I have put men back where they belonged; I have started in France; I will go around the world and finish in the antipodes. But I want to purify my experiment: I want to skim the Revolution like a liqueur that, having soaked for a long while all the detritus of ideas that made up its body, becomes a nectar as healthful as it is sweet. I used crime to fight crime, one attacking the other; I had to make sacrifices of the great, that is my secret. Find a prompt and efficient solution.' 'The divided French,' he added, 'are fighting for three opposing governments; like warring brothers they rush to their downfall and, if I do not halt them, they will soon imitate the Thebans, ending up by slitting each others throats to the last man standing. I want them to live in more auspicious times. I do not want posterity to

say what did they understand, these French: throat slitting, massacring, embezzling, exhausting the most productive and richest of climes; I do not want foreigners, jealous of their glory, greedy for their treasures, to come and invade their territory. It is neither the death of Louis Capet, nor the nobles' slighted pride, nor the upturned altars that caused the coalition of tyrants to arm their slaves: it is to divide up France and eclipse her splendour; it is to strengthen their own crown that they want to place on the throne, not a king of spades but a king of diamonds.

Oh tyrants of the world, tremble; I am not on your side! If the fate of a divided people is, at last, to understand the necessity of definitively choosing a form of government, one which must, unchallenged, quieten all opinions, then I want the French, at the very least, to be masters of their choice so that they offer themselves the government that best suits their character, their customs and their climate in order that their revolution forever serves as a lesson to tyrants and not to peoples.

The French can no longer procrastinate: the day of reckoning has arrived. Now is the time to establish a decent government whose energy comes from the strength of its laws; now is the time to put a stop to assassinations, and the suffering they cause, for merely holding opposing views. Let everyone examine their consciences; let them see the incalculable harm caused by such a long-lasting division (the total upheaval of the motherland) and then everyone can pronounce freely on the government of their choice. The majority must prevail. It is time for death to repose and anarchy to return to the Underworld.

Several départements are rising up in favour of federalism; the royalists are strong both in and out of the country; the constitutional government, one and indivisible, is in a courageous minority. Blood flows everywhere, this struggle is appalling and dreadful in my view. It is time for the combat to cease.

I would like the Convention to express the spirit of the Decree that I will dictate to you. The Convention, deeply upset so see France divided by opinions and beliefs on the form of government that must save her Motherland, proposes, in the name of humanity, that for an entire month the rebels be denied arms, even those abroad, in order that the entire nation has the

time to pronounce on the three forms of government dividing it. All the départements must be enjoined to convoke primary assemblies: three urns must be placed on the President of the assembly's table, each one labelled with one of the following inscriptions: republican Government, one and indivisible; federal Government; monarchic Government.

The President will proclaim, in the name of the endangered Motherland, the free and individual choice of one of three governments. All voters will have three ballot papers in hand, their choice will be written on one of them: it will not be possible to make a mistake, either on the urn or on the paper, that the voters' probity dictates. They will place a ballot paper in each urn. The government that obtains the majority of votes will be sworn in by a solemn and universal oath of allegiance; this oath will be renewed on the urn for every citizen, individually. A civic celebration will accompany this solemnity; this sensitive and decisive act will calm passions and destroy factions...the rebels will disperse themselves; the enemy powers will ask for peace; the universe, as surprised in its admiration as it was attentive, for so long, to the dissension in France, will cry out: the French are invincible!

Yes, citizens, a God spoke to me on your behalf; now the author will speak: remember that I am an aerial voyager coming from the land of lunacy, I can therefore discuss with you; yes, like you, by saying foolish things in the name of humanity, I can achieve good things; like you, I love the Motherland and Equality; I would be delighted to live under a truly republican government, but this government, as you know, has to be led by virtuous and disinterested men. Who is the mortal, the genius, who will enable you to understand this truth? Is it you, Héraut-Séchelles?⁵ Will you implement my wishes? Examine without trembling, if you can, the suffering of France. Do you see those arms ripped from this fertile soil; see the cultivators, in their thousands, fall on the battle field. See our finances, all our means, used up; see the entire dissolution of France. See those perfidious men, thirsty for blood, sell us to the enemy Powers; swearing on the Republic but awaiting the height of disorder in order to proclaim a king.

A prompt remedy is needed for so much hardship. The national wish must, finally, be solemnly pronounced, and the choice no longer put into

question, so that neither the rebels nor the foreign powers can any longer say that the majority of French want a monarch, or some other form of government. I will remain anonymous for now but, if I can save my Motherland from the abyss I can see her about to fall into, I will name myself as I rush to be by her side.

Перевод.

ТРИ УРНЫ, ИЛИ БЛАГО РОДИНЫ. ВОЗДУШНЫМ ПУТЕШЕСТВЕННИКОМ

Меня зовут Токсикодиндрон; я пришел из страны безумия через Мономотапу: я бродил по всем четырем углам света, больше в мечтах, чем наяву, потому что жизнь — всего лишь сон. Везде я находил одних и тех же людей, идиотов и агрессоров, простофиль и негодяев; мир, полный преступлений и ошибок, так сказать. Но поскольку крайности так похожи, а чрезмерное зло всегда рождает добро, кажется, что революции по сути своей возрождают правительства через их чрезмерную распущенность. Французы, остановитесь; читайте; мне есть что вам рассказать.

Я очень сомневаюсь, что мир начался с Адама и Евы или что он должен закончиться Французской революцией. Это сказки, используемые продажными священниками Старого режима, чтобы оглушить наших доверчивых женщин.

Однако разумно предположить, как показывает древняя и современная история, что ни один народ никогда не вымирал в момент своего возрождения. Между тем Франция, разделенная тремя правительственными партиями, кажется, близка к распаду. Но высшее желание невидимого существа, которое руководит великими судьбами империй, кажется, действует как тормоз отцеубийственной ярости злодеев всех фракций, которые хотят только разорвать республику и поделить останки. Но в самом деле! Если мы действительно достойны быть республиканцами, то чего они могут добиться?

«Что может сделать разбивающаяся волна со скалой? Разве Геркулес поддался усилиям Пигмея? Олимп видит, как Этна мирно дымится!»

О, французы, что вызвало ваши разногласия? Смерть тирана? Ну, он мертв! Все фракции должны пасть вместе с его головой, и, вопреки мне, ваша экстравагантная преступность напоминает мне о доспехах великих революций: я ставлю это перед вашими глазами; осмелитесь увидеть это.

Сиракузяне, свергнув своего тирана, приказали ему бежать подалее от их берегов или остаться и стать равным им; они позволили ему стать хозяином своей судьбы, парень повиновался своему государю и стал школьным учителем. Римская республика изгнала Тарквиниев: напрасно они пытались вооружить своих тиранических друзей против народа, который хотел свободы; они умерли странствующими бродягами. Англичане, которым вы так стараетесь подражать, отправили Карла I на эшафот. Этот исторический акт справедливости не мог освободить их от тирании, ибо умирающий Карл увековечил королевскую власть в Англии. Увы, французы, таково наше фактическое положение: Людовик XVI мертв, но Людовик XVI все еще правит среди нас. Перестаньте притворяться, что это не так, пора сбросить маску и каждому из вас свободно и открыто заявить, хотите ли вы республики или нет. Пора положить конец этой жестокой войне, которая только поглотила ваши сокровища и пожинает самых блестящих из ваших молодых людей. Увы, кровь лилась слишком обильно!

Изрыгая республиканизм с сердцами, полными роялизма, вы вооружаете регион против региона, мало заботясь о развязке этой кровавой драмы. Несмотря на то, что я вижу безрассудство и неосмотрительность вашего ужасного притворства, я все еще хочу служить вам и спасти вас.

Кажется, что сейчас меня вдохновляет благонамеренный Бог. Да, о француз, он кричит из глубины моей души. Вот что он говорит, помните его слова: «Рассейте свой страх, день счастья и всеобщего мира близок. Я забочусь о массе человечества, которую я поместил в мир, чтобы она жила в мире и равенстве, и если временами я позволял великим племенам назначать себе лидеров, то это было для того, чтобы они могли неустанно следить за своим благосостоянием, а не

узурпировать мои священные права и создавать вокруг себя касты паразитических привилегированных людей, поддерживаемых государством. Я не знаю, какое преступление заставило священников присвоить половину общественного богатства, заставив меня говорить то, чего я никогда не имел в виду, или как дворяне умудрялись возводить дворцы рядом с приятными фермами и оскорблять, своей показной роскошью и развратом, нищего труженика или добродетельного земледельца, который поливал поля, кормившие этих тщеславных гордецов потом и слезами.

«О! Как же я предпочитаю деревенскую фигуру труженика, движимого простой Природой! Его неотёсанные атрибуты скрывают щедрое сердце: Как золото,.....погребённое под сырой грязью».

Преступление наконец сломало моё терпение: Я поразил эти святотатственные орды; Я вернул людей туда, где им место; Я начал во Франции; Я обойду весь мир и закончу в антиподах. Но я хочу очистить свой эксперимент: я хочу снять пенку с Революции, как с ликера, который, долгое время впитывая все осколки идей, составлявших его тело, становится нектаром, столь же полезным, сколь и сладким. Я использовал преступление для борьбы с преступлением, одно нападало на другое; мне пришлось принести в жертву великих, в этом мой секрет. Найдите быстрое и эффективное решение». «Разделенные французы, — добавил он, — борются за три противоборствующих правительства; как враждующие братья, они спешат к своему падению, и, если я их не остановлю, они вскоре последуют примеру фиванцев, закончив тем, что перережут друг другу глотки до последнего выжившего. Я хочу, чтобы они жили в более благоприятные времена. Я не хочу, чтобы потомки говорили, что они понимали, эти французы: перерезание глоток, резня, хищение, истощение самого производительного и богатого из краев; Я не хочу, чтобы иностранцы, завидующие их славе, жадные до их сокровищ, пришли и вторглись на их территорию. Не смерть Людовика XVI, не оскорбленная гордость дворян, не перевернутые алтари заставили коалицию тиранов вооружить своих рабов: они хотят разделить Францию и затмить ее

великолепие; они хотят укрепить свою собственную корону, которую хотят посадить на трон не пикового, а бубнового короля.

О, тираны мира, трепещите; я не на вашей стороне! Если судьба разделенного народа заключается, наконец, в том, чтобы понять необходимость окончательного выбора формы правления, которая должна, не вызывая возражений, усмирить все мнения, то я хочу, чтобы французы, по крайней мере, были хозяевами своего выбора, чтобы они предложили себе правительство, которое лучше всего подходит их характеру, их обычаям и их климату, чтобы их революция навсегда послужила уроком тиранам, а не народам. Французы больше не могут медлить: настал день расплаты. Сейчас настало время установить достойное правительство, энергия которого исходит из силы его законов; сейчас настало время положить конец убийствам и страданиям, которые они причиняют, просто придерживаясь противоположных взглядов. Пусть каждый проверит свою совесть; пусть он увидит неисчислимый вред, нанесенный таким длительным разделением (полным потрясением родины), и тогда каждый сможет свободно высказаться о правительстве по своему выбору. Большинство должно преобладать. Настало время смерти упокоиться, а анархии вернуться в преисподнюю.

Несколько департаментов восстают в пользу федерализма; роялисты сильны как внутри страны, так и за ее пределами; конституционное правительство, единое и неделимое, находится в мужественном меньшинстве. Кровь льется повсюду, эта борьба ужасна и ужасна, на мой взгляд. Настало время прекратить борьбу.

Я хотел бы, чтобы Конвент выразил дух Декрета, который я вам продиктую. Конвент, глубоко расстроенный тем, что Франция разделена мнениями и убеждениями о форме правления, которая должна спасти ее Родину, предлагает во имя гуманности на целый месяц лишит мятежников оружия, даже за границей, чтобы вся нация имела время высказаться по поводу трех форм правления, разделяющих ее. Всем департаментам должно быть предписано созвать первичные собрания: на стол председателя собрания должны быть поставлены три урны, каждая из которых должна быть помечена одной из следующих

надписей: республиканское правительство, единое и неделимое; федеральное правительство; монархическое правительство. Президент провозгласит от имени находящейся в опасности Родины свободный и индивидуальный выбор одного из трех правительств. Все избиратели будут иметь в руках три избирательных бюллетеня, их выбор будет написан на одном из них: будет невозможно сделать ошибку ни на урне, ни на бумаге, как того требует честность избирателей. Они положат избирательный бюллетень в каждую урну. Правительство, получившее большинство голосов, будет приведено к присяге торжественной и всеобщей присягой на верность; эта присяга будет возобновлена на урне для каждого гражданина индивидуально. Это торжество будет сопровождаться гражданским празднованием; этот чувствительный и решительный акт успокоит страсти и уничтожит фракции... мятежники разойдутся; вражеские державы попросят мира; вселенная, столь же удивленная в своем восхищении, сколь и внимательная, так долго, к раздорам во Франции, воскликнет: французы непобедимы!

Да, граждане, Бог говорил со мной от вашего имени; теперь автор будет говорить: помните, что я воздушный путешественник, прибывший из страны безумия, поэтому я могу дискутировать с вами; да, как и вы, говоря глупости во имя человечества, я могу добиться добрых дел; как и вы, я люблю Родину и Равенство; я был бы рад жить при истинно республиканском правительстве, но это правительство, как вы знаете, должно возглавляться добродетельными и бескорыстными людьми. Кто тот смертный, гений, который позволит вам понять эту истину? Вы ли это, Эро-Сешель? Вы осуществите мои желания? Исследуйте без трепета, если сможете, страдания Франции. Видите ли вы эти руки, вырванные из этой плодородной почвы; видите, как тысячи земледельцев падают на поле битвы. Видите, как наши финансы, все наши средства израсходованы; видите, как Франция полностью разваливается. Видите, как эти вероломные люди, жаждущие крови, продают нас вражеским державам; клянутся Республикой, но ждут пика беспорядка, чтобы провозгласить короля.

Необходимо быстрое средство от стольких трудностей. Национальное желание должно быть, наконец, торжественно объявлено, и выбор больше не должен подвергаться сомнению, чтобы ни мятежники, ни иностранные державы больше не могли говорить, что большинство французов хотят монарха или какую-то другую форму правления. Я пока останусь анонимным, но, если я смогу спасти свою Родину от пропасти, в которую, как я вижу, она вот-вот упадет, я назову себя, поскольку я спешу быть рядом с ней.

Вопросы для обсуждения:

1. Объясните, почему, по мнению Олимпии де Гуж, «Франция близка к распаду»? Насколько объективной можно считать такую точку зрения?

2. Как автор относится к проявлениям насилия в обществе? Выскажите предположение, с чем связано её мнение.

3. Почему памфлет называется «три урны»? Как предлагает Олимпия де Гуж решить проблему выбора формы правления во Франции? Проекты, каких политических группировок упомянуты в тексте?

4. Раскройте авторскую позицию: какую форму правления для французского государства она сама считает наиболее приемлемой. Аргументируйте свой ответ.

5. Почему данный памфлет стал причиной ареста Олимпии де Гуж?

Возможности использования темы в школьном курсе обществознания:

1. **Предложите свои идеи:** в каком классе и на каких темах в рамках уроков обществознания можно использовать текст вышеприведенного источника. Разработайте любое задание для урока обществознания с использованием текста исторического источника.

Темы для проектных работ:

- Вопросы государства и права в период Французской буржуазной революции XVIII в.

Список рекомендованных источников и литературы:

1. Вопросы государства и права во Французской буржуазной революции XVIII в. [Электронный ресурс] URL: <https://istmat.org/node/34469> (дата обращения: 11.03.2025)

OLYMPE DE GOUGES TO THE REVOLUTIONARY TRIBUNAL.

1793 Г. [ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС] URL:

[HTTPS://OLYMPEDEGOUGES.EU/DOCS/OLYMPE-DE-GOUGES-AU-TRIBUNAL.PDF](https://olympedegouges.eu/docs/olympede-gouges-au-tribunal.pdf)

(ДАТА ОБРАЩЕНИЯ: 11.03.2025)

FORMIDABLE TRIBUNAL that fills both crime and innocence with trepidation, I invoke your rigour if I am guilty but first, hear the truth:

Ignorance and bad faith have finally succeeded in bringing me before you: I never sought such splendour. Happy to serve the people's cause in obscurity, with pride and modesty, I awaited the dignified crown that only posterity can rightly award to those who have earned the recognition of their motherland. No doubt in order to obtain this glittering crown I would have had to be exposed to the darkest persecutions; it needed even more, it needed me to fight calumny and envy and to triumph over ingratitude. A pure and imperturbable conscience; there is my defence.

Blanch, vile informers; your reign will pass like that of the Tyrants. Apostles of a massacring anarchy, I denounced you in the eyes of humanity long ago, that is what you cannot forgive.

Past slaves to the prejudices of the ancien régime, forfeited valets of the court, day-old republicans, it ill becomes you to accuse a woman born with strength of character and a truly republican soul; you oblige me to take pride in these advantages, the gifts of nature, of my private life and of my patriotic writings.

Your blood alone can wash away the stains that you have imprinted on the French nation; the law will soon make it flow on the scaffold. By throwing me into the cells you sought to rid yourselves of an observer who

damages your plots. Shudder, modern Tyrants! My voice will be heard from the depths of my tomb. My audacity makes you behave worse; it is with courage and the weapons of probity that I ask you to account for the tyranny that you exercise against the true upholders of the motherland.

And you, Magistrates who are going to judge me, get to know me! An enemy of intrigue, far removed from any scheming or from the parties that have divided a France shaken by passion, I have cleared a new path for myself, I have observed through my eyes alone, I have served my country only according to my lights, I have defied the foolish, I have censured the wicked and I have sacrificed my entire fortune to the revolution.

What motive has driven the men who have implicated me in a criminal affair? Hatred and fraud.

Robespierre has always seemed to me to be an ambitious man, with no talent, no soul. He seemed to me ever ready to sacrifice the entire nation to gain his dictatorship; I could not bear this mad and sanguinary ambition and I pursued him as I pursued all tyrants. The hatred of this cowardly enemy has long hidden in the shadows while he and his adherents waited avidly for a favourable moment to sacrifice me to his vengeance.

The French no doubt remember all that I have done that was worthy and useful to the motherland; long ago I saw the imminent peril that now threatens her and, through renewed effort, I hoped to serve her. The project of the three urns, developed as a poster, seemed to me the only way of saving her; this project has served as a pretext for my detention.

The republican laws promised us that no illegal authority would strike the citizenship; nevertheless an arbitrary act, such as inquisitors of even the ancien régime would have blushed to impose on the works of the human spirit, has robbed me of my liberty at the heart of a free people.

Does Article 7 of the constitution not bless the freedom of expression, and of the press, as the most precious heritage of man? These rights, this heritage, this actual constitution, are they only vague phrases with illusory meanings? Alas! That is my sad experience: republicans, pay attention to my words, right to the end.

, right to the end. I have been in irons for a month; I was judged before I was sent to the revolutionary Tribunal by Robespierre's sanhedrin

who had decided that I should be guillotined in a week. No doubt my innocence, my energy and the atrociousness of my incarceration have given this secretive council of blood pause for thought; it has understood that it is not so easy to accuse one such as I and that it would be difficult to wash away such an outrage; instead it was only natural to pass me off as mad. Mad or reasonable, I have never ceased to work for the good of my country; you will never be able to efface this virtue and despite yourselves, your own tyranny will diffuse it, indelibly, to the most distant people, but it is your arbitrary acts and cynical atrocities that must be denounced to humanity and posterity. Your modification of my death warrant will, one day, provide an interesting subject for a drama. I will go on pursuing you [to your] infernal cavern where the furies vomit oceans of the poisonous discord that demons will sow throughout the republic, creating the total dissolution of France if true republicans fail to rally around the statue of liberty. A fettered Rome had only one Nero but a free France has a hundred.

Citizens, open your eyes and do not lose sight of what follows:

I myself brought my poster to the neighbourhood bill poster who asked to read it; his wife, who at the time I compared to Molière's servant, smiled during the reading and made signs that she approved; she said it was good and that she would put it up the next morning.

What a surprise I had the next morning! There was no sign of my poster; I went to the aforementioned woman to ask her why there was a problem. Her tone and her grotesque answer surprised me even more: she said that I had misled her and that my poster was singing a different tune today to the one it sang yesterday.

This, I said to myself, is how the wicked manage to corrupt the sane judgement of nature; but, only desiring the good of my country, I persuaded myself to say to this woman that I would myself burn my poster in an autodafé if someone in a position to judge it had told her that it would be damaging to the public good. This event, having allowed me to reflect on the happy circumstances that enabled the départements to unite, prevented me from publishing this poster. I passed it on to the committee of public safety to ask for their advice and awaited their counsel as to how to proceed.

Two days later I was arrested and dragged to the Town Hall where I found the wise, republican, unfeeling magistrate Marino. All these exceptional qualities, indispensable virtues for a man in such a position, disappeared when I came into view. All I saw was a roaring lion, a frenzied tiger, a furious madman whose feelings had only ever been irritated by philosophical reasoning. Having waited three hours in public for his decree, he said, speaking like an inquisitor to his henchmen: 'Take Madame away in secret and let no one in the world speak to her.'

The day before my arrest I had fallen and injured my left leg; I had a fever and my indignation must have contributed somewhat to make me the most unfortunate of victims. I was shut up in an attic, six foot long by four foot wide, in which was placed a bed; a gendarme never left me for a moment, day or night; such indecency was neither evident in the bastille nor in the cells of the inquisition.⁶ These excesses prove that the public spirit is quite degenerated and that the French are in sight of their cruel end if the Convention does not expel those men who destroy decrees and totally paralyse the law.

I must however assert that the honesty and respect of these Gendarmes was exemplary; I would even add that my painful situation brought tears to their eyes on several occasions. The fever that raged every night and the swelling of my leg ought to have brought me the well-meaning help of a saintly humanity even had I been a criminal. Ah! My countrymen, I cannot recall this treatment without shedding a tear. You will find it hard to believe that men, these so-called popular magistrates, could have been so ferocious as to refuse, for a week, to call a doctor or to bring me clean linen. My one and only chemise, drenched in sweat, dried on my body over twenty times. A cook from the Town Hall, moved by my predicament, came and gave me one of her chemises. Her goodness was discovered and I heard that the poor girl was bitterly reproached for her humanity.

Some honest administrators were so upset by this treatment that they fixed a time for my interrogation. It is easy to see in these extraordinary interrogations the bad faith and partiality of the judge who questioned me: 'You do not like the Jacobins,' he said, 'and they are not obliged to like

you either!’ ‘Sir’, I replied, with the intrepidity of innocence, ‘I love the good citizens who make up this society but I do not love those that intrigue.

I knew in advance that in order to be absolved I must flatter those tigers that are not worthy of being called men; yet the one who has done nothing wrong has nothing to fear. I defied them; they threatened me with the revolutionary tribunal. ‘I will wait on you there,’ I said to them. My papers had to be sealed. On the ninth day five Commissioners took me to my house. Every paper that fell into their hands was another proof of my patriotism and my love for the most beautiful of all causes. These Commissioners, badly prepared at the outset, were surprised to find so much in my defence and had not the heart to apply the seals; they could not help but agree, in their statement, that all my manuscripts and printed materials exuded patriotism and republicanism. I had to be freed.

This is where my judges entangled themselves; to retrace their steps and repair a great injustice by begging me to forget my odious treatment is a procedure not fit for abject souls: they preferred to transfer me to the abbey where I have been for three weeks, in one of those rooms where one can see the blood of the victims of the second of September imprinted on the walls, my sensibility is hurt by this painful sight. In vain I avert my eyes but my heart is torn; I die every minute of the day without losing my deplorable life.

This truthful account, so pale compared to the odious treatment I received, will bind the revolutionary tribunal to my cause and put an end to my torments. How surprised they will be, and the majority of the French, when they discover, sadly too late, that my project of The Three Urns could save France from the shameful yoke that menaces it; when finally, thanks to one of those grand measures with which providence inspires great souls, I was rousing the honour of a nation and obliging it to rise up in its entirety to destroy the rebels and repulse the foreign enemy. This poster, and my memoir that is too extensive to be placarded, will, by being hand delivered, enlighten the public; yes, my fellow citizens, this height of indignity will serve my country. The price is worth paying so I will no longer complain; I am grateful to the maliciousness that gave me this opportunity.

And you, my son, whose destiny is unknown to me, come as a true Republican and join a mother who honours you, tremble at the iniquitous treatment that she has been made to endure; fear that my enemies will deflect on to you the effects of their calumny. In the newspaper *Observateur de l'Europe* or the *Echo of Liberty* at the Page of third August a suborned denunciator's letter, addressed from Tours, states: 'We have here, as our commander, the son of Olympe de Gouges. He was formerly in attendance at Versailles.' It is easy to deny such a gross lie but these machinations are not trying to prove anything they just aim to discredit the reputation of a good soldier. If you have not fallen under enemy action, if fate has preserved you to wipe away my tears, then abandon your rank to those who have no other talents other than calculation or the displacement of men who are useful to the common good; come as a true Republican and demand that the law of an eye for an eye be used against your mother's persecutors.

Перевод.

РЕЧЬ ОЛИМПИИ ДЕ ГУЖ ПЕРЕД РЕВОЛЮЦИОННЫМ ТРИБУНАЛОМ. 1793 Г.

ГРОЗНЫЙ ТРИБУНАЛ, который наполняет и преступление, и невинность трепетом, я взываю к вашей строгости, если я виновна, но сначала выслушайте правду:

Невежество и недобросовестность наконец-то привели меня к вам: я никогда не искала такого великолепия. Счастливая служить народному делу в безвестности, с гордостью и скромностью, я ждала достойной награды, которой только потомки смогут справедливо наградить тех, кто заслужил признание своей родины. Несомненно, чтобы получить эту великую награду, мне пришлось бы подвергнуться самым мрачным преследованиям; нужно было даже больше, мне нужно было бороться с клеветой и завистью и восторжествовать над неблагодарностью. Чистая и невозмутимая совесть — вот моя защита.

Бланшируйте, подлые доносчики; ваше правление пройдет, как правление тиранов. Апостолы резни анархии, я давно осудил вас в глазах человечества, вот чего вы не можете простить.

Бывшие рабы предрассудков старого режима, отошедшие слуги суда, республиканцы вчерашнего дня, вам не пристало обвинять женщину, рожденную с сильным характером и истинно республикан-

ской душой; вы обязываете меня гордиться этими преимуществами, дарами природы, моей личной жизнью и моими патриотическими писаниями.

Только ваша кровь может смыть пятна, которые вы оставили на французской нации; закон скоро заставит ее течь на эшафоте. Бросив меня в камеры, вы пытались избавиться от наблюдателя, который вредит вашим заговорам. Содрогнитесь, современные тираны! Мой голос будет услышан из глубин моей могилы. Моя дерзость заставляет вас вести себя хуже; именно с мужеством и оружием честности я прошу вас отчитаться за тиранию, которую вы осуществляете против истинных защитников родины.

И вы, магистраты, которые собираются судить меня, узнайте меня! Враг интриг, далекий от любых интриг или партий, которые разделили Францию, потрясенную страстью, я расчистила себе новый путь, я наблюдала только своими глазами, я служила своей стране только в соответствии со своим светом, я бросил вызов глупцам, я порицала злых, и я пожертвовал всем своим состоянием революции.

Какой мотив двигал людьми, которые впутали меня в преступное дело? Ненависть и мошенничество.

Робеспьер всегда казался мне амбициозным человеком, без таланта, без души. Он казался мне всегда готовым пожертвовать всей нацией, чтобы обрести свою диктатуру; я не могла выносить это безумное и кровавое честолюбие и преследовал его, как преследовал всех тиранов. Ненависть этого трусливого врага долгое время таилась в тени, пока он и его приверженцы жадно ждали благоприятного момента, чтобы принести меня в жертву своей мести.

Французы, несомненно, помнят все, что я сделала достойного и полезного для родины; давно я видела надвигающуюся опасность, которая теперь ей угрожает, и, возобновив усилия, надеялся ей послужить. Проект трех урн, разработанный как плакат, казался мне единственным способом ее спасти; этот проект послужил предлогом для моего заключения под стражу.

Республиканские законы обещали нам, что никакая незаконная власть не посягнет на гражданство; тем не менее, произвольный акт, который инквизиторы даже старого режима постеснялись бы навязать творениям человеческого духа, лишил меня моей свободы в сердце свободного народа.

Разве Конституция не благословляет свободу слова и печати как самое драгоценное наследие человека? Эти права, это наследие, эта фактическая конституция — всего лишь неопределенные фразы с иллюзорным значением? Увы! Таков мой печальный опыт: республиканцы, внимайте моим словам, до самого конца.

Я была в кандалах в течение месяца; меня судил, прежде чем отправить в революционный трибунал синедрион Робеспьера, который решил, что меня следует гильотинировать через неделю. Несомненно, моя невиновность, моя энергия и жестокость моего заключения заставили этот тайный совет крови задуматься; он понял, что не так-то легко обвинить такого, как я, и что будет трудно смыть такое безобразие; вместо этого было вполне естественно выдать меня за сумасшедшего. Безумный или разумный, я никогда не переставал работать на благо своей страны; вы никогда не сможете стереть эту добродетель, и вопреки вам самим, ваша собственная тирания распространит ее, неизгладимо, на самых далеких людей, но именно ваши произвольные действия и циничные зверства должны быть осуждены перед человечеством и потомками. Ваше изменение моего смертного приговора однажды предоставит интересную тему для драмы. Я продолжу преследовать вас [в вашу] адскую пещеру, где фурии изрыгают океаны ядовитого раздора, который демоны посеют по всей республике, вызывая полный распад Франции, если истинные республиканцы не сплотятся вокруг статуи свободы. У скованного Рима был только один Нерон, но у свободной Франции их сотня.

Граждане, откройте глаза и не упускайте из виду то, что следует далее:

Я сама принесла свой плакат соседу, который попросил его прочитать; его жена, которую я в то время сравнивал со служанкой Мольера, улыбалась во время чтения и делала знаки, что она одобряет; она сказала, что плакат хорош и что она повесит его на следующее утро.

Какой сюрприз я получила на следующее утро! Моего плаката не было видно; я пошел к вышеупомянутой женщине, чтобы спросить, в чем проблема. Ее тон и ее гротескный ответ удивили меня еще больше: она сказала, что я ввела ее в заблуждение и что мой плакат сегодня поет совсем не то, что вчера.

Вот как, сказал я себе, злые умудряются извращать здравый смысл природы; но, желая только блага своей страны, я убедила себя сказать этой женщине, что я сама сожгла бы свой плакат на аутодафе, если бы кто-то, имеющий право судить его, сказал ей, что он нанесет ущерб общественному благу. Это событие, позволившее мне поразмышлять о счастливых обстоятельствах, которые позволили департаментам объединиться, помешало мне опубликовать этот плакат. Я передал его в комитет общественной безопасности, чтобы попросить совета, и ждал их совета, как действовать дальше.

Два дня спустя меня арестовали и оттащили в ратушу, где я нашла мудрого, республиканского, бесчувственного судью Марино. Все эти исключительные качества, необходимые добродетели для человека в таком положении, исчезли, когда я появился на виду. Все, что я увидела, это рычащего льва, бешеного тигра, разъяренного безумца, чьи чувства всегда были раздражены только философскими рассуждениями. Прождав три часа на публике своего указа, он сказал, обращаясь как инквизитор к своим приспешникам: «Уведите мадам тайно и не позволяйте никому в мире говорить с ней».

За день до ареста я упал и повредила левую ногу; у меня была лихорадка, и мое негодование, должно быть, в какой-то степени способствовало тому, чтобы я стал самой несчастной из жертв. Меня заперли на чердаке, шесть футов в длину и четыре фута в ширину, где стояла кровать; жандарм не оставлял меня ни на минуту, ни днем, ни ночью; такой непристойности не было ни в Бастилии, ни в камерах инквизиции. Эти эксцессы доказывают, что общественный дух совершенно деградировал и что французы близки к своему жестокому концу, если Конвент не изгонит тех людей, которые разрушают указы и полностью парализуют закон.

Я должна, однако, утверждать, что честность и уважение этих жандармов были образцовыми; я бы даже добавил, что мое болезненное положение несколько раз вызывало у них слезы. Лихорадка, которая бушевала каждую ночь, и опухоль моей ноги должны были бы принести мне благонамеренную помощь святого человечества, даже если бы я был преступником. Ах! Мои соотечественники, я не могу вспомнить это обращение без слез. Вам будет трудно поверить, что мужчины, эти так называемые народные магистраты, могли быть настолько свирепы, чтобы отказываться в течение недели вызывать

врача или приносить мне чистое белье. Моя единственная сорочка, пропитанная потом, высыхала на моем теле более двадцати раз. Кухарка из ратуши, тронутая моим затруднительным положением, пришла и дала мне одну из своих сорочек. Ее доброта была обнаружена, и я слышал, что бедную девушку горько упрекали за ее гуманность.

Некоторые честные администраторы были так расстроены таким обращением, что назначили время для моего допроса. Легко увидеть в этих необычных допросах недобросовестность и предвзятость судьи, который допрашивал меня: «Вы не любите якобинцев, — сказал он, — и они не обязаны любить вас!» «Сэр, — ответил я с бесстрашием невинности, — я люблю добрых граждан, которые составляют это общество, но я не люблю тех, кто интригует. Я заранее знал, что для того, чтобы получить оправдание, я должен льстить тем тиграм, которые недостойны называться людьми; однако тот, кто ничего плохого не сделал, не должен бояться. Я бросил им вызов; они пригрозили мне революционным трибуналом. «Я буду ждать вас там», — сказал я им. Мои бумаги должны были быть опечатаны. На девятый день пять комиссаров отвели меня к себе домой. Каждая бумага, которая попадала к ним в руки, была еще одним доказательством моего патриотизма и моей любви к самому прекрасному из всех дел. Эти комиссары, плохо подготовленные с самого начала, были удивлены, обнаружив так много в мою защиту, и не имели духа наложить печати; они не могли не согласиться в своем заявлении, что все мои рукописи и печатные материалы источают патриотизм и республиканизм. Меня нужно было освободить.

Вот где мои судьи запутались; вернуться по своим следам и исправить большую несправедливость, умоляя меня забыть о моем отвратительном обращении, — это процедура, не подходящая для жалких душ: они предпочли перевести меня в аббатство, где я нахожусь уже три недели, в одну из тех комнат, где можно видеть кровь жертв второго сентября, отпечатанную на стенах, моя чувствительность ранена этим мучительным зрелищем.⁷ Напрасно я отвожу глаза, но мое сердце разрывается; я умираю каждую минуту дня, не теряя своей жалкой жизни.

Этот правдивый рассказ, такой бледный по сравнению с отвратительным обращением, которому я подвергся, свяжет революционный трибунал с моим делом и положит конец моим мучениям. Как же

они будут удивлены, и большинство французов, когда они обнаружат, к сожалению, слишком поздно, что мой проект «Три урны» может спасти Францию от позорного ига, который ей угрожает; когда, наконец, благодаря одной из тех великих мер, которыми провидение вдохновляет великие души, я пробудил честь нации и заставил ее подняться во всей своей полноте, чтобы уничтожить мятежников и дать отпор иностранному врагу. Этот плакат и мои мемуары, которые слишком обширны, чтобы быть размещенными на плакатах, будут, будучи врученными лично, просвещать общественность; да, мои сограждане, эта вершина унижения послужит моей стране. Цена стоит того, чтобы ее заплатить, поэтому я больше не буду жаловаться; я благодарен злобности, которая дала мне эту возможность. И ты, мой сын, чья судьба мне неизвестна, приходи как истинный республиканец и присоединяйся к матери, которая тебя чтит, трепещи от несправедливого обращения, которое ей пришлось вытерпеть; бойся, что мои враги перенесут на тебя последствия своей клеветы. В газете *Observateur de l'Europe* или *Echo of Liberty* на странице третьего августа письмо подкупленного доносчика, адресованное из Тура, гласит: «У нас здесь в качестве нашего командира сын Олимпии де Гуж. Он раньше был при исполнении служебных обязанностей в Версале». Легко отрицать такую грубую ложь, но эти махинации не пытаются ничего доказать, они просто направлены на то, чтобы опорочить репутацию хорошего солдата. Если ты не пал под действием врага, если судьба сохранила тебя, чтобы ты утер мои слезы, тогда оставь свое звание тем, у кого нет других талантов, кроме расчета или перемещения людей, которые полезны для общего блага; придите как истинный республиканец и потребуйте, чтобы закон «око за око» был применен против преследователей вашей матери.

Вопросы для обсуждения:

1. Деятельность какой политической группировки осуждает Олимпия де Гуж в своей речи?
2. Охарактеризуйте отношение писательницы к Робеспьеру.
3. Выделите причины разочарования Олимпии де Гуж французской конституцией и французской республикой.
4. Почему просветительница считает, что во Франции «деградировал общественный дух»?

Темы для проектных работ:

- Якобинцы и Робеспьер: взгляд Олимпии де Гуж.

Список рекомендованных источников и литературы:

1. French Common sense or the Vindication of True Nobles, dedicated to the Jacobins. 1792 г. [Электронный ресурс] URL: <https://olympedegouges.eu/docs/le-bon-sens-francais-ou-l'apologie-des-vrais-nobles.pdf> (дата обращения: 11.03.2025)
2. Great eclipse of the Jacobin sun and the Feuillant moon, for the end of April, or the following month of May; by Liberty, in the fourth year of her name; dedicated to the Earth. 1792 [Электронный ресурс] URL: <https://olympedegouges.eu/docs/grande-eclipse-du-soleil-jacobiniste-et-de-la-lune-feuillante.pdf> (дата обращения: 11.03.2025)
3. Prognostic of Maximilien Robespierre, by an Amphibious Animal. 1792 г. [Электронный ресурс] URL: <https://olympedegouges.eu/docs/pronostic-sur-maximilien-robspierre.pdf> (дата обращения: 11.03.2025)
4. Response to Maximilien Robespierre's Justification, Addressed to Jérôme Pétion, by Olympe de Gouges. 1792. [Электронный ресурс] URL: <https://olympedegouges.eu/docs/reponse-a-la-justification-de-maximilien-robspierre.pdf> (дата обращения: 11.03.2025)
5. Бовыкин Д. Ю. Охвостье Робеспьера // Французский ежегодник 2020. Т. 53: Войны и революции в Новое время. М. С. 68-94.
6. Якобинство в исторических итогах Великой французской революции. Традиции и этапы изучения проблемы // Новая и новейшая история. 1996. - № 5. - С.73-99.

OLYMPE DE GOUGES'S POLITICAL TESTAMENT.

ИЮНЬ 1793 Г. [ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС] URL:

[HTTPS://OLYMPEDEGOUGES.EU/DOCS/TESTAMENT-POLITIQUE.PDF](https://olympedegouges.eu/docs/testament-politique.pdf)

(ДАТА ОБРАЩЕНИЯ: 11.03.2025)

Oh divine providence! You who have always guided my steps, I invoke you and you alone: men are no longer capable of hearing my words. Take charge of my life; hasten its end. My tired eyes can no longer bear the horror of seeing the sad dissension of men, of witnessing their criminal intrigue. If I must die by the sword of the counter-revolutionaries on all sides

then inspire my last moments and fill me with the courage and strength to confound the wicked and serve once more, if I can, my country, before my last hour!

You who from a distance prepares revolutions and destroys tyrants! You whose penetrating gaze scrutinises the depths of the murkiest consciences; it is time to strike and unveil this drawn-out and mysterious iniquity; crime is at its height. Or, if you need the pure and spotless blood of a few innocent victims to bring forward your days of terrible retribution, add to this great campaign the blood of a woman. You know whether I have ever sought a glorious death! Glad to have been the first woman to serve the cause of the people; glad to have sacrificed my fortune to the triumph of liberty; glad to have ultimately given, through my son, a true defender of the Motherland, I only sought a quiet obscure retirement; the philosopher's retreat, a worthy and tender reward for virtue! Given that my writings, my efforts to recall men to the dearest and touching fraternity that alone could save the motherland, were powerless I wept in silence for a son who had spilt his blood on the country's borders on its behalf; by a miracle that only you, oh providence, could control, my son was returned to me. Pulled out from under the bodies and horses of the enemy, this son in the French army, believed to have been sacrificed thanks to his burning civic duty, carried among the dead to a hospital and effaced, in a word, from the list of survivors, stripped of everything by his enemies, flies to Paris to find his mother and seek further employment. I had fled the capital seeking only to remain secluded and unknown in the countryside where I had planned to live. On hearing that the heavens have given me back my son, and that he is in Paris, destiny, that it would be useless for me to obstruct, takes me back within the city walls where, no doubt, an end awaits me that befits my perseverance and my arduous labours.

I find out that my son has left Paris and that he owes this renewed proof of confidence, which his youth might deny him but that his military genius justifies, to the members of the montagne in the national convention. I know that I appear to them as a moderate who leans strongly towards the principles held by the Gironde, yet they did not allow the aversion they feel for the mother to rebound on the son. Their integrity is worthy of my public recognition, I'll say more, I owe them a debt of gratitude and here is how I will manifest it.

[No closing quotation marks are present in the original pamphlets that I have seen.] My son, the world's riches, the universe prostrate at my feet, the daggers of every assassin raised above my head, nothing could put out the civic ardour that burns in my soul, nothing could make me betray my own conscience. What have you done, men led astray by delirious passions, what incalculable harm have you piled up on Paris, on the whole of France? It is said that you risked all for all; you flattered yourselves into believing that in order to save the commonwealth a great proscription was all that was needed; that the départements, suffused in terror, would blindly adopt your horrible measures.² If you are right and thirty-two victims can extinguish all hatred and passion, if they can make the foreign powers declare the republic independent and destroy the army of the counterrevolutionaries, then hurry up and make their blood flow on the scaffolds and I'll offer you an extra victim.³ Are you looking for the guiltiest party? It is I; strike. I, in my prompt defence of Louis Capet, begged, as a true republican, for clemency from the victors of the dethroned tyrant. I suggested appealing to the people. Ultimately, I wanted, by this great measure, to break all sceptres, regenerate all peoples, and halt the rivers of blood that had run, since then, for this cause. This is my crime, oh French, and now it is time to expiate it amongst all these executioners.

But if, by one last effort, I can yet save the commonwealth, I want those who sacrifice me to envy my fate even as they immolate me. And if French women, one day, are designated by posterity, maybe I will be remembered as the equal of roman women [alternative version: And if French women, one day, are designated by posterity, maybe my memory will be held dear]. I have planned it all, I know that my death is inevitable; but, when an ignominious death threatens all good citizens, how glorious and beautiful it is for a noble soul to perish for her dying motherland. I accuse no one directly but what will you do, what will you become, men of bloodshed, if the départements rise up against Paris and arm themselves to defend the sacred duties they have entrusted to their mandataries? You exasperate the people, who, in their blindness, will go and immolate them to satisfy your vengeance. But, following this crime, will you escape from the people's change of heart, from the reversal of that public opinion on which you have raised your criminal expectations. No. I can see it in my mind's eye, the people, sitting like the image of the supreme being at the last judgement, terrible in their justice, asking you to account for the blood that

they have shed on your behalf and for the imminent peril that your fury has dragged them into. Ah! If it is not too late, erring men (for I can only address those who have only lost their head) put a stop to your hatred and your vengeance! These abject souls, who sold themselves to the foreign powers and who, with torch and sword in hand preach republicanism, are evidently driving us into the most horrible slavery; one day their punishment will equal their crime. It is up to you, I say, erring citizens, to open your eyes to the forthcoming ruin of your miserable motherland, to stop these destructive torrents that are flooding towards this city. And you, representatives of the nation, who in order to save the commonwealth of Paris, have not, with this measure, saved the rest of France. You have sacrificed thirty-two of your worthy colleagues to personal hostility, you will soon be asked to justify your accusations and you will be unable to cite one example against your accused. Do you know what you must do if, once persuaded of their innocence, an even more unjust crime forces you to perform these appalling decrees against your conscience. Surpass, if you can, the Romans in courage and virtue. Bring these victims back into the bosom of your society and present your heads to the people. Clothed in national sovereignty, what blows could ever reach you? And if by one of those crimes unknown in this world, the infuriated were to fray a path to you through the dying bodies of the good citizens who had armed themselves in your defence, die worthy of our righteous regret and the admiration of posterity.

And you, victims of the blackest of crimes, worthy of the original freedom of Rome after the exile of Tarquin: who could recall your strength of purpose, your acceptance of the rule of law, without placing you alongside Brutus, Cato, etc..

I can see posterity pausing on these pages of history where your names will be inscribed and spilling tears of admiration when it is found that, carried away by republican heroism at a time of terror and menaces, you flew to the tribune and offered your heads to the people and sacrificed your blameless lives to save the commonwealth.

I feel myself moved by the same heroism that tempers courage and makes assassins quake! Yes, all points to my finding my true reward for civic virtues in the same death that awaits you. How proud I would be to take your defence and die like you as a true republican!

You who are called for by France, whose fate most of the citizens of Paris bemoan, and whom no one dares defend, receive this proof of my courage and of the esteem that I have vowed to all men I deem courageous.

But as I am fairly happy to make myself known to my fellow citizens before my death I will in a few words give them an exact account of my conduct and my fortune. Let the intriguers who, with such effrontery, waste the treasures of the republic, give, like me, an accurate picture of their credit and debit and then all will be clear to the people and they will be able to distinguish their true friends from their enemies.

In 1788 I still possessed 50,000 livres that I had placed in a well-known establishment and chattels worth about 30,000 livres; I now have left, in total, 15,000 or 16,000 livres at the most. My contract of reimbursement and the exact accounts of the 40,000 livres that I spent on the popular cause can be found at Momet, my notary. My gifts during the big freeze, my writings that spread the notion of charitable aid that followed, my projects for subsidised workshops for workmen, my voluntary taxes, my patriotic donations, my name absent from the civil lists or books of preferment, my sense of duty, my unselfishness, all the most particular evidence available at the notaries, in the statements and in the public records since 1788, all will show my fellow citizens that I never sought glory or recompense and that my conduct, therefore, was all the more brilliant and pure. It will be pointless for the intriguers to accuse me of colluding with those called the Girondistes; they know only too well that I have neither public nor personal connection with any of them other than the sharing of good principles. This is the truth; if the God of conscience, as I see him, is the only God that men will come to adore, one day I will see this truth triumph over falsehood. Or, if I am deprived of this pleasure, my fellow citizens, after I am gone, will give me credit where it is due. And never can I conceive that the men who were to be engulfed in a terrible proscription could have been the accomplices of the crowned tyrants; they who would be the first to perish on the scaffold if these tyrants outweighed our republican efforts. But they have talent, virtue and personality; that is their only crime! Prove otherwise and I will be the first to instigate their trial. Alas! I can hardly believe what I am seeing after what I have heard. Yes, I have heard men like the odious Dumouriez argue against my republicanism by saying that it was impossible for it to survive in France and that a king, a protector, a master, in a word, was indispensable in view of the French tur-

bulence; I see that these same men are determined to treat the sages of the republic as rebels!

How is it possible to vehemently preach what one does not believe? How can one so audaciously mislead the people by blaming others for the effects of ones own crimes? If these men dominate that will be the end of liberty and equality. Our dissension is allowing tyranny to advance with giant strides. Citizens! You can take my life but, despite yourselves, you will remember my predictions and my civic virtue. Now I must enumerate my bequests, to which society may not be altogether indifferent, and in which I will allow myself a little of that gaiety that I have always included in affairs that are important to me.

I leave my heart to my country, my probity to men (they need it). My soul to women, not an indifferent gift; my creative genius to playwrights [alternative version: my dramatic genius to authors], they are sure to find it useful, especially my theatrical logic to the distinguished Chesnier [sic]; my compassion to the ruthless, my philosophy to the persecuted, my spirit to the fanatics, my religion to the atheists, my guileless gaiety to women past their prime, and all the sad debris of an honest fortune to my natural heir, my son, if he survives me.

As for my plays, of which there are several hundred in manuscript, I leave them to the comédie française; if, after my death, they think that, thanks to their magical and sublime art, my works are worth producing in their theatre, then my gift will suffice to prove my appreciation of their inimitable talent. Born under a strange star, I would have liked, before my death, to have left an account of a quite interesting life; but if destiny has decided to give a prompt and glorious ending to my days I will leave it to sensitive men, should there be any left, to guess at the feelings of a victim of fanaticism who had rights to a fortune and the name of a distinguished father.

Oh French, here are my last words, heed me in this piece and look into the depths of your hearts: can you find there the serious virtue and compassion of republicans? Respond: who loves and serves the motherland the best, you or I? Nearly all of you are of bad faith. You want neither liberty nor perfect equality. Ambition devours you and the vulture that ceaselessly gnaws and tears at you drives you to the heights of excess. Amiable people, you are too aged, your reign is over unless you can halt it on the edge of the abyss. You were at you greatest, your most sublime, when you kept

a majestic calm in the midst of the agitators' recent sanguinary tempests. Keep in mind that the same traps can be laid again but that if you can maintain your calm and august watchfulness you will save Paris, the whole of France and the republican government.

I chose you, Danton, to defend the principles that, with much feeling, I have hastily developed in this work. Although we manifest our opinions very differently I nevertheless give you the credit you are due, and I believe that you feel the same for me. I appeal to your profound discernment, to your generous personality: be my judge. I will not placard my testament; I will not enflame the people of Paris or the départements; I will address it directly, and with strength of purpose, to the jacobins, to the départements, to the commune, to the sections of Paris, where the sane majority of good citizens is to be found for, however much the evil-doers conspire, they will save the commonwealth.

Перевод с английского.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗАВЕЩАНИЕ ОЛИМПИИ ДЕ ГУЖ. ИЮНЬ 1793 Г.

О божественное провидение! Ты, который всегда направлял мои шаги, я призываю тебя и только тебя: люди больше не способны слышать мои слова. Возьми под контроль мою жизнь; ускорь ее конец. Мои усталые глаза больше не могут выносить ужаса от созерцания печального раздора людей, от наблюдения за их преступными интригами. Если я должен умереть от меча контрреволюционеров со всех сторон, то вдохнови мои последние минуты и наполни меня мужеством и силой, чтобы посрамить нечестивцев и снова, если смогу, послужить своей стране до моего последнего часа!

Ты, кто издалека готовит революции и уничтожает тиранов! Ты, чей проницательный взгляд исследует глубины самых темных совести; пришло время поразить и раскрыть это затянувшееся и таинственное беззаконие; преступление достигло своего пика. Или, если тебе нужна чистая и незапятнанная кровь нескольких невинных жертв, чтобы приблизить дни твоего ужасного возмездия, добавь к этой великой кампании кровь женщины. Ты знаешь, искала ли я когда-либо славной смерти! Рада быть первой женщиной, послужившей делу народа; рада пожертвовать своим состоянием ради торжества свободы; рада, что в конечном итоге дала, через моего сына, истинно-

го защитника Родины, я искала только тихой безвестной отставки; уединения философа, достойной и нежной награды за добродетель! Учитывая, что мои сочинения, мои усилия призвать мужчин к самому дорогому и трогательному братству, которое одно могло спасти Родину, были бессильны, я молча плакала о сыне, который пролил свою кровь на границах страны ради нее; чудом, которое только ты, о провидение, мог контролировать, мой сын был возвращен мне. Вытащенный из-под тел и лошадей врага, этот сын французской армии, которого считали принесенным в жертву благодаря его пылкому гражданскому долгу, отнесли среди мертвых в госпиталь и, одним словом, вычеркнули из списка выживших, лишенный всего своими врагами, летит в Париж, чтобы найти свою мать и искать новую работу. Я бежал из столицы, стремясь лишь к тому, чтобы остаться уединенным и неизвестным в сельской местности, где я планировал жить. Услышав, что небеса вернули мне моего сына и что он в Париже, судьба, которой я бесполезен, возвращает меня за городские стены, где, без сомнения, меня ждет конец, достойный моего упорства и моих тяжелых трудов.

Я узнаю, что мой сын покинул Париж и что он обязан этим новым доказательством доверия, в котором его юность может отказать ему, но которое его военный гений оправдывает, членам *montagne* в национальном конвенте. Я знаю, что кажусь им умеренной, который твердо склоняется к принципам Жиронды, однако они не позволили отвращению, которое они испытывают к матери, отразиться на сыне. Их честность достойна моего публичного признания, скажу больше, я должен им быть благодарен, и вот как я это проявлю.

Сын мой, богатства мира, вселенная, распростертая у моих ног, кинжалы каждого убийцы, поднятые над моей головой, ничто не может погасить гражданский пыл, горящий в моей душе, ничто не может заставить меня предать собственную совесть. Что вы натворили, люди, сбитые с толку безумными страстями, какой неисчислимый вред вы навлекли на Париж, на всю Францию? Говорят, что вы рисковали всем ради всех; вы льстили себе, веря, что для спасения содружества достаточно великого проскрипционного запрета; что департаменты, охваченные ужасом, слепо примут ваши ужасные меры. Если вы правы и тридцать две жертвы могут погасить всю ненависть и страсть, если они могут заставить иностранные державы объявить

республику независимой и уничтожить армию контрреволюционеров, то поторопитесь и заставьте их кровь течь на эшафотах, и я предложу вам дополнительную жертву. Вы ищете самую виновную сторону? Это я; забастовка. Я, в своей быстрой защите Людовика XVI, молила, как истинный республиканец, о помиловании победителей свергнутого тирана. Я предложила обратиться к народу. В конечном счете, я хотела, этой великой мерой, сломать все скипетры, возродить все народы и остановить реки крови, которые текли с тех пор по этому делу. Это мое преступление, о французы, и теперь пришло время искупить его среди всех этих палачей. Но если, одним последним усилием, я все еще могу спасти содружество, я хочу, чтобы те, кто принесет меня в жертву, завидовали моей судьбе, даже когда они сжигают меня. И если однажды француженки будут обозначены потомством, может быть, меня будут помнить, как равную римлянкам [альтернативный вариант: и если француженки, однажды, будут обозначены потомством, может быть, моя память будет дорога]. Я все это спланировала, я знаю, что моя смерть неизбежна; но, когда позорная смерть угрожает всем добрым гражданам, как славно и прекрасно для благородной души погибнуть за свою умирающую родину. Я никого не обвиняю напрямую, но что вы сделаете, кем вы станете, люди кровопролития, если департаменты восстанут против Парижа и вооружатся, чтобы защитить священные обязанности, которые они возложили на своих уполномоченных? Вы раздражаете народ, который в своей слепоте пойдет и принесет их в жертву, чтобы удовлетворить вашу месть. Но после этого преступления вы избежите перемены в сердцах людей, перемены общественного мнения, на котором вы возвели свои преступные ожидания? Нет. Я вижу это мысленным взором, как народ, сидящий, как образ верховного существа на Страшном суде, ужасный в своей справедливости, требует от вас отчета за кровь, которую он пролил ради вас, и за неминуемую опасность, в которую ваша ярость втянула его. Ах! Если еще не слишком поздно, заблудшие люди (ибо я могу обратиться только к тем, кто просто потерял голову), положат конец вашей ненависти и вашей мести! Эти жалкие души, которые продались иностранным державам и которые с факелом и мечом в руках проповедуют республиканизм, очевидно, ведут нас в самое ужасное рабство; однажды их наказание будет равно их преступлению. Я говорю вам, заблудшие граждане, открыть

глаза на предстоящее падение вашей несчастной родины, остановить эти разрушительные потоки, которые устремляются к этому городу. И вы, представители нации, которые, чтобы спасти Парижское содружество, не спасли этой мерой остальную Францию. Вы принесли в жертву личной вражде тридцать два ваших достойных коллеги, вас скоро попросят оправдать ваши обвинения, и вы не сможете привести ни одного примера против ваших обвиняемых. Знаете ли вы, что вы должны сделать, если, убедившись в их невиновности, еще более несправедливое преступление заставит вас исполнить эти ужасные указы против вашей совести. Превзойдите, если сможете, римлян в мужестве и добродетели. Верните этих жертв в лоно вашего общества и представьте ваши головы народу. Облаченные в национальный суверенитет, какие удары когда-либо могли бы достичь вас? И если одним из этих преступлений, неизвестных в этом мире, разъяренные проложат к вам путь через умирающие тела добрых граждан, которые вооружились для вашей защиты, умрите достойно нашего праведного сожалеания и восхищения потомков.

И вы, жертвы самых черных преступлений, достойные изначальной свободы Рима после изгнания Тарквиния: кто мог бы вспомнить вашу силу воли, ваше принятие верховенства закона, не поставив вас рядом с Брутом, Катоном и т. д.

Я могу видеть, как потомки останавливаются на этих страницах истории, где будут вписаны ваши имена, и проливают слезы восхищения, когда обнаружится, что, увлеченные республиканским героизмом во времена ужаса и угроз, вы бросились на трибуну и предложили свои головы народу и пожертвовали своими безупречными жизнями, чтобы спасти содружество.

Я чувствую, что меня трогает тот же героизм, который закаляет мужество и заставляет убийц дрожать! Да, все указывает на то, что я нахожу свою истинную награду за гражданские добродетели в той же смерти, которая ждет вас. Как горд я был бы принять вашу защиту и умереть, как вы, как истинный республиканец!

Вы, призванные Францией, чью судьбу оплакивает большинство граждан Парижа и кого никто не осмеливается защищать, примите это доказательство моего мужества и уважения, которое я поклялся всем людям, которых я считаю мужественными.

Но поскольку я довольно счастлив, что перед смертью я смогу открыться своим согражданам, я в нескольких словах дам им точный отчет о моем поведении и моем состоянии. Пусть интриганы, которые с такой наглостью растрачивают сокровища республики, дадут, как и я, точную картину своего кредита и дебета, и тогда все станет ясно народу, и он сможет отличить своих истинных друзей от своих врагов.

В 1788 году у меня все еще было 50 000 ливров, которые я поместил в известное заведение, и движимое имущество стоимостью около 30 000 ливров; теперь у меня осталось в общей сложности 15 000 или самое большее 16 000 ливров. Мой договор о возмещении и точные счета 40 000 ливров, которые я потратил на народное дело, можно найти у Моме, моего нотариуса. Мои дары во время большого заморозка, мои сочинения, которые распространяли идею благотворительной помощи, которая последовала, мои проекты субсидируемых мастерских для рабочих, мои добровольные налоги, мои патриотические пожертвования, мое имя, отсутствующее в гражданских списках или книгах о преференциях, мое чувство долга, мое бескорыстие, все самые подробные доказательства, имеющиеся у нотариусов, в заявлениях и в публичных записях с 1788 года, все это покажет моим согражданам, что я никогда не искал славы или вознаграждения и что мое поведение, таким образом, было тем более блестящим и чистым. Интриганам будет бессмысленно обвинять меня в сговоре с теми, кого называют жирондистами; они слишком хорошо знают, что у меня нет ни публичной, ни личной связи ни с кем из них, кроме как разделяя добрые принципы. Это правда; Если Бог совести, как я его вижу, единственный Бог, которого будут почитать люди, однажды я увижу, как эта правда восторжествует над ложью. Или, если я лишен этого удовольствия, мои сограждане, после того как я уйду, отдадут мне должное, где это необходимо. И я никогда не смогу представить, что люди, которые должны были быть охвачены ужасным изгнанием, могли быть сообщниками коронованных тиранов; они были бы первыми, кто погиб бы на эшафоте, если бы эти тираны перевесили наши республиканские усилия. Но у них есть талант, добродетель и личность; это их единственное преступление! Докажите обратное, и я буду первым, кто инициирует их суд. Увы! Я с трудом верю в то, что вижу, после того, что я услышал. Да, я слышал, как люди, подобные

отвратительному Дюмурье, возражали против моего республиканизма, говоря, что он не мог выжить во Франции и что король, защитник, хозяин, одним словом, был необходим ввиду французских потрясений; Я вижу, что эти же люди полны решимости обращаться с мудрецами республики как с мятежниками!

Как можно яростно проповедовать то, во что не веришь? Как можно так дерзко вводить людей в заблуждение, обвиняя других в последствиях собственных преступлений? Если эти люди будут доминировать, это будет концом свободы и равенства. Наше разногласие позволяет тирании продвигаться гигантскими шагами. Граждане! Вы можете лишить меня жизни, но, вопреки себе, вы вспомните мои предсказания и мою гражданскую добродетель. Теперь я должен перечислить свои завещания, к которым общество может быть не совсем безразлично, и в которых я позволю себе немного той веселости, которую я всегда включал в дела, которые важны для меня.

Я оставляю свое сердце своей стране, свою честность мужчинам (им это нужно). Мою душу женщинам, а не безразличный дар; мой творческий гений драматургам [альтернативный вариант: мой драматический гений писателям], они наверняка найдут его полезным, особенно мою театральную логику выдающемуся Шенье [sic]; мое сострадание безжалостным, мою философию преследуемым, мой дух фанатикам, мою религию атеистам, мою бесхитростную веселость женщинам, которые уже миновали расцвет, и все печальные обломки честного состояния моему естественному наследнику, моему сыну, если он переживет меня. Что касается моих пьес, которых в рукописи насчитывается несколько сотен, я оставляю их Комеди Франсез; если после моей смерти они сочтут, что благодаря их магическому и возвышенному искусству мои произведения достойны постановки в их театре, то моего дара будет достаточно, чтобы доказать мою признательность их неподражаемому таланту. Рожденный под странной звездой, я хотел бы, прежде чем умереть, оставить рассказ о довольно интересной жизни; но если судьба решила дать моим дням быстрый и славный конец, я предоставлю это чувствительным людям, если таковые останутся, угадывать чувства жертвы фанатизма, имевшей права на состояние и имя выдающегося отца.

О, французы, вот мои последние слова, внемлите мне в этой части и загляните в глубины своих сердец: можете ли вы найти там се-

ррезную добродетель и сострадание республиканцев? Отвечайте: кто любит и служит родине лучше всего, вы или я? Почти все вы неверны. Вы не хотите ни свободы, ни совершенного равенства. Честолюбие пожирает вас, а стервятник, который непрестанно грызет и терзает вас, гонит вас к вершинам излишеств. Милые люди, вы слишком стары, ваше правление окончено, если вы не сможете остановить его на краю пропасти. Вы были в своей величайшей, своей самой возвышенной форме, когда вы сохраняли величественное спокойствие посреди недавних кровавых бурь агитаторов. Помните, что те же самые ловушки могут быть расставлены снова, но если вы сможете сохранить свое спокойствие и августейшую бдительность, вы спасете Париж, всю Францию и республиканское правительство.

Я выбрал вас, Дантон, чтобы защищать принципы, которые я с большим чувством поспешно развил в этой работе. Хотя мы выражаем наши мнения очень по-разному, я тем не менее отдаю вам должное, и я верю, что вы чувствуете то же самое по отношению ко мне. Я взываю к вашей глубокой проницательности, к вашей щедрой личности: будьте моим судьей. Я не буду вывешивать свое завещание; я не буду воспламенять народ Парижа или департаментов; Я обращаюсь с этим призывом напрямую и с решительностью к якобинцам, к департаментам, к коммунам, к секциям Парижа, где находится здравомыслящее большинство добрых граждан, ибо, как бы злодеи ни строили заговоры, они спасут республику.

Вопросы для обсуждения:

1. Охарактеризуйте отношение Олимпии де Гуж к своему сыну Пьеру Обри де Гуж. Используя дополнительную литературу и источники, выявите его отношение к матери и её идеям.
2. Какой политической группировке выражает свою поддержку Олимпия де Гуж в данном документе.
3. Какие из идей Олимпии де Гуж оказались пророческими?

Темы для проектных работ:

- Луи-Себастьян Мерсье и Олимпия де Гуж: сравнительная характеристика философских идей.

Список рекомендованных источников и литературы:

2. Louis Sébastien Mercier: оригинальные тексты работ [Электронный ресурс] URL: <https://data.bnf.fr/en/ark:/12148/cb11915633w> (дата обращения: 11.03.2025)

3. Фафурин, Г. А. Когда и как попал роман Мерсье «Год 2440» к российскому читателю // Философский век: Альманах. — СПб. - 2000. — Вып. 13. — С. 421—430.

**UNION, COURAGE, SURVEILLANCE, AND THE REPUBLIC IS
SAVED 1793 Г. [ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС] URL:
[HTTPS://OLYMPEDEGOUGES.EU/DOCS/UNION-COURAGE-
SURVEILLANCE.PDF](https://olympedegegouges.eu/docs/union-courage-surveillance.pdf)**

(ДАТА ОБРАЩЕНИЯ: 11.03.2025)

Convention, you show yourself and the partisan spirit faints away. Paris, you rise up and the conspirators hide themselves. Commune, Sections, Citizens, crime observes: you observe too. Agitators watch out for sleep; let your eyelids close only when the Republic is out of danger. Let all citizens be armed day and night, and instead of mounting guard fortnightly let them mount it every twenty-four hours, The slightest negligence can lose the republic. Feast days particularly are gala days for the agitators for they know these are days when the populace abandons its work to unbend with open and pure gaiety. It is at such times of relaxation that the conspirators diffuse, at their leisure, crime's poison in the midst of these delights.

Mayor of Paris, General of the National Guard, it is not enough that your active surveillance saved Paris twice in the last fortnight by confounding hatred and envy. You may yet need to redouble your courage in order for your names to pass on to posterity. The final efforts of the aristocracy and Philippe's party will risk everything; may the blows they wish to rain on the Republic only fall on their odious machination.

Convention, Commune, Sections, Mayor, General of Paris, and all the constituted Powers, are you really Republican? If you are you must be aware of the extreme measures you are yet to take; these measures are violent, I myself had disapproved of them but the circumstances have taught me to change my opinions.

The Bourbons keep the fire of discord burning. Philippe, especially, serves as a rallying point for the conspirators. He may be innocent, but he

is guilty in the eyes of the Republic when he becomes an object of concern to it; let him go and live in the United States of America, bearing the protection of the French Republic. He would surely live there happy and quiet. Time will do the rest. I believe I am doing him a service by offering him this advice. I would be within my rights to criticise him for if he were a good citizen why did he send the greatest share of his fortune abroad? And why has he so little faith in the French government? Would he have wished, by this precaution, to risk everything by firmly underscoring his projects? And is it not manifest that what he is saying to himself is: 'If I become king, regent or dictator, I will be powerful enough, wealthy enough in France; if I fail in my project my fortune is assured elsewhere.' If this conduct is not criminal it is at least very strange and very suspicious of the Republic. I will tell Philippe even greater truths: were I to save my country before my death, I would forgive my assassins.

Citizens, you have seen me abide by the laws of my country, and defend a constitution, masterpiece of the human spirit that could not withstand the disfigurement imposed upon it by the falsehood of the leader and his agents. It pained me to see the collapse of this constitution. I admit it, to console myself, I have recognised that it was nothing but a beautiful dream, and that kings never act in the interests of peoples. I had intuited this truth from my earliest years, this constitutional masterpiece had always fascinated me. This social contract was made for a brotherhood of man. I had thought that from it to the Republic would be just one small step. I recovered my true principles in this government: death, I swear it, or I will defend it.

Therefore learn, citizens, to feel these republican virtues, half-measures are always damaging. Great wrongs require great manoeuvres; when evil is contagious roots must be cut for the shade of a tree's branches can poison a free earth.

The distancing of the Bourbons from the Republic's territory will break all the threads of discord and conspiracy. The rabble-rousers and the tyrants help themselves via opposing paths and diverse interests; Philippe outside our territory surprises and horrifies the foreign powers. That is when you will see the courage of our volunteers revive itself, our generals will head straight for the enemy and the independence of our Republic will be recognised by the whole of Europe. That is when you will see the peoples of the Universe imperceptibly regenerated, the fugitives from other

nations will bring us back the funds that the emigrants took to their countries. Could you prevaricate and hold on to three or four Bourbon families under the specious pretext of their slaves who say that their expenditures enrich the Republic? Cast out these vile personal interests: public fortune makes it imperative.

Citizens, the Bourbons, far from our borders, will be like the affect of the sun on clouds; storms, tempests, all will disappear and days of serenity will cast light on the Republican.

I would like to develop my observations further but ill, and pursued by assassins, I hastily threw down my ideas on paper, without reconsidering them. Nothing can stop me when it comes to saving my country, and until my last breath I will devote all my time to it.

Перевод с английского.

СОЮЗ, МУЖЕСТВО, НАБЛЮДЕНИЕ ВО ИМЯ СПАСЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ. 1793 Г.

Конвент, вы показываете себя, и партийный дух слабеет. Париж, вы восстаете, и заговорщики прячутся. Коммуна, Секции, Граждане преступление наблюдают: вы тоже наблюдаете. Агитаторы следят за сном; пусть ваши веки закрываются только тогда, когда Республика будет вне опасности. Пусть все граждане будут вооружены днем и ночью, и вместо того, чтобы стоять на страже раз в две недели, пусть они стоят на страже каждые двадцать четыре часа. Малейшая небрежность может погубить республику. Праздничные дни особенно являются торжественными днями для агитаторов, поскольку они знают, что это дни, когда население бросает свою работу, чтобы расслабиться с открытым и чистым весельем. Именно в такие моменты отдыха заговорщики на досуге распространяют яд преступления среди этих наслаждений.

Мэр Парижа, генерал Национальной гвардии, недостаточно того, что ваше активное наблюдение дважды спасло Париж за последние две недели, смешав ненависть и зависть. Вам, возможно, еще придется удвоить свое мужество, чтобы ваши имена перешли к потомкам. Последние усилия аристократии и партии Филиппа поставят под угрозу все; пусть удары, которые они хотят обрушить на Республику, обрушатся только на их отвратительные махинации.

Конвент, Коммуна, Секции, мэры, генерал Парижа и все учрежденные власти, вы действительно республиканцы? Если вы таковы, вы должны знать о крайних мерах, которые вам еще предстоит принять; эти меры жестоки, я сам их не одобрял, но обстоятельства научили меня менять свое мнение.

Бурбоны поддерживают огонь раздора. Филипп, в частности, служит объединяющим фактором для заговорщиков. Он может быть невиновен, но он виновен в глазах Республики, когда становится объектом ее беспокойства; пусть он уезжает и живет в Соединенных Штатах Америки, пользуясь защитой Французской Республики. Он наверняка жил бы там счастливо и спокойно. Время сделает все остальное. Я считаю, что оказываю ему услугу, давая ему этот совет. Я был бы вправе критиковать его, если бы он был хорошим гражданином, почему он отправил большую часть своего состояния за границу? И почему он так мало верит французскому правительству? Хотел бы он, из-за этой предосторожности, рискнуть всем, твердо подчеркивая свои проекты? И разве не очевидно, что он говорит себе: «Если я стану королем, регентом или диктатором, я буду достаточно силен, достаточно богат во Франции; если я потерплю неудачу в своем проекте, мое состояние будет обеспечено в другом месте». Если это поведение не преступно, оно, по крайней мере, очень странно и очень подозрительно по отношению к Республике. Я скажу Филиппу еще большую правду: если бы я спас свою страну перед смертью, я бы простил своих убийц. Граждане, вы видели, как я соблюдал законы своей страны и защищал конституцию, шедевр человеческого духа, который не мог выдержать уродства, наложенного на него ложью лидера и его агентов. Мне было больно видеть крах этой конституции. Признаюсь, чтобы утешить себя, я понял, что это была всего лишь прекрасная мечта, и что короли никогда не действуют в интересах народов. Я интуитивно чувствовал эту истину с самых ранних лет, этот конституционный шедевр всегда завораживал меня. Этот общественный договор был заключен для братства людей. Я думал, что от него до Республики будет всего один маленький шаг. Я обрел свои истинные принципы в этом правительстве: смерть, клянусь, или я буду ее защищать.

Поэтому учитесь, граждане, чувствовать эти республиканские добродетели, полумеры всегда вредны. Большие несправедливости

требуют больших маневров; когда зло заразительно, корни должны быть обрублены, ибо тень ветвей дерева может отравить свободную землю.

Отдаление Бурбонов от территории Республики разорвет все нити раздора и заговора. Подстрекатели и тираны помогают себе противоположными путями и различными интересами; Филипп за пределами нашей территории удивляет и ужасает иностранные державы. Вот тогда вы увидите, как возродится мужество наших добровольцев, наши генералы устремятся прямо на врага, а независимость нашей Республики будет признана всей Европой. Вот тогда вы увидите, как народы Вселенной незаметно возродятся, беглецы из других стран вернут нам средства, которые эмигранты увезли в свои страны. Могли бы вы увильнуть и удержать три или четыре семьи Бурбонов под благовидным предлогом их рабов, которые говорят, что их расходы обогащают Республику? Отбросьте эти гнусные личные интересы: общественное благосостояние требует этого.

Граждане, Бурбоны, вдали от наших границ, будут подобны влиянию солнца на облака; бури, штормы, все исчезнет, и дни безмятежности прольют свет на республиканца.

Я хотел бы развить свои наблюдения дальше, но будучи больной и преследуемый убийцами, я поспешно изложила свои идеи на бумаге, не пересматривая их. Ничто не остановит меня, когда речь идет о спасении моей страны, и до последнего вздоха я посвящу этому все свое время.

Вопросы для обсуждения:

1. Что угрожает республике, по мнению Олимпии де Гуж?
2. Кто такой «Филипп», который упоминается в данном документе? Как советует ему поступить просветительница?
3. Почему писательница считает, что «Бурбонов следует отдалить от территории Франции»?

Темы для проектных работ:

- Луи-Филипп II, герцог Орлеанский и Великая французская революция: участие и взгляды.

Список рекомендованных источников и литературы:

1. Kelly, G. The Machine of the Duc D'Orléans and the New Politics // The Journal of Modern History. - 1979. – Том 51. - № 4. – С. 667-684
2. Mémoire pour M. C. L. Ducrest et M. de Boisbaudron, contre M. d'Orléans 1791. [Электронный ресурс] URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.975c8df1-68025484-0a48323f-74722d776562/https/data.bnf.fr/fr/ark:/12148/cb12531285x (дата обращения: 11.03.2025)
3. Вельде, Ф. «Французская королевская семья: титулы и обычаи [Электронный ресурс] URL: www.heraldica.org. (дата обращения: 11.03.2025)

**URGENT NOTICE TO THE CONVENTION, FROM A TRUE
REPUBLICAN WOMAN MАРТ 1793 Г. [ЭЛЕКТРОННЫЙ
РЕСУРС] URL: [HTTPS://OLYMPEDEGOUGES.EU/DOCS/AVIS-
PRESSANT-A-LA-CONVENTION.PDF](https://olympedegouges.eu/docs/avis-pessant-a-la-convention.pdf)
(ДАТА ОБРАЩЕНИЯ: 11.03.2025)**

When men's opinions and interests are divided at a time of revolution that is an end to liberty and equality: the union of true republicans is their strength and cements their government. It is the death sentence of tyrants. When will you be struck by this truth?

Citizens, the motherland is on the edge of an abyss; the lightning strike from the crowned brigands is about to set fire to all parts. I come to offer you the only means to save it. This means is easy since it is in your hands.

The National Convention has finally become a Pandora's box; will it be crime or virtue that triumphs? If it is crime then cover the statue of France with black crepe, give the sign of death, and end our troubles; if truth then make the republican laws speak, punish the agitators and end our troubles. Choose, and end our troubles.

The moment to supplant you through outrageous ambition, to crave popular applause, is passed. It is not a question of competing talents but rather the glory of saving one's motherland and this discussion is not a battle to the death between citizens, unlike the one you present in your sessions every day. You only have one precious moment left; know how to make the best of it or that will be the end of you, the people, the whole of France.

Vainly I will name you Legislators, be worthy of it. Do even more, in order to imprint it in all minds, mutually forgive your wrongs, your hatreds, your dissensions that make you suspicious of conspiracies. Look into your consciences and read there the incalculable wrongs your furious vengeance can produce. See the external war made fruitless by the internal regional war.² See this generous multitude of the most brilliant Young Citizens fly to our frontiers to shed there a pure and blameless blood. And for whom, good God! For the Motherland alone, and not to satisfy your passions or return a tyrant to the throne.

Mandararies of the French Republic, a greater plan carries me towards you. Yes, everything tells me that I will succeed in my enterprise. The welfare of the people, the prosperity of the Motherland, all must impose upon you the obligation to reunite. The aristocrats congratulate themselves on your divisions. I heard with my own ears in a theatre corridor: 'Our affairs are going well, the rascals of the National Convention no longer agree; our triumph is certain.' Oh Convention! Abandon that title right now and become the true senate of the French. Become the equal of the world's first Areopagus.³ End your debates, your scandalous dissension, and confound the wicked. Elevate yourself to the height of your functions; take on all the virtues of the republican character and the manners of a proud and generous people. Stifle all particular resentment and give way to public felicity. May this solemn reunion make European tyrants blanch and the internal agitators tremble. May this reconciliation, more durable than the one that was but in place during the Legislative Assembly, exterminate the royalists and lift up our republican heads to face the despots who fight against us.

Oh my fellow Citizens! If only I could pour my entire soul into yours. You would no longer be assailed by all kinds of fears, by all kinds of passions. You would feel only the need to forgive and a love of public good. You would occupy yourselves only in putting the finishing touches to the structure of the constitution and the people, blessing your work, would come to your sessions with cries of joy from all sides to show their gratitude, and to offer you the sweetest recompense for you fraternal labours. Could you possibly prefer their maledictions? No, that is impossible. No, egotism cannot overpower you. No, sordid self-interest always damages those who allow themselves to be carried away by it and cannot debase your hearts primed to lead others towards this saintly reunion. Oh

brotherly sentiments! Oh nature! Oh justice! Precious gifts from heaven, descend amongst our Legislators; come and banish hatred, passion, then I will recognise the hand of Providence that for so long has watched over France.

Which side will be the first to abjure its resentment? Is it you, Montagne, that will be the first to descend from your despotic throne? Is it you Plaine who, having no need to descend, will take the first step? Or, transported by a spontaneous impulse, will both parties join together in the middle of the French Senate?

Montagne, Plaine, Brissotins, Girondistes, Robespierrots, Maratistes, disappear, infamous epithets!⁵ Disappear forever, and may the names of Legislators, of Brothers, take your place for the benefit of the People, for social calm and for the triumph of the Motherland!

Legislators, what an example of fraternity the Parisian sections, the Commune and all the constituted powers gave you yesterday! They were not content to just ensure the safety of your lives, they wanted furthermore, through a solemn pact, to imprint in all hearts that these lives are absolutely inseparable from the welfare of the Motherland which only a sincere reunion on your part can make possible. Could you hesitate when the prosperity of the Republic makes it your sacred duty?

And you, People of Paris that the entire Universe seeks to slander, you can show through sustained constancy that if the Revolution is your work it will be eternally sustained by a respect for the rule of Law; that despite the malicious naysayers who unite to come between you and the Départements, a breach that would cause your blood to flow, you will constantly be vigilant and protect its representatives.

OLYMPE DE GOUGES.

Nota bene. I join to this text the one I published when I offered to defend the last French king.⁷ This led to my being exceptionally persecuted, which may one day be my claim to fame. May those who pursued me, and continue to pursue me due to these writings, and claim to be patriots and republicans, despite these virtues being foreign to them, at last learn to recognise them in these works that they call royalist.

CITIZEN PRESIDENT, The Universe has its eyes fixed on the trial of the first and last king of France. I race to bring to the convention the actual letters written to me by the gentlemen Brissac and Laporte.⁸ With them I enclose five hundred examples of my Moral Reckoning.

Citizen president, today I am interested in a greater matter; that of the glory of my country. I offer myself, following the courageous Malesherbes, as Louis' advocate.¹⁰ Let us leave my sex to one side; heroism and generosity belong equally to women; the revolution offers more than one example. I am a candid and loyal republican, without stain or fault; no one doubts it, even those who affect to disregard my civic virtues: I can therefore take charge of this cause.

As king I believe Louis to be in the wrong, but take away this proscribed title and he ceases to be guilty in the eyes of the republic. His ancestors had pushed the troubles of France to the limit; sadly for him the cup shattered in his hands and he was left in charge of all the shards. I could add that without the perversity of his court he might have been a virtuous king. One only has to remember that he hated grandees; that he was able to force them to pay their debts; that he was the only one of our tyrants who did not entertain courtesans, and whose manners were unspoilt. He was weak, he was misled; he misled us, he misled himself: there in a few words is his suit.

Citizen president, I will not reveal here my reasons for justifying his defence. I wish only to be accepted by the convention and by Louis Capet to second an elderly man, almost eighty years old, in a painful job that seems to me to warrant the full strength and courage of greener years. No doubt I would not have entered the fray alongside such an advocate if the cold and equally selfish egotism of Mister Target had not enflamed my heroism and excited my sensibility.¹¹ I can die right now: one of my republican plays is about to be performed.¹² If my light is extinguished at this moment, a moment that may glorify me, and if, after my death, principles still hold sway, my memory will be blessed and my disabused assassins will shed a few tears on my tomb. My zeal may seem suspect to Louis Capet; his infamous courtiers have undoubtedly missed no opportunity to create in his mind an image of me as a cannibal desperate for blood, but how wonderful it is to disabuse in such a way an unfortunate man lacking in support.

May I be permitted to present, to the national convention, an opinion that I thought worthy of all its attention.

Does Louis the Last threaten the republic more than his brothers, or his son? His brothers are still united with the foreign powers and only work on their own behalf. Louis Capet's son is innocent, and will survive his fa-

ther. These pretenders, will they not engender many centuries of divisive factions? The English occupy a place in history that is quite different to the Romans: the English dishonoured themselves in the eyes of posterity by putting to death Charles I: the Romans immortalised themselves by exiling Tarquin. But true republicans always had vastly superior maxims to those of slaves. In order to kill a king it is not enough to cut off his head; he lives on long after his death; he is only truly dead once he has survived his fall. I will stop here to allow the convention to reflect on all the ideas that I have brought to its attention.

And I will also submit some observations to you, my fellow citizens. Let us abjure a reasonable resentment to remember that clemency always brings honour to the victors. It must be presumed that if the national convention is reduced to declare against Louis Capet, it will, in its wisdom, only pronounce the death sentence after first having it sanctioned by the eighty-three départements and by our armies, as it decreed in the new constitution. Given that Paris is only a tiny fragment of the French republic the convention will find this sanction all the more indispensable. It is said that the members of the convention should be forced to vote, by name, for the sentence of death on the guilty party but, if I must speak from the heart, I believe that no true republican will vote for his death, and that the majority will be in favour of exile.

Louis Capet's greatest crime, it must be conceded, was to be born a king at a time when philosophy was silently laying the foundations of the republic. We have abolished royalty. People, throne: he has lost everything. Let us be generous enough to leave him his life. If he had been the victor we might all be royalists; men are so subjugated by circumstances! By dethroning him we have shattered all the sceptres of the world: the sovereignty of the people has taken back its rights; we should not punish him for the ignorance of our ancestors or the crimes of his. If, as king, he sought, through the perfidy of his peers, to safeguard his prerogatives which have been, successively, the source of civil war and the caprices of men, he was fulfilling his role. Let us be republicans in exiling Louis Capet, and let all the potentates tremble! After this show of heroism what nation will dare arm itself, in the defence of tyrants, against a magnanimous people who can conquer and forgive?

N.B. [To Avis Pressant] What crimes does calumny not invent in order to defame blameless and unblemished souls! Citizen Feydel informed

me that a man, who refused to name himself, had told him that he had seen me with an individual implicated in the making of false assignats. 14 I call upon this citizen to tell me this man's name for I am too much an enemy of crime and not knowledgeable enough to hazard a guess. But in the circumstances that we find ourselves I could not overstate the attempts that have been made to tarnish my reputation: I have already been called Louis XV's daughter. There are no fables or absurdities that have not been brought into the world on my account; even about my private life!

Prudes, that is to say gossips with any amount of dalliances, have given me lovers in the Constituent Assembly, the Legislative Assembly and even right up to the Convention. Truly, I may have made a few conquests but I declare than no legislator conquered me. Without false modesty I believe I can openly admit that I cannot see that there is any man worthy of me: this confession, as proud as it is simple, is a profound truth. I am not complaining of my supposed birth nor of the lovers I have been allotted, but I ask citizen Feydel, as a true Republican, to point out to me the man who claims to have seen me with the maker of false assignats. It is not for my sake that I insist he explains himself as a point of honour but exclusively for the interests of society and the Republic.

Перевод с английского.

СРОЧНОЕ УВЕДОМЛЕНИЕ КОНВЕНТУ ОТ ИСТИННОЙ ЖЕНЩИНЫ- РЕСПУБЛИКАНКИ МАРТ 1793 Г.

Когда мнения и интересы людей разделяются во время революции, которая является концом свободы и равенства: союз истинных республиканцев является их силой и цементирует их правительство. Это смертный приговор тиранам. Когда вы будете поражены этой истиной?

Граждане, родина находится на краю пропасти; молниеносный удар коронованных разбойников вот-вот поджечь все части. Я пришел предложить вам единственное средство спасти ее. Это средство легко, поскольку оно в ваших руках.

Национальное собрание наконец стало ящиком Пандоры; что победит — преступление или добродетель? Если это преступление, то покройте стацию Франции черным крепом, дайте знак смерти и положите конец нашим бедам; если правда, то заставьте республиканские

законы говорить, накажите агитаторов и положите конец нашим бедам. Выбирайте и положите конец нашим бедам.

Момент, чтобы вытеснить вас возмутительным честолюбием, жаждать народных аплодисментов, прошел. Речь идет не о соревновании талантов, а о славе спасения родины, и эта дискуссия не является битвой не на жизнь, а на смерть между гражданами, в отличие от той, которую вы представляете на своих ежедневных заседаниях. У вас остался только один драгоценный момент; знайте, как извлечь из него максимум пользы, иначе это будет концом для вас, народа, всей Франции. Напрасно я назову вас законодателями, будьте достойны этого. Делайте даже больше, чтобы запечатлеть это во всех умах, взаимно прощайте ваши обиды, вашу ненависть, ваши разногласия, которые заставляют вас подозревать заговоры. Загляните в свою совесть и прочтите там неисчислимые обиды, которые может произвести ваша яростная месть. Посмотрите, как внешняя война становится бесплодной из-за внутренней региональной войны. Посмотрите, как это щедрое множество самых блестящих молодых граждан летит к нашим границам, чтобы пролить там чистую и невинную кровь. И для кого, Боже мой! Только для Родины, а не для того, чтобы удовлетворить ваши страсти или вернуть тирана на трон. Мандатарии Французской Республики, более великий план влечет меня к вам. Да, все говорит мне, что я преуспею в своем предприятии. Благополучие народа, процветание Родины — все это должно налагать на вас обязанность воссоединиться. Аристократы поздравляют себя с вашими разногласиями. Я слышал собственными ушами в театральном коридоре: «Наши дела идут хорошо, негодяи Национального Конвента больше не согласны; наша победа неизбежна». О, Конвент! Откажитесь от этого титула прямо сейчас и станьте истинным сенатом Франции. Станьте равным первому в мире Ареопагу. Прекратите ваши дебаты, ваши скандальные разногласия и посрамите нечестивцев. Поднимитесь на высоту ваших функций; примите все добродетели республиканского характера и манеры гордого и великодушного народа. Подавите все частные обиды и уступите место общественному счастью. Пусть это торжественное воссоединение заставит европейских тиранов побледнеть, а внутренних агитаторов затрепетать. Пусть это примирение, более прочное, чем то, которое существовало лишь во время Законодательного собрания, уничтожит роялистов и поднимет наши респуб-

ликанские головы, чтобы противостоять деспотам, которые борются против нас.

О, мои сограждане! Если бы я мог излить всю свою душу в вашу. Вас больше не одолевали бы всевозможные страхи, всевозможные страсти. Вы бы чувствовали только потребность прощать и любовь к общественному благу. Вы бы занимались только тем, что внесли последние штрихи в структуру конституции, и люди, благословляя ваш труд, приходили бы на ваши заседания с криками радости со всех сторон, чтобы выразить свою благодарность и предложить вам сладчайшую награду за ваши братские труды. Неужели вы предпочтете их проклятия? Нет, это невозможно. Нет, эгоизм не может одолеть вас. Нет, низменный эгоизм всегда вредит тем, кто позволяет себе увлечься им, и не может унижать ваши сердца, готовые вести других к этому святому воссоединению. О братские чувства! О природа! О справедливость! Драгоценные дары небес, снизойдите к нашим законодателям; придите и изгоните ненависть, страсть, тогда я узнаю руку Провидения, которая так долго охраняла Францию.

Какая сторона первой отречется от своего негодования? Ты ли, Гора, первым сойдет со своего деспотического трона? Ты ли, Плен, который, не имея необходимости спускаться, сделает первый шаг? Или, движимые стихийным порывом, обе партии объединятся в середине французского Сената?

Гора, Плен, Бриссотенцы, Жирондисты, Робеспьеро, Маратисты, исчезните, позорные эпитеты! Исчезните навсегда, и пусть имена Законодателей, Братьев займут ваше место ради блага Народа, ради общественного спокойствия и ради торжества Родины!

Законодатели, какой пример братства дали вам вчера парижские секции, Коммуна и все установленные власти! Они не довольствовались только обеспечением безопасности ваших жизней, они хотели, кроме того, посредством торжественного пакта запечатлеть во всех сердцах, что эти жизни абсолютно неотделимы от благополучия Родины, которое может сделать возможным только искреннее воссоединение с вашей стороны. Разве вы могли бы колебаться, когда процветание Республики делает это вашим священным долгом?

И вы, жители Парижа, которых вся Вселенная стремится оклеветать, вы можете показать посредством постоянного постоянства, что, если Революция — это ваше дело, она будет вечно поддержи-

ваться уважением к верховенству Закона; что, несмотря на злобных скептиков, которые объединяются, чтобы встать между вами и Департаментами, разрыв, который заставил бы вашу кровь течь, вы будете постоянно бдительны и защищать ее представителей.

ОЛИМПИА ДЕ ГУЖ.

Nota bene. Я присоединяю к этому тексту тот, который я опубликовал, когда я предложил защищать последнего французского короля.⁷ Это привело к тому, что я подвергся исключительному преследованию, что может стать моим правом на славу. Пусть те, кто преследовал меня и продолжает преследовать из-за этих писаний и называет себя патриотами и республиканцами несмотря на то, что эти добродетели им чужды, наконец научатся распознавать их в этих работах, которые они называют роялистскими.

ГРАЖДАНИН ПРЕЗИДЕНТ, Вселенная устремила свои взоры на суд над первым и последним королем Франции. Я спешу принести в конвент подлинные письма, написанные мне господами Бриссаком и Лапортом. Вместе с ними я прилагаю пятьсот примеров моего Морального Расчета.

Гражданин президент, сегодня меня интересует более важное дело: слава моей страны. Я предлагаю себя, следуя мужественному Мальзербу, в качестве адвоката Людовика.¹⁰ Оставим мой пол в стороне; Героизм и щедрость в равной степени присущи женщинам; революция дает не один пример. Я искренний и верный республиканец, без пятен и недостатков; никто не сомневается в этом, даже те, кто делает вид, что не уважает мои гражданские добродетели: поэтому я могу взять на себя ответственность за это дело.

Как король, я считаю, что Людовик неправ, но отнимите этот запрещенный титул, и он перестанет быть виновным в глазах республики. Его предки довели беды Франции до предела; к сожалению для него, чаша разбилась в его руках, и он остался ответственным за все осколки. Я мог бы добавить, что без порочности его двора он мог бы быть добродетельным королем. Нужно только помнить, что он ненавидел вельмож; что он был способен заставить их платить долги; что он был единственным из наших тиранов, кто не принимал куртизанок и чьи манеры были неиспорченными. Он был слаб, он был введен в заблуждение; он ввел нас в заблуждение, он ввел себя в заблуждение: вот в нескольких словах его дело. Гражданин президент, я не буду

раскрывать здесь свои причины для оправдания своей защиты. Я хочу только, чтобы конвент и Людовик XVI приняли меня в качестве помощника пожилого человека, почти восьмидесяти лет, в тяжелой работе, которая, как мне кажется, оправдывает всю силу и мужество молодых лет. Без сомнения, я бы не вступил в драку вместе с таким адвокатом, если бы холодный и столь же эгоистичный эгоизм мистера Таргета не воспламенил мой героизм и не возбудил мою чувствительность. Я могу умереть прямо сейчас: одна из моих республиканских пьес вот-вот будет сыграна. Если мой свет погаснет в этот момент, момент, который может прославить меня, и если после моей смерти принципы все еще будут править, моя память будет благословенна, и мои разуверившиеся убийцы прольют несколько слезинок на моей могиле. Мое рвение может показаться подозрительным Людовику XVI. Его позорные придворные, несомненно, не упускали возможности создать в его сознании образ меня как каннибала, отчаянно жаждущего крови, но как же замечательно таким образом разубедить несчастного человека, лишенного поддержки.

Могу ли я позволить себе представить национальному конвенту мнение, которое я счел достойным его внимания.

Угрожает ли Людовик Последний республике больше, чем его братья или его сын? Его братья по-прежнему объединены с иностранными державами и действуют только в своих собственных интересах. Сын Людовика XVI невиновен и переживет своего отца. Эти самозванцы, не породят ли они многие столетия расколов? Англичане занимают в истории место, совершенно отличное от римлян: англичане обесчестили себя в глазах потомков, казнив Карла I; римляне обесчестили себя, изгнав Тарквиния. Но истинные республиканцы всегда имели гораздо более высокие принципы, чем у рабов. Чтобы убить короля, недостаточно отрубить ему голову; он продолжает жить еще долго после своей смерти; он действительно мертв только тогда, когда переживет свое падение. Я остановлюсь здесь, чтобы позволить конвенту поразмыслить над всеми идеями, которые я довел до его сведения.

И я также представлю некоторые замечания вам, мои сограждане. Давайте откажемся от разумного негодования, чтобы помнить, что милосердие всегда приносит честь победителям. Следует предположить, что, если национальный конвент сведется к тому, чтобы вы-

ступить против Луи Капета, он, по своей мудрости, вынесет смертный приговор только после того, как сначала получит его санкцию восьмидесяти трех департаментов и наших армий, как это было установлено в новой конституции. Учитывая, что Париж является лишь крошечным фрагментом Французской республики, конвент сочтет эту санкцию тем более необходимой. Говорят, что членов конвента следует заставить голосовать поименно за смертный приговор виновному, но, если говорить от сердца, я считаю, что ни один истинный республиканец не проголосует за его смерть, и что большинство выступит за изгнание.

Величайшим преступлением Людовика XVI, следует признать, было то, что он родился королем в то время, когда философия молчаливо закладывала основы республики. Мы отменили королевскую власть. Народ, трон: он потерял все. Давайте будем достаточно великодушны, чтобы оставить ему жизнь. Если бы он был победителем, мы все могли бы быть роялистами; люди так поработаны обстоятельствами! Свергнув его, мы разбили все скипетры мира: суверенитет народа вернул себе свои права; мы не должны наказывать его за невежество наших предков или за его преступления. Если, будучи королем, он пытался через вероломство своих пэров защитить свои prerogatives, которые последовательно были источником гражданской войны и капризов людей, он выполнял свою роль. Давайте будем республиканцами, изгнав Людовика Капета, и пусть все властители трепещут! После такого героизма какая нация осмелится вооружиться, защищая тиранов, против великодушного народа, который умеет побеждать и прощать?

N.B. [Avis Pressant] Какие только преступления не выдумывает клевета, чтобы опорочить безупречные и незапятнанные души! Гражданин Фейдель сообщил мне, что человек, отказавшийся назвать себя, сказал ему, что видел меня с человеком, замешанным в изготовлении фальшивых ассигнаций. Я призываю этого гражданина назвать мне имя этого человека, поскольку я слишком большой враг преступлений и недостаточно осведомлен, чтобы рискнуть предположить. Но в обстоятельствах, в которых мы находимся, я не могу преувеличивать попытки, которые были предприняты, чтобы очернить мою репутацию: меня уже называли дочерью Людовика XV. Нет таких басен или

нелепостей, которые не были бы выдуманы на мой счет; даже о моей личной жизни!

Харам, то есть сплетницам с любым количеством увлечений, давали мне любовников в Учредительном собрании, Законодательном собрании и даже вплоть до Конвента. По правде говоря, я, возможно, и одержал несколько побед, но я заявляю, что ни один законодатель не покорил меня. Без ложной скромности я полагаю, что могу открыто признать, что не вижу ни одного мужчины, достойного меня: это признание, столь же гордое, сколь и простое, является глубокой правдой. Я не жалею о своем предполагаемом рождении или о любовников, которые мне были назначены, но я прошу гражданина Фейделя, как истинного республиканца, указать мне человека, который утверждает, что видел меня с изготовителем фальшивых ассигнаций. Я настаиваю, чтобы он объяснился как вопрос чести не ради меня, а исключительно ради интересов общества и Республики.

Вопросы для обсуждения:

1. В чем пытается Олимпия де Гуж убедить депутатов Конвента?
2. Выскажите предположение, какие чувства испытывали французские граждане (на примере Олимпии де Гуж) из-за военных и политических неудач Франции того времени?
3. Дайте характеристику отношению Олимпии де Гуж к войне и насилию.
4. Что автор называет «величайшим преступлением Людовика XVI»?

Темы для проектных работ:

• Великая французская революция в воспоминаниях Марии-Терезии Шарлотты: женский взгляд на Великую французскую революцию.

Список рекомендованных источников и литературы:

1. Воспоминания, написанные Марией-Терезией-Шарлоттой Французской о пребывании её родных, принцев и принцесс в тюрьме Тампль с 10 августа 1792 года до смерти её брата, последовавшей 9 июня 1795 года [Электронный ресурс] URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/France/XVIII/1780-1800/Maria_Therese_Charlotte/pred.htm (дата обращения: 11.03.2025)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Политическая сфера французского общества накануне Великой французской революции представляла собой крайне нестабильный и шаткий механизм. Слабая личность короля Людовика XVI провоцировала разногласия внутри правящей элиты. По поводу сохранения или отмены тех или иных сословных привилегий то и дело вспыхивали конфликты. Особое место занимала борьба между правительством и парламентами (судебными органами). Все это происходило при падении международного престижа Франции из-за неудачной внешней политики (провалившиеся военные кампании и потеря колониального могущества).

Множество противоречивых явлений накопились к концу XVIII века и во французской экономике. К 1789 году Франция оставалась преимущественно аграрной страной, но при этом зарождается и развивается промышленность, по большей части легкая и мануфактурного типа: производство полотна, шерсти, шелка. Что касается сельского хозяйства, то тут преобладают выращивание зерновых культур и скотоводство. По данным современников-экономистов, цифры сельскохозяйственного производства намного превышают цифры промышленного.

К моменту начала революции в обществе накопилась масса социальных противоречий между высшими сословиями и низшими. Привилегии дворянства на фоне налогового гнета беднейшей части французского общества создавали мрачную картину структуры французского общества. При этом дворяне, имевшие доступ к государственной власти, стремились удержать свое влияние. Бунты же беднейшей части страны в 60 – 80-е годы XVIII века являлись повсеместным явлением.

В 70 – 80-е годы XVIII века шел процесс приобщения женщины к социально-политической жизни, а к 1789 году женщины по правовому сознанию ничуть не уступали мужчинам. Зарождались различные женские общества. Можно предположить, что образованная, грамотная женщина из высшего света могла влиять на политику, но лишь косвенно – через мужчину. К 1789 году женщины начали активно требовать предоставления им гражданских прав. Все чаще женщины становятся участницами мужских собраний и клубов. Все это позже приведет к созданию в 1791 году французской писательницей Олимпией де Гуж «Декларации прав женщины и гражданки».

Личность Олимпии де Гуж весьма интересна для изучения. Судьба этой женщины, её биография зачастую остаются без внимания исследователей незаслуженно, поскольку она оказала определенное влияние на идеологию раннего феминизма и суфражизма наряду с Мэри Уолстонкрафт и Эбигейл Смит Адамс. Идеи де Гуж формировались не без влияния философии Просвещения. Для её времени мысли о введении в государстве прогрессивного налога, проведении свободного голосования всех граждан, а главное о женском равноправии (как политическом, так и гражданском) являются прогрессивными и беспрецедентными. Не меньшего внимания заслуживают её аболиционистские идеи и литературное творчество. Последнее стало её способом выразить свои мысли относительно социальных проблем французского общества.

В учебном пособии отражены ключевые вопросы, которые изучаются в рамках дисциплины «Новая история стран Европы и Америки (1640 – 1870 гг.)». Изучение данной проблематики необходимо для формирования профессиональных компетенций будущих учителей истории и обществознания, а также истории и иностранного языка. Пособие содержит материал для успешного проведения практических занятий по дисциплине, способствует развитию научной критики, прививает навыки самостоятельной исследовательской работы, учит приемам работы с отдельными источниками для отбора и успешного написания исследовательских работ по истории Франции накануне и в первые годы Великой французской революции. Студентам предложены варианты практико-ориентированных заданий с целью формирования у них компетенций, позволяющих осуществлять успешную педагогическую деятельность в дальнейшем.

Учебное пособие будет полезно не только студентам-историкам для подготовки к практическим занятиям и различным видам контроля по дисциплинам «Новая история стран Европы и Америки» и «История политической мысли Нового и Новейшего времени», но и преподавателям и студентам разных уровней подготовки и специальностей для формирования и совершенствования фундаментальных знаний, касающихся истории зарубежных стран.

Изложенный материал не исчерпывает всей полноты дисциплины «Новая история стран Европы и Америки (1640 – 1870 гг.)» и может быть дополнен последующими изданиями.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

1. Déclaration des Droits de la Femme et de la Citoyenne 1791 [Электронный ресурс] URL: <https://siefar.org/wp-content/uploads/2015/09/Gouges-D%C3%A9claration.pdf> (дата обращения: 11.03.2025)
2. Dedicatory Epistle to His Majesty Louis XVI. 1789 г. [Электронный ресурс] URL: <https://olympedegouges.eu/docs/epitre-dedicatoire.pdf> (дата обращения: 11.03.2025)
3. Design for the Creation of a Supreme Criminal Tribunal for the People. Май 1790 г. [Электронный ресурс] URL: <https://olympedegouges.eu/docs/k.project-tribunal.pdf> (дата обращения: 11.03.2025)
4. Heroic action by a French woman or France saved by women. Май 1789 г. [Электронный ресурс] URL: <https://olympedegouges.eu/docs/ia-action-heroique.pdf> (дата обращения: 11.03.2025)
5. Letter to his Lordship the duc d'Orléans, First Prince of the Blood. Июль 1789 г. [Электронный ресурс] URL: <https://olympedegouges.eu/docs/lettre-a-monseigneur-le-duc-d'orleans.pdf> (дата обращения: 11.03.2025)
6. Letter to the People, or Patriotic Purse Project.1 By a citizeness of Vienne, and can be found in Paris, at the sellers of novelties. Ноябрь 1788. [Электронный ресурс] URL: <https://olympedegouges.eu/docs/a.Lettre-au-peuple.pdf> (дата обращения: 11.03.2025)
7. Madame de Gouges's Repentance 1791 г. [Электронный ресурс] URL: <https://olympedegouges.eu/docs/repentir-de-mme-de-gouges.pdf> (дата обращения: 11.03.2025)
8. My Wishes Are Fulfilled, or The Patriotic Gift. Dedicated to the Estates-General 1789 г. [Электронный ресурс] URL: <https://olympedegouges.eu/docs/g.mes-voeux-sont-remplis.pdf> (дата обращения: 11.03.2025)
9. Observations concerning foreigners Июль 1791 г. [Электронный ресурс] URL: <https://olympedegouges.eu/docs/observations-sur-les-etrangers.pdf> (дата обращения: 11.03.2025)

10. Olympe de Gouges to the Revolutionary Tribunal. 1793 г. [Электронный ресурс] URL: <https://olympedegouges.eu/docs/Olympe-de-Gouges-au-tribunal.pdf> (дата обращения: 11.03.2025)
11. Olympe de Gouges, Louis Capet's Unofficial Advocate. Декабрь 1792 г. [Электронный ресурс] URL: <https://olympedegouges.eu/docs/olympede-gouges-defenseur-officieux-de-louis-capet.pdf> (дата обращения: 11.03.2025)
12. Olympe de Gouges's Political Testament. Июнь 1793 г. [Электронный ресурс] URL: <https://olympedegouges.eu/docs/testament-politique.pdf> (дата обращения: 11.03.2025)
13. Patriotic Observations, by the Citizeness, Author of the Letter to the People. Декабрь 1788 г. [Электронный ресурс] URL: <https://olympedegouges.eu/docs/b.remarques-patriotiques.pdf> (дата обращения: 11.03.2025)
14. Persecuted Patriotic Woman Addresses the National Convention. Осень 1793 г. [Электронный ресурс] URL: <https://olympedegouges.eu/docs/une-patriote-persecutee.pdf> (дата обращения: 11.03.2025)
15. Preface for the Ladies, or the Portrait of Women. 1788 г. [Электронный ресурс] URL: <https://olympedegouges.eu/docs/ba.Preface-pour-les-dames.pdf> (дата обращения: 11.03.2025)
16. Reflections concerning black men. 1788 г. [Электронный ресурс] URL: <https://olympedegouges.eu/docs/1Reflexions.pdf> (дата обращения: 11.03.2025)
17. Reply to the American Patron, or Colonist Very Easy to Recognise. Февраль 1789 г. [Электронный ресурс] URL: <https://olympedegouges.eu/docs/reponse-au-champion.pdf> (дата обращения: 11.03.2025)
18. Response to Maximilien Robespierre's Justification, Addressed to Jérôme Pétion, by Olympe de Gouges. 1792 г. [Электронный ресурс] URL: <https://olympedegouges.eu/docs/reponse-a-la-justification-de-maximilien-robespierre.pdf> (дата обращения: 11.03.2025)
19. The Blind Man's Speech to the French. By Madame de Gouges 1789 г. [Электронный ресурс] URL: <https://olympedegouges.eu/docs/discours-de-laveugle.pdf> (дата обращения: 11.03.2025)

20. The Call of the Wise One, by a Woman. [Электронный ресурс] URL: <https://olympedegouges.eu/docs/d.cri-du-sage.pdf> (дата обращения: 11.03.2025)

21. The Three Urns, or the Welfare of the Motherland. By an Aerial Voyager. Июль 1793 г. [Электронный ресурс] URL: <https://olympedegouges.eu/docs/les-trois-urnes.pdf> (дата обращения: 11.03.2025)

22. Union, Courage, Surveillance, and the Republic is Saved 1793 г. [Электронный ресурс] URL: <https://olympedegouges.eu/docs/union-courage-surveillance.pdf> (дата обращения: 11.03.2025)

23. Urgent Notice to the Convention, from a True Republican Woman Март 1793 г. [Электронный ресурс] URL: <https://olympedegouges.eu/docs/avis-pessant-a-la-convention.pdf> (дата обращения: 11.03.2025)

24. Will He, or Will He Not, Be King? Июнь 1791 г. [Электронный ресурс] URL: <https://olympedegouges.eu/docs/sera-t-il-roi.pdf> (дата обращения: 11.03.2025)

25. Административное распоряжение касательно орлеанских подмастерьев. Орлеан, 18 июля 1767 года [Электронный ресурс] URL: https://vostlit.info/Texts/Dokumenty/France/XVIII/1760-1780/Orlean/rasp_podmasterja_18_07_1767.htm (дата обращения: 11.03.2025)

26. Выдержки из дневника Рене Луи д'Аржансона. 1748 г. [Электронный ресурс] URL: https://vostlit.info/Texts/Dokumenty/France/XVIII/1740-1760/D_Argenson/text1.htm (дата обращения: 11.03.2025)

27. Доля сельского хозяйства в общем национальном доходе Франции по мемуару Толозана // Хрестоматия по новой истории в 3 т. 1640 – 1870./ А. А. Губер, А. В. Ефимов; - М.: Соцэкгиз, 1963. – Т.1, - 768 с. – С. 110 -111.

28. Из представлений Парижского парламента против эдикта о дорожной повинности. 2–4 марта 1776 год. [Электронный ресурс] URL: https://vostlit.info/Texts/Dokumenty/France/XVIII/1760-1780/Parlament/predst_protiv_edikt_dor_pov_02_04_03_1776.htm (дата обращения: 11.03.2025)

29. Из февральского эдикта 1771 года. [Электронный ресурс] URL: <https://vostlit.info/Texts/Dokumenty/France/XVIII/1760->

[1780/Ludwig_XV/parlament_edikt_02_1771.htm](https://vostlit.info/Texts/Dokumenty/France/XVIII/1760-1780/Ludwig_XV/parlament_edikt_02_1771.htm) (дата обращения: 11.03.2025)

30. Из эдикта об упразднении цехов Февраль 1776. [Электронный ресурс] URL: https://vostlit.info/Texts/Dokumenty/France/XVIII/1760-1780/Ludwig_XVI/edikt_uprazd_cehov_02_1776.htm (дата обращения: 11.03.2025)

31. Парижский мир. 10 февраля 1763 года. [Электронный ресурс] URL: https://vostlit.info/Texts/Dokumenty/France/XVIII/1760-1780/Paris_friede_1763/text1.ht (дата обращения: 11.03.2025)

32. Постановление Тулузского суда 3 ноября 1779 г. по делу Мишеля Деспара, именующегося Парижанином (прозвище, данное ему компаньоном), столярного подмастерья, обвиняемого в участии в незаконном сборище. [Электронный ресурс] URL: https://vostlit.info/Texts/Dokumenty/France/XVIII/1760-1780/Toulouse/geichtsbeschluss_despar_03_11_1779.htm (дата обращения: 11.03.2025)

33. Устав подмастерьев-корзинщиков 16 января 1765 года в Орлеане [Электронный ресурс] URL: https://vostlit.info/Texts/Dokumenty/France/XVIII/1760-1780/Orlean/ustav_korz_podmast_16_01_1765.htm дата обращения: 11.03.2025)

Нормативные документы

34. Примерная основная образовательная программа (ПООП) основного общего образования [Электронный ресурс] URL: <https://fgosreestr.ru/uploads/files/48f0c657a155e6e9b9ce99ac9d5b2604.pdf> (дата обращения: 11.03.2025)

35. Проект Концепции нового учебно-методического комплекса по Всеобщей истории [Электронный ресурс] URL: <http://www.turobr.ru/filestore/%D0%9D%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%82%D0%B8%D0%A1%D1%83%D1%82%D1%8F%D0%B3%D0%B8%D0%BD%D0%B0%20%D0%90%D0%9D/%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%86%D0%B5%D0%BF%D1%86%D0%B8%D0%B8/%D0%92%D1%81%D0%B5%D0%BE%D0%B1%D1%89%D0%B0%D1%8F%20%20%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F..pdf> (дата обращения: 11.03.2025)

36. Федеральный государственный стандарт основного общего образования [Электронный ресурс] URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107050027?index=0&rangeSize=1> (дата обращения: 11.03.2025)

37. Федеральный государственный стандарт среднего (полного) общего образования [Электронный ресурс] URL: https://base.garant.ru/57501923/8ef641d3b80ff01d34be16ce9bafc6e0/#block_108 (дата обращения: 11.03.2025)

38. Федеральный закон РФ «Об образовании в Российской Федерации», № 273 – ФЗ от 29.12.2012 [Электронный ресурс] URL: https://help.dnevnik.ru/hc/ru/article_attachments/7623874101009/29.12.2012_N_273-11.06.2022.pdf (дата обращения: 11.03.2025)

39. Федеральный перечень учебников, рекомендованных Министерством просвещения от 17.02.2023 [Электронный ресурс] URL: <https://fpu.edu.ru/> (дата обращения: 11.03.2025)

Научная литература

40. Lacour Léopold. Trois femmes de la Révolution : Olympe de Gouges, Théroigne de Méricourt, Rose Lacombe. Paris, 1900 г. [Электронный ресурс] URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k8630585q.r=Gouges%2C%20Olympe%20de?rk=107296;4> (дата обращения: 11.03.2025)

41. Адлер, Э. Знаменитые женщины французской революции 1789-1795 гг. [Электронный ресурс] URL: http://istmat.info/files/uploads/37743/e-adler_o-gouzhe.pdf (дата обращения: 11.03.2025)

42. В.А. Антонцева «Работа с историческими источниками в школе и вузе» // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. № 7. С. 36 – 40.

43. Берго, И. Б. Парламентская оппозиция абсолютизму и попытки реформ в 1749-1776 годах / Г. С. Кучеренко // Французская революция XVII в.: экономика, политика, идеология сборник научных статей; Наука. - М., 1988-230 с.

44. Берго, И. Б. Парламенты и политическая борьба во Франции накануне Великой французской революции // Новая и новейшая история. 1988, № 6. - С. 39-55. [Электронный ресурс] URL: <http://istmat.info/node/39390>. (дата обращения: 11.03.2025)

45. Вилье, М. де. Женские клубы и легионы амазонок: из истории феминизма во Франции/ Перевод на русский язык предисл. Ю. М, Стеклова. – М. , 2011. – 448 с.

46. Головешкина, Е. В., Захарова О. В. Положение женщин во Франции накануне Великой французской революции [Электронный ресурс] URL: https://op.vlsu.ru/fileadmin/Programmy/Bacalavr_academ/44.03.05/Istoriy_In_lang-Angl/Metod_doc/Vestnik_VIGU_2015_4.pdf (дата обращения: 11.03.2025)

47. Егоров, А. А. Женский взгляд на Великую Французскую революцию конца XVIII века / П. А. Кротов, С. А. Козлов // Великая французская революция, империя Наполеона и Европа. Издательство Санкт-Петербургского ун-та. – СПб., 2006. – 321 с. – С. 67-72.

48. Захарова О.В., Головешкина Е.В. Политические воззрения Олимпии де Гуж и ее вклад в развитие идей раннего феминизма // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. 2018. № 2(59). С. 57-63. (дата обращения: 11.03.2025)

49. Захарова, О. В., Головешкина, Е.В. Развитие идеи женского равноправия в период Великой французской революции // Европа, Россия, Азия: сотрудничество, противоречия, конфликты: материалы II Международной научно-практической конференции, 20-21 апреля 2017 / под ред. И. М. Эрлихсон, Ю. В. Савосиной, Ю. И. Лосева; Ряз. гос. ун-т имени С. А. Есенина. – Рязань.- 2017.- 340 с. – С. 189-192.

50. Искюль, С. Н. Дворянские привилегии и дворянство в эпоху революции/ В. Г. Ревуненков // От Старого порядка к Революции: межвуз. Сборник; издательство Ленинградского государственного университета. - Л., 1988. [Электронный ресурс] URL: http://istmat.info/files/uploads/29289/1988_ancien-regime_revolution_iskyul.pdf. (дата обращения: 11.03.2025)

51. Кареев, Н. И. История Западной Европы в Новое время. Развитие культурных и социальных отношений. Восемнадцатый век и Французская революция.- М.- Академический проект; Гаудеамус.- 2015.- 603 с.

52. Кожокин, Е. М. Французская буржуазия на исходе Старого порядка. / Сб. Буржуазия и Великая Французская революция / Гусейнов Э. Е. , Кожокин Е. М., Ревякин А. В., Туган-Барановский Д. М. М.: изд-во Моск. ун-та. 1989. 216 с. – С. 15-50. [Электронный ресурс]

URL: http://istmat.info/files/uploads/28157/1989_bourgeoisie_revolution-francaise_e-m-kozhokin.pdf. (дата обращения: 11.03.2025)

53. Лассер, А. Коллективное участие женщин в Великой Французской революции С.-Петербург: типография И. Г. Брауде и Ко, Морская, 19. 1907. 280 с. [Электронный ресурс] URL: <http://istmat.info/node/37749>. (дата обращения: 11.03.2025)

54. Лебедева, Е. И. Дворянство и налоговые привилегии накануне революции / Г. С. Кучеренко // Французская революция XVII в.: экономика, политика, идеология сборник научных статей; Наука. - М., 1988 г. -230 с.

55. Манфред, А.З. Великая французская революция. - М., 1983.- 431 с.

56. Пименова, Л. А. Людовик XVI – французский король века Просвещения / Человек эпохи Просвещения. М.: Наука. 1999. С. 3-14. [Электронный ресурс] URL: <http://istmat.info/node/31225>. (дата обращения: 11.03.2025)

57. Пименова, Л. А. Просвещение и «дворянский расизм» (особенности идеологии и культуры французского дворянства XVIII века) / Г. С. Кучеренко // Французская революция XVII в.: экономика, политика, идеология сборник научных статей; Наука. - М., 1988 г. - 230 с.

58. Ревуенков, В. Г. Очерки по истории Великой французской революции. 1789-1799. – Л., 1989, - 536 с.

59. Серебрякова, Г.И. Женщины эпохи Французской революции. – М. – 1958. – 160 с.

60. Чеканцева, З. А. Из истории народных движений во Франции в 1715-1786 годах / Г. С. Кучеренко // Французская революция XVII в.: экономика, политика, идеология сборник научных статей; Наука. - М., 1988 г. -230 с.

61. Чеканцева, З. А. Политические представления французских простолудинов на исходе Старого порядка. / Человек в истории: homo politicus. Тамбов: изд-во ТГУ. 2000. С. 89-103. [Электронный ресурс] URL: http://istmat.info/files/uploads/30217/2000_z-a-chekantseva.pdf. (дата обращения: 11.03.2025)

62. Чудинов А. В. Смена вех: 200-летие Революции и российская историография // Французский ежегодник 2000: 200 лет Французской революции 1789-1799 гг.: Итоги юбилея. М. С. 5-23. [Элек-

тронный ресурс] URL: <http://annuaire-fr.igh.ru/issues/2000/articles/1?locale=ru>. (дата обращения: 11.03.2025)

Справочная литература и интернет-ресурсы

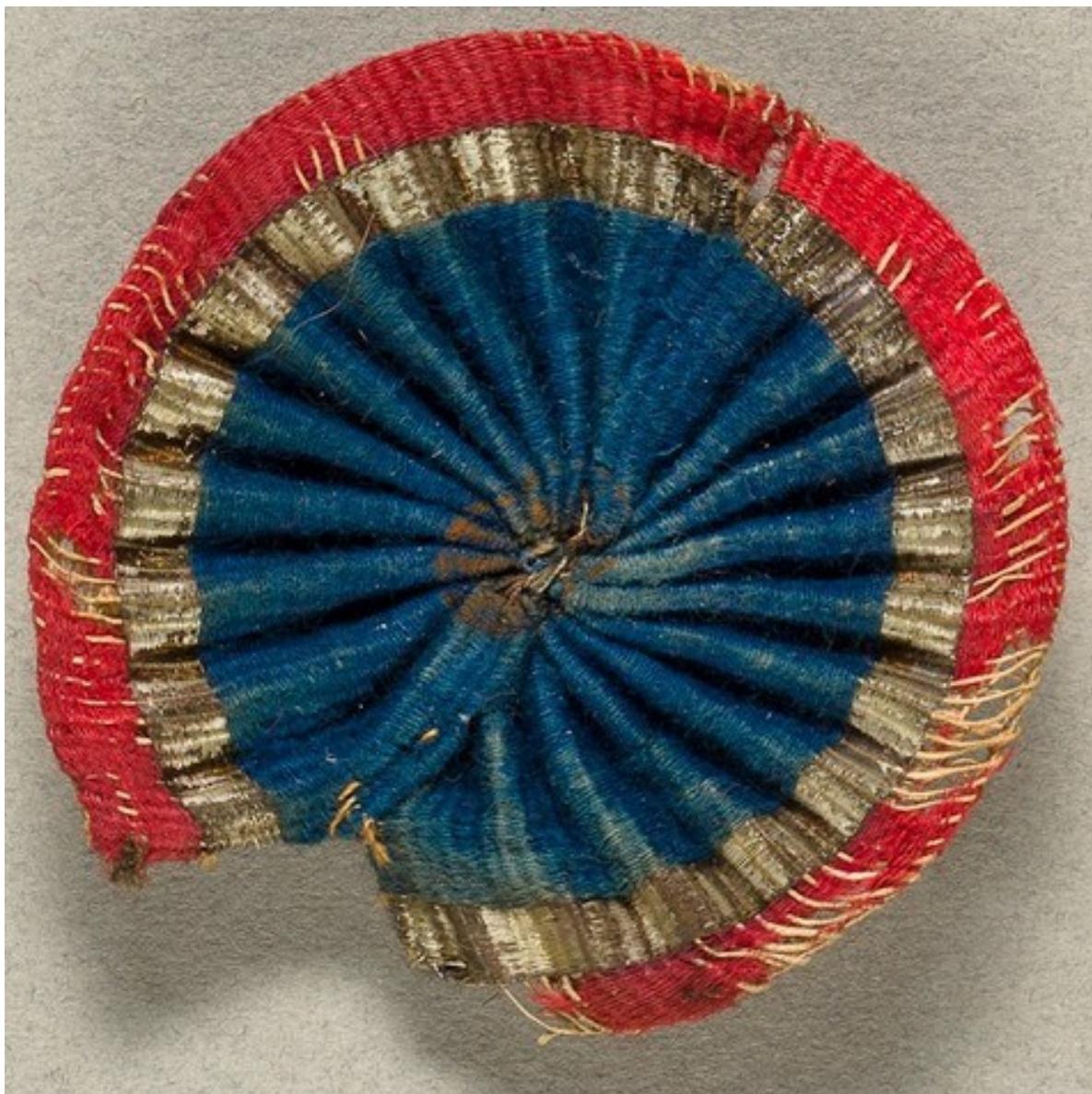
63. Olympe de Gouges (1748-1793) [Электронный ресурс] URL: <https://olympede-gouges.info/> (дата обращения: 11.03.2025)

64. Olympe de Gouges: English translations of the original French texts [Электронный ресурс] URL: <https://olympedegouges.eu/chronological-works/> (дата обращения: 11.03.2025)

65. Сказкин. С. Д. Старый порядок во Франции (история в источниках, пособие для практических занятий) // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://yadi.sk/d/Z0bozEf42j0Ko>.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Революционная кокарда диаметром семь сантиметров

Луи-Леопольд Буальи. Санкюлот

Редингот

Инкруаябль. Карикатура Антуана Шарля Ораса Верне. Около 1790 г.

Прическа «а-ля Титус»

Жан Батист Дезориа. Портрет Элизабет Дюпойе. 1797 г.

Учебное электронное издание

ЗАХАРОВА Ольга Владимировна
ГОЛОВЕШКИНА Елизавета Вячеславовна

НОВАЯ ИСТОРИЯ СТРАН ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ:
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ
ФРАНЦУЗСКОГО ОБЩЕСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

Учебное пособие

Издается в авторской редакции

Системные требования: Intel от 1,3 ГГц; Windows XP/7/8/10; Adobe Reader;
дисковод DVD-ROM.

Тираж 10 экз.

Издательство Владимирского государственного университета
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
600000, Владимир, ул. Горького, 87.